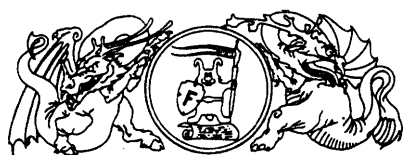

19

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

ГОРДОН ДИКСОН

ФИЛИП ДИК

РОДЖЕР ЖЕЛАЗНЫ

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ВОЛК

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Издательство "Оверлайд"
Санкт-Петербург
1992

ББК 84.7 США

В 64

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андрей Сегрин
главный редактор
Игорь Петрушкин
заместитель главного редактора

Сергей Вишня
отв. секретарь

Сергей Шикин
художественный редактор

Андрей Столяров
Вячеслав Рыбаков
Венямин Кап
Борис Миловилов

Игорь Кремнев
редактор

Любовь Магазишник
художник

Владимир Финогенов
зав. иллюстративным отделом

Владимир Ларионов
зав. отделом НТР

Екатерина Серебренникова
зав. отделом писем

Олег Кузнецов
отдел внешних сношений

Борис Александров
зав. отделом утилизации

ISBN 5-88308-004-9

В 4005000000-006 Без объявл.
060340-92

© Журнал фантастики "Измерения", 1992.

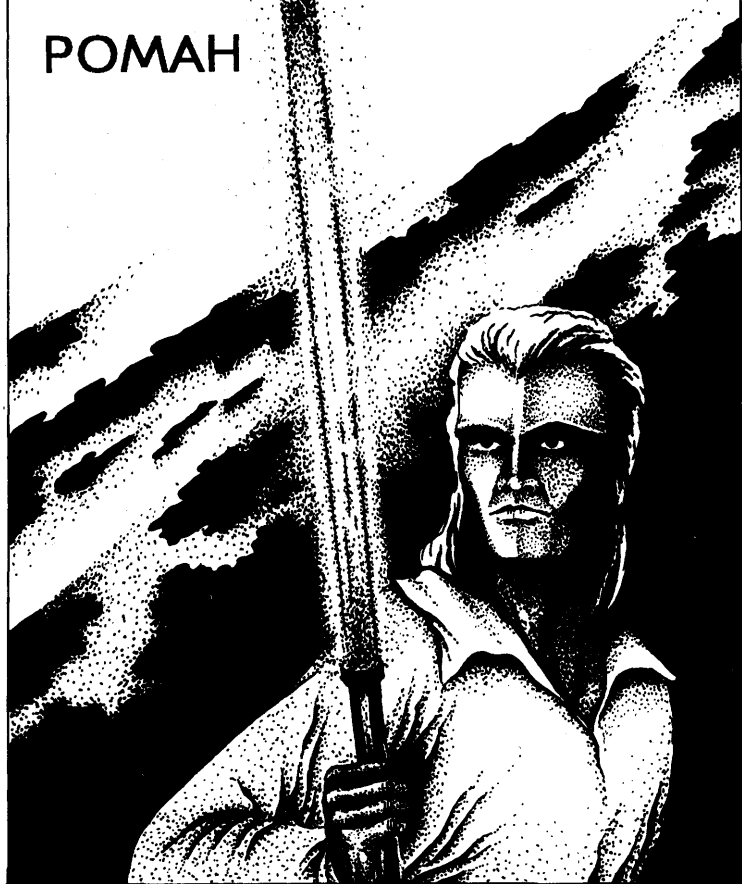
© Оформление, послесловие С. Шикин, 1992.

© Название серии А. Сазонов

ГОРДОН ДИКСОН

ВОЛК

РОМАН

Бык не спешил нападать.

Джеймс Кейл шагнул вперед и крикнул, но зверь оставался неподвижен. Странно. По всем расчетам он не должен был так скоро обессилеть. Хотя не исключено, что в расчеты вкралась ошибка. Бык явно устал. Стало быть, придется его заколоть.

Джим вновь шагнул к быку и заорал во всю глотку, надеясь раздражить зверя. Молниеносно отпрыгнул в сторону, когда огромная туша с ревом пронеслась мимо, задев бедро острием рога. Спину Джима обдало холодом. Как и бык, он действовал по вызубренным за шесть месяцев упорных тренировок программам. Следуя им, Джим мог рассчитывать на безопасность. Но, в отличие от быка, он обладал свободой воли - правом преступать границы норм и совершать ошибки.

Если он просчитается, бык убьет его. Поэтому он осторожничал даже тогда, когда, казалось, силы быка были на исходе. Джим сделал еще несколько осторожных движений и, выхватив шпагу, воткнул быку в загривок.

Бык остушился, рухнул на колени и медленно завалился набок. Торедор вытащил клинок, спокойно глядя на издыхавшего зверя. В этот момент на песке арены возникла женщина. Джим узнал Афуан, тетюшку Императора. Похоже, она спустилась сюда напрямик из правительственной ложи, где сидела возглавляемая ею делегация Высокородных и где уже толпились многочисленные приспешники из числа обитателей Альфы Центавра 3. Афуан, высокая, статная, от подмышек до пят закутанная в подобие белоснежного облака, приближалась легкой изящной походкой. Кожа ее смахивала цветом на белый оникс. На шее, словно изваянной из мрамора, Джим различал синеватые, чуть пульсирующие нити вен. У принцессы было узкое, вытянутое лицо и огромные глаза необычного лимонно-желтого цвета, обрамленные пушистыми ресницами. Афуан была обворожительна, как античная статуя. "Шесть футов, шесть дюймов", - мысленно прикинул Джим. В росте она не уступала ему ни дюйма.

- Очень забавно, - скороговоркой произнесла она на имперском наречии с едва заметным шипящим акцентом. - Мы возьмем тебя с собой, Волк, э ... откуда ты?

- Я землянин, Высокородная, - почтительно ответил Джим.

- Да-да... Приглашаю тебя на корабль, землянин. Мир Владык будет рад видеть тебя.

Она покосилась на остальных участников куадрильи.

- Но не твоих помощников. Незачем набивать корабль ненужными людьми. Как только ты прибудешь в Мир Владык, мы дадим тебе все необходимое.

Она повернулась, чтобы уйти, но тут Джим заговорил:

- Прошу извинить меня, Высокородная. Обеспечить помощниками ты, по всей вероятности, сможешь. Но не в твоих силах, Высокородная, дать мне новых боевых быков. Это порода, специально выведенная за многие поколения. В здешних стойлах есть полдюжины таких быков. Я хотел бы забрать их с собой.

Она обернулась и пристально посмотрела на Джима. Секунду он не был уверен, что своею речью не уничтожил результатов пяти лет кропотливых трудов. Афуан открыла рот - Джим уже готов был услышать отказ - и неожиданно произнесла:

- Хорошо. Кто бы ни принял тебя на борт, передай, что я разрешаю погрузить и твоих животных.

Она повернулась к поверженному зверю. Ее движение словно послужило сигналом: рядом появились члены ее свиты и все как один принялись разглядывать быка. Женщины были почти одного с Афуан роста, а мужчины еще выше - на фут-полтора. Они с любопытством смотрели на костюмы и экипировку куадрильи. В отличие от женщин мужчины носили короткие юбки и что-то вроде туник, искусно собранных в складки наподобие земных рубашек. И мужчины, и женщины в равной степени предпочитали белый цвет, лишь на груди и спине Высокородных выделялись вышитые разноцветные полосы.

Джимом больше никто не интересовался, поэтому он молча спрятал шпагу в ножны и двинулся прочь. Он прошел по песку арены мимо амфитеатров и вступил в широкий коридор с самосветящимися стенами - один из даров Империи жителям Альфы Центавра, которые, однако, сами ничего не смыслили в принципе его действия.

Джим отпер дверь своей комнаты, вошел внутрь. В просторном помещении без окон он единым взглядом охватил сразу два необычных явления.

Первым явлением оказался Макс Холланд, представитель Специального Комитета при ООН. Вторым - его, Джима, личные чемоданы, которые он успел упаковать в надежде, что мечты о путешествии в Мир Владык сделаются явью. Оба чемодана были раскрыты, а их содержимое валялось по всей комнате.

- Что это значит? - осведомился Джим, останавливаясь в дверях и глядя сверху вниз на низкорослого Холланда. Лицо Макса потемнело от злости.

- Не думайте... - начал он дрожащим голосом, но потом постарался взять себя в руки, и голос его окреп. - То, что Афуан согласилась увезти вас собой, еще не значит, что вы должны брать в путешествие не предусмотренные планом вещи.

- Стало быть, вы уже в курсе? - спросил Джим.

- Я, знаете ли, неплохо читаю по губам, - отчеканил Макс. - И у меня есть бинокль.

- Поэтому вы сочли нужным поторопиться, чтобы осмотреть мой багаж? - поинтересовался Джим.

- Вот именно!

Макс схватил лежавшие на кровати шотландскую юбку с прицепленным к поясу небольшим кинжалом и рубашку, под мышкой которой была спрятана кобура с пистолетом 45-го калибра, и потряс ими возле носа Джима.

- Вы отбываете в Мир Владык великой Империи, в мир, насчитывающий сотни тысяч лет цивилизованного бытия! В котором эти ваши побрякушки применялись так давно, что о них никто уже и не помнит.

- Именно поэтому я и беру их с собой, - отрезал Джим.

Улучив момент, он ловко выхватил из рук Макса юбку и рубашку и, как ни в чем не бывало, принялся вновь собирать чемоданы.

- Зачем?! - взревел Макс у него за спиной. - Джим, очевидно, вы мните себя единственным участником проекта. Единственным! Позвольте напомнить - понадобился труд тысяч специалистов, несколько миллиардов долларов и разрешение ста восьмидесяти двух правительств только для подготовки вас на роль тореадора.

Никак не реагируя, Джим аккуратно свернул юбку и уложил в один из чемоданов.

- Послушайте, вы! - Макс вцепился в его локоть и попытался развернуть к себе. Джим послушно повернулся. - Говорю вам - вы не возьмете эти штуки!

- Возьму, - спокойно сказал Джим.

- А я говорю - НЕТ! - заорал Макс. - Кого, черт подери, вы из себя корчите? Вы же пепка, Джим. Исполнитель, которого Земля посылает в Мир Владык наблюдать. Понимаете - н а б л ю д а т ь! Не резать людей ножами, не палить из пистолетов. И не привлекать к себе, представителю Земли, больше внимания, чем нужно. Вы - антрополог в роли тореадора, а не шпион с кинжалом за пазухой.

- Я - и то, и другое, и третье, - коротко и холодно ответил Джим.

Краска медленно сошла с лица Макса.

- Господи! - воскликнул коротышка. Рука, стиснувшая плечо Джима, разжалась. - Десять лет назад мы даже не подозревали о существовании громадной Империи с тысячами обитаемых миров - от Альфы Центавра до самого Центра Галактики. Пять лет назад вы, Джим, представляли из себя всего лишь порядковый номер в длинном-предлинном списке, из которого мне ничего не стоило ваш номер вычеркнуть. Одно движение карандаша! Еще год назад я мог это сделать. Буду откровенен, я сомневался в вас. Как назло, тогда вы показали наилучшую подготовку, и меня просто не стали бы слушать. И что же? Я оказался прав.

Империя тысяч миров и крохотная Земля, - возбужденно продолжал Макс. - Когда-то они нас забыли и могут забыть снова, если человеком, посланным в Мир Владык, будете не вы, а кто-то другой. Вы сочли нужным

поступать с Высокородными так, как вам заблагорассудится... - Макс перхнулся и часто задышал. - Ладно, оставьте. Вы никуда не едете. Я отменяю проект. Земля может сделать со мной что угодно, но лишь после того, как улетят корабли.

- Макс, - с нежностью в голосе сказал Джим. - Вы упустили из виду одну немаловажную деталь. Меня пригласила сама принцесса Афуан. Неужели вы полагаете, что вам с вашим проектом позволят высунуться? Неужели до сих пор не поняли, что не только вы, а даже вся Земля уже не в силах повлиять на ход событий?

Макс стоял напротив Джима. Его глаза налились кровью. Он молчал.

- Мне очень жаль, Макс, - произнес Джим. - Но это случилось бы рано или поздно. С некоторых пор я следую лишь собственным соображениям.

Он вернулся к чемоданам.

- Собственными соображениями?! - Голос Макса сделался подчеркнуто холоден. - Вы настолько убеждены в правильности своих соображений? Бросьте! Рядом с Афуан и ей подобными вы такой же невежественный и тупой дикарь, как любой другой землянин. Вы уверены, что Земля не является одной из их колоний, которую они случайно выпустили из поля зрения? Или сходство наших рас с расами Альфы Центавра Три не более чем совпадение? Уверены? Ни вы, ни я, никто из землян не уверен. Посему не говорите мне о собственных соображениях, Джим. Оставьте их на случай, когда от ваших действий не будут зависеть судьба и будущее нашей планеты.

Джим пожал плечами. Он продолжил было сборы, но Макс внезапно схватил его за руки, стараясь вновь повернуть Джима к себе лицом.

На этот раз Джим быстро и бесшумно высвободился и ребром ладони слегка ударил Макса по шее. Затем, взявшись за шею рукой, упер большой палец голландцу в кадык.

Лицо Макса побелело, он принялся судорожно ловить ртом воздух, попытался вырваться, но Джим без особых усилий удержал его.

- Вы... вы придурок! Вы меня задушите! - через силу прохрипел Макс.

- Если придется, - спокойно ответил Джим. - Это одна из причин, по которым лететь туда должен именно я.

Он убрал руку, застегнул чемоданы с упакованными вещами, взял их и вышел из комнаты.

Шагая по коридору, он краем уха слышал какие-то невнятные крики позади. На улице ждал автомобиль. Джим оглянулся. Макс стоял на пороге и смотрел вслед.

- Эй, наблюдатель! - завопил он изо всех сил. - Попробуй только натвори там что-нибудь! Если из-за тебя у Земли возникнут неприятности, лучше не возвращайся. Мы убьем тебя, как бешеную собаку!

Джим не ответил. Под знойными лучами Альфы Центавра он уселся в открытый, похожий на земной джип автомобиль. Шофер дал газ.

Шофер был из торговой делегации Земли. На Альфе Центавра 3 сейчас гостило, включая земную, три делегации с разных планет. Все они собрались здесь для представления августейшим очам последних достижений своих цивилизаций, причем каждая тешила себя надеждой на особое внимание Высокородных. Между тем совсем недавно открытая планета Земля, в силу новизны и экзотичности товаров, имела несравненно больше шансов на успех. Можно было надеяться, что Высокородные не откажут себе в удовольствии (а Земле - в милости) приобрести для Мира Владык такую изысканную забаву как бой с быком.

После долгой езды по городу машина наконец выскочила на космодром. Джим увидел вокруг гладкую как стол бетонную пустыню, тянущуюся до самого горизонта. Вдалеке возвышался яйцообразный предмет - корабль Высокородных.

Шофер подвез Джима к самому кораблю.

- Подождать?

Джим покачал головой, выгрузил багаж и проводил глазами машину, умчавшуюся в направлении города. Скоро она пропала из виду.

Джим поставил чемоданы на гладкий бетон и повернулся лицом к кораблю. Снаружи корабль выглядел весьма странно. Не видно было ни иллюминаторов, ни люков, ни каких-либо иных отверстий. Может статься, никто из находящихся на борту не заметил появления Джима. Либо не обратил внимания. Джим уселся на один из чемоданов и стал ждать.

Ждать пришлось около часа. По истечении его Джим совершенно внезапно очутился не на бетоне взлетного поля, а в похожем на яйцо отсеке с темно-зелеными стенами. На полу был разостлан такого же цвета ковер, а на ковре валялись в беспорядке разноцветные подушки. Рядом с собою Джим обнаружил свой второй чемодан.

- Извини, что заставила ждать, Волк, - произнес женский голос. - Я занималась другими приемами.

Джим встал, обернулся и увидел говорившую. В сравнении с остальными Высокородными рост ее был невелик - около пяти футов десяти дюймов. Кожа, хоть и напоминавшая цветом белизну оникса, как у принцессы Афуан, была чуть-чуть темнее. Приблизительно как кожа индейца против кожи бледнолицего. Глаза тоже были темнее - густо-золотые с красными искорками, в отличие от лимонно-желтых глаз Афуан. Овал лица имел более округлые очертания. Женщина улыбалась, причем улыбалась так, как никогда не позволила бы себе улыбнуться холодная принцесса голубых кровей; на лице ее, от линии носа, собирались симпатичные крохотные лучики-морщинки. Распущенные по плечам золотистые волосы вились пушистыми локонами, чем, по мнению Джима, выгодно отличались от прямых, как солома, шевелюр прочих Высокородных.

Улыбка ее внезапно исчезла, лицо потемнело от прихлынувшей крови. Она краснела! Джим изумился, наблюдая это явление у представительницы великой расы.

- Гляди сколько хочешь! - гордо и с вызовом сказала она. - Мне стыдиться нечего!

- Стыдиться? - озадачено воскликнул Джим. - Чего?

- То есть как?..

Смущенная, она умолкла. Краска отлила от щек. Внезапно во взгляде проступило раскаяние.

- Извини, - сказала она. - Ну, разумеется, для Волка разницы никакой, так?

- Очевидно, так, - произнес Джим. - Но, вероятно, только потому, что Волк не совсем понял, о чем идет речь.

Она рассмеялась, хотя в голосе слышались печальные нотки. Затем легонько потрепала его по руке.

- Скоро ты все поймешь, даже если ты и Волк. Видишь ли, я - в некотором смысле дегенератка, то есть в моем генном наборе случайно объявился какой-то давным-давно вымерший ген... О нет, родители мои принадлежат к Высокородным. И Афуан никогда не изгонит меня из своего окружения. Однако, с другой стороны, она почти не утомляет меня вниманием. Потому я и вожусь со всякими приемами вроде тебя. - Она кинула взгляд на его чемоданы. - Здесь твои одежда и снаряжение? Сейчас я их пристрою.

В ту же секунду чемоданы исчезли.

- Минуточку, - возразил Джим.

- В чем дело? - Она удивленно уставилась на него.

Столь же загадочным образом чемоданы очутились на прежнем месте.

- Да нет, ничего особенного, - успокоил ее Джим. - Просто мне понадобится еще кое-что. Я говорил с вашей Афуан - в городских стойлах осталось полдюжины боевых быков, которые будут нужны мне для представлений. Афуан велела передать, что разрешает погрузить быков на борт.

- О!.. - воскликнула девушка. - Впрочем, это не мое дело. Попробуй мысленно представить, где находятся твои быки.

Джим напряг память. В голове возникла картина: ряд приземистых строений возле представительства Земной Торговой Миссии. При этом он пережил странное ощущение: словно мозг его легонько пощекотали перышком. Внезапно он обнаружил себя находящимся неподалеку от стойл, внутри каждого из которых виднелась клетка с замороженной тушей быка. Девушка стояла рядом.

- Да-а... - протянула она, и они тотчас оказались в просторном складе с обитыми металлом стенами; здесь размещались, образуя ровные проходы, разнообразные ящики, штабеля непонятных предметов. Тут же появились и клетки с быками.

Джим нахмурился - в помещении было довольно тепло, градусов двадцать.

- Вообще-то они заморожены... - начал он, но девушка перебила:

- Об этом не беспокойся. - Она весело улыбнулась, вероятно извиняясь за то, что прервала его. - Я дала задачу механизмам корабля. - Улыбка стала еще шире. - Если хочешь убедиться, подойди и потрогай.

Джим приблизился к клеткам, вытянул руку, но существенных изменений не уловил. Потом, прикоснувшись к прутьям клетки, внезапно почувствовал страшный холод. Он обратил внимание, что мороз идет не изнутри надежно изолированной клетки, а откуда-то извне. Джим поспешно отдернул руку.

- Понятно, - сказал он. - Теперь все в порядке. С быками хлопот не будет.

- Хорошо, - ответила она.

И вновь они переместились - на этот раз в большой и светлый зал более привычной для Джима прямоугольной формы. Одна стена была прозрачной - сквозь нее просматривались пляж и океан, раскинувшийся до горизонта. В самой комнате обитали самые разнообразные и причудливые создания, каких могла породить Природа - от маленькой рыжей белочки до странного лохматого существа, являвшего нечто среднее между обезьяной и человеком.

- Это мои приемыши, - сказала за спиной Джима девушка. Он посмотрел в ее смеющиеся глаза. - То есть, конечно, они собственность Афуан. Те, которыми занимаюсь я - принадлежат лично ей. Вот... - Она остановилась приласкать белочку, которая с готовностью выгнула спину, точно довольная кошка. - Это Ифни.

Разглядывая приемышей, Джим не увидел ни привязей, ни клеток. Тем не менее животные - как показалось Джиму - держались друг от друга на приличном расстоянии.

Внезапно девушка ахнула.

- Прости меня, Волк, - спохватилась она. - Ведь у тебя тоже есть имя. Как тебя зовут?

- Джеймс Кейл, - буркнул он в ответ. - Джим.

- Джим, - повторила она, чуть склонив голову набок, стараясь как можно правильное выговорить непривычное имя. На имперском наречии звук "м" звучал довольно долго, отчего краткое "Джим" приобрело в ее устах некоторую музыкальность.

- А тебя как звать? - осведомился Джим.

Она вздрогнула и взглянула на него с огромным удивлением.

- Но ты должен называть меня Высокородная, - заметила она надменно.

Мгновение спустя все ее высокомерие улетучилось, словно в девушке взяла верх природная мягкость.

- У меня, конечно, есть имя, даже не одно, а несколько дюжин. Но в быту - ради краткости - предпочитаю обходиться одним. Я - Ро.

- Благодарю тебя, Высокородная, - почтительно произнес он.

- Нет уж, называй меня Ро!.. - Она внезапно замолкла, словно испугавшись собственных слов. - По крайней мере, когда мы вдвоем. В конце концов, ты - тоже человек, Джим, хотя и Волк.

- Насчет этого тебе придется меня просветить, Ро, - сказал Джим. - Почему вы все называете меня Волком?

Какое-то время она озадаченно смотрела на него.

- Разве ты... Ну конечно! Ты единственный из всех, кто этого не понимает!

Она снова, как в прошлый раз, покраснела. Очевидно, виною тому был темный оттенок кожи, благоприятный для обильного притока крови. Но для Джима это оказалось в новинку. Взрослая женщина, к тому же голубых кровей, а краснеет как школьница!

- Это не слишком подходящее имя... Оно значит... Словом, ты - человек, который потерялся в лесу и был воспитан дикими зверьми, а стало быть, понятия не имеет, что такое быть человеком. - Краска все гуще заливала ее лицо. - Извини... Мне не стоило тебе говорить... называть тебя Волком. Но я исправлюсь. Я тебя буду всегда называть Джимом. Отныне и всегда.

Джим улыбнулся.

- Это не имеет значения.

- Нет, имеет! - жестко сказала она, рывком подняв голову. - Я знаю, каково становится, когда кому-нибудь придумывают кличку. Я никогда не позволю издеваться над моими... то бишь принцессы Афуан... питомцами.

- Спасибо тебе, - поблагодарил Джим.

Ро ласково потрепала его по руке.

- Идем, полюбуешься на моих приемышей. - Она пошла вперед.

Джим покорно отправился следом, разглядывая все, что попадалось на пути. Сущест, находящихся в питомнике, на первый взгляд ничто не удерживало. Между тем, окруженные со всех сторон невидимым барьером, они не могли приблизиться друг к другу ближе, чем на пять-шесть футов.

Любопытным было то, что все они походили на земных животных, либо живущих поныне, либо вымерших в давние геологические эпохи. Сам по себе этот факт был замечателен: он как будто подтверждал гипотезу, что население Империи и люди Земли произросли из одних корней. Согласно гипотезе, цивилизации различных планет развивались строго параллельно. Однако разительная схожесть фаун отдаленных друг от друга миров, в конце концов, еще не доказывала полного сходства и наследственности во всем остальном.

Нечто любопытное Джим подметил и в поведении питомцев. Большинство животных, даже весьма свирепого вида, с готовностью отзывалось на ласки девушки. Но попадались и такие, которые никак не реагировали на знаки внимания. Например, большая, ростом с южноамериканского ягуара, кошка, напоминавшая окраской леопарда, а мордой - скорее лошадь, чем кошку. Спокойно позволяя себя гладить, этот зверь, однако, хранил совершенное равнодушие. Напротив, существо, похожее частью на обезьяну, частью - на недоразвитого человека, всячески льнуло к заботливым рукам, печально заглядывало в глаза Ро, когда та говорила с ним, и, словно в ответ, покачивало головой.

Оставив питомцев, Ро повернулась к Джиму.

- Теперь ты увидел их всех. Может, ты согласишься помогать мне ухаживать за ними? Дело в том, что я не в состоянии уделять зверям достаточно внимания, сколько нужно. Афуан, случается, месяцами не вспоминает о них... О нет, с тобой такого не произойдет! - Она внезапно осеклась.

- Видишь ли, с тобой особая история. Ты предназначен устраивать зрелища пред очами самого Императора. К тому же ты - не животное.

- Благодарю, - процедил сквозь зубы Джим.

Она удивленно на него посмотрела, потом рассмеялась и тронула его руку знакомым жестом.

- А сейчас можешь осмотреть свою комнату.

Тотчас возникло новое помещение. Как и в предыдущем зале, одна из стен имела иллюзию прозрачности, открывая вид на берег океана. Настоящий он был или нет? Футы в тридцати от них вздымались и пенились волны прибоя.

- Здесь ты будешь жить, - сказала Ро.

Джим огляделся. Нигде никакого намека на выход.

- Может, ты научишь бедного Волка, как ему попасть из этой комнаты в соседнюю?

- В соседнюю? - Она нахмурилась. Он сразу понял, что Ро восприняла вопрос буквально.

- Прости, - сказал он. - Наверное, ты не поняла. Я имел в виду - откуда в любую другую комнату. А если на то пошло - скажи-ка, что находится там?

Он указал на стену, расположенную против экрана.

Ро взглянула туда, куда был направлен его палец, вновь нахмурилась и покачала головой.

- Но... я не знаю... - пробормотала она. - А какая разница? Ты волен пойти куда хочешь. Расположение комнат не играет никакой роли.

Джим мысленно сделал зарубку на память.

- Но мне ведь надо знать, как перебраться из комнаты в комнату.

- О да, конечно, - догадалась она. - Конечно, ты не знаешь. Здесь все делает корабль. Достаточно наладить связь с ним; и он исполнит все, что ты пожелаешь. - От пришедшей в голову мысли Ро просияла. - Хочешь посмотреть корабль? Я тебе покажу. А пока - почему бы тебе не освоиться в собственных апартаментах? Осмотрись, приberi вещи, сделай все, что нужно, а я потом вернусь. Когда бы ты хотел меня видеть?

Джим с натугой перевел пятнадцать земных минут в единицы времени Империи.

- Отлично. Я приду. - Ро улыбнулась и исчезла.

Оставшись в одиночестве, Джим осмотрел комнату. Ковры и разноцветные подушки напомнили яйцеобразную камеру, куда с площадки космод-

рома переместила его Ро. Стоявший в углу внушительных размеров куб он поначалу принял за кровать. Затем долго отыскивал глазами ванную. Ничего похожего. Однако стоило мыслям о ванной более-менее оформиться, как взгляду его предстал небольшой закуток с теснившимися внутри унитазом, мини-бассейном и еще каким-то предметом непонятного назначения.

Он повернулся к соседней стене и взял в руки чемоданы. Краем глаза уловил, что ванная бесследно исчезла в стене. И снова: едва он взгромоздил оба чемодана на верхнюю плоскость куба, раздвинулись секции другой стены, и открылись внутренности платяного шкафа.

К этому моменту Джим уже почувствовал какой-то невидимый контакт между собой и кораблем. Точнее, к обычной гамме ощущений добавилось новое, постороннее. Не найдя иного разумного объяснения феномену, Джим решил для себя, что это и есть "связь с кораблем".

Он попытался вообразить свои вещи висящими в шкафу, и те послушно очутились на месте. Единственный странный момент - вещи хотя и висели в надлежащем порядке, но без видимых подпорок и вешалок. Прямо в воздухе.

Джим удовлетворенно кивнул. Собравшись закрыть шкаф, он вдруг что-то вспомнил и снял с прозрачной вешалки шотландский костюм с кинжалом. Одевшись, отправил в шкаф свое походное облачение.

Шкаф закрылся. В это время в комнате возник посетитель. Джим ожидал увидеть Ро, но перед Джимом стоял высокий, ростом около семи футов, мужчина с кожей цвета белого оникса.

- Вот ты где, Волк, - произнес Высокородный. - Пойдем. Мекон хочет видеть тебя.

Они переместились. Комната, где они оказались, была пуста. Лишь в дальнем углу, на возвышении из подушек, возлежал зверь - копка с лошадиной мордой, в точности такая, какую Джим видел среди питомцев Ро. Животное подняло голову и впилося в Джима пристальным взглядом.

- Обожди здесь, - сказал Высокородный. - Мекон прибудет через минуту.

Джим остался наедине с огромной, устрашающего вида кошкой. Едва спутник исчез, кошка покинула свое ложе и ленивой походкой направилась к Джиму.

Джим оставался спокоен. Зверь на удивление жалобно взвизгнул - звук был настолько тонок, что странно было слышать его от внушительного животного. Короткий и толстый хвост поднялся трубой. Массивная голова пригнулась к полу, едва не касаясь нижней челюстью ковра. Пасть раскрылась, обнажились длинные острые клыки. Продолжая тонко визжать, кошка приближалась ползком на брюхе и не умолкала ни на секунду. Визг становился все громче, постепенно превратившись в пронзительный грозный вой.

Джим ждал не двигаясь. Примерно в двенадцати ярдах от Джима зверь замер. Хвост ходил из стороны в сторону, как метроном. Утробный вой заполнил комнату.

Трудно сказать, сколько времени стояли они друг против друга. Секунды превратились в годы. Наконец вой оборвался. Зверь взвился в воздух, целясь Джиму в горло.

3

Оскаленная пасть мелькнула у самого его носа и растворилась в воздухе. Ни один мускул не дрогнул на лице Джима.

В комнате возникли трое Высокородных. По вышитому на тунике дракону Джим узнал своего недавнего спутника. Второй был почти коротышка - едва ли на три дюйма выше Джима. Третий, напротив, обладал впечатляющим даже для Высокородного ростом - сановитый, изящный. На губах играло нечто вроде высокомерной улыбки, каковой Джим доселе не замечал на снежно-белых лицах Высокородных.

- Говорил я тебе, что они храбрецы, эти Волки, - сказал третий, обращаясь к коротышке. - Твой фокус не удался, Мекон.

- Храбрецы... - проворчал Мекон. - Слишком уж гладко все получилось, Словиель, чтобы говорить о храбрости. Можно подумать, что его...

Мекон замолчал и как-то суетливо заглянул в лицо Словиелю.

- Продолжай, Мекон, продолжай, - процедил его собеседник с угрожающими нотками в голосе. - Ты собирался что-то сказать? Вероятно, что его... предупредили?

- Нет, разумеется, Мекон не собирался ничего такого говорить, - вмешался третий, протискиваясь меж двумя собеседниками, готовыми, казалось, испепелить друг друга взглядами.

- Хотелось бы услышать это от Мекона, Трахи, - тихо, но внятно сказал Словиель.

- Я?... Конечно, я совсем не это хотел сказать. Собственно, я даже не помню, что имел в виду, - промямлил помрачневший Мекон.

- Стало быть, я выиграл? - сказал Словиель. - Один Пункт Жизни в мою пользу?

- Один... - Слова застряли у Мекона в глотке. Лицо побагровело, совсем как у Ро. - Один Пункт в твою пользу.

Словиель рассмеялся.

- Не стоит так переживать, старина, - сказал он. - У тебя есть шансы отыграться. Я готов биться об заклад дальше, на какую угодно тему, лишь бы она показалась мне интересной. И благородной.

Было видно, что Мекон вновь охватывает ярость.

- Ладно, - отрезал он. - Пункт я проиграл. Но мне хотелось бы знать, какого черта Волк не испугался зверя? Ведь это же неестественно!

- Почему бы тебе не спросить его самого? - поинтересовался Словиель.

- Я е г о и спрашиваю! - рявкнул Мекон. - Отвечай, Волк, почему ты не испугался?

- Принцесса Афуан взяла меня для того, чтобы показать Императору, - спокойно отвечал Джим. - Навряд ли меня можно будет показать, если

меня случайно растерзает зверь. Поэтому, кто бы ни отвечал за эту кошку, должен был позаботиться, чтобы я остался невредим.

Словиель, запрокинув голову, расхохотался. Щеки Мекона, приобретшие естественную окраску, вновь налились кровью.

- Вот как? - воскликнул он, трясясь от злости. - Ты, наверное, думаешь, что до тебя и дотронуться нельзя? Я готов убедить тебя в обратном...

Он замолк, ибо в этот момент в комнате появилась Ро и встала между ним и Джимом.

- Что вы делаете! - закричала она. - Он должен быть со мной. И он здесь не для того, чтобы с ним забавлялись все, кому не лень, ясно? И...

- Заткнись, черномазая! - взревел Мекон. Рука его потянулась к небольшой трубке черного цвета, висевшей на поясе. - Где моя трубка?!

Он стиснул оружие. Ро успела перехватить его руку. Мгновение спустя трубка оказалась выдернута из петли на поясе - Мекон и Ро тянули ее каждый в свою сторону.

- Пусти, ты, черная...

Мекон сжал свободную руку в кулак и занес над головой Ро. Джим шагнул вперед. Высокородный извыл и, выпустив трубку, схватился за правое предплечье. От ладони до локтя по его руке тянулась тонкая кровавая царапина. Джим с равнодушным видом спрятал кинжал в ножны.

В комнате воцарилась гробовое молчание. Трахи, Ро, великолепный Словиель - все смотрели на кровь, хлынувшую из раны Мекона. Рухни сию минуту стены комнаты - едва ли Высокородные выглядели бы более ошеломленными.

- Волк... Он... поранил меня... - прошептал Мекон, озадаченно разглядывая порез. Потом медленно возвел глаза на двух своих товарищей. - Вы видели, что он сделал?.. Нет, вы видели, что он сделал?! - Его голос сорвался на визг. - Дайте мне трубку! Вы что, ослепли?! Подать сюда мою трубку!

Трахи сделал нерешительное движение к Ро, в руках которой находилась трубка Мекона, но Словиель поймал его за локоть.

- Нет, - шепнул он. Глаза его сузились. - Наша невинная забава, кажется, перешла дозволенные границы. Не надо. Если Мекону нужна трубка, пусть возьмет сам.

Трахи отступил. Ро внезапно исчезла.

- Разрази тебя гром, Трахи! - завопил Мекон. - Я это припомню! Сейчас же дай мне трубку. Давай трубку, кому я сказал!

- Нет, Мекон. - Трахи медленно покачал головой и побелевшими губами добавил: - Словиель прав. Ты должен сделать это сам.

- Ах, так? Ну, так я это сделаю, - Мекон скрипнул зубами и растворился в воздухе.

- Должен признать, ты, Волк, действительно храбрец, - обратился к Джиму Словиель. - Позволь маленький совет - если Мекону взбредет в голову предложить тебе трубку - не бери.

Трахи издал губами непонятный звук. Словно собирался что-то сказать, но передумал. Словиель обернулся.

- Ты что-то хотел сказать, Трахи? Может, я не прав?

Трахи отрицательно мотнул головой. Однако во взгляде его, невзначай кинутым на Джима, сверкнула неприязнь. Появился Мекон. В правой, еще кровоточившей руке он держал две черные трубки.

- Выбирай любую, Волк.

- Благодарю, - проговорил Джим, доставая кинжал. - Я обойдусь этим. Мекон просиял.

- Великолепно. - И зашвырнул одну из трубок в дальний угол комнаты. - Теперь это не имеет для меня значения.

- А для меня - имеет, - послышался голос за спиной Джима.

Джим быстро обернулся и отступил в сторону, чтобы видеть одновременно всех присутствующих. Голос принадлежал Ро, явившейся в сопровождении Афуан. Позади них возвышалась третья фигура - мужчина, ростом на дюйм или два выше самого Словиеля.

- Ну?! - резко выкрикнула Афуан, глядя Мекону в лицо. - С каких это пор ты сделался столь знатен и самостоятелен, что можешь позволить себе убивать моих питомцев?

Лицо Мекона, еще хранившее следы недавней ярости, застыло.

Стоявший позади Высокородный растянул губы в улыбку. Улыбка его - высокомерная и ленивая, - напомнила усмешку Словиеля, однако за этой улыбкой угадывалось значительно больше могущества. И, возможно, жестокости.

- Боюсь, Мекон, ты чересчур увлекся, - сказал Высокородный. - Оскорбление Ее Высочества обойдется тебе дороже, чем потеря двух-трех Пунктов Жизни. В колонии вышвыривают и за меньшие проступки.

- Но здесь другая история, Галиан, - заметил Словиель. - Ведь Волк напал первым. Думаю, ты понимаешь - как должен был поступить в данном случае любой Высокородный. Конечно, если он достоин своей крови.

Глаза человека, названного Галианом, встретились с глазами Словиеля. Несколько мгновений они сверлили друг друга взглядами. Наблюдая эту молчаливую дуэль, Джим догадался: перед ним соперники. "Когда-нибудь, - читалось во взглядах, - наши дорожки пересекутся. Когда-нибудь. Потом".

Принцесса Афуан поняла причину внезапной перемены в настроении собравшихся и поторопилась вмешаться.

- Чепуха! - заявила она. - В конце концов, он всего лишь Волк! А ты, Высокородный, стремишься ему угодить? - Последняя фраза относилась к Мекону. - Немедленно залечи рану!

Словно очнувшись, Мекон уставился на раненую руку. Буквально на глазах царапина стала затягиваться. Сама собой. Прошло не более двух секунд, и от нее не осталось следа. Лишь багровела на правом предплечье Мекона засохшая кровь. Мекон потер кожу здоровой рукой - кровь исчезла. Теперь рука Мекона выглядела так, будто на ней сроду не бывало ни шрамов, ни царапин.

Джим отправил кинжал в ножны.

- Так-то лучше, - презрительно бросила Афуан и повернулась к своему спутнику. - Займись этим, Галиан. Мекона следует наказать.

- Ты, девушка, тоже можешь идти, - произнес Галиан, когда принцесса исчезла. - Сожалею, что не имел чести знать Волка раньше. После недавних событий хотелось бы познакомиться с ним поближе.

Ро заколебалась. Облачко странной тоски набежало на ее лицо.

- Ступай, - мягко, но решительно сказал Галиан. - Я его не съем.

Ро мешкала еще мгновение, затем, кинув в сторону Джима умоляющий взгляд, исчезла. Возможно, она опасалась за его способность удержать себя в должных границах при беседе с Галианом.

- Пойдем со мной, Волк. - Галиан исчез, но спустя секунду появился вновь. Понимающе улыбнулся. - Ты не умеешь перемещаться? Хорошо. Давай руку.

Джим очутился в просторной комнате овальной формы, с низким потолком и желтыми стенами. Надо сказать, из всех земных аналогов комната больше всего смахивала на рабочий кабинет. Здесь было несколько столов - если, конечно, можно так именовать массивные, похоже, каменные, плиты, без всяких подпорок висевшие в воздухе. За столами сидели и трудились какие-то люди, темнокожие и низкорослые, явно неблагородного происхождения. Рост их не превышал пяти с половиной футов. Правда, один из работавших был дюймов на пять выше своих коллег. И на сотню фунтов тяжелее, благодаря развитым мускулам и крепистому телосложению. В то время как остальные обладали довольно длинными и густыми шевелюрами, в подражание Высокородным свисавшими до плеч, он был абсолютно лыс. В глаза бросалась непропорционально развитая голова - шишковатый, обтянутый серой кожей череп был так велик и выпукл, что лицо - глаза, нос, рот и уши - выглядело по сравнению с ним каким-то мелким, сморщенным, неправильным, словом - напоминало плохо пригнанную, слишком маленькую маску.

При виде Галиана человек встал.

- Все в порядке, Рис, - махнул рукой Галиан. - Продолжай работать.

Атлет с лицом младенца послушно сел и вернулся к созерцанию какой-то карты.

- Рис - нечто вроде моего телохранителя, - пояснил Галиан. - Хотя, признаться, телохранители мне ни к чему. Как и любому Высокородному. Это удивляет тебя?

- Я слишком многого не знаю, чтобы чему-то удивляться или не удивляться, - заметил Джим.

Галиан кивнул и уселся на одну из подушек и протянул свою длинную руку.

- Покажи-ка свое оружие. Ну, которым ты ранил Мекона. Давай сюда.

Джим вынул кинжал и подал рукояткой вперед. Галиан осторожно взял клинок большим и указательным пальцами. Потом столь же аккуратно вернул Джиму.

- Наверное, таким оружием можно прикончить обычного человека, - сказал он.

- Да, - ответил Джим.

- Так, - Галиан задумался. С минуту он сидел не шевелясь, погруженный в мысли. Затем его взгляд вновь остановился на Джиме. - Любопытно. Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что такие люди, как ты, не должны рассказывать по кораблю и причинять ущерб Высокородным посредством подобных орудий?

Джим смолчал. Наблюдая за ним, Галиан улыбнулся - как несколько минут назад улыбался Мекону. Отчасти равнодушно, отчасти надменно.

- Ты - интересный тип, Волк, - задумчиво проговорил он. - Весьма интересный. Видимо, ты даже не догадываешься, кто ты на самом деле. А на самом деле ты - да будет тебе известно - букашка, которую любой Высокородный способен раздавить одним-единственным щелчком. Взять того же Мекона. Достаточно было легкого движения с его стороны - и от Волка осталось бы мокрое место... Кстати, именно так Мекон и собирался поступить. И поступил бы, не останови его мы с Афуан... Однако я - не Мекон. Начнем с того, что я справедлив, как сам Император. Ведь мы с Императором братья, к слову сказать. Посему я не использую своего права на щелчок, Волк. У меня одна цель - побеседовать с тобой на равных. Как с Высокородным.

- Благодарю, - Джим поклонился.

- Незачем меня благодарить, - мягко сказал Галиан. - Тебе, Волк, не надо ни благодарить меня, ни проклинать, ни умолять, ни восхвалять. Если я говорю, тебе не надо делать ничего, только внимательно меня слушать. А когда задам вопрос - отвечать. Итак, начнем. Каким образом ты попал в эту компанию - Мекон, Трахи, Словиель?

Джим рассказал все как было - сжато и без эмоций.

- Понятно, - выслушав, произнес Галиан. Он обхватил колено длинными руками и откинулся на подушки, не спуская с Джима глаз. - Стало быть, ты целиком полагаешься на факт, что принцесса Афуан бережет тебя для очей Императора. И отсюда делаешь вывод, дескать, никто не посмеет причинить твоей персоне какой-либо вред. Так? Однако, даже если бы это и было так, все же, Волк, ты выказал пример поразительного самообладания. Не повести бровью, когда разъяренный зверь кидается прямо в лицо... Каково!

- Галиан умолк, как бы предоставляя Джиму право слова. Но Джим по-прежнему хранил молчание.

- Я разрешаю тебе говорить, - подсказал Галиан с едва заметным недовольством.

- Что именно ты хотел бы от меня услышать? - поинтересовался Джим.

Лимонно-желтые глаза Галиана по-кошачьи сверкнули в полутьме.

- Да-а, - протянул он озадаченно. - Ты крепкий орешек, Волк. Хотя... не смею утверждать наверняка, что достаточно хорошо постиг ваши волчьи

повадки... Оттого и объективность моих суждений под сомнением. - Он придирчиво оглядел Джима. - Ты достаточно крепок и росл, чтобы... Скажи-ка, Волк, мужчины твоего народа - ведь они ниже тебя ростом?

- В среднем - да, - ответил Джим.

- В среднем? Стало быть, есть и выше?

- Да, - ответил Джим, не желая вдаваться в подробности.

- Скажем, как Высокородные? - допытывался Галиан. - Найдутся ли среди вас люди одинакового со мной роста?

Подумав, Джим ответил утвердительно.

- Но ведь такие - редкость? - Глаза Галиана лучились странным блеском. - Ведь таких людей у вас один на тысячу, они - редкость в вашем племени, не правда ли?

- Правда, - признался Джим.

- Между тем, - продолжал Галиан, - их презирают. Их гонят, их кличут вырожденцами, отщепенцами. Так или нет? - Пальцы нервно теребили колени. - Я прав, Волк?

- Отчасти - да, - согласился Джим.

- Я так и знал. - Галиан вздохнул. - Видишь ли, Волк, у нас, Высокородных, дело обстоит как раз наоборот. Мы, Высокородные, - не отщепенцы. Напротив, мы единственная благородная раса. Ибо превосходим вас, цветных, во всех отношениях - умственно, эмоционально, физически... Возможно, ты просто не успел осознать это. Ну и, разумеется, случай не замедлил подсказать тебе, на чьей стороне сила, - причем не самым безобидным способом. Тебе повезло, что тобою заинтересовался я.

Галиан обернулся к Рису.

- Эй, принеси сюда трубки.

Телохранитель прервал изучение карты, удалился и через несколько минут принес две уже знакомые Джиму черные трубки.

- Спасибо, Рис. - Галиан принял оружие. - Так вот, Волк, я уже сказал, что второго такого Высокородного, как я, не найти нигде и никогда. Всяких там расовых предрассудков в отношении цветных я начисто лишен. Не потому, что сентиментален, а единственно потому, что практичен. Смотри внимательно. Я кое-что тебе покажу.

Он сделал знак одному из темнокожих работников. Вызванный немедленно встал и, приблизившись, остановился позади Риса. Галиан протянул ему одну из трубок, которую тот без слов заткнул за пояс.

- Рис - мой телохранитель, - пояснил Галиан. - Он буквально рожден быть им. Полюбуйся, до чего ловко он управляет с оружием. Я сейчас дважды хлопну в ладоши, - Галиан повернулся к Рису и его противнику, стоявшему в двух шагах от атлета. - Первый хлопок - сигнал для нападения. Однако заметь: Рис имеет право воспользоваться собственной трубкой лишь по второму хлопку. Смотри внимательней, Волк.

Галиан вскинул руки и негромко хлопнул в ладоши - дважды, с промежутком не более чем в полсекунды. Едва послышался первый хлопок, как темнокожий выхватил из-за пояса свою трубку и прицелился в Риса. Второй удар - конец трубки вспыхнул, и прямо в грудь атлету рванулась дуга

пламени. Но не достигла цели, ибо атлет непостижимым образом успел занять оборонительную позицию: выстрел темнокожего наткнулся на встречный, извергнутый трубкой Риса - оба сгустка энергии с треском взорвались в точке соприкосновения.

- Браво, - произнес Галиан.

Противники опустили оружие и отвесили Высокородному поклон. Галиан забрал у темнокожего трубку и, отпустив его взмахом руки, повернулся к Джиму.

- Смотри дальше, Волк.

Галиан сунул трубку в петлю на поясе. Словно по команде, Рис проделал то же самое.

- Представление продолжается, - вкрадчиво молвил Высокородный. - Теперь - никаких сигналов. Рис выстрелит, когда ему вздумается.

Атлет шагнул вперед и очутился на расстоянии вытянутой руки от Галиана. Мгновение помешкав, он как бы невзначай кинул взгляд в дальний конец комнаты, и одновременно его ладонь скользнула к висевшей на поясе трубке.

Раздался короткий и громкий щелчок - КЛИК!

Джим моргнул. Длинная, похожая на жердь, рука Галиана была вытянута вперед. Трубка атлета так и осталась в петле, намертво прижатая оружием Высокородного. Галиан коротко рассмеялся и убрал руку.

- Видел? - улынулся он. - В быстроте реакции с Высокородным не потягается ни один смертный. Такой как ты - тем более. Вот почему Мекон хотел тебя заставить драться с ним на трубках. Твои шансы практически равнялись нулю.

Галиан сделал паузу.

- Как было сказано, мы - единственная благородная раса. Аристократы. Мои рефлексы быстрее, память - глубже, ум - проницательней, эмоции - острее... А в совокупности я, Галиан, превосхожу не только вас, цветных, но и собственных Высокородных собратьев. Несмотря на это, в услужении у меня достаточно цветных, даже больше, нежели у любого из наших. И они всегда загружены работой. Спросишь, зачем я так поступаю, когда сам могу сделать все гораздо лучше и быстрее?

- Полагаю, - сказал Джим, - ты поступаешь так потому, что не способен находиться в нескольких местах одновременно.

Загадочная искорка мелькнула в глазах Галиана.

- А ты умеи, Волк! В самом деле, работа с цветными приносит мне определенную пользу. И удовольствие - ведь я для них царь и бог... Но вот что пришло мне в голову: очень может быть, когда-нибудь мне придется и Волк со своей маленькой, но острой игрушкой. Ты удивлен?

- Нет, - Джим покачал головой. - Ты потратил на меня кучу времени. Как я могу чему-то удивляться?

Галиан вновь откинулся на подушки.

- Что ни слово - в точку, - пробормотал он. - Определенно, у этого зверька есть что-то в башке. Сыроватое и серенькое, но есть. Нет, не зря я битый час здесь распинаюсь... Да, Волк, ты можешь сослужить мне

службу. Потом. В свое время. Почему я заговорил об этом сейчас - догадываешься?

- Вероятно, ты хотел бы оплатить мои услуги вперед? - предположил Джим.

- Верно. - Галиан кивнул. - Знаешь, я уже немолод. Хотя Высокородные не любят упоминать о своем возрасте, тебе я скажу: я далеко не молод. Однако имею достаточно влияния, чтобы заставить работать приглянувшихся мне цветных. И при этом снабдить их всем, о чем они могут мечтать.

Джим молча выжидал.

- Так что, Волк? - спросил Галиан спустя минуту. - Говори. Называй свои желания. И не надейся, что я их угадаю. Сам понимаешь, будь ты одним из наших, я бы ничего такого и не спрашивал, просто исполнил и все. К сожалению, я плохо знаю нравы дикарей. Ну, чего тебе больше всего хочется? А?

- Свободы, - ответил Джим.

- Конечно. - Губы Галиана растянулись в улыбке. - Свободы жаждут все, попавшие в неволю. По крайней мере, думают, что жаждут. Свобода... Как это понимать? Наверное, ты желаешь получить право шататься где вздумается и когда вздумается. Так?

- Это главное, - сказал Джим.

Галиан наморщил лоб.

- Понимаешь, Волк... Не знаю, задумывался ли ты над одним очевидным фактом. Видишь ли, ты скоро попадешь в Мир Владык, оттуда нет возврата. Ты знал это? Что никогда в жизни не сможешь вернуться на родину? Что дорога домой заказана тебе отныне и навек?

Джим удивленно возрился на Галиана.

- Нет, - сказал он. - Признаюсь, такое не входило в мои планы.

Галиан вздохнул.

- Значит, твое положение хуже, чем ты ожидал.

Он поднял вверх длинный тонкий палец.

- И все же. Для меня нет невозможного. Да будет тебе известно, Волк, что я могу в конце концов предоставить тебе возможность вернуться. Само собой, при условии, что ты сослужишь мне посильную службу.

Галиан согнул ноги в коленях и неожиданно встал, нависая над Джимом.

- Сейчас я отправлю тебя к Ро, - произнес он. - И пусть все сказанное здесь останется при тебе. Запомни: единственная твоя надежда вновь увидеть родной мир целиком и полностью зависит от одного обстоятельства - останусь я тобой доволен или нет.

Кончив говорить, Высокородный, казалось, не пошевелил и пальцем, однако Джим внезапно обнаружил себя перенесенным в питомник Афуан. Неподалеку он увидел Ро, которая была занята тем, что рыдала над трупом животного. То была кошка с лошадиной мордой. Точное ее подобие, зверь из коллекции принцессы, оглашал пространство жалобным воем и метался внутри невидимой клетки, будучи не в силах добраться до мертвой подружки. Труп выглядел так, словно его полоснуло молнией.

Джим устремился к Ро. Охваченная горем, та не сразу его заметила. Джим приблизился и обнял ее - девушка испуганно вскинулась, но, узнав Джима, обмякла и доверчиво прижалась к нему.

- Ты в порядке. Хотя ты-то в порядке... - бормотала она сквозь слезы.

- Это что? - Джим кивнул на дохлую кошку.

Поначалу вопрос его вызвал лишь новый прилив скорби, но, постепенно оправившись, Ро рассказала, как было дело.

Когда-то этот зверь принадлежал к числу питомцев Афуан, и Ро любила его, как и всех остальных. Однако принцесса, из непонятных соображений, подарила кошку Мекону, который натаскал ее на людей.

- Странно, - сказал Джим. - Когда я встретился с ней в первый и, слава Богу, в последний раз, она была в порядке. Что произошло?

- Разве ты не слышал? Афуан велела наказать Мекона за нанесенное ей оскорбление, а Галиан решил, что, дескать, лучшим наказанием послужит...

Она всхлипнула и, не в силах продолжать, кивком указала на труп.

- Немного странное наказание, - задумчиво молвил Джим.

- Ты считаешь? - Ро взглянула с недоумением. - От Галиана нельзя ожидать иного. Он сущий дьявол, этот Галиан. Другой лишил бы Мекона, скажем, любимых слуг либо какой-нибудь особо ценной вещицы... Но избрать жертвой несчастную бессловесную тварь, прекрасно зная, что с потерей своей ученой кошки Мекон потеряет по крайней мере один Годовой Пункт, - на такое способен только Галиан. Конечно, Годовой Пункт намного меньше, чем Пункт Жизни, ибо Галиану известно - Мекон без того проиграл и проштрафил достаточно, чтобы где-нибудь в ближайшем будущем с позором отбыть в изгнание.

- В какое изгнание? - полюбопытствовал Джим.

- Из Мира Владык, разумеется, - ответила Ро.

Она отерла глаза, распрямилась. Дохлая кошка исчезла. Ро посмотрела на Джима.

- Я все время забываю, что ты ничего не понимаешь. Тебе еще много нужно растолковать. Видишь ли, все Высокородные играют в Пункты. Даже сам Император, кажется, не в силах запретить этой игры. Представляешь, до чего это увлекательная игра, когда сам Император не может ее запретить? А весь интерес в том, что потеря определенного количества Пунктов лишает человека права жить в Миров Владык. Навсегда... Но довольно об этом. Лучше я научу тебя, как перемещаться из комнаты в комнату...

Однако Джима занимали совсем другие мысли.

- Обожди секунду, - сказал он. - Скажем, если бы мне вздумалось ненадолго отлучиться назад, в город, по одному важному поручению, смог бы я это сделать?

- О! - Девушка печально покачала головой. - Я думала, уж это-то ты знаешь. Мы давно в пути. Через три дня мы будем в Миров Владык.

- Понятно, - мрачно произнес Джим.

Внезапно Ро побледнела и крепко схватила Джима за руки, не давая ему отстраниться.

- Не смотри так! - воскликнула она. - Что бы ни произошло, никогда не делай такого лица!

Джим с трудом постарался придать себе прежний невозмутимый вид. Вспыхнувшая ярость потухла и спряталась где-то внутри.

- Ладно, - сказал он. - Больше таким ты меня не увидишь.

Ро все еще не спешила отпускать его запястья.

- Ты странный, - сказала она. - Во многих отношениях. Почему у тебя был такой взгляд?

- Ничего особенного. Просто Галиан просветил меня кое в чем. В смысле, что у меня довольно крепкий шанс никогда не вернуться домой.

- Но ведь ты и не собирался назад? - пытливо глядя, спросила Ро. - Ты не видел Мира Владых и понятия не имеешь, что это за мир. А однажды оказавшись там, ни один здравомыслящий человек не стремится оттуда сбежать. И между тем - только Высокородные обладают правом жить в этом мире. И то если имеют в запасе достаточно Пунктов. Даже губернаторы колоний посещают наш мир лишь на короткое время. Исключения крайне редки - например, ты.

- Понятно, - повторил Джим.

Нахмурясь, Ро опустила глаза и посмотрела на жилистые запястья Джима, что до сих пор покоились в ее ладонях. Казалось, сквозь тонкую ткань манжет в девушку просачивалась их мощь.

- У тебя почти такие же сильные руки, как у Старкина. И ты такой же крепкий, - сказала она с удивлением. - Ты слишком высок для цветного. У вас все такого роста?

Джим невесело рассмеялся.

- Я вырос таким уже в десять лет. - Заметив недоумение девушки, добавил: - Это возраст подростка.

- И тогда ты перестал расти?

- Мой рост остановили, - хмуро ответил Джим. - На мне поставили сотню опытов, так как для своих лет я оказался ненормально высок. Патологий не нашли, однако скормили-таки для верности какую-то дрянь. И - помогло. Я перестал расти, но продолжал развиваться, как и любой другой ребенок.

Ро внимательно слушала, но Джим внезапно умолк.

- Это все чепуха, - сказал он после паузы. - Кажется, ты собиралась научить меня перемещаться?

- Да... и кое-чему еще! - ответила девушка.

В эту минуту она как будто стала выше ростом, строже сделалось лицо. Черты фамильного облика проступали все явственней. Чем не ледяная Афган?

- Они могут отнять у меня животных, могут замучить их или убить... Но никогда они не отнимут у меня тебя! Я постараюсь научить тебя всему, что знаю. Конечно, знаю я немного, ты не сравнишься с Высокородными, но сможешь выжить в их обществе. Пусть кожа моя темнее, чем у принцессы,

- отчеканила Ро с надменностью, адресованной, как понял Джим, отнюдь не ему, - но кровь моя не хуже крови любого Высокородного. И они это знают. Император не имеет права без важной причины изгнать меня из Мира Владык. Все владения Высокородных принадлежат также и мне - по праву! Пойдем. Я покажу тебе, что значит быть Высокородным и гражданином Мира Владык.

Она увлекла его за собой. Под высокими сводами зала с полированными металлическими стенами Джим разглядел одинокого низенького человека с темно-коричневой кожей и длинными, до плеч, волосами. Человек стоял возле стены, на блестящей поверхности которой переливался всеми цветами радуги отраженный свет.

По словам Ро, это был единственный член экипажа звездолета - инженер, который наблюдал за работой всех систем, а также устранял возможные неполадки.

По существу, корабль не нуждался в экипаже. Он сам регулировал скорость полета, безукоризненно выдерживал курс, кроме того, обеспечивал работу всех систем жизнеобеспечения. Подобно огромной и верной собаке, звездолет исполнял любое желание принцессы Афуан и готов был, правда, в меньшей степени, выполнить волю остальных пассажиров.

- Просто стань здесь и постарайся расслабиться, - учила Ро. - Корабль сам наладит с тобой связь.

- Связь со мной? - переспросил Джим. Он решил, что речь идет о телепатии, но, чтобы объяснить свои соображения, не сумел найти в словаре Империи подходящего термина. К удивлению, Ро прекрасно поняла и так и постаралась как можно подробнее посвятить Джима в принцип работы корабля.

Оказывается, звездолету требовалось настроиться на индивидуальную частоту мозговых импульсов Джима, дабы впоследствии улавливать любое исходящее от него мысленное желание. Речь шла о мыслеформах. Любые достаточно яркие образы способны вызвать механическую субактивность тела, объяснила Ро. Причем грубое физическое тело отзывается на подобные образы так, как если бы они существовали в действительности. Системы корабля сопоставляют импульс желания с возникшей мыслеформой и обеспечивают его исполнение.

Приблизительно так же осуществлялся и бросок звездолета сквозь многие световые годы за считанные дни. Только для этого требовалось несравненно больше энергии. Корабль вместе с содержимым как бы распадался на части, так называемые "элементарные массы", а по мере приближения к цели восстанавливался. Существовал, разумеется, определенный "потолок" расстояния, которое возможно было покрыть за одно перемещение, хотя особой роли это не играло, ибо на количество перемещений ограничений не существовало.

- ... В действительности корабль никуда не движется. Просто меняет собственные координаты. - Тут Ро принялась так сыпать терминами, что Джим отчаялся что-либо понять.

Тем не менее после нескольких попыток перемещения с места на место у Джима вновь появилось недавнее ощущение - приятное прикосновение легкого перышка к обнаженному мозгу...

Вначале он удачно перескочил из одного угла зала в другой. Спустя пять-шесть минут Джим почувствовал себя уверенней и стал пробовать перемещаться в другие комнаты - разумеется туда, где бывал и мог припомнить интерьер.

Затем Ро повела его к себе и принялась обучать азам социальных наук Высокородных. Успехи, достигнутые Джимом за время полета, повергли в изумление не только учителя, но и ученика. К тому же Джим был поражен еще одним обстоятельством. Оказывается, Ро, как, впрочем, и все Высокородные, обладала обширнейшими знаниями во всех областях науки и общественной жизни, вплоть до повседневных бытовых мелочей. Зачем ей это было нужно - оставалось загадкой. Например, осведомленность в устройстве корабля. Ясно, что ей никогда не придется торчать у приборных досок и ковыряться в микросхемах. Но ясно было и то, что, если возникнет нужда, с помощью необходимых механизмов и при наличии материалов Ро могла построить звездолет в одиночку, полагаясь исключительно на собственные знания.

В свою очередь, Ро приходила в восторг от необыкновенной сметливости и ученических талантов Джима.

- Но ты уверен, что все запомнил? - прерывала она урок на полуслове. - Никто и никогда, кроме Высокородных, не усваивал науки с такой легкостью.

В ответ Джим приводил на память длиннейшие цитаты из лекций Ро, не упуская ни единой мелочи. Успокоенная, но не вполне разуверенная, Ро вела уроки дальше. А Джим продолжал, подобно губке, впитывать в себя премудрости о Мире Владык, о расе Высокородных, управляющих громадной Империей с высот этого мира.

Постепенно в сознании стала вырисовываться ясная картина. Словно наполовину разгаданный кроссворд, когда известные слова по вертикали дают возможность "додумать" горизонтальное неизвестное. Оказывается, Высокородные не являлись коренным населением Мира Владык. Более того: нынешние обитатели верхней планеты добились своего положения с позиции скорее слабости, чем силы.

Изначально, правда, Мир Владык пробовал диктовать свою волю и управлять колонизированными планетами. Попытка эта вскоре провалилась. С развитием космической техники и увеличением мощи флотов колоний, те правдами и неправдами стремились заполучить автономию. По прошествии нескольких тысячелетий Империя расширила свои границы до самых окраин Галактики, где расстояния между обитаемыми планетами оказывались столь велики, что даже грандиозный Имперский Звездный Флот не в силах был контролировать ситуацию. Мир Владык навсегда

позабылся в подобных местах, а если и бывал помянут, то лишь как смутное воспоминание о заре космических скитаний.

Однако еще прежде, чем звездная экспансия достигла критической точки, в некоторых кругах Империи зародилась идея о неоспоримых преимуществах централизованного управления человечеством. Сложился образ планеты, наделенной известной властью, а на деле представляющей собой интеллектуальный центр Империи. Вселенская библиотека, информационный улей, вмещающий новейших достижений науки – такой планетой сделался Мир Владык. Никто не подозревал, что подобным актом будет дан толчок к возникновению новой расы.

Как и следовало ожидать, Мир Владык начал притягивать лучшие умы науки и искусств со всех концов Империи. Образовалось нечто вроде интеллектуальной элиты человечества. Этому способствовали и щедрые гонорары за плоды умственного труда, и возможность общения с лучшими специалистами, и доступность любой информации.

Вскоре иммиграция на планету достигла столь внушительных размеров, что властям пришлось ввести ограничения. Неиссякаемый родник научной и технической мысли, Мир Владык год от года делался богаче и могущественней и постепенно возвысился над всеми остальными государствами. Только лучшие из лучших отныне имели право селиться в Мире Владык. Исключение составлял обслуживающий персонал из квалифицированных мастеровых, живших здесь на положении рабов.

За минувшие со дня основания Центра десять тысяч лет, когда Империя не только не уменьшилась, но даже значительно разрослась, основное население Мира Владык постепенно превратилось в особую расу. Контроль рождаемости, строгий отбор выделили и физические признаки Высокородных – белая, как оникс, кожа, лимонно-желтые глаза, белоснежные волосы, ресницы и брови. Складывался облик аристократов, лучших людей Империи. Приток провинциальных гениев значительно ослаб, но не прекратился совсем, хотя вновь прибывшие не попадали в разряд Высокородных – их уже величали "цветными", а сами они могли лишь надеяться, что с течением поколений потомки их, быть может, сподобятся особой чести быть причисленными к белокожей элите.

- Запомни, – наставительным тоном сообщила Ро, когда звездолет совершал посадку в Мире Владык и они с Джимом готовились покинуть корабль. – Всегда есть шанс, пусть даже самый ничтожный – для всех и даже для тебя, Волк. О, конечно, они все кинутся рвать тебя в клочья, едва лишь заподозрят, куда ты метишь. Но ты умен и готов ко всему, они будут бессильны что-либо предпринять. Я помогу тебе – и мы еще посмотрим, кто кого!

Ее глаза сверкнули торжеством. Джим улыбнулся и, решив переменить тему, спросил, что будет, когда они покинут корабль.

Ро пожала плечами.

- Не знаю. Афуан ничего мне не говорила. Хотя, возможно, она захочет поскорее представить тебя Императору.

После сказанного Джим почти был готов к событиям, случившимся после приземления. Спустя примерно час стены его комнаты раздвинулись, и он обнаружил себя на арене, с чемоданами у ног. Перед ним выстроилась целая коадрилья - бандерильос, пикадор, всадники на лошадях... Точная копия той, с которой он выступал на Альфе Центавра 3. Разница состояла в том, что люди в костюмах были маленького роста, темнокожие и длинноволосые.

- Эти лошади - искусственные, - послышался рядом голос.

Джим обернулся и увидел принцессу Афуан. Она стояла в нескольких шагах позади.

- То же относится и к быку, с которым ты будешь тренироваться. Ты должен в точности повторить увиденное нами зрелище. Гоняй своих помощников до тех пор, пока они навеки не усвоят, чего от них хотят.

Принцесса исчезла. Очевидно, решив, что сказала достаточно.

Джим огляделся. Арена оказалась точной копией арены Альфы Центавра, на хрустящий песок которой он в свое время уложил двух быков. За одним исключением - новая арена была идеально чиста. Дубликаты амфитеатров, построенных на Альфе Центавра из коричневатого бетона, здесь сверкали ослепительной белизной благородного мрамора. Даже песок арены был белый как снег.

Джим наклонился, открыл один из чемоданов, достал два плаща - один побольше, другой поменьше - и шпагу. Решив обойтись на этот раз без парадного костюма, закрыл чемодан и отнес пожитки за ближайший барьер.

Внезапно на арене зазвучала музыка. Неизвестно, как и откуда она доносилась, но это была именно та музыка, какая требовалась. Старательно попадая в такт, Джим прошелся перед коадрильей, демонстрируя изящную походку тореадора, затем приблизился к обитой красным бархатом ложе, по всей видимости императорской.

Далее произошло нечто невероятное. Длинноволосые, темнокожие человечки передвигались по арене не только со знанием дела, но и в точности копируя движения оставшихся на Альфе Центавра 3 бойцов. Очевидно, все перипетии последнего боя запомнила либо сама Афуан, либо кто-то из ее приближенных, затем они составили программу, по которой муштровались новобранцы. Доходило до нелепостей. Если на Альфе человек прислонялся к барьеру отдохнуть, его дублер в Мире Владык повторял тот же жест с точностью до дюйма. Абсурдность ситуации проявилась еще ярче, когда Джим вышел с плащом один против быка.

Сконструировав искусственного зверя для тренировок, Высокородные запрограммировали его на повторение действий, совершенных убитым быком. Высокородные не подозревали, что тот бык был в свою очередь запрограммирован биологами Земли.

Когда шпага Джима вонзилась в холку зверя, тот послушно свалился замертво. Джим оглянулся на подручных - не пора ли передохнуть? - но те, казалось, ничуть не устали и готовы были продолжать.

Повторяя программу, Джим смотрел уже не на быка - каждый шаг животного он мог вычислить с закрытыми глазами, - а на своих помощников. Теперь он заметил, что, несмотря на отработанность движений, в

поведении людей присутствовала некая скованность. Видимо, сказывалось отсутствие гибкости мускулов – главного критерия подготовленности каждого участника куадрильи. Эти люди добросовестно выучили все, что им было приказано, однако к подобной работе явно не привыкли.

Прежде чем закончить тренировку, Джим в третий раз отрепетировал все представление. С реакцией все было в порядке, Программа не требовала особой затраты сил – все же под конец он почувствовал себя основательно измотанным. И тем не менее последующие четыре дня он без устали повторял все сначала, пока напарники наконец не усвоили, что им надлежит делать, причем не столько в силу пресловутой программы, сколько благодаря полученному опыту и развившимся рефлексам.

Походя Джим обнаружил, что может отчасти управлять действиями быка путем создания у себя в голове соответствующих мыслеформ. Очевидно, где-то здесь, в Мире Владык, существовал центр, подобный корабельным системам считывания мозговых импульсов, только, разумеется, гораздо большей мощности. Это случайное открытие привело к тому, что на шестой день Джим продемонстрировал своей куадрилье новый вариант боя.

Для каждого из шести привезенных быков была предусмотрена своя собственная программа – на случай, если кто-то заподозрит, что быки вообще запрограммированы. Джим, разумеется, знал все программы до единой. И в этот раз заставил быка работать по программе номер шесть, в надежде, что либо ему и вовсе не придется оживлять последнего быка, либо куадрилья успеет к тому времени позабыть подробности данной схватки.

На время тренировок в распоряжении Джима было несколько комнат в каком-то бесконечном одноэтажном здании. В отличие от корабельных помещений, здесь имелись двери и коридоры. Джиму дозволялось ходить по этим коридорам куда вздумается. Правда, обойдя подряд все комнаты, осмотрев двор и сад, он не встретил ни одного Высокородного, только несколько цветных мужчин и женщин, по всей вероятности слуг.

Ро не навещала его. Несколько раз появлялась Афуан, справляясь о ходе тренировок. Выслушивая доклады Джима, она не выказывала никаких признаков нетерпения, но когда, наконец, он сообщил о полной готовности к выступлению, лицо принцессы заметно просветлело.

– Прекрасно! – воскликнула она. – Ты будешь выступать перед Императором. На днях.

И удалилась.

На следующее утро Афуан вернулась и приказала в течение сорока минут подготовиться к выступлению.

– Но я ведь не смогу так скоро оживить быка, – возразил Джим.

– Об этом уже позаботились, – успокоила его Афуан.

Джим принялся торопливо натягивать парадный костюм. Для подобной процедуры требовался помощник, однако выбирать не приходилось. Он был уже наполовину одет, когда вдруг осознал смехотворность положения и громко расхохотался.

- Почему в самые нужные моменты Ро никогда не оказывается рядом? - задал он вопрос самому себе и белоснежным стенам комнаты.

К его глубочайшему изумлению, Ро возникла перед ним подобно джинну из бутылки.

- Что мне надо делать? - поинтересовалась она вместо приветствия.

Джим остолбенело смотрел на девушку, потом вновь рассмеялся.

- Только не говори, что ты меня услышала, - сказал он.

- Отчего же? - удивилась она. - Я просила дать мне знать сразу, как только ты меня позовешь. Но ты ни разу этого не сделал.

Джим улыбнулся.

- Неужели одного зова достаточно, чтобы удержать тебя рядом?

Ро покраснела. Джим довольно ухмыльнулся. Его легкомыслие вмиг улетучилось, когда девушка воскликнула:

- Я очень хотела помогать тебе! Но, видимо, тебе не нужна моя помощь.

- Боюсь, просить о помощи действительно не в моих правилах, - согласился Джим.

- Ну, хватит препираться. - Ро примирительно улыбнулась и потрепала Джима по руке. - Во всяком случае, теперь ошибки позабыты. Говори, чем я могу помочь?

- Мне надо одеться, - признался Джим.

Неожиданно она хихикнула. Он удивленно повел бровью.

- Да нет, все в порядке, - поспешно сказала Ро. - Просто одевание - забота слуг. Иначе быть не может. А тут... - Она снова хихикнула и подобрала с полу его шляпу: - Это куда?

- Никуда, пока что, - буркнул Джим. - Это - в последнюю очередь.

Ро послушно отложила шляпу и принялась помогать Джиму облачаться в снаряжение.

Когда с одеванием было покончено, Ро отступила на шаг и с любопытством оглядела Джима с ног до головы.

- Странный наряд. Но он тебе идет.

- Разве ты не видела меня на арене? - поинтересовался Джим.

Она покачала головой.

- Я была занята на корабле. К тому же я не предполагала, что это так интересно.

С довольно-таки потешным выражением лица она наблюдала, как Джим извлекает из чемодана плащи и шпагу и, вооружившись, выпрямляется в полном боевом облачении.

- Зачем это? - спросила она.

- Тряпки, - Джим потряс плащами, - для того, чтобы дразнить быка, а вот этим, - он вытащил клинок из ножен, - убивают зверя в конце представления.

Рука девушки метнулась ко рту. Глаза округлились, лицо побледнело. Она сделала произвольный шаг назад.

- В чем дело? - спросил, недоумевая, Джим.

Ро попыталась что-то произнести, но в конце концов лишь тоненько вскрикнула. От выражения ее глаз Джиму стало не по себе.

- В чем дело? Что случилось? - настойчиво допытывался он.

- Ты не говорил мне...

Она наконец совладала с волнением.

- Ты не говорил, что собираешься у б и т ь быка!

Тут она вскрикнула, резко повернулась и исчезла из комнаты.

- Н-да, - произнес голос позади.

Джим обернулся и очутился лицом к лицу с принцессой Афуан.

- Оказывается, даже неглупые на первый взгляд Волки способны допускать ошибки. Разве ты еще не понял, что всякая живность - слабое место Ро? Видимо, не понял...

Взгляд Джима сделался подчеркнуто холоден.

- Ты права, - ответил он бесцветным голосом. - Мне не следовало забывать об этом.

- Вот разве что... - Она изучающе сверлила его своими лимонно-желтыми глазами. - Разве что ты собирался умышленно причинить ей боль. Возможно даже, у тебя сложилось непомерно высокое мнение о своей персоне... Еще бы! За столь малый срок не только заполучить верного друга в лице маленькой Ро, но и обзавестись таким врагом, как Мекон! И добиться участия в своей судьбе двух титулованных особ - Словиеля и самого Галиана!

Внезапно взгляд ее словно бы разорвал внешнюю оболочку Джима и проник внутрь.

- Ты меня видишь?

- Вижу, - ответил Джим, не меняясь в лице, однако внутри подобрavшись и напружинившись.

Афуан менялась на глазах. Точнее, облик ее оставался неизменным вплоть до мельчайших деталей, но сквозь него сочилось наружу нечто новое, запредельное. В единый миг принцесса - рослая статная женщина с лицом цвета оникса - сделалась привлекательной. И не просто привлекательной, а неотразимо, невероятно желанной. Настолько желанной, что Джим собрал в кулак всю волю, дабы удержаться в должных границах. На него обрушился целый водопад возбуждающей энергии - энергии самки, знавшей, что она желанна, и атаковавшей с бесстыдным бешеным напором.

Лишь долгие годы отшельничества помогли ему совладать с этим гипнотическим потоком. Он понял одно: принцесса хочет вынудить его послать к чертям то, что до сего момента было ему дороже всего на свете. Все, что долгие годы собиралось и находилось, все, принадлежавшее ему одному и никому больше, ибо в исканиях своих он почти всегда шел нехоженными тропами... И это сейчас у него отнимали, требовали кинуть на заклятие ради какого-то призрачного, пусть и осязаемого, фантома, являвшего собой принцессу Афуан. Он это понял. А поняв, обрел новые силы - и устоял.

И вновь, без всякой видимой причины, Афуан стала сама собой. Обволакивающей, но далекой и недоступной. И по земным меркам - даже не слишком-то впечатляющей.

- Невероятно, - удивительно мягким тоном выговорила она. В этот момент глаза ее, казалось, стали слегка раскосыми. - Просто невероятно, особенно для Волка... Но, кажется, я поняла. Когда-то давным-давно, в тебе проснулось честолюбие... Причем честолюбие твое больше самой Вселенной!

Спустя секунду Джим перенесся напрямик на арену. Публика уже заполнила трибуны до отказа - даже в главной ложе кто-то присутствовал. Заиграла музыка. Квадрилья, возглавляемая Джимом, вышла на снежно-белый песок арены и направилась к императорской ложе. Приблизившись, Джим разглядел Галиана. Рядом с ним - Афуан. В середине ложи сидел незнакомый Джиму Высокородный с необыкновенно широкими плечами. Подойдя вплотную, Джим вдруг понял, что принятый им за Галиана человек - не Галиан. Просто он был до того похож на Галиана, что Джим обознался. Потом Джим припомнил: Галиан - родной брат Императора. Стало быть, рядом с Афуан находился не кто иной, как августейшая особа Мира Владык.

Его внушительная фигура вздымалась над окружающими, словно утес на морском берегу. Монарх смотрел на Джима честным и открытым взглядом - весьма оригинальное явление в среде Высокородных. И даже на расстоянии в нем чувствовался глубокий и пронизательный ум.

Император улыбнулся Джиму, точно благословляя на открытие корриды. Глаза сидящей рядом Афуан были пусты и подчеркнуто безразличны.

Джим взял за правило посвящать убитого быка кому-либо из присутствовавших. Иными словами, приканчивал животное в непосредственной близости от избранной особы. Нынче избранник напрашивался сам собой. Джим устремил квадрилью в сражение. Несмотря на новизну программы, помощники Джима весьма хорошо справились со своими обязанностями. Быка, скорее всего, выбирала Афуан либо кто-то из ее свиты - понятия не имея ни о каких программах. К счастью, Джим наизусть знал все варианты, и едва бык выскочил в круг, тореадор уже предвидел каждый следующий его шаг.

Сегодня пригодилось все его искусство. Кроме того, не давал покоя разговор с Афуан. Принцесса, несомненно, обладала ясным, трезвым и на редкость беспощадным умом.

Бой близился к закономерному благополучному исходу. Бык, в отличие от убитого Джимом на Альфе Центавра З, оставался в полной силе до последнего момента. Наконец Джим обнажил шпагу. грациозным движением поразил быка прямо напротив главной ложи и, высвободив оружие, сделал несколько шагов к Императору - отчасти из желания проследить реакцию самодержца, а отчасти потому, что помнил слова Ро: от него будут ждать именно такого действия.

Он подошел к самому барьеру и взглянул в лицо Императору. Тот улыбнулся с высоты. Казалось, глаза его горели особенно ярко. Однако Джим различил в его взгляде какую-то загадочную отстраненность.

Улыбка Императора стала еще шире. Из уголка рта скользнула вниз тоненькая струйка слюны. Император разлепил губы.

- Уоу, - произнес он, улыбаясь все шире и глядя так, словно вместо Джима было пустое место. - Уоу...

Джим стоял не шевелясь. Он не мог понять, как следовало поступить в этом случае. Высокородные - и находящиеся в императорской ложе, и заполнявшие во множестве трибуны - казалось, ничего не замечают. Словно все было в порядке вещей.

Джим решил, что лучше вести себя так же. Афуан и приближенные сидели с каменными лицами, невозмутимо наблюдая, как Император и Джим "беседуют". Данное нелепое поведение волей-неволей подчиняло, подобно тому как Афуан недавно пыталась подчинить себе Джима. Разница была в том, что толпа здесь внушала не кому-нибудь, а самой себе - дескать, ничего не происходит, все идет как надо.

... Потом наваждение исчезло.

Струйка исчезла с лица Императора, будто ее и не было. Улыбка стала тверже, взор обрел осмысленность.

- ... более того, нам будет интересно познакомиться с тобой поближе, - сказал вдруг Император, словно продолжая начатую беседу. - Ты - первый Волк, которого мы видим за долгое время. Как только ты отдохнешь, приходи прямо к нам, не стесняйся.

Лицо его выглядело открытым и дружелюбным. В глазах искрился теплый огонь.

- Благодарю, Оран, - поклонился Джим.

Он уже знал, как надо говорить с Императором - если беседуешь лично, обязан обращаться по имени. Оран - так его звали.

- Мы будем рады тебя видеть, - сказал, широко улыбаясь, Оран.

Он исчез, и через несколько секунд трибуны опустели.

Джим вызвал в голове образ своей комнаты. Оказавшись там, он принялся стаскивать тугой жакет и в этот миг ощутил, что ему помогают. Обернувшись, увидел Ро.

- Спасибо, - сказал он, когда они справились с жакетом, и улыбнулся через плечо.

Девушка продолжала молча помогать ему; вид у нее был крайне озабоченный, на щеках снова играла краска.

- Конечно, это ужасно... - прошептала она, уставясь в пол. - Но раньше я не понимала.

Внезапно она подняла глаза.

- Джим, ведь этот зверь пытался убить тебя!

- Ну да, - Джим покраснел от стыда. Игра-то все-таки была нечестной. - Да, так оно и есть.

- Как бы то ни было, - утрирую, но решительно сказала Ро, - если нам повезет, тебе больше не придется этим заниматься. Просто счастье какое-то, что ты сразу приглянулся Императору. И... Ну-ка, догадайся!

Наполовину раздетый, Джим устремил на нее непонимающий взгляд.

- Что такое?

- Я нашла тебе поручителя! - единым духом выпалила Ро. - Кого бы ты думал? Словиель! Ты ему пришлось по нраву еще тогда... словом, при первой встрече. Он хочет видеть тебя в числе своих друзей. Понимаешь, что из этого следует?

Она замолкла, ожидая ответа. Джим покачал головой - такого они не проходили.

- Из этого следует, что ты больше не раб! - пояснила Ро. - Я давно собиралась найти поручителя, но не думала, что это будет так просто. И ничего тебе не говорила, дабы не обнадеживать понапрасну. Но Словиель появился ко мне собственной персоной!

- Seriously?

Джим забеспокоился, но постарался это скрыть, подумав, не состоят ли в тесной связи намерения Словиеля, посещение Джима принцессой и происшедший разговор между ним и Галианом. Очень хотелось поделиться своими мыслями с Ро, однако, здраво рассудив, Джим решил повременить. Неминуемо пришлось бы посвящать девушку в подробности визита Афуан, что вовсе было лишним. По крайней мере теперь.

Он вдруг почувствовал, что Ро продолжает старательно его раздевать и, зайдя в своих стараниях весьма далеко, по-видимому, не придает этому никакого значения. Джим и сам относился спокойно к подобным вещам, однако явное безразличие девушки чуть-чуть его укололо. Так чистит лошадь богатый хозяин, желая продемонстрировать ее гостям во всем блеске и оттого не доверяя слугам.

- Спасибо, - Джим отстранился. - Дальше я сам.

Раздевшись, он облачился в шотландскую юбку и зеленую рубашку с коротким рукавом.

Ро следила за ним с гордым обожанием.

- Расскажи подробнее об этом поручительстве, - попросил Джим. - Зачем оно нужно?

- Как зачем? Разумеется, для усыновления Миром Владык. Неужто ты не помнишь? Я объясняла, что некоторым особо одаренным людям из колоний в порядке исключения допускается поселиться в Мире Владык. Естественно, они не могут быть причислены к Высокородным; самое большее, на что они вправе надеяться - что Высокородными когда-нибудь станут их внуки либо правнуки. Это и есть усыновление. Начинается, как правило, с согласия кого-либо из Высокородных стать поручителем возможного кандидата.

- Ты хочешь, чтобы меня усыновили как Высокородного?

- Ну конечно!

От радости девушка даже стала приплясывать.

- Представляешь? Когда кто-нибудь за тебя поручится, начнется процесс усыновления. С этих пор, как будущий Высокородный, ты находишься под защитой императорской власти. Если, конечно, сам Император не откажет в усыновлении. Но пока никому еще не отказывали, разве только человек совершит настолько вопиющий проступок, что не останется другого выхода, как с позором выгнать его. Значит, если Словиель поручился за тебя, ни один Высокородный не имеет права относиться к тебе, как к цветному. Жизнь твоя тоже вне опасности. Даже Афуан и Галиан ничего не смогут с тобой поделать. А если что и замыслят, то вначале им придется подать официальную жалобу Императору. Только так.

- Понятно, - кивнул Джим. - Скажи-ка мне вот что. Когда я буду разговаривать с Императором, нужно упоминать, что Словиель за меня поручился?

- Разговаривать с Императором?! - Ро расхохоталась. Потом сконфуженно положила руку ему на плечо. - Извини. Конечно, мне не следовало смеяться, но дело в том, что можно прожить здесь всю жизнь и ни разу не поговорить с Императором.

- Значит, мне надо умереть немедленно, - сказал Джим. - Потому что Император пригласил меня сегодня к себе.

Ро долго разглядывала Джима, затем медленно покачала головой.

- Это невозможно, Джим. Он сказал, и что с того? Он мог сказать что угодно. Никто просто так не может прийти к Императору - к нему разве что п р и в о д я т . Если он захочет тебя видеть, ты окажешься перед ним в один миг. А до тех пор тебе остается только ждать.

Джим нахмурился.

- Мне очень жаль, - сказала Ро. - Ты этого не знал. Просто Император частенько говорит подобные вещи. А потом займется чем-нибудь другим и забудет о своих словах. Иногда он говорит это, чтобы сказать хоть что-нибудь. Или сделать комплимент...

Кажется, у Джима было нехорошее лицо, ибо Ро внезапно побледнела.

- Не гляди так! - вскрикнула она и что было сил тряхнула его за руку. - Ни один человек не смеет так глядеть!

- Успокойся. - Джим вымученно-добродушно усмехнулся. - Скорее всего, ты ошибаешься. Я навещу Императора. Кстати, где его можно найти?

- Он должен быть во дворце Вотана.. - Ро пристально глянула Джиму в глаза. - Джим, ты что, в самом деле собрался туда? Ну как ты не поймешь?! Ведь ты не можешь...

- Научи, как туда добраться.

- Не смей! - вскричала Ро. - Он прикажет Старкинам убить тебя А скорее всего, они не станут дожидаться приказа...

- Ого! А с какой это стати нашим Старкинам убивать Волка? - раздался чей-то голос.

Они обернулись и увидели Словиеля. Ро сразу набросилась на него, словно Словиель был камнем преткновения в споре.

- Император сегодня наговорил Джиму разной чепухи, дескать, чтобы Джим пришел к нему в гости, - тараторила она. - А он вот требует, чтобы я отправила его туда. Да я в жизни этого не сделаю!

Послышался раскатистый смех Словиеля.

- А что здесь такого? Ха! Явиться к Императору! Ро, если ты ему не поможешь, помогу я.

- И ты еще!.. - вконец рассердилась Ро. - И ты еще собирался за него поручиться!

- Конечно, - подтвердил Словиель. - Потому что я восхищен этим человеком. К тому же мне не терпится полюбоваться рожей Галиана, когда тот об этом узнает... Но если этот... как бишь ты его назвала? Джим?.. Если он жаждет быть умерщвленным до того момента, как поручительство оформят официально, с какой такой стати я должен ему мешать?

Словиель через голову Ро глянул на Джима.

- Ты серьезно хочешь пойти? - спросил он.

Джим хмуро улыбнулся.

- Я Волк и не привык отступать.

- Отлично, - сказал Словиель. - Я тебя туда отправлю.

Произнося это, он попутно оттолкнул девушку, пытавшуюся заткнуть ему рот.

- Но как посмотрят на это Вотан и Император, узнаешь сам.

Джим очутился в просторной зале с прозрачным потолком, сквозь который виднелось облачное небо - впрочем, небо могло оказаться не настоящим. Некогда было разбираться, все внимание Джима поглотила группа из нескольких человек, заметивших его появление.

Одним из них был Император. Увидев Джима, он оборвал речь на середине фразы и шагнул чуть в сторону от собеседника - пожилого широкоплечего человека, который недавно сидел рядом с ним в императорской ложе. Невдалеке от этих двух, спиной к Джиму, стоял третий Высокородный, которого Джим видел впервые; сейчас он изумленно обернулся, желая разузнать причину внезапного молчания Императора. Кроме того, здесь находились трое мускулистых атлетов с серой кожей и лысыми головами - той же породы, что и Рис, телохранитель Галиана. На них были кожаные набедренные повязки, на поясах - черные трубки. Что-то вроде длинных металлических лент обвивали торсы - ленты эти настолько плотно прилегали к телу, что казались и не металлом вовсе, а тончайшей эластичной лентой. При виде Джима телохранители немедленно выхватили оружие и прицелились.

- Стойте! - резко произнес Император, и стволы, устремленные на Джима, неуверенно покачнулись, - Это...

Несколько долгих секунд он смотрел, припоминая, потом по лицу поползла улыбка.

- Ба, это же Волк!

- Вот именно! - подал голос пожилой Высокородный. - Что ему здесь надо? Племянник, тебе лучше...

- О нет, - прервал его Император, приближаясь к Джиму и улыбаясь все шире. - Я же сам пригласил его, разве не помнишь, Вотан? Я пригласил его после того, как он убил быка.

Его рослая фигура оказалась между Джимом и телохранителями. Пройдя половину пути, Император замер и продолжал стоять улыбаясь,

- Само собой, ты поспешил к нам, верно, Волк? - сказал он. - Ты ведь не хотел заставить нас долго ждать?

- Да, Оран, - отвечал Джим.

В это время старик, названный Вотаном, приблизился к Императору. Лимонные глаза грозно сверкнули на Джима из-под нависших белых, чуть заметной желтизной бровей.

- Племянник, - изрек он глубокомысленно. - Этого человека следует наказать. Он совершил проступок. Сам знаешь, стоит раз попустить, и законы перестанут быть законами. Разве позволительно нарушать закон?

- Будет тебе, Вотан! - отмахнулся Император. - Много ли у нас Волков, знающих законы? К тому же его пригласил я сам и, если мне не изменяет память, сказал, что мне было бы интересно с ним побеседовать. Кажется, я не ошибся. - Присядь, Волк, - пригласил он. - И ты, дядя, и ты, Лорава... - Император обернулся к третьему Высокородному, художавшему юноше. - Давайте все сядем и поговорим с Волком. Скажи, Волк, откуда ты? Из какого-нибудь дальнего уголка нашей Империи, верно?

- Да, Оран, - сказал Джим.

Повинуясь приглашению, он сел. Недовольный Вотан молча опустил на подушку близ Императора. Юный Лорава торопливо бухнулся на первую попавшуюся.

- Забытая колония, забытый мир... - словно про себя бормотал Император. - Населенный дикими людьми и, разумеется, дикими зверями?

- Да, - сказал Джим. - У нас пока хватает диких животных, хотя за последние века их заметно поубавилось. Люди любят подчинять себе природу.

- Иногда люди не прочь подчинить и себе подобных, - заметил Оран.

По лицу его внезапно пробежала тень, словно припомнился некий печальный случай из жизни. Джим украдкой наблюдал за Императором. Трудно было поверить, что этот человек недавно издавал совершенно нечленораздельные звуки.

- Но ваши мужчины... и женщины - они похожи на тебя? - спросил Император, заглядывая Джиму в глаза.

- Мы все разные, Оран, - ответил Джим.

Император рассмеялся.

- Ну конечно! Вы, как нормальные дикие люди, отмечаете разницу, а не пытаетесь уравнивать всех под одну гребенку. Так же как и мы, Высокородные Мира Владык!

Из голоса Императора внезапно исчезли нотки иронии.

- Как получилось, что мы вновь обрели ваш мир, после того как потеряли много тысяч лет назад?

- Это не вы нас обрели, - поправил Джим. - Это мы разыскали один из окраинных миров Империи.

В комнате повисла тишина, которую прервал внезапный смех Лоравы.

- Он лжет! - воскликнул юноша. - Они нас разыскали? О н и ? ! С какой стати они тогда вообще терялись?

- Молчать!! - рявкнул на Лораву Вотан. Лицо его оставалось серьезным. - Ты утверждаешь, что твой народ прошел весь путь самостоятельно? От первобытных войн до космических путешествий?

Джим ответил лаконичным "да".

Вотан смотрел на него тяжелым взглядом.

- Это дело необходимо расследовать, племянник, - повернулся он к Императору. - Оно того заслуживает.

- Расследовать... да-да... - Судя по всему, мысли далеко унесли Императора. Он уставился куда-то в пустоту, в чертах лица его проступили признаки мягкой меланхолии. Вотан глянул на племянника, встал и, подойдя к Джиму, повелительно тронул пальцем его плечо. Джим послушно поднялся и последовал за Вотаном в противоположный конец залы.

- Лорава, ты пока не нужен, - сердито кинул Вотан увязавшемуся за ними юноше. Затем повернулся к Джиму. - Словиель обратился к нам с поручительством за тебя. Кроме того, насколько мне известно, ты был привезен принцессой Афуан и, если я верно понял, имел в пути беседу с Галианом. Это так?

Джим кивнул.

- Понятно. - Вотан на мгновение задумался. Внезапно взгляд его буквально впился в Джима. - Кто-нибудь из этих троих предложил тебе своевольно нанести визит Императору?

Джим покачал головой и слегка улыбнулся возвышавшемуся над ним старцу.

- Я пришел сам - в ответ на приглашение Его Величества. И о своем намерении поставил в известность только двоих - Словиеля и Ро.

- Ро? - Вотан нахмурился. - Эта мелкая девчонка, выродок, которую держит при себе Афуан?.. Может, она научила тебя?

- Напротив, она пыталась меня удержать, - возразил Джим. - Что касается Словиеля, ему показалось забавным, что я собрался к Императору.

- Забавным?! - повторил Вотан. - Ну-ка, Волк посмотри мне в глаза!

Джим взглянул в лимонно-желтые очи под кустистыми бровями. Сверкнув неожиданно ярко, они поплыли перед глазами Джима, сливаясь в одно огромное желтое око.

- Сколько у меня глаз? - услышал он рокошующий голос Вотана.

Два глазаплыли навстречу друг другу, точно два полыхающих солнца. Джим ощутил странное воздействие, сродни недавнему гипнозу Афуан. Солнца стремились слиться в одно.

Джим сосредоточился - и солнца разделились.

- Два, - сказал он твердо.

- Ошибаешься, Волк, - настаивал Вотан. - У меня всего один глаз. Один!

- Нет, - возразил Джим. - Я вижу два.

Вотан хмыкнул. Взгляд Высокородного потускнел, напряжение спало.

- Стало быть, так я ничего не выясню, - задумчиво проговорил он себе под нос. - Но, думаю, ты понимаешь, что ничего не стоит узнать правду?

- Да, - сказал Джим. - Я в этом убежден.

Вотан снова задумался.

- По всей вероятности, тут скрывается много больше, нежели можно разглядеть на поверхности... Конечно, Император вправе обращаться с тобой, как с человеком, за которого поручился Словиель, но... Недурно бы придумать еще что-нибудь. Посмотрим...

Он резко повернулся и бросил в пространство:

- Лорава!

Юноша явился на зов.

- Император назначает Волка офицером Старкинов. Проследи за исполнением приказа. И пришли ко мне Мелнеса.

Лорава исчез. Спустя несколько мгновений перед ними возник субъект в тунике и юбке традиционного белого цвета. Он был худощав и смугл, почти как Джим, и рыжеволос. Обладал маленькой круглой головой, невыразительными чертами лица - лишь глаза выделялись черными, словно уголь, колючими точками. Высокородным он, очевидно, не являлся, однако от его облика исходило столько воли и уверенности, что на фоне звероподобных Старкинов-телохранителей этот человек смотрелся более выгодно.

- Мелнес, - обратился к нему Вотан. - Перед тобой - Волк. Только что Император назначил его офицером Старкинов. А несколько часов назад он выступал на арене.

Мелнес кивнул. Взгляд черных глаз метнулся в сторону Джима, затем вернулся к фигуре старца.

- Именно так. Офицером Старкинов дворцовой охраны. Лораве приказано проследить за необходимыми формальностями. Я хочу, чтобы ты, Мелнес, растолковал ему обязанности, и непременно чтобы обязанности эти были малы настолько, насколько возможно.

- Да, Вотан. - У Мелнеса был сильный голос. - Я сделаю все, что нужно.

Вотан обратился к Джиму:

- Мелнес - дворцовый мажордом. Практически начальник всего цветного населения Мира Владык. Если возникнут сложности, обращай к нему. А сейчас ты вернешься к себе и не появись здесь до тех пор, пока не позовут.

Джим вызвал в уме обстановку помещения, где оставались Ро и Словиель, и в тот же миг очутился на месте.

Они еще не ушли. Ро сразу кинулась ему на шею. Словиель засмеялся.

- Итак, ты остался в живых. Почему-то я так и думал. Даже предложил Ро побиться об заклад на один Пункт, но она почему-то не захотела. Рассказывай, что там было?

- Меня назначили офицером Старкинов, - спокойно сказал Джим.

Его глаза наткнулись на быстрый взгляд Словиеля.

- И еще. Вотан сообщил, что Император дал согласие на твоё поручительство.

Ро вздрогнула и отступила, глядя с нескрываемым изумлением. Брови Словиеля взлетели вверх.

- Джим! - страшным голосом прошептала Ро. - Что там произошло? Что там случилось?

Джим вкратце пересказал события. Словиель восхищенно присвистнул.

- Прошу прощения, - извинился он. - Кажется, у меня появился отличный шанс выиграть несколько пари, прежде чем Мир Владык об этом узнает, - и поспешно удалился.

Ро, однако, не двинулась с места. Глядя на девушку, Джим различил в ее лице серьезное беспокойство.

- Джим, - начала она неуверенно. - Действительно ли Вотан говорил обо мне в таком тоне? Дескать, не я ли научила тебя нарушить правила и потревожить покой Императора? Ведь он прекрасно знает, у кого я служу.

Джим ответил утвердительно. И улыбнулся, правда, улыбка вышла мрачной.

- Интересно, не правда ли?

Внезапно Ро задрожала.

- Нет! Это страшно! - тихо, но выразительно произнесла она. - Это страшно!.. Я могла бы научить тебя многому и помочь тебе выжить в этом мире. Но теперь, когда в твою жизнь вмешались другие... - Голос ее пресекся от волнения, на глаза набежала непрошенная слеза.

Джим молча разглядывал девушку, затем не спеша произнес:

- Ро, скажи мне, Император болен?

- Болен? - удивленно переспросила Ро. - Ты имеешь в виду - нездоров? - Она рассмеялась. - Джим, никто из Высокородных никогда ничем не болеет. Тем паче, Император.

Джим покачал головой.

- Нет, с ним явно что-то не в порядке. И думаю, это не секрет для многих. Заметила, как он переменялся, когда заговорил со мной на арене?

- Изменился?! Как?

- Разве ты не видела? Не слышала идиотских, бессмысленных звуков, которые он издавал? Впрочем, ведь ты находилась довольно далеко оттуда...

- Но, Джим! - Ро привычным жестом опустила руку на плечо Джима. - Каждое место на арене снабжено специальным фокусирующим устройством. Когда ты дрался со своим животным... - при этих словах девушку пронзила невольная дрожь, - я видела тебя так, как если бы ты находился рядом. И когда ты приблизился к императорской ложе, я тоже не отводила глаз. И если бы что-нибудь было не в порядке, я бы это заметила.

Он помолчал.

- Ты не видела того, что видел я? - спросил он наконец.

Ро бесстрашно выдержала его взгляд, хотя Джим понимал - сейчас девушке не очень-то хотелось смотреть ему в глаза.

- Нет, - убежденно произнесла она. - Я все видела. как он с тобой разговаривал и как приглашал тебя в гости. От начала до конца.

Она продолжала глядеть на него - столь же честно и столь же внутренне сопротивляясь, хотя, возможно, даже не подозревая об этом.

Поняв это, Джим отвел глаза и увидел футок в пяти от них рослую фигуру бритоголового Старкина.

Джим насторожился и отрывисто бросил:

- Ты кто?

- Меня зовут Адок-1, - ответил Старкин. - Но я - это ты.

6

Нахмуясь, Джим принялся бесцеремонно разглядывать пришельца, однако тот не выказал и тени смущения.

- Ты - это я? - переспросил Джим. - Не понял.

- Ну как же, Джим! - вмешалась Ро. - Он твоя замена. Ведь ты не можешь быть настоящим Старкином. Сравни-ка себя и его.

- Высокородная абсолютно права, - заявил Адок-1. Голос у него был ровный, глубокий и совершенно бесцветный. - В случае когда нестаркину по рождению жалуются звание офицера, ему обеспечивают замену.

- Стало быть, он мой заместитель? - догадался Джим. - В таком случае, кто ты будешь официально?

- Я сказал: формально я - это ты, - сказал Старкин. - Формально мое имя Джеймс Кейл. Я - Волк с планеты... - он долго не мог выговорить слова, - ...Земля.

- Ты назвался Адок-1. Или мне послышалось?

От вида не в меру серьезного Старкина Джима разобрал смех, но он сдержался.

- Для тебя, Джим, если хочешь, я - Адок-1, - сообщил Старкин. - Друзья твои, к примеру эта Высокородная дама, могут именовать меня по желанию либо Адок-1, либо Джим Кейл. Разницы нет.

- Я буду звать тебя Адок, - сказала Ро. - А ты зови меня Ро.

- Я понял, Ро. - Старкин поклонился, выражая готовность как можно скорее и лучше исполнить любой приказ.

Джим недоуменно покачал головой. Желая побольше разузнать о новоиспеченном заместителе, он засыпал его вопросами. Как выяснилось, тот был начисто лишен чувства юмора. До тупости. Послушный, точно пес, Старкин был готов не задумываясь пожертвовать собственной жизнью во имя любого каприза козынина. И в то же время фамильярно называл Джима по имени. Возникло впечатление, что Адок-1 испытывает перед Джимом двойственное чувство. Предполагая свое превосходство во всех отноше-

ниях, Старкин в то же время вынужден находиться в полной зависимости от Волка.

Впрочем, детальным исследованием характера Адока можно будет заняться потом. Есть дела поважнее.

- Вот, тебя приставили ко мне, - сказал Джим. - И что мне с тобой делать?

- Начнем с того, что будем делать все вместе, - сказав это, Старкин кинул быстрый взгляд на Ро. - Если Ро извинит нас, я посвящу тебя в обязанности офицера Старкинов.

- Кстати, и мне пора к питомцам, - заметила Ро. - Я появлюсь позже Джим.

Привычным жестом она коснулась его плеча и исчезла.

- Ладно, Адок, - Джим повернулся к Старкину. - С чего начнем?

- С твоего позволения, осмотрим жилье подчиненных. Разреши проводить тебя к месту, Джим.

- Валяй, - ответил Джим, и они переместились в помещение, напоминающее бесконечно длинную казарму. Несмотря на высоченный потолок и просторность, Джим чувствовал себя здесь слегка неудобно...

- Где мы? - спросил он Адока.

Казарма была пуста, лишь вдали виднелись несколько движущихся человеческих фигур.

- Здесь устраивают парады... - Адок покосился на Джима, и по каким-то признакам Джим догадался, что тот пребывает в крайнем изумлении.

- Мы находимся примерно на глубине полумили от поверхности Земли. Это не беспокоит тебя? Дело в том, что цветные, как правило, ничего не чувствуют, а вот Высокородные от перепадов давления впадают в беспричинную тревогу...

- Нет, ничего такого я не заметил, - покачал головой Джим. - Но что-то не то...

- Если тебя что-то гнетет или пугает, ты должен мне сообщить, - посоветовал Адок. - Даже то, чего не сообщил никому другому. К слову сказать, другим это и ни к чему. Но мне говори все, потому что я обязан знать, в каких условиях тебе нужна дополнительная психологическая заплата.

Джим хмыкнул. Звук неожиданно громко разнесся по казарме. Место, где они находились, мало способствовало изливанию чувств, но Адок ему определенно нравился.

- Не волнуйся, - успокоил Джим. - Обычно я не подвержен психологической слабости. Но в случае чего обещаю поставить тебя в известность.

- Договорились, - Адок кивнул. - Теперь я скажу вот что. Время от времени тебе придется самому участвовать в парадах, и ты должен уметь перемещаться сюда самостоятельно. Запомни обстановку. А потом отправимся в арсенал - выберем оружие.

Арсенал представлял собою ярко освещенный узкий коридор, в стенах которого были вмонтированы небольшие открытые кабинки. Там висели кожаные набедренные повязки и длинные серебристые ленты.

Адок подвел Джима к кабинкам и предложил выбрать снаряжение. Затем они переместились в казармы Старкинов-солдат. Осмотрели жилье, посетили учебные классы, столовую, убогое и странное подобие зимнего сада с искусственным освещением, наконец, к полному изумлению Джима, торговый центр, набитый множеством Старкинов и их прислужников - людей еще более низших каст.

Затем оказались в просторной благоустроенной зале, напомнившей Джиму обиталище Императора. Здесь у него наконец пропало гнетущее чувство, и он сделал вывод, что снова вернулся на поверхность.

Он открыл было рот, но любопытство его удовлетворили, не дожидаясь вопроса.

Перед Джимом материализовался Мелнес - человек с оливкового цвета кожей. Взгляд его был направлен на Адока, а не на Джима, как можно было ожидать.

- Я показал ему все, - доложил Адок Верховному Холопу Мира Владых. - И, памятуя твой приказ, доставил сюда.

- Ладно, - резко произнес Мелнес. Черные бусинки глаз уставились на Джима. - Кстати, Его Величество соблаговолил принять поручительство для твоего усыновления.

- Благодарю за сообщение, - церемонно поклонился Джим.

- Сказав это, я имел в виду не твои проистекающие отсюда выгоды, - произнес Мелнес. - А для того, чтобы ты постиг создавшееся положение. Став кандидатом в Высокородные, ты стал выше меня и всех прочих цветных. С другой стороны, будучи офицером Старкинов рангом ниже командира десяти полков и выходцем из более низкой касты, ты должен находиться в моем беспрекословном подчинении.

- Понимаю - Джим кивнул.

- Полагаю, здесь имеет место противоречие, и дабы его разрешить, необходим разумный компромисс, - твердо сказал Мелнес. - Любые действия, совершаемые тобой, будут расцениваться как действия Высокородного. Однако действия, входящие в обязанности офицера Старкинов, затрагивают иные сферы твоей жизни, - и здесь ты всего лишь мой подчиненный. Наконец, в третьем случае, когда твои поступки не касаются ни одной из упомянутых сторон, ты будешь волен выбрать любой из двух имеющихся вариантов. Хотя я не уверен, что тебе нравится быть слугой.

- Я тоже, - сказал Джим, спокойно глядя в блестящие глаза Мелнеса.

- Если между этими сторонами твоего положения возникнет противоречие, я не имею права наказать тебя своей властью. Однако в случае необходимости я подам жалобу Его Величеству и уволю тебя из офицеров. Не стоит тешить себя мыслью, дескать, Его Величество не обратит на мою жалобу никакого внимания. Обратит. На л ю б у ю.

- Понимаю, - как можно мягче произнес Джим.

Мелнес ненадолго задержал на нем взгляд и исчез.

- Джим, - подал голос Адок. - Если хочешь, можем вернуться в казармы. Я научу тебя пользоваться оружием.

Джим кивнул, и они отправились в казармы. Адок надел на Джима доставленные из арсенала ленты и пояс.

- Существует два типа оружия, - принялся поучать Адок, закончив подгонку снаряжения. - Эта штука имеет собственный источник энергии и используется всеми охранниками Мира Владык. - С этими словами он взял в руки висевшую на поясе маленькую черную трубку. Потом, помолчав, коснулся пальцем серебристой полоски, охватившей левый бицепс Джима.

- А это - оружие второго рода. В данный момент оно бесполезно, поскольку не заряжено. Его следует вначале подключить к источнику энергии; каждая из лент одновременно служит и оружием, и ускорителем.

- Ускорителем? - переспросил Джим.

- Да. С помощью лент твои мышцы смогут сокращаться гораздо быстрее. По существу, ленты являются ускорителем реакции, что особенно важно для представителя цветной касты, ибо их реакция не идет ни в какое сравнение с реакцией Высокородных. С лентами нам придется порядком повозиться, и со временем, возможно, тебе разрешат посетить наземный Полигон. Там ты сможешь испытать свое оружие.

- Понятно, - сказал Джим. - Значит, это самое "оружие второго рода" делает человека намного могущественнее?

Он пристально разглядывал сверкающие ленты.

- Хорошо обученный Старкин, обладающий оружием второго рода, стоит трех воинских частей колониальных миров, - пояснил Адок.

- Стало быть, в колониях нет своих Старкинов?

В лице Адока вновь мелькнули какие-то эмоции. Казалось, в этот раз он был просто поражен.

- Старкины подчинены Императору и никому больше!

- Странно. В пути, на корабле я удостоился беседы с одним Высокородным по имени Галиан, у которого телохранителем был человек, сильно похожий на Старкина.

- В этом нет ничего странного, - сказал Адок. - Император жалует Старкинов Высокородным в случае, если те в них нуждаются. Но Старкины все равно остаются слугами Императора и подчиняются его приказам.

Джим кивнул - слова Адока как будто подтверждали сказанное Мелнесом.

- В подземельях Мира Владык живут только слуги, так, Адок?

- Да, Джим.

- Раз уже мне придется здесь бывать по долгу службы, я должен знать подземелья как можно лучше. Как велика их протяженность?

- Под землей столько же помещений, сколько наверху, - ответил Адок. - А может, и больше. Я их все не знаю.

- А кто знает?

На секунду Джиму показалось, что Адок пожмет плечами, однако тот оказался достаточно сдержан.

- Я не знаю. Никто не знает... Хотя... может быть, Мелнес...

- Н-да, - задумчиво произнес Джим. - Если и знать, то кому как не Мелнесу.

Минуло несколько недель. За это время Джиму довелось участвовать в нескольких подземных парадах. Каждый раз его обязанности ограничивались праздным стоянием во главе подразделения из 78 Старкинов в полном вооружении. Однако самый первый парад произвел на него сильное впечатление.

Необъятных размеров казарма, сколько хватал глаз, до самого горизонта была набита полками Старкинов - невысоких, мускулистых, с серыми лицами и бритыми головами. Доселе он полагал, что по сравнению с Высокородными Старкинов значительно меньше, но, лишь увидев все своими глазами, осознал, насколько заблуждался. Позже, произведя несложные подсчеты с помощью Адока, Джим установил, что на данном параде присутствовало тысяч двадцать, а возможно и больше, вооруженных до зубов головорезов. И если Адок верно говорил, в том смысле, что один Старкин стоит четырех-пяти частей колониальных войск, то явившаяся глазам Джима армия соответствовала трехмиллионной орде туземцев. Вдобавок Адок сообщил, что парад этот - один из пятидесяти, проводимых в Мире Владык.

- В самом деле, - подумалось Джиму, - с такими силами Высокородные могут чувствовать себя в полной безопасности.

Кроме парадов в обязанности Джима входило постижение тайн имперского оружия - преимущественно "второго рода".

Он еще не использовал по-настоящему гибкие серебристые полосы, ускорители мышечных реакций. Адок учил проделывать с ними несложные физические упражнения - бег, прыжки и все такое, постепенно увеличивая нагрузки. Вначале тренировка заняла не более двадцати минут, по прошествии которых Адок едва ли не с отеческой заботой уволок Джима в комнату и заставил лечь на громадную подушку, заменявшую постель. Затем осторожно размотал ускорители.

- Теперь отдыхай не менее трех часов, - сказал он тоном, не допускающим возражений.

- Зачем?

Джим всматривался в склонившееся над ним серое лицо.

- Затем, что мышцы твои пережили небывалую нагрузку. Ведь ты работал в темпе, к которому организм не привык. И последствия не заставят себя долго ждать. Сейчас ты ощущаешь лишь усталость и недомогание, но что будет спустя три часа - не передать словами. И лучший способ свести неприятные последствия к минимуму - часа три лежать без движения. Постепенно тело привыкнет к ускорителям, и недомогание прекратится. А сейчас - отдыхай.

Джим подчинился. Адок исчез, предварительно потушив свет. Джим остался лежать в полумраке, уставя взглядом в потолок. Ничего особен-

ного он не ощущал, но, памятуя слова Адока, пролежал все три часа не шелохнувшись.

Время истекло, а в теле не было заметно никаких перемен. Джим задумался.

Сделанное им открытие не укладывалось в ряд известных фактов, а возникшая в мозгу общая картина пока оставалась туманной. В конце концов она прояснится, а до тех пор... К счастью, еще с детства, когда у Джима не было выбора и он принужден был проводить годы в молчании и одиночестве, он приучил себя к безграничному терпению.

Поскольку Адок предупредил его о неизбежном недомогании и Джим не знал, ведется ли за ним наблюдение со стороны Высокородных, или их слуг - у каждой из сторон могли быть свои интересы, - он решил не упреждать события и оставаться на месте.

Вытянувшись на мягком ложе, Джим погрузился в сон.

Кто-то легонько встряхнул его за плечо. Джим открыл глаза. В полумраке комнаты над ним склонилась Ро.

- Галиан хочет, чтобы ты встретился с одним человеком, - сказала она. - Мне передала Афуан. Человек этот - губернатор Альфы Центавра.

Минуту Джин пытался вникнуть в смысл сказанного, затем резко встряхнулся.

- С какой стати мне встречаться с губернатором Альфы Центавра? - поинтересовался он, садясь.

- Но ведь он твой губернатор! - воскликнула Ро. - Разве тебе не объяснили, Джим? Любая новая колония передается в ведение ближайшего губернатора.

- Впервые слышу, - буркнул Джим. - Насколько я понимаю, я обязан засвидетельствовать ему свое почтение?

Ро заколебалась.

- Видишь ли... Теоретически он имеет право отозвать тебя из Мира Владык в любой момент - ведь ты его подданный. С другой стороны, поручительство за тебя было одобрено Императором, и, узнав об этом, губернатор вряд ли захочет неприятностей. Мол, кто их знает, без пяти минут Высокородных? Запомни: престиж колонии неизмеримо возрастет, если выходец из нее останется в Мире Владык и сделается Высокородным. Стало быть, он не может причинить тебе вред, а ты, напротив, получаешь право отказывать ему в чем угодно (если, конечно, возникнет нужда). Но - с соблюдением этикета.

- Тебя послали за мной? - спросил Джим.

Ро кивнула. Она пртянула руку, и Джим осторожно сжал ее ладонь. Это был самый простой способ перенестись в незнакомое место.

Они попали в небольшую комнату, до странности похожую на рабочий кабинет Галиана на борту звездолета. За парящими в воздухе столами сидели уже знакомые слуги, недалеко расположились Старкины-телохранители. Здесь же Джим увидел Галиана и - рядом с ним - причудливо

разодетого человека, отдаленно напоминавшего индейца Южной Америки. Насколько Джим помнил, то было национальное облачение туземцев Альфы Центавра, хотя для коренного жителя Альфы губернатор был несколько высоковат.

- Вот наконец и вы, - приветствовал, повернувшись, Галиан. - Джим, я полагаю, тебе интересно будет познакомиться со своим уездным начальником. Ук Бен, к твоим услугам. Ук - это тот самый Джим Кейл, кандидат в жители Мира Владык.

- Хо'ошо, - сказал с улыбкой Ук Бен.

В стремлении подражать характерному акценту Высокородных губернатор миров Альфы Центавра несколько перебирал и потому сильно картавил.

- Я хотел видеть тебя, Джим, и пожелать тебе удачи. Твоя планета совсем недавно пе'ещла под нашу ю'исдикцию и - я весьма, весьма го'жусь!

Ук Бен улыбнулся. Казалось, его нимало не волновала реакция окружающих на данное выступление. Внешний облик Ро от макушки до пят выражал презрение. В желтых глазах Галиана сквозила ирония. Джим внимал губернатору бесстрастно и молча.

- Да... это я п'осто хотел тебе сообщить! Не хочу более отнимать твоего д'агоценного в'емени! - единым духом выпалил Ук Бен.

Джим молча разглядывал этого горе-комедианта, выставленного на посмешище Галианом. Он не мог понять одного - зачем Галиан вызвал его, надо полагать, к этому были более веские причины.

- Благодарю, - сказал Джим. - К сожалению, мне в самом деле пора. Дело в то, что сейчас - время тренировок.

Он оглянулся.

- Ро?

- Буду рад лицезреть тебя снова, - произнес Галиан.

Казалось, Галиан получил от вышеописанной сцены все, что хотел, но что именно - оставалось загадкой. И времени для выяснения не хватало.

Джим протянул руку Ро, и они возвратились к нему домой.

- Кому нужна была эта комедия?

- Не знаю. - Ро с сожалением пожала плечами. - Когда в Море Владык начинают твориться непонятные вещи, это опасно... Я постараюсь выяснить, Джим. До свидания.

Оставшись в одиночестве, Джим попытался вызвать в памяти подробности встречи. Его встревожила стремительность происшедших событий, кроме того, появилось опасение, что он может не углядеть за вероятным подвохом.

- Адок! - громко позвал он в пустоту.

Перед ним возникла коренастая фигура Старкина.

- Ты в порядке? - полюбопытствовал Адок. - Тебе неплохо было бы...

- Пустяки, - оборвал Джим. - Скажи-ка, Адок, там, внизу, где живут слуги, есть библиотека?

- Библиотека... Ты имеешь в виду учебный центр? Я могу проводить тебя туда. Хотя сам там ни разу не бывал, но где находится - знаю.

Джим кивнул. Адок коснулся его плеча, и они переместились в уже знакомый Джиму сад. Адок помешкал, затем устремился в узенькую боковую улочку.

- Если не ошибаюсь, это где-то здесь.

Джим последовал за ним. Пройдя улицу, они приблизились к широкой каменной лестнице, ведущей в открытый павильон,

По лестнице сновали люди. Старкинов среди них было мало - преобладали цветные. По пути Джим пристально разглядывал спешащих слуг, и, когда они с Адоком миновали подъем, внимание Джима было вознаграждено. Навстречу, торопясь, шел черноглазый человек с желтым лицом, смахивавший на Мелнеса. Человек кинул взгляд на одного из входящих, коротышку с длинной темной шевелюрой. Как бы случайно тот опустил ладонь правой руки себе на талию, чуть выше пояса. В ответ желтолицый небрежно коснулся левого бицепса двумя пальцами правой руки. После чего оба, не сказав друг другу ни слова, разошлись.

- Ты видел? - тихо спросил Джим Адока, едва они вошли в павильон. - Что значат эти жесты?

Адок довольно долго молчал, чем вызвал недоуменный взгляд Джима. На доселе бесстрастное лицо Старкина набежала тень.

- Странно, - словно бы про себя произнес Адок. - Такое уже было. - Он поднял на Джима глаза. - Это Немой Язык.

- И о чем они говорили?

- Не знаю. Это древний язык. Высокородным он стал известен лишь после первого восстания слуг, несколько тысяч лет назад. Слуги пользуются им довольно часто, но нам, Старкинам, ничего не рассказывают - мы слишком преданы Императору.

- Понятно.

Джим погрузился в раздумье.

Они миновали холл и попали в просторное помещение, залитое светом непрерывно вращавшихся шаров, за движением которых трудно было уследить. Адок, остановившись, кивнул на эти маленькие солнца.

- Это один из архивов, правда, не знаю, какой именно. Архивы предназначены не нам, а Высокородным. Направо есть комнаты, там ты можешь получить нужную информацию.

Он проводил Джима по коридору до первой свободной комнатки, где находились стул и что-то вроде ученического стола с наклонной поверхностью.

Джим уселся за стол. Возле самого края крышки обнаружилось несколько рукояток черного цвета. Адок повернул одну из них. Поверхность стола превратилась в светящийся экран, на котором проступило единственное слово: "Тотов".

- Говори прямо в экран, - подсказал Адок.

- Мне необходимо просмотреть все документы, касающиеся экспедиций к системе Альфы Центавра, - медленно проговорил Джим.

Надпись исчезла. Слева направо по экрану медленно поползли строчки.

Информация была не совсем подходящая. Джим не подозревал, что на Альфу отправлялось такое множество экспедиций. Вынужденный просматривать общие сведения обо всех экспедициях подряд, он ждал отчета лишь об одной - той, что побывала на Земле.

Очевидно, на просматривание всего массива информации уйдет несколько дней, а то и неделя.

- Нельзя ли ускорить передачу? - обратился он к Старкину.

Тот слегка подвинул ручку - строчки поползли быстрее. Все равно Джиму казалось, что они ползут слишком медленно. Тогда он вывернул рычажок до самого ограничителя. Адок вскрикнул;

- Джим, да ведь ты читаешь почти как Высокородный!

Джим не ответил. Он сосредоточенно вглядывался в экран. Лишь в перерыве между сменой кассет он осознал, что прошло довольно много времени, и ноги затекли от долгого сидения в одной позе.

Он разогнул спину, отключил экран и посмотрел на неподвижно стоявшего поодаль Адока.

- Ты меня все время ждал? - удивленно спросил он. - Долго я читал?

Бесстрастным голосом Адок назвал время в имперских единицах, соответствовавшее примерно четырем земным часам.

Джим встал, потянулся, сделал небольшую разминку и вновь уселся за стол. На этот раз он затребовал сведения по Немому Языку.

Оказывается, Немой Язык имел пятьдесят две разновидности. По всей видимости, в Море Владык было не одно восстание рабов, а значительно больше, и знаки языка менялись после каждого бунта. Для себя Джим решил, что обязательно просмотрит материалы по всем комплексам сигналов - на это занятие, возможно, уйдет несколько дней. Именно комплексы сигналов - вот что представлял собою пресловутый Немой Язык. Поглаживание подбородка, скрещивание пальцев - каждый жест был своего рода символом, суть которого требовалось постигнуть.

Джим погасил экран и вышел на улицу. Адок безотлучно следовал по пятам. Около часа они бродили по аллеям подземного сада, заходили в магазины, толкались в людных местах. Везде Джим высматривал знаки Немого Языка.

Он видел множество сигналов, но ни один из них не был похож на уже известные ему разновидности. Однако Джим старался запоминать как знаки, так и сопутствовавшие им обстоятельства. Затем отпустил Адока и вернулся к себе.

В одиночестве побыть не удалось - явилась Ро в сопровождении Слоуиеля. Откуда она узнала, подумалось Джиму, что он уже дома? Неужели за ним непрерывно наблюдают? Даже сама возможность подобной слежки,

если учесть, что девушка пришла почти сразу после его возвращения, настораживала. Разумеется, он должен выпытать у нее все до конца.

Здороваясь, Джим уловил в настроении гостей нотки озабоченности. На лице Словиеля застыла хмурая усмешка.

- Что-то случилось? - поинтересовался Джим. - Или я ошибся?

- Не ошибся, - произнес Словиель. - Император утвердил мое поручительство, и Галиан - кстати, почему ты не сказал, что он твой приятель? - Галиан предложил устроить по этому поводу небольшой банкет, так сказать, отметить событие. Зачем это ему понадобилось, как ты думаешь?

Джим поразмыслил.

- Если будет банкет, Император осчастливит нас своим присутствием?

Словиель нахмурился. Видимо, счел вопрос неуместным, тем более в устах цветного.

- Зачем ты это спросил?

- Затем, что Мелнес очень умный человек, - ответил Джим.

7

Словиель весь напрягся, точно зверь перед прыжком.

- Довольно, Волк! - рявкнул он. - Хватит, мы уже наигрались в намеки и иносказания!

- Джим... - предостерегающе начала Ро.

- Мне очень жаль, - твердо произнес Джим, выдержав взгляд Словиеля. - Объяснение касается не тебя, а Императора. Мне кое-что стало известно, но тебе я ничего не скажу. Впрочем, тебе и не заставить меня сделать это, ибо с твоей стороны подобный поступок выглядел бы крайне неприлично - поручительство кое к чему обязывает.

- Пойми, - продолжал он, стремясь убедить Словиеля. - В данный момент я в самом деле не имею права сообщить известную мне тайну. Лучше давай договоримся: если под конец банкета ты, Словиель, не получишь от самого Императора либо Вотана подтверждения правомочности моего молчания, я согласен ответить на любой твой вопрос. Идет?

Словиель, казалось, превратился в статую. Затем, будто бы очнувшись, вздрогнул, вздохнул. Губы сложились в обычную томную усмешку.

- Н-да... Тут ты, похоже, выиграл, Джим. Действительно, я не вправе устраивать допрос с пристрастием человеку, поручителем которого являюсь. Тем более, не сумею сохранить это в тайне... Однако! Тебя, оказывается, не проведешь! Предвижу, в будущем, ты, Джим, сделаешься заядлым игроком в Пункты. Хорошо, можешь сохранить свой секрет - пока..

Сказав это, Словиель исчез.

- Джим, - шепнула Ро. - Мне страшно за тебя.

Слова девушки прозвучали на удивление серьезно. Джим кинул на нее быстрый взгляд. И понял, в чем дело: Ро глядела на него с участием, но не с таким, с каким обычно глядела на своих питомцев, в число которых некоторое время назад входил и он сам... Джим был растроган. Никто, будь

то мужчина или женщина, не выказывал о нем подобной заботы в течение многих лет.

- Хотя мне-то ты можешь сказать, почему Галиан решил устроить вечер и почему Мелнес - очень умный человек? Похоже, ты намекаешь на то, что между Мелнесом и Галианом существует какая-то связь? Но разве такое возможно? Высокородный и цветной?

- Так же, как ты и я, - заметил Джим.

Ро покраснела. Джим уже знал, что для нее краска на лице значит куда меньше, чем для любой другой женщины.

- Но я - совсем другое дело! - жарко воскликнула Ро. - А Галиан - один из самых высокопоставленных сановников, и не только по происхождению...

- Но он-то постоянно твердит, что не прочь воспользоваться услугами цветных.

- Это верно, - Ро задумалась. - А ведь ты еще ничего мне не рассказал.

- Здесь почти нечего рассказывать. - Джим вздохнул. - Кроме того, что, как уже говорилось, касается Императора. Я заметил, что Мелнес весьма умен. Я имел в виду, что люди совершают ошибки не только по глупости, но и от большого ума. В моем случае Мелнес сделал все возможное, чтобы продемонстрировать мне свое негодование по поводу моей ему неподотчетности.

- Но зачем Мелнесу негодовать?

- Причин хоть отбавляй. Самое простое объяснение: какой-то там Волк взял и приобрел поручителя, в то время как он, Мелнес, не имеет ни малейшего шанса сделаться Высокородным. Потому что представляет собою слишком ценного слугу. В то же время у него хватило сообразительности не выдавать мне своего гнева, ведь я скоро могу стать Высокородным и, стало быть, выйду из его подчинения. Более того, сам он окажется тогда у меня в холоях.

- Так почему он негодовал?

- Скорее всего решил, что я шпион, засланный Высокородными в среду слуг. И счел нужным показать, что недоволен одним, в то время как на самом деле был озабочен совсем другим. И дал понять, что разглядел во мне шпиона.

- А с какой стати тебе или кому бы то ни было за ним шпионить?

- Пока не знаю, - признался Джим.

- Но ты считаешь, тут замешаны Император и Галиан. Почему? Джим улыбнулся.

- Ты хочешь знать слишком много, и все сразу. Знать даже больше, чем я... Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я не хотел распространяться на данную тему при Словиеле?

Ро медленно наклонила голову. Затем взглянула на Джима.

- Джим, скажи, пожалуйста, кем ты был? Я имею в виду, чем ты занимался на своей планете, кроме боя с быками?

- Я был антропологом, - сказал Джим. - Искусству тореадора я обучился значительно позже.

Ро недоуменно нахмурилась. Слова "антрополог" в имперском языке не существовало - называя термин, Джим попросту соединил два корня - "человек" и "наука".

- Я изучал доисторическое прошлое людей. В частности - происхождение культур. Всех культур человечества.

Он видел, как Ро напряженно подыскивала в памяти нужные сведения.

- А! Ты имеешь в виду...

Она произнесла слово на имперском языке, которого Джим не знал. После чего ее лицо прояснилось, и она ласково тронула Джима за руку.

- Джим! Бедный Джим - немудрено!

Опять - в который раз! - Джим с трудом удержался от улыбки. Всякое он думал о себе, но называть себя "бедным" как-то не приходило в голову.

- Немудрено? - переспросил он.

- Ты всегда такой холодный и держишься подальше от Высокородных. Нет, я не себя имею в виду. Но теперь-то я не удивляюсь, отчего ты такой. Встреча с нами, с Миром Владык, отрезала тебя от работы. Ты убедился, что люди твоей расы мало чем отличаются от обезьян и прочих недочеловеков... Значит ли это, что вся сделанная тобой работа пошла насмарку?

- Не совсем.

- Джим, позволь кое-что сказать тебе. - В голосе Ро появились настоятельные нотки. - То же самое случилось и с нами, Высокородными. Несколько тысяч лет назад Высокородные считали, что их родина - Мир Владык, что Высокородные произошли от местных аборигенов. Но это было ошибкой - в конце концов мы были вынуждены признать ее. Слишком похожи оказались формы жизни на всех освоенных людьми планетах. И было признано, что миры эти населялись потомками какой-то одной Цивилизации, существовавшей задолго до нас. Между прочим, есть довольно серьезные доказательства, что эти превосходившие нас существа одновременно появились на всем великом множестве планет. Как видишь, иногда и Высокородным приходится мириться с разочарованиями...

На этот раз Джим не выдержал и улыбнулся.

- Не беспокойся, - сказал он. - Сколь бы сильный удар я ни получил, узнав, что такое Империя, теперь все в прошлом.

Похоже, он ее убедил.

Торжество по случаю утверждения Императором поручительства Словиеля намечалось через три недели. Все это время Джим посвятил разучиванию боевых приемов Старкинов и владению оружием. Он подолгу пропадал в учебном центре.

Кроме того, в свободные часы он шатался по подземному городу, запоминая знаки Немого Языка, которые успевал заметить. А вернувшись домой, составлял каталог символов. Понемногу беспорядочные символы стали складываться в некую систему.

Ему помогали две вещи.

Во-первых, будучи антропологом, он знал, что любой язык знаков развивается на примитивной основе, вытекающей из самой человеческой природы. Как сказал однажды некий видный антрополог - чтобы понимать эскимосов, совершенно не обязательно знать их язык. Все ясно и так. К примеру, жест проголодавшегося - показать на рот, затем похлопать себя по животу - никаких проблем.

Во-вторых, комплекс передаваемых сигналов в силу необходимости должен быть ограничен. Каждый символ несет информацию, эквивалентную нескольким фразам, стало быть, если наблюдать продолжительное время, можно отметить повторяющиеся знаки. В конце концов успех был достигнут. На исходе второй недели Джим понял символы приветствия, заключающиеся в прикосновении большого пальца к безымянному. С этого момента дело пошло быстрее.

Что касалось поисков сведений об экспедиции в Солнечную систему, плодов они не принесли. Вероятно, в библиотечных записях вообще не упоминалось о подобном путешествии. Джим просмотрел громадное количество материалов, практически по всем разделам архива, посвященного звездным экспедициям Мира Владык. Безрезультатно.

- Тебе следует иметь в виду, что ты можешь прочесть все разрешенные к публикации документы, но не найти упоминания об этой экспедиции, хотя сведения о ней в архивах имеются, - сообщил ему Адок, когда Джим поведал о своих неудачах.

Они гуляли по подземному саду. При последних словах Адока Джим замар как вкопанный.

- То есть как? Ты хочешь сказать, что мне разрешено просматривать лишь часть материала?

- Прошу прощения, Джим. Конечно, я не знаю, являются ли данные экспедиции секретом, но разве ты можешь поручиться, что это не так?

- Правда, - признал Джим. - Тут моя вина. Я не учел, что некоторые эпизоды истории Мира Владык могут держаться в тайне.

Он помолчал.

- Как бы то ни было, подскажи, кому разрешен доступ к любой, даже секретной, информации?

- Но ведь... - воскликнул Адок с оттенком удивления в голосе, что для Старкина было крайней формой проявления эмоций. - Всем Высокородным разрешен доступ к любой информации. И если ты свободен в передвижениях, можешь отправиться наверх и посетить какой-нибудь учебный центр для детей Высокородных.

Внезапно он осекся.

- Нет, - продолжал он тихо. - Я постоянно забываю... Ты, конечно, можешь посетить центр, но это ничего не даст.

- Думаешь, Высокородные не позволят мне воспользоваться их архивами?

"Ни в чем нельзя быть уверенным здесь, в Мире Владык, - думал Джим, наблюдая за Старкином. - Даже, казалось бы, в неподкупной честности Адока". Если Адок заявит, что ему, Джиму, запрещено пользоваться учебными центрами для Высокородных, это будет вторым запретом, с которым он столкнется в Мире Владык, формально не имеющем ни единого запрета. Первым, насколько он помнил, был запрет наносить визиты Императору по собственной воле.

Но Адок покачал головой.

- Нет, не думаю, чтобы кто-то тебе помешал. Просто техника наземных центров рассчитана на Высокородных - тебе она не по зубам. Скорость чтения у них во много раз больше твоей.

- Ты видел меня за работой, - возразил Джим. - Разве они читают быстрее?

- Намного, - убежденно ответил Адок. - Намного быстрее.

- Это не беда, - сказал Джим. - Отведи меня в наземный центр.

Адок не стал пожимать плечами - трудно было судить, способны ли на подобный жест его могучие плечи - но послушно перенес Джима в подобие древнегреческого храма. Сплошной лес колонн и ни одной стены. Само собой, имелись пол и крыша. Сквозь колонны проглядывали зеленые лужайки и голубое небо. На равных расстояниях друг от друга, на разложенных подушках сидели дети всех возрастов. Взор каждого был устремлен в персональный экран, повисший в воздухе под углом сорок пять градусов и автоматически менявший положение, едва Высокородный принимал другую позу.

На появление Джима и Адока никто не обратил внимания.

Джим остановился за спиной подростка лет десяти-двенадцати, едва ли не одного с Джимом роста. Впрочем, фигура его была тоньше и изящнее. По экрану с невообразимой скоростью бежали строчки на имперском языке. Попробовав, как обычно, разделять их на отдельные слова, Джим, к своему глубочайшему удивлению, не смог этого сделать.

Его словно ударило током, в нем пробудилась ярость. Он не привык отступать. Более того, был убежден, что дело не в его несовершенстве - ведь он видел текст точно так же, как и дети Высокородных. Скорее, мозг его не был приспособлен к сумасшедшей скорости восприятия.

Джим решился на последнюю отчаянную попытку. Все вокруг - пол, потолок, колонны, даже мальчик перед экраном - перестало существовать. Внимание целиком сконцентрировалось на бегущей строке. От напряжения трещала голова, шум в ушах делался все громче...

Он почти добился своего. На миг показалось, что строчка распалась на гирлянду слов, в мозгу отложился даже смысл нескольких фраз: похоже, речь шла об организации Старкинов.

Потом он расслабился, иначе организм не вынес бы столь чудовищного испытания. Из пустоты мало-помалу выступило окружающее.

Внезапно он ощутил на себе взгляд. Сидящий перед экраном мальчик наконец-то заметил незнакомца и в крайнем изумлении уставился на Джима.

- Ты кто? - спросил он в замешательстве.

Не ответив, Джим коснулся руки Адока и перенес его к себе домой.

В привычной домашней обстановке Джим почувствовал облегчение. Уселся на подушку, сделал знак Адоку сесть рядом. Тот повиновался. Вскоре дыхание Джима стало ровнее, на губах появилось даже некое подобие улыбки.

- Отчего ты не говоришь: "ведь я же предупреждал тебя"? - обратился Джим к Адоку.

Старкин покачал головой, давая понять, что не приучен высказывать вслух подобные вещи.

- Между прочим, ты оказался прав, - признал Джим.

Минуто он поразмыслил, затем продолжал:

- Причина, кстати говоря, несколько иная, чем ты думал. Дело в языке. Просто я не слишком хорошо знаю язык Империи. Окажись текст на каком-нибудь из языков Земли, я читал бы не хуже Высокородных.

Тут он резко повернулся и бросил в пространство:

- Ро!

Ответа не последовало. Впрочем, все было в порядке вещей: все-таки Ро - Высокородная, у нее могли отыскаться занятия поважнее, в отличие от Адока, обязанного являться по первому зову Джима.

Тогда Джим отправился к ней сам. Обнаружив комнату Ро пустой, оставил записку с просьбой прийти к нему сразу, как только она освободится.

Ро появилась два часа спустя.

- Торжество намечается грандиозное, - с порога заявила она. - Будет весь высший свет. Видимо, кто-то прослышал, что банкет будет не простой, а...

Она умолкла на полуслове.

- Джим, я совсем забыла! Ведь ты хотел меня видеть?

- Слушай, - сказал Джим. - Ты не могла бы установить у себя дома один из учебных экранов?

- Что?.. Ну, конечно! Раз тебе нужно... Но почему бы не поставить его здесь?

Джим покачал головой.

- То, что я им пользуюсь, не следует знать никому. А если ты, Высокородная, установишь у себя дома подобный экран, никому в голову не придет заподозрить неладное. Ведь так?

- Разумеется, это в порядке вещей, - согласилась Ро. - Хорошо, я все устрою. Но объясни, в чем дело?

Джим поведал о своей попытке состязаться с юным Высокородным в скорости чтения и о том, что из этого вышло.

- Ты считаешь, что тренировка поможет тебе. - Ро нахмурилась. - Может, не стоит слишком на это надеяться?

- Я и не надеюсь, - отвечал Джим.

Часа через три экран висел в углу одной из пустующих комнат покоев Ро. Отныне все время, ранее посвящаемое занятиям в подземном учебном центре, Джим проводил за персональным экраном.

Успех, достигнутый за неделю напряженных трудов, оказался незначительным. Посему в последующие дни, разочарованный в своих способностях, Джим бродил в сопровождении Адока по городу слуг, наблюдая и изучая Немой Язык.

К тому времени он свободно владел системой знаков, однако увиденное и расшифрованное большей частью являлось слухами и сплетнями. Впрочем, при верном истолковании и сплетни могли сослужить добрую службу.

Из очередной вылазки Джим вернулся приблизительно за час до начала банкета и обнаружил, что дома его ждет Лорава.

- Тебя хочет видеть Вотан, - отрывисто бросил Высокородный, едва завидя Джима.

Джим вдруг очутился в помещении, где никогда раньше не бывал. Лорава находился рядом, по левую руку Лоравы стоял Адок - стало быть, приглашение касалось их обоих.

Вотан сидел за небольшим пультом, на котором располагались разноцветные рукоятки. Небрежно, словно играючи, Вотан двигал ими, а наспущенные брови давали понять, что дядя Императора занят важным и безотлагательным делом. Тем не менее едва указанная группа соткалась в воздухе, он немедленно вышел из-за пульта и направился к Джиму.

- Я позову тебя позже, Лорава, - кинул он на ходу.

Юноша исчез.

- Волк, - начал Вотан, хмурия густые желтоватые брови. - На твоём банкете будет присутствовать сам Император.

- Я боюсь поверить, что банкет устраивается в мою честь, - с поклоном ответил Джим. - Скорее, он в честь Словиеля.

Вотан отгнул его возражение жестом длинной, как жердь, руки.

- Виновником торжества являешься ты, и никто другой. Ты единственный, ради кого туда явится Его Величество. Он снова хочет с тобой побеседовать.

- Но для этого совсем не нужно затевать банкеты, - заметил Джим. - Я бы сам пришел в любое удобное время...

- В обществе Император предстает в наиболее выгодном свете. Впрочем, это неважно, - произнес Вотан с ноткой недовольства. - Важно, что на банкете Император, безусловно, отведет тебя в сторону и начнет задавать множество вопросов... - Вотан заколебался.

- Буду рад ответить на любой вопрос Его Величества, - сказал Джим.

- Вот именно! - воскликнул Вотан, затем хмуро продолжал: - Он - Самодержец, запомни. Ты о б я з а н ответить на л ю б о й его вопрос. И,

по возможности, исчерпывающе. Иными словами, ты должен говорить до тех пор, пока не исчерпашь запас слов на тему беседы, либо пока он сам не остановит тебя. Разумеется, он может не обращать на твою болтовню внимания, но сие ничего не значит. Он - И м п е р а т о р! Понятно тебе?

- Я все понял, - ответил Джим.

Глаза их на мгновение встретились.

- Хорошо. - Вотан резко повернулся и зашагал к пульту. Усевшись, сказал: - Это все. Ступай.

Пальцы вновь забегали по пульту.

- Какие отсюда следуют выводы? - спросил Джим Адока, когда они вернулись домой и расположились на подушках.

- Выводы? - переспросил Адок.

- Именно. - Джим пылливо посмотрел на Старкина. - Тебе речь Вотана не показалась странной?

Лицо Адока было совершенно непроницаемо.

- Все, касающееся Императора, не может быть странным, - произнес Адок на удивление слабым голосом. - Вотан велел тебе отвечать на все вопросы Его Величества. Больше он ничего не имел в виду.

- Пусть так. Скажи, Адок, ведь ты приставлен ко мне заместителем. При этом ты принадлежишь Императору?

- Я уже говорил, Джим, - сказал Адок тем же тихим безучастным голосом. - Старкины в с е г д а принадлежат Императору. Вне зависимости от того, где служат.

- Помню, - сухо произнес Джим.

Он стал переодеваться. Вместо серебристых лент Старкинов он надел белоснежный костюм Высокородного, правда, без эмблемы.

Вскоре появилась Ро. Факт, что появилась она именно в тот момент, когда Джим кончил одеваться, укрепил подозрение, что за ним ведется неусыпная слежка. Если этим пользовалась Ро, почему не могли воспользоваться прочие Высокородные? Но на разбирательство опять не оставалось времени.

- Вот, - Ро, протянула белую матерчатую ленту. - Надень это...

Джим заколебался. Тогда Ро, не дожидаясь согласия, взяла его левую руку и обернула ленту вокруг запястья.

- Смотри, у меня такая же. - Она протянула руку, и Джим увидел точно такую же ленточку, чуть заметно пульсировавшую на запястье, словно живая.

- Что это? - полюбопытствовал он.

- Ты еще не знаешь. На больших банкетах очень легко потерять друг друга. Если тебе захочется видеть меня, эта штука поможет - достаточно представить мой внешний облик. Где бы я ни находилась, мы тотчас окажемся рядом. Сам увидишь. - И она рассмеялась. Ро была заметно возбуждена, глаза ее сверкали, как два золотистых топаза. - На подобных банкетах всегда такая толпа!

Когда они переместились в Большой Зал Торжеств, Джим понял, что она имела в виду. Помещение напоминало учебный центр Высокородных - ряды колонн, высокий потолок, пол, вымощенный черным, как антрацит, камнем.

По пространству в несколько квадратных миль перемещались, оживленно беседуя, группы Высокородных в традиционных белых одеждах, мелькали фигуры слуг, разносивших подносы с едой и питьем.

Вначале Джиму показалось, что торжество ничем не отличается от обычных собраний Высокородных, но, присмотревшись, заметил, что и Высокородные, и слуги постоянно исчезают и вновь появляются, да так быстро, что рябило в глазах.

Джим поступил, как всегда поступал в подобных случаях: не имея возможности уследить сразу за всем происходящим, поставил перед собой одну цель, отодвинув менее важные на задний план.

- Адок. - Он повернулся к Старкину. - Сделай для меня одну вещь. Постарайся найти слугу, который мне нужен. Я пока не знаю, как он выглядит, но что он будет каким-то образом отличаться от остальных, знаю точно. Во-первых, он должен находиться в одном определенном месте и - ни шага в сторону. Во-вторых, позиция будет занята с таким расчетом, чтобы его мог увидеть любой слуга с любого конца зала. Займись этим прямо сейчас.

- Хорошо, Джим. - Адок растворился в воздухе.

- Зачем тебе это нужно? - любопытствовала Ро, тесно прижимаясь к Джиму.

- Потом объясню, - отмахнулся Джим.

Ответ не удовлетворил любопытство девушки, но от дальнейших расспросов Джима избавило появление Императора и Вотана.

- А вот и он, мой друг Волк! - весело воскликнул Император. - Подойди и поговори со мной, Волк!

Сразу после этих слов Ро пропала. Стали пропадать и прочие толпившиеся вблизи Высокородные, пока вокруг Императора и Джима не образовалось подобие круга диаметром около пятидесяти футов. Три фигуры остались стоять в центре круга. Теперь они могли свободно говорить, без опаски быть подслушанными.

- Ступай, - сказал Император Вотану. - Повеселись хоть раз в жизни, старик. Со мной ничего не случится.

Вотан секунду помешкал, потом исчез.

- Ты мне нравишься. Как тебя зовут, Волк?

- Джим, Оран.

- Ты мне определенно нравишься, Волк. Джим.

Император чуть ссутулил свою высоченную фигуру и, вытянув руку, оперся о плечо Джима. Затем принялся расхаживать взад-вперед, увлекая за собой собеседника. Джим покорно шел рядом, стараясь попадать в ногу.

- Мир, откуда ты пришел, - действительно очень дикий? - задал вопрос Император.

- Примерно полвека назад - очень дикий, Оран, - ответил Джим.

- Ты хочешь сказать, что только пятьдесят лет назад вы смогли покорить свой мир?

- Нет, Оран. Свой мир мы покорили давным-давно, но лишь полвека назад мы научились покорять себя.

Оран кивнул, опустив глаза долу.

- Да, - вымолвил он. - Человек - самое трудное. - Он ненадолго замолк, погруженный в мысли. - Знаешь, мой брат Галиан, познакомившись с тобой, сразу подумал, что из вас получились бы неплохие слуги. И может быть, он прав. Но...

Они повернули и зашагали в обратном направлении. Император поднял глаза на Джима.

- Может, он и прав, но я так не считаю. У нас и без того слишком много слуг.

Некоторое время они шли молча.

- У вас есть свой язык? - Лицо Императора склонилось к самому уху Джима. - Свое искусство, музыка, история, легенды?

- Да, Оран.

- В таком случае вы заслуживаете лучшего, нежели участь рабов. По меньшей мере, - тут Император подарил Джиму одну из своих быстрых ослепительных улыбок, - мне известно, что ты-то ее заслуживаешь. В один прекрасный день я с удовольствием подпишу приказ о твоём усыновлении. Тогда ты сделаешься равным нам.

Джим не ответил. Взглянув на Императора, он заметил, что тот выжидающе на него смотрит.

- Джим, ты хочешь этого? - спросил Император.

- Еще не знаю, Оран, - произнес Джим.

- Честный ответ... - шепнул Император. - Честный ответ. Знаешь, Джим, согласно теории вероятностей, любые, даже самые неправдоподобные события когда-нибудь, да происходят.

- Вероятностей? - переспросил Джим.

Но Оран продолжал говорить, точно не слышал вопроса.

- Где-то, - выразительно сказал он, - существует вероятность, что ты, Джим, - Император, а твой народ - Высокородные. Я же Волк, привезенный из захолустья на забаву тебе и твоим придворным...

Император сильно сжал плечо Джима и посмотрел в упор. Не повернув головы, краем глаза Джим заметил, что взгляд Императора стал каким-то отстраненным и рассеянным. Он по-прежнему увлекал Джима за собой, но - как слепой, впевнившийся в поводыря. Словно за короткий срок они действительно успели поменяться ролями.

- Слышал ли ты когда-нибудь о Голубом Звере, Джим?

- Нет, Оран.

- Нет... - шептал Император. - И я не слышал. Я просмотрел записи легенд всех известных нам миров - и нигде не нашел упоминания о Голу-

бом Звере. Но если такого чудища никогда и нигде не существовало, то почему оно мне мерещится, Джим?

Рука Орана, словно тиски, сдавливала плечо Джима, но голос Императора оставался тихим, мягким и неспешным. Никто из наблюдавших за ними Высокородных не мог заподозрить в этой беседе что-либо необычное.

- Не знаю, Оран, - произнес Джим.

- И я не знаю, Джим. И это самое странное. Я видел его уже три раза, и каждый раз - в дверях, заступающего мне дорогу. Знаешь, иногда я ничем не отличаюсь от остальных Высокородных, а порою на меня словно нисходит просветление, и я все вижу и понимаю много лучше, нежели любой из них. Вот почему я знаю, что ты сильно отличаешься от других, Джим. Когда я смотрел на тебя в первый раз, после боя с быком, я внезапно увидел все словно бы в сильный телескоп... Ты был далеко, но я видел очень четко. Я разглядел множество мелких деталей, которых никто, кроме меня, не в силах был разглядеть... Ты можешь быть Высокородным, а можешь и не быть, как хочешь, Джим. Это не имеет значения. Я видел в тебе... Не имеет значения...

Голос его оборвался, но, опершись на плечо Джима, он продолжал тянуть землянина вперед.

- Иногда я вижу все хорошо и ясно, - вновь заговорил он. - Тогда я понимаю, что иду на шаг впереди всех Высокородных. Странно, не находишь? Сколько веков мы стремились быть на шаг впереди Вселенной! Думаю, пока мы не в состоянии принять на себя такую ответственность... Понимаешь, Джим?

- Да, Оран.

- Но порой, - говорил Император, причем Джим так и не понял - слышал тот его ответ или нет, - порой, когда на меня нисходит просветление, стоит лишь пристальнее взглянуть перед собой, и все кругом заволакивает туман. Я теряю свой бесценный дар. Тогда мне начинают сниться всякие сны. И днем, и ночью. Например, уже три раза я видел Голубого Зверя...

Внезапно он замер. Джим решил, что это временная пауза, но рука Императора вдруг соскользнула с его плеча.

Джим повернулся. Оран смотрел на него ясным и осмысленным взглядом и весело улыбался.

- Что ж, я больше не буду тебя задерживать, Джим, - произнес он дружелюбно. - В конце концов, это твой вечер, все здесь принадлежит тебе и никому больше. Отчего бы не поразвлечься, не завести какие-нибудь полезные знакомства? А мне необходимо отыскать Вотана. Он всегда беспокоится, когда меня долго нет рядом.

Император исчез. Джим остался на месте. Пространство вокруг начало мало-помалу заполняться людьми, и вскоре ничто не напоминало о том, что минуту назад здесь ступали августейшие ноги.

Джим огляделся в поисках Ро. Безрезультатно.

- Адок! - негромко позвал он.

Появился Старкин.

- Извини, Джим, - заговорил он. - Я не знал, что Император кончил с тобой беседовать. Но я сделал то, о чем ты просил.

- Тогда води меня туда, откуда я смогу незаметно понаблюдать.

Они оказались в узком, погруженном в полумрак проходе между колонн. Джим взгляделся в просвет - среди висевших в воздухе подносов с яствами и напитками стоял невысокий темнокожий человек с длинными, до плеч, волосами. Стоял он спиной к проходу, и они видели все, происходившее перед ним. Сейчас там шел слуга с подносом, до отказа нагруженным снедью.

- Отлично.

Джим запомнил место и перенес себя и Адока назад, где только что разговаривал с Императором.

- Адок, я желаю все время быть на виду у Его Величества, то есть не хочу терять его из поля зрения. И еще хочу, чтобы ты постоянно за мной наблюдал. Вот что тебе нужно сделать: как только я исчезну, подойди к Вотану - найдешь его поблизости от Императора - и скажи, что он нужен мне как важный свидетель. Затем перенеси его туда, где мы видели слугу. Понял?

- Да, Джим.

- Прекрасно. А теперь скажи, как мне найти Императора.

- Я могу тебя туда проводить, - произнес Адок. - Каждый Старкин может разыскать своего Императора в любой миг.

Переместившись, Джим огляделся в толпе, и в нескольких футах от себя увидел Императора. Тот смеялся, беседуя с несколькими Высокородными. По правую руку от него хмурил желтоватые брови Вотан.

Адок занял позицию в двадцати шагах поодаль. Джим кивнул, и они стали двигаться вместе с толпой, стараясь не терять из виду Императора.

На протяжении часа тот дважды менял свое местонахождение, и каждый раз Джиму приходилось прибегать к помощи Адока, заново выбирая наблюдательный пункт. К его изумлению, никто из Высокородных не обращал на его маневры ни малейшего внимания. Казалось, его принимали за одного из слуг.

Время тянулось медленно. Миновал час, и Джим начал было сомневаться в своей непоколебимой убежденности, как вдруг увидел то, что должен был увидеть. Император, стоявший к нему вполборота, словно окаменел и потерял способность двигаться.

Джим торопливо шагнул в сторону, чтобы увидеть лицо Императора. Оран глядел куда-то в пустоту, взгляд был напряженным, на губах застыла бессмысленная улыбка. Знакомая струйка слюны текла по подбородку.

Ни один человек из окружения монарха не заметил перемены. Джим не стал тратить времени на разгадку странного поведения Высокородных - взгляд его устремился на слуг. Хватило одной секунды, чтобы обнаружить

искомое: слуга, державший поднос с маленькими пирожками. Как и Император, раб застыл на месте, словно одервенел.

Посмотрев кругом, Джим увидел еще троих слуг, находившихся в столь же загадочном столбняке. К этому времени даже Высокородные заподозрили неладное. А к какому выводу они пришли – неизвестно, ибо Джим тут же переместился в свой укромный уголок меж колонн.

Человек среди подносов по-прежнему пристально всматривался вдаль.

Низко пригнувшись, Джим подкрался к нему и крепко схватил сзади обеими руками.

- Одно движение, и я тебе сломаю шею, – прошептал Джим.

Человек напрягся, однако не издал ни звука и с места не тронулся.

- А теперь делай то, что я прикажу, – произнес Джим.

Он оглянулся и увидел позади мощную фигуру Адока, наполовину скрытую колонной, и рядом с ним – рослого Высокородного, по всей вероятности Вотана.

Повернувшись к слуге, Джим скомандовал:

- Клади два пальца левой руки на правый бицепс.

Слуга не среагировал. Все еще согнувшись в три погибели, Джим большим пальцем надавил слуге на шею. Тот долго упрямылся, но в конце концов нетвердым, вымученным движением исполнил требуемое.

Внезапно фигура одного из застывших слуг, находившегося ближе всех, пришла в движение. Как ни в чем не бывало, слуга продолжал свой путь, а по пятам за ним следовали порядком заинтригованные Высокородные.

Зажав рот плененному заговорщику, Джим приподнял его над полом и оттащил назад.

- А сейчас я... - хмуро начал Вотан.

Но договорить не успел. Слуга, удерживаемый Джимом, вдруг издал странный тонкий вскрик, и тело его обмякло.

- Н-да, – проговорил Вотан, когда Джим опустил труп слуги на пол. – Кто бы ни измыслил все это, несомненно, не мог оставить этого человека в живых. Боюсь, даже мозг его разрушен.

Оторвав взгляд от мертвого, он посмотрел на Джима. Разумеется, Высокородный понял многое из того, что неминуемо осталось бы загадкой для обычного человека. Он уже знал, зачем был приглашен сюда. Тем не менее холод не исчез из его взгляда.

- Ты знаешь, что скрывается за всей этой историей? – спросил он.

Джим покачал головой.

- Все же ты точно знал, что это должно было произойти. И настолько был в этом уверен, что посмел привлечь меня в качестве свидетеля. Кстати, зачем тебе понадобился именно я?

- Ты – единственный Высокородный, который знает, что рассудок Его Величества несколько иного склада, нежели думают. Скажем, – добавил Джим, вспомнив недавнюю беседу, – отчасти превосходит возможности остальных.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Вотан открыл рот. Но заговорил он о другом. В его глотке что-то проскрежетало.

- Как ты узнал об этом?.. Э-э... о том, что задумали слуги?

- Не то чтобы узнал... Я не был абсолютно уверен. Но я изучил Немой Язык слуг и понял, что они что-то затевают. Потом вспомнил о банкете, о своем торжестве и... о рассудке Его Величества, и решил, что ежели что-то и случится, то именно здесь и сейчас. Потому, едва прибыв сюда, отправил Адока искать доказательства своей гипотезы. А когда он их нашел, стал действовать. Вот и все.

При упоминании о рассудке Императора Вотан нахмурился, но, выслушав Джима до конца, заметно успокоился.

- Ты славно поработал, Волк. - Однако голос его оставался мрачен. - Остальным займусь я. Будет лучше, если ты ненадолго покинешь Мир Владык, поручался кто-то за тебя, нет ли...

Вотан постоял молча, о чем-то размышляя.

- Думается, - веско произнес он, - теперь Император может повысить тебя в чине. Раз он утвердил твоё поручительство, мы повышаем тебя до должности командира полка из десяти частей. И посылаем на усмирении бунта в одну из наших колоний.

Он повернулся, намереваясь исчезнуть. Но, передумав, остановился.

- Как твоё имя? - бросил он через плечо.

- Джим.

- Джим... Ладно. Ты хорошо потрудились, Джим. Император оценит твоё усердие. И я тоже.

Он нахмурился напоследок и исчез.

8

Планета Атийя, на которую отправили Джима вместе с Адоком и десятью частями Старкинов под началом Гарна-второго, действительного командира полка и - в данный момент - адъютанта Джима, была одной из великого множества планет, населенных малорослыми людьми с длинными, как пакля, волосами. Коротышка-губернатор не пожелал ничего докладывать, пока не были выполнены все необходимые формальности приветственного ритуала.

Но увильнуть от расспросов ему не удалось. После окончания ритуала Джим, Адок и Гарн в сопровождении губернатора отправились в резиденцию последнего, в столицу Атийи. Губернатор распорядился было, чтобы гостям принесли удобные подушки и прохладительные напитки, но Джим отменил приказ.

- Это совершенно ни к чему. В еде и питье мы не нуждаемся. Мы хотим знать все подробности бунта: где он начался, сколько народу принимает в нём участие, каким оружием располагают восставшие... Итак?

Губернатор тяжело опустился на подушку и неожиданно разрыдался. Джим оторопел и на минуту потерял дар речи; потом до него дошло: из

сведений, почерпнутых в Мире Владык, и по собственному опыту он знал, что во всех до единого обитаемых мирах мужчины никогда не позволяют себе плакать на людях, да еще столь безутешно, как это делал сейчас губернатор.

Джим выждал, когда взрыв эмоций губернатора схлынет. Затем отчетливо повторил вопрос.

Всхлипывая, губернатор отер слезы.

- Никогда не думал, что они посмеют прислать мне на смену цветного... - выдавил он, шмыгая носом. - Я готов был сдаться на милость, но ведь ты не Высокородный...

Лицо его скривилось, и он чуть было снова не заплакал, грозя оставить слушателей без разъяснений. Упреждая этот порыв, Джим быстроскомандовал:

- Встать!

Губернатор инстинктивно поднялся.

- Я прибыл сюда не заменять тебя, а командовать Старкинами. Это первое. Второе: заруби себе на носу, у меня есть поручитель. Но не в этом дело. Если Император прислал меня, стало быть, обстановка того заслуживает.

- Но это не так! - Губернатор судорожно закашлялся. - Я... я солгал! Дело в том, что это не просто смута, каких полно на каждом шагу. Это революция! Все семейные кланы планеты объединились, даже Клуж, мой брат, и тот с ними. По чести говоря, он-то и есть главарь бунта. И они все собрались меня убить, а Клужа посадить на мое место.

- То есть как? - сурово спросил Джим.

Он знал, что иерархия в колониях создана по образу и подобию имперского двора Мира Владык. Всякий провинциальный двор состоял из благородных семейных кланов, управляемых губернатором и членами его семьи. Таким образом, каждый губернатор колонии являлся своеобразным императором, разве что масштабом помельче.

- Почему ты не воспользовался силой оружия, чтобы пресечь мятеж в зародыше? - вступил в разговор Гарн-2. - Почему допустил, чтобы дело зашло так далеко?

- Я... я... - Губернатор в отчаянии всплеснул руками, будучи, очевидно, не в состоянии продолжать.

Джим внимательно следил за ним. Не осталось ни малейшего сомнения, почему губернатор умудрился столь постыдным образом пустить дело на самотек. Несколько недель напряженных занятий дали Джиму возможность досконально изучить имперские нравы. Губернатор бездействовал до тех пор, пока оставался убежден в своих способностях договориться с главарями мятежа и все уладить миром. Он явно переоценил свои силы.

А когда все пошло из рук вон плохо, побоялся известить Мир Владык. Когда же он был вынужден это сделать, то постарался насколько возможно преуменьшить масштабы случившегося. Вероятно, губернатор рассудил, что угроза встречи со Старкинами заставит главарей одуматься.

- Командир... - Гарн-2, трогая Джима за локоть, показал в дальний угол комнаты. Они отошли, дабы не быть услышанными. Адок последовал за ними. Губернатор остался сидеть.

- Командир, - повторил Гарн-2. - Я настоятельно рекомендую ничего не предпринимать, а обратиться в Мир Владык за помощью. Если хотя бы часть из сказанного этим человеком правда, то, по всей вероятности, местные войска находятся во власти восставших. Десять частей Старкинов способны на многое, но от них нельзя требовать побед над целыми армиями. Здесь необходимо по меньшей мере пять-шесть полков. И нет причины терять людей из-за глупости какого-то мошенника.

- Несомненно, - согласился Джим. - Такой причины нет. Но я хотел бы лучше разобраться в обстановке, прежде чем вызывать о помощи. Пока что мы исходим из утверждений губернатора. Однако на деле все может оказаться иным. Даже если опасения справедливы.

- Командир, я вынужден возразить, - произнес Гарн-2. - Каждый Старкин слишком ценен, чтоб им можно было безнаказанно рисковать. Это нечестно и, если хотите, непростительно. Довожу это до вашего сведения, как бывший командир Старкинов.

- Командир, - вступил Адок. С той поры, как они покинули Мир Владык, Адок обращался к Джиму строго по-военному. - Адъютант совершенно прав.

Джим пристально оглядел обоих. Сказанное лишний раз напомнило, что хоть он и назначен командиром полка, настоящего военного опыта у него маловато.

- Благодарю, Гарн, - отчетливо произнес Джим. - Благодарю. Но все же я хочу увидеть обстановку собственными глазами.

- Слушаю, командир, - бесстрастно ответил Гарн.

Был ли это характерный для Старкинов идеальный самоконтроль, либо Гарн сумел взглянуть на дело с точки зрения своего начальника? Джим не стал ломать голову. Он просто повернулся и двинулся к губернатору, который при его появлении затравленно вскинулся.

- У меня к тебе много вопросов, - заявил Джим. - Вначале скажи - какие методы использовал твой брат или кто-то там еще из главарей, чтобы увлечь за собой людей?

Собравшийся было снова заплакать, губернатор встретил взгляд Джима, и, проглотив слезы, забормотал:

- Я не знаю, нет... Не знаю! Ходили слухи о чем-то покровительстве, да-да, покровительстве... - Он осекся.

- Продолжай, - спокойно произнес Джим. - Договаривай свою мысль.

- О покровителе... покровителе из Мира Владык... - выдавил губернатор, в ужасе озираясь кругом.

- Покровительство одного из Высокородных? - пытался Джим.

- Я не уверен! Я никогда не знал точно. Ведь это слухи!

- Ладно, не бойся. Слушай меня. Несомненно, у твоего брата большие вооруженные силы. Меня интересует - где они, чем вооружены и какова численность личного состава.

Едва тема допроса удалилась на сравнительно безопасное расстояние от Мира Владык, губернатора словно подменили. Он ожил, как увядший цветок в вазе с водой. Узкие плечи расправились, голос сделался глубже и тверже. Губернатор ткнул пальцем в стену кабинета.

- К северу отсюда, - и назвал расстояние, соответствующее шестидесяти милям. - Они стоят в окруженной холмами долине. На каждом холме усиленный пост из лучших бойцов нашей армии...

- Сколько их?

- Примерно... три четверти всех... возможно, - запинаясь, выдавил губернатор.

- Если он говорит о трех четвертях, значит - больше девяноста восьми процентов всех войск, - вставил Гарн-2.

- Почему они до сих пор не захватили ваши главные города? - спросил Джим.

- Не знаю... Я сообщил им, что придут войска из Мира Владык, - промямлил губернатор. - Я... даже сказал, что готов вести с ними переговоры, если мне удастся убедить вас уйти.

- Все переговоры здесь будем вести мы. И условия будем ставить мы, - отчеканил Гарн-2. - Кстати, какова их численность?

- Три дивизии... - пробормотал губернатор. - Что-то около сорока тысяч солдат.

- От шестидесяти до семидесяти тысяч, - дал поправку Гарн-2, выжидающе глядя на Джима.

- Очень хорошо. - Джим подошел к окну и выглянул наружу. - Солнце заходит. У вас есть луна? - спросил он губернатора.

- Даже две... - начал было тот, однако Джим не дал договорить.

- Хватит и одной, если она будет светить. - Он повернулся к Гарну и Адоку. - Когда стемнеет, отправимся взглянуть на их лагерь, - и перевел взгляд на губернатора, который сидел улыбаясь и покачивал головой. - А тебя мы возьмем с собой.

Улыбка слетела с лица губернатора, точно гипсовая стружка под резцом скульптора.

Четырьмя часами позже, когда первая луна поднялась над горизонтом и озарила мягким светом окрестные холмы, Джим, Гарн и Адок взлетели в небольшом летательном аппарате с одной из стартовых площадок столы. Держась чуть ниже облаков, почти незаметный на фоне черного неба, аппарат понес их в указанном губернатором направлении. Спустя минут пятнадцать они подлетели к холмам и сели у подножия ближайшего из них.

Склоны холмов были покрыты густым травяным ковром. Тут и там виднелись редкие деревца.

Остаток пути решено было преодолеть пешком.

Впереди, с интервалом около десяти ярдов, бесшумно двигались Старкины. Джим тоже старался идти неслышно, что, несмотря на богатый земной опыт, получалось с великим трудом. Удивительней всего была походка губернатора – ни единого шороха. Вообще, тот чувствовал себя в родной стихии. Убедившись в этом, Джим перестал за ним следить и начал соблюдать дистанцию.

Они почти достигли вершины холма, когда оба Старкина внезапно упали плашмя на землю и скрылись в траве. Джим и губернатор немедленно последовали их примеру.

Спустя несколько минут неподалеку от Джима из травы поднялся Адок. – Все в порядке, – сообщил он. – Часовой спал. Можно идти дальше, сэр.

Они встали на ноги и двинулись следом за Старкином вверх по склону. На вершине виднелось огороженное проволокой пространство, в центре которого стояло похожее на зонт сооружение. Очевидно, то был "грибок" часового, однако людей поблизости не оказалось.

– Там лагерь. – Гарн вытянул руку в направлении дальнего холма. – Сейчас все тихо, командир. Можно пролезть под проволокой. Никто нас не увидит.

Джим приблизился к Гарну и посмотрел вниз. Увиденное больше походило не на лагерь, а на маленький городок из куполообразных строений, расположенных правильными рядами и разделенных на кварталы прямыми улицами.

– Подойди, – поманил губернатора Джим.

Тот покорно приблизился к проволоке.

– Смотри туда. Ничего странного не замечаешь?

Губернатор долго изучал открывшуюся внизу картину, потом отрицательно покачал головой.

– Командир, – заметил Гарн-2. – Этот лагерь построен согласно уставу. Каждый квартал охраняется отдельным отрядом.

– Да, но кроме прочего они построили и здание совета, – с негодованием воскликнул губернатор. – Вы только взгляните!

– Где? – спросил Джим.

Губернатор указал на самый высокий купол правее центра лагеря.

– Только губернатор имеет право созывать войсковой совет, – заявил он. – Они так торопятся, словно меня уже нет на свете! – Он вздохнул.

– Командир, вы что-то заподозрили? – обратился к Джиму Гарн.

Адок придвинулся ближе. Джим уголком глаза различал его силуэт.

– Я пока ни в чем не уверен, – сказал он. – Адьютант, каким преимуществом мы обладаем в оружии?

– У нас отличные защитные экраны, – доложил Гарн. – Кроме того, каждый боец владеет индивидуальным оружием, равным по мощи целой их батарее.

– Стало быть, наше оружие лучше и эффективнее, так?

- Командир, лучшее оружие Старкина - это сам Старкин, и...

- Знаю, знаю, - перебил Джим. - А как насчет оружия массового... Э-э, что-нибудь вроде атомного?

- Колониям не допускается иметь ядерное оружие, - ответил Гарн. - Ни атомного, ни антиматерии. Это абсолютно исключено.

- Секундочку, - прервал его Джим. - Я хотел бы уточнить: в Мире Владык Старкинам доступны подобные штуки? Имею в виду - антиматерию?

- Разумеется. Но она не применялась на протяжении нескольких тысяч веков. Не было необходимости, - пояснил Гарн. - Вы хоть представляете себе, что это такое, командир?

- Знаю только, что частица, взаимодействуя с античастицей, способна вызвать колоссальные разрушения. - Джим помолчал, затем резко повернулся к Гарну: - Ну так как, адъютант, вы все еще настаиваете на призыве о подмоге, после того, что мы видели?

- Нет, командир, - ответил Гарн. - Нет. Они выставили одного-единственного часового, стало быть, с бойцами у них туговато. Кроме того, в лагере я не вижу патрулей. Вообще, впечатление такое, будто лагерь разбит сообразно удобству солдат, а не ведению боевых действий. Нет единой системы сигнализации... По-моему, этим людям еще предстоит поучиться воевать.

Гарн умолк, предоставляя Джиму возможность высказать свои замечания.

- Продолжайте, адъютант, - ободрил его Джим.

- Командир, сопоставив то, что мы видели, с тем, что мы знаем, я хочу предложить следующее: прямо сейчас Адок должен отправиться за нашими главными силами, после чего мы немедленно нападаем на лагерь. Думаю, это будет единственная атака, поскольку все их вожаки собрались в одном месте, - Гарн указал на здание совета. - Ударить надо всеми силами сразу, чтобы лишить их возможности сопротивляться. Тогда мы сможем быстро захватить главарей и положить конец здешнему бунту. Предводителей, само собой, следует отдать под суд.

- А если слухи, о которых упоминал губернатор, обоснованны? - возразил Джим. - Если мятежники действительно имеют покровителя в среде Высокородных?

- Командир? - В тоне Гарна прозвучало необычное для Старкина удивление. - Это невозможно! Высокородные никогда в жизни не пойдут на сделки с бунтовщиками из колониальных миров. Даже если допустить, что мифический покровитель в принципе существует, все равно он не сумеет оказать на нас давление. К тому же Старкины несут ответственность лишь перед Его Величеством.

- Ясно, - сказал Джим. - И все-таки я не воспользуюсь твоим советом. Слишком похож он на первый - когда ты призывал послать в Мир Владык за помощью. Такой же скороспелый.

Он глянул на губернатора.

- Ваши благородные кланы враждуют друг с другом?

- О, они все плетут интриги против меня. Все!

Неожиданно губернатор захихикал.

- Понимаю, что вы имеете в виду, командир. Да, они постоянно бранятся и дерутся, да и по чести сказать, если бы они этого не делали, было бы крайне трудно ими управлять. А так они только и заняты тем, что обвиняют друг друга во всех смертных грехах и стараются урвать местечко потеплее.

- Само собой, - заметил Джим. - Как раз то, что французы именуют "нойо".

- Командир? - не понял Гарн.

Старкины и губернатор были озадачены - земной научный термин ничего им не объяснял.

- Неважно, - отмахнулся Джим и подошел к губернатору. - Скажи, среди главарей есть хотя бы один, с кем твой брат мог бы не ужиться?

Губернатор возвел на Джима полный недоумения взгляд.

- С кем Клуф не может... Ну конечно! - осенило его. - Нортал. Видите, - он повернулся к лагерю, - люди Клуфа расположились вон там, а люди Нортала - здесь. И чем дальше друг от друга, тем спокойнее для обоих.

- Адок, адъютант, - позвал Джим Старкинов. - Для вас есть особое задание. Не могли бы вы потихоньку отправиться в лагерь и привести сюда кого-нибудь с территории Нортала? Только живым и невредимым!

- Конечно, командир, - произнес Гарн.

- Прекрасно. Только не забудьте завязать ему глаза. - Джим обернулся к губернатору. - А ты - будь так любезен еще раз показать расположение людей Нортала.

Прошло немногим более получаса, когда Старкины вернулись. Джим ждал их сидя на земле, губернатор, как того требовал этикет, стоял рядом. Даже выпрямившись во весь рост, он едва ли казался выше сидящего Джима.

Адок вел в поводу смуглого коротышку, опутанного серебристыми лентами. Молоденький солдат был напуган до полусмерти - дрожал мелкой противной дрожью. Следом появился Гарн-2.

- Сюда его! - Джим поднялся. Он стоял спиной к заходящей луне, неподалеку от которой наконец-то взошла и вторая. Свет их падал Джиму на плечи, затеняя лицо.

- Известно ли тебе, кого я выбрал вашим последним и величайшим вождем? - обратился он к солдату, стараясь выговаривать слова с акцентом Высокородных.

Зубы солдата стучали столь сильно, что тот не мог вымолвить ни слова в ответ. Однако весьма энергично затряс головой. Джим презрительно хмыкнул.

- Ладно, неважно, - бросил он резко. - Знаешь, кто ответственный в твоём подразделении?

- Да... - Солдат с готовностью закивал.

- Пойдешь к нему и скажешь, что я переменял свои планы. Он должен принять командование и подчинить себе всех остальных. Причем без промедления.

Солдатик задрожал, но не сказал ничего.

- Ты понял меня?! - рявкнул Джим.

Конвульсивные движения головы вверх-вниз.

- Хорошо, - одобрил Джим. - Адок, проводи его. А я тем временем дам приказ адъютанту.

Адок повел пленника за проволоку. Взмахом руки Джим приказал Гарну и губернатору приблизиться. Затем указал на лагерь.

- Теперь, - сказал он губернатору, - покажи район Клуфа.

Тот слегка отстранился от Джима, точно страх пленного солдата охватил и его. Вытянув дрожащий палец, губернатор ткнул в искомое место. Гарн задал несколько наводящих вопросов, потом повернулся к Джиму:

- Хотите, чтобы я отвел туда нашего пленника, командир?

- Да, адъютант.

- Есть, командир, - Гарн кивнул и исчез за проволокой.

На этот раз все закончилось не так быстро. Примерно час по земному времени Джим ждал, пока Старкины отпустят солдата и того подберут воины Клуфа. Затем отдал приказ спускаться с холма к летательному аппарату.

Успокоился он, лишь когда аппарат взлетел и Адок отвел его подальше от вражеского лагеря. Чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим, Джим велел подняться еще выше. Скоро аппарат неподвижно завис, словно облако в безветренную погоду, на высоте пятнадцати тысяч футов и на расстоянии восьми миль от спящего лагеря.

Затаив дыхание, Джим приник к экрану ночного видения. Гарн и губернатор смотрели туда же, хотя никто не понимал, зачем это нужно. Они бросали на Джима недоуменные взгляды, когда тот касался кнопок управления, регулируя фокусировку - то переводя обзор на общий план, то выхватывая камерой отдельные кварталы, окутанные тьмой строения и улицы. Это продолжалось долго.

Затем вдруг вспыхнул свет, не слишком яркий, не ярче света фонаря - где-то в центре, в районе здания совета.

- Мне кажется... - начал Джим, однако Гарн, до этого сидевший тихо, вдруг резко оттолкнул его, вцепился в рычаги и стал поспешно уводить аппарат прочь от лагеря. Опытный боец, Адок сопротивлялся мгновение, но, разобравшись, в чем дело, молча уступил место Гарну.

- Антиматерия? - прошептал Джим.

Гарн кивнул. Ударная волна настигла их чуть позже, аппарат закувыркался в воздухе, точно насекомое в порыве ветра.

Они сравнительно легко отделались: было разбито несколько вспомогательных приборов, и губернатор в полубессознательном состоянии ока-

зался лежащим на полу - из носа шла кровь. Джим помог Адоку поднять коротышку и пристегнуть к креслу.

- Есть ли смысл возвращаться туда? - спросил Джим Гарна.

Тот пожал плечами.

- Там не на что смотреть, - сказал он. - Разве что на воронку.

- Как полагаешь, сколько они израсходовали антиматерии?

Гарн опять пожал плечами.

- Не могу сказать точно. Полагаю, примерно столько. - Он показал раскрытую горсть. - Хотя все зависит от активного элемента. А он может быть с песчинку или зерно... Командир?

- Да?

- Позвольте спросить, с какой стати вы решили, что у них есть антиматерия?

- Это была догадка, - ответил Джим. - Я просто свел воедино кой-какие факты, имевшие место здесь и в Мире Владык. Так-то, адъютант, - мрачно закончил он.

- Значит, это была ловушка, - заключил Гарн. - Ловушка для меня и - прошу прощения, командир, - для ваших Старкинов. Кто-то хотел заманить нас в мышеловку - оттого-то район и не охранялся. Весь полк был бы сметен с лица земли.

Он замолк.

- Но, командир, - вступил Адок, переводя взгляд с Гарна на Джима. - Ведь колониальные войска должны были знать, что их ждет та же участь?

- С чего ты это взял, Старкин? - сказал Гарн. - У того, кто дал им антиматерию, не было причин оставлять их в живых. Для чего? Чтобы потом на него указали, как на сообщника?

Воцарилась тишина. Спустя несколько минут вновь заговорил Гарн.

- Командир, - спросил он Джима. - Могу я узнать, что значит "нойо"?

- Социальный слой, адъютант, - пояснил Джим. - Семейные кланы, чьим основным занятием является грабеж, взаимные оскорбления и войны с другими такими же кланами, по любому мало-мальски подходящему поводу.

Гарн искоса глянул на губернатора.

- А кто входит в "нойо"?

- Только могущественные семьи. Они занимаются разбоем лишь потому, что им нечем больше заняться. У них нет врожденного стремления к разрушениям и убийствам. Но дело в том, что "нойо" не доверяют друг другу. Когда наш пленник был пойман и допрошен людьми Клужа, у того немедленно возникли подозрения в предательстве. Причем, вероятно, в предательстве человека, снабдившего их антиматерией. Клуж попытался, пока не поздно, прибрать арсенал к рукам, хотя там была охрана. Какая-то случайность привела к взрыву. Однако я надеялся не столько на это, сколько на то, что в лагере Клужа произойдет раскол, и мы сумеем без труда его разбить, а главное - отнять антиматерию.

- Понимаю, командир, - сказал Гарн. Он ненадолго замолчал, потом спросил: - А что теперь?

- Теперь нам необходимо как можно скорее вернуться в Мир Владык, - хмуро ответил Джим.

- Командир! - воскликнул Гарн, и больше ни он, ни Адок не произнесли ни слова. В летательном аппарате воцарилась тишина, пока не очнулся губернатор и не принялся оплакивать своего безвременно усопшего брата, шепча его имя и поминутно всхлипывая.

9

Звездолет был уменьшенной копией корабля, на котором Джим прибыл с Альфы Центавра 3. Но и он оказался достаточно велик, чтобы вместить полк Старкинов. А принцип действия был традиционно прост и экономичен: командир вызывал в уме образ конечного пункта полета - остальные расчеты проделывал корабль. На пути в колонию кораблем управлял Гарн - Джим не знал цели полета, - обратно звездолет вел он сам.

Незадолго до посадки Джим отозвал в сторону Гарна и Адока.

- Адъютант, - обратился он к Гарну. - Я хочу оставить вас после посадки здесь, на корабле. Вы не должны возвращаться в казармы и докладывать кому бы то ни было о прибытии. Ждите, пока я вас не позову.

Некоторое время Гарн стоял неподвижно.

- Это не по правилам, - наконец сказал он. - Понимать это как приказ?

- Это приказ, - подтвердил Джим.

- В таком случае единственное, что может помешать мне исполнить его - приказы, исходящие непосредственно от Его Величества. Либо если наше пребывание на борту корабля будет противоречить желанию Его Величества. Впрочем, не думаю, что после всех наших приключений у Императора возникнет подобное желание.

- Можете мне доверять, адъютант, - медленно произнес Джим. - Я забочусь о благе Императора, поэтому вы должны мне подчиниться.

- Командир! - понимающе воскликнул Гарн. - Вы возвращаетесь к себе?

- Да, - ответил Джим. - И забираю с собой Адока.

Он дотронулся до руки телохранителя, после чего они вдвоем переместились к Джиму домой. Там было пусто. Джим отправился разыскивать Ро.

Ро оказалась у себя, поглощенная занятиями с питомцами - в данный момент она подрезала когти у человекообразяны. Появление Джима вызвало у девушки столь бурный прилив чувств, что она побросала все свои инструменты.

- Джим! - воскликнула она. - О, Джим!

На мгновение он прижал ее к себе, потом слегка отстранил и, нежно погладив по волосам, осторожно высвободился из объятий.

- Извини, - сказал он, сжимая ее руки. - Извини, но мне надо торопиться.

Ее глаза бежали фигуру Джима.

- Это твоя военная форма? - Ро захихикала почти со злорадством, а ее пальцы напряглись в ладонях Джима. - Какой ты в ней большой! Скажи, эти полосы заряжены?

- Да, - ответил Джим, не понимая причины ее возбуждения и решив, что ответ должен ее успокоить.

- Да? - Она вновь хихикнула. - Тогда сокруши эту стену! Покажи... Нет, нет, что я такое говорю?... - Истерика прекратилась, девушка пришла в себя. - Что произошло, Джим? Ты выглядишь озабоченным.

Он разжал руки.

- Боюсь, есть повод для беспокойства, - проговорил он. - Скажи мне, что в Мире Владык голубого цвета?

- Что ты имеешь в виду? - переспросила она. - Голубое?

Джим кивнул.

- Не знаю, - с сомнением в голосе отвечала Ро. - Обычно мы носим белую одежду, ты знаешь. Иногда немного красного... Если и есть здесь что-нибудь голубое, то, скорее всего, сувениры из иных миров - Высокородные их иногда привозят.

- Подумай, - пристально глядя, сказал Джим. - Постарайся припомнить.

- Но ведь действительно ничего... О! - улыбнувшись, вспомнила она. - Могу назвать голубое небо, голубую воду... Да, еще, - она вновь улыбнулась. - Если хочешь знать, у нас есть Голубой Зверь Императора, скрывающийся в дворцовых покоях.

- Голубой Зверь? - Вопрос прозвучал настороженно, и Ро невольно побледнела.

- Ну да. - Она с подозрением глянула на Джима. - Но это все ерунда. Всего лишь игрушка, которой Император играл в детские годы. Правда, потом ему стали сниться кошмары, и игрушку спрятали. Наверное, теперь никто не помнит, кто и куда ее спрятал, да это никому и не нужно. Дошло до того, что все предметы голубого цвета раздражали Императора, поэтому, где бы он ни находился, голубое тотчас убирают подальше. А почему это так важно?

Джим пропустил ее вопрос мимо ушей.

- Мне срочно нужен Вотан, - сказал он. - Как его найти?

- Что случилось, Джим? - не на шутку всполошилась Ро. - Вотан - с Императором. Ты не можешь так просто пойти к Императору. Однажды тебе это сошло с рук, но сейчас ты этого сделать не можешь. В особенности - сейчас.

- Почему - в особенности? - поинтересовался Джим.

Ро слегка отшатнулась.

- Джим... - неуверенно проговорила она. - Джим, не надо...

Нечеловеческим усилием Джим придал лицу спокойное выражение.

- Хорошо, - сказал он. - Но почему - именно сейчас?

- Потому что начались неприятности в колониях. Вотан вынужден все время посылать Старкинов на помощь губернаторам, и в Мире Владык почти не осталось солдат. А у него самого нет ни единой свободной минуты.

Она внезапно осеклась.

- Джим, что случилось?

Джим вновь не ответил. Он пытался осмыслить сказанное. Несколько минут он невидящим взглядом смотрел сквозь окно на песчаный берег. И тут берег? Мысль о том, сколько сил положила Ро, пытаясь создать для своих питомцев привычную среду, вернула его к действительности.

- Мне нужен Словиель, - сказал он. - Потом мы вчетвером - я, ты, Словиель и Адок - должны отыскать Вотана. Во что бы то ни стало.

- Джим, ты сошел с ума! Ты не войдешь к Императору в этих своих лентах. Ни один человек не смеет находиться вблизи Императора с оружием более мощным, чем обычная трубка. Старкины убьют тебя в один миг - чисто инстинктивно... Раз уж ты решил заняться своими безумными планами, то по крайней мере сними ленты. И ты, Адок!

Руки девушки уже проворно стягивали серебристые полосы с тела Джима. Поняв наконец, что Ро права, Джим начал ей помогать. Спустя минуту он был безоружным, лишь в петлях пояса осталась черная трубка. оглуившись, Джим увидел, что Адок последовал его примеру.

- А сейчас - к Словиелю! - воскликнул Джим. - Ты должна его разыскать, я-то не знаю, где он живет.

Ро взяла его за руку...

- Словиель! - позвал Джим. Ответа не последовало.

- Его здесь нет, - пояснила Ро. - Думаю, нет смысла бегать по всему Миру Владык, так мы никогда никого не найдем. Лучше подождать.

- Ждать? - переспросил Джим. - Именно та роскошь, которую мы себе не можем позволить. Ждать...

Он замолчал, ибо в этот момент перед ними возник Словиель.

- Приветствую тебя, Джим, - сказал он. - Ты первый из героев, вернувшийся домой с победой. Слышал, что твой корабль приземлился и сразу поспешил к тебе, но никого не застал. Потом я отправился к Ро - и обнаружил лишь кучу энергетических лент. Пришлось вернуться домой - а вы уже тут.

Словиель улыбнулся и легким галантным жестом пригласил Ро и Джима сесть. На Адока он не обратил никакого внимания.

- Присаживайтесь, присаживайтесь, - сказал он. - Как насчет выпить и закусить? Я могу...

- Ничего не надо, - остановил его Джим. - Скажи, Словиель, ты верен своему Императору?

Брови Словиеля взлетели вверх.

- Любезный мой экс-Волк, да будет тебе известно - ВСЕ Высокородные верны своему Императору. В противном случае мы изменили бы сами себе.

- Верность верности рознь, - возразил Джим. - Я не спрашивал - лоялен ли ты, я спросил - верен ли, как верен Старкин?

Словиель чуть подался вперед, белые брови сошлись у переносицы.

- Что еще за допросы, Джим? - удивленно спросил он.

Его голос утратил легкомысленные нотки, тело напряглось.

- Ты не ответил, Словиель, - настаивал Джим.

- А отвечать ли мне вообще? - пробурчал тот, чувствуя себя, вероятно, в положении осла меж двух стогов сена. - В конце концов, я - Высокородный, а ты всего лишь бывший Волк, цветной... Да, я верен, Джим. - Последняя фраза прозвучала на удивление решительно и ясно. - В чем дело? Говори без обиняков.

- Десять подразделений моих Старкинов пытались заманить в ловушку на Атийе. Впрочем, все бы ничего, если бы там не оказалось антиматерии.

- Антиматерии?!

Лицо Словиеля на мгновение окаменело от изумления, однако он быстро взял себя в руки и, призвав на помощь исключительные свойства собственного мозга, стал размышлять над возможными причинами и связями.

- Наверное, ты прав, Джим, - сказал он спустя несколько секунд. - Нам надо срочно повидать Вотана.

- Именно это я и собираюсь сделать. Вместе с тобой.

Словиель оглядел присутствующих.

- Думаю, нас двоих будет достаточно, - заявил он.

- Нет, - возразил Джим. - Мне нужен Адок - в качестве свидетеля. А Ро пойдет с нами, потому что так будет безопасней для нее.

- Безопасней? - Словиель кинул на Ро быстрый взгляд. - А, понимаю! Боишься, ее могут взять в заложники? Хорошо, пусть будет так.

Словиель подозвал Адока, они взялись за руки и отправились к месту назначения.

Взглядам их предстал просторный покой, напоминающий театральный зал со сценой. Светло-зеленые стены подпирала высоченный белый потолок. В центре покоя стоял странный прибор с вращающимся устройством, похожим на баскетбольный мяч, который отбрасывал на потолок лучи всех цветов радуги, кроме голубого. Полулежа на подушке, Император безмятежно наблюдал за игрой света. Неподалеку стояли трое Старкинов, вооруженные трубками и энергетическими лентами. Вотан работал за огромным пультом с множеством рукояток, продельвая те же манипуляции, что и в прошлый раз; сегодня он трудился стоя.

При появлении группы людей Старкины выхватили трубки. Вотан вскинул голову, однако, узнав Словиеля, махнул рукой, приказывая телохранителям спрятать оружие. Повернувшись, он оглядел прибывших, чуть дольше задержав взгляд на Джиме.

- Мне не доложили, что твой полк возвратился в казармы, - сказал он. - Я бы мог пустить твоих людей в дело прямо сейчас...

- Именно поэтому я и велел им остаться на корабле, - ответил Джим. Вотан нахмурился.

- Что ты имеешь в виду? - резко спросил он. - И кто дал тебе право...

Его гневную отповедь прервало появление слуги. Человек, внешне напоминавший Мелнесса, нес в руке белую коробочку.

- Только что доставили тебе, Вотан, - сказал слуга, протягивая коробочку. - Губернатор Альфы Центавра Три передаст через принцессу Афунан.

- Хорошо, - поблагодарил Вотан.

Он положил коробочку на стол, помедлил секунду, затем сорвал обертку. Недовольство его усилилось.

- Что это? - Вотан повернулся было к прибывшим, однако внезапно раздавшийся голос Императора прервал его:

- Подожди, Вотан.

Император поднялся с подушек и приблизился к столу, с любопытством глядя на коробочку. Запустив в нее руку, он извлек какой-то камень, с виду похожий на кусок красного гранита, приблизительно трех дюймов в поперечнике.

- Тут есть записка... - Он достал из коробки клочок бумаги и взглянул на него.

- "По просьбе моего доброго друга Джима Кейла, - прочел Император, поворачиваясь лицом к группе людей, - посылаю образец породы с его родной планеты для Высокородного Вотана".

Восхищенно улыбаясь, Император поднял глаза на своего дядю.

- Это тебе подарок, Вотан, - весело сказал он. - От нашего бывшего Волка! Бери!

Император кинул камень старому Высокородному, который машинально перехватил его в воздухе.

Правая рука Вотана сжала камень, и в тот же миг вся фигура старца засверкала ослепительным голубым светом, преобразившись во что-то чудовищное и грозное. Император громко застонал и попятился, пряча лицо в ладонях.

- Племянник...

То был голос Вотана, неузнаваемо изменившийся и необычайно громкий. Точно защищаясь, он вскинул свои брызжущие ярко-синим пламенем руки, ставшие похожими на длинные когтистые лапы, и шагнул к Императору.

Император отшатнулся, споткнулся о подушки, но в последний момент устоял на ногах, протянул ладони навстречу Вотану и застонал.

- Голубой Зверь, - выдавил он, тряся головой и умоляюще глядя на Старкинов. - Убейте... **УБЕЙТЕ ЕГО!**

Старкины колебались мгновение. Три ствола были выхвачены одновременно, и светящуюся фигуру Вотана, шагающую к Императору, захлестнули струи белого пламени.

Вотан споткнулся, голубое сияние померкло. Кусочек гранита покатился по ковру - на него грудью рухнул Вотан. Лицо его осталось нетронутым.

тым - прочие части тела, обутленные и скрюченные, невозможно было узнать.

В покоях повисла мертвая тишина. Император молча смотрел на Вотана - смотрел долго, прежде чем выражение его лица стало меняться.

- Дядя?.. - спросил он слабым дрожащим голосом. - Дядя?

Он пошел к Вотану. И чем ближе подходил, тем сильнее сутулились его плечи и кривились, точно в невыносимой муке, губы. Он заглянул в лицо Вотану, которое казалось спокойным и безмятежным: глаза прикрыты, мышцы расслаблены, в чертах сквозила умиротворенность, как у погруженного в раздумье человека.

- Вотан... - начал Император, но голос его внезапно затих, подобно трескотне заводной куклы. Оран замер, склонившись над телом, свесив над ним свои длинные руки, неестественно изогнув торс. Джиму на миг показалось, что в такой позе невозможно удержать равновесие, но Император стоял, как статуя на пьедестале.

Сзади к Джиму приблизился Словиель.

- Оран, - позвал он.

Из дальнего конца покоя неожиданно донесся смех. Краем глаза Джим заметил, как молниеносно развернулись Старкины, выхватывая трубки, но вслед за этим раздались три странных кашляющих звука, и Старкины беззвучно повалились на пол с таким же, как у Вотана, безмятежным выражением лиц. В дальнем углу, выступив из-за зеленых портьер, стоял Галиан. В левой руке он сжимал черную трубку, в правой - загадочное, похожее на пистолет с длинным витым стволом, устройство. За спиной Галиана угадывались силуэты Афуан и Мелнеса. Поймав на себе взгляд Джима, Галиан небрежно, почти презрительно пивынул пистолет, прокатившийся по полу и стукнувшийся о ногу убитого Старкина.

Галиан двинулся вперед, Афуан и Мелнес - следом, каблуки вызывающе громко грохотали по паркету. Галиан вновь засмеялся, разглядывая присутствующих.

- Оказывается, ты крепкий орешек, Волк! - воскликнул он весело. - Ты не только ухитрился вернуться живым, но и заставил меня прибегнуть к решительным мерам раньше срока. Но - все хорошо, что хорошо кончается.

Он сделал еще несколько шагов и, ступив на ковер, замер, переведя взгляд с Джима на Словиеля.

- Ты не прав, Словиель, - сказал он. - Не "Оран", а "Галиан". Нам следует научить тебя правильно произносить имя своего Императора, Словиель.

10.

Слова Галиана подействовали. Глянув на Словиеля, Джим заметил, как напряглось его тело, как вскинулась голова. Высокородные едва не испепелили друг друга взглядами.

- Тебе никогда и ничему не удастся научить меня, Галиан, - сухо откликнулся Словиель.

- Не будь идиотом, Словиель! - воскликнула Афуан, но Галиан оборвал ее.

- Неважно! - бросил он, не сводя со Словиеля лимонно-желтых глаз. - Кто мы такие, чтобы указывать Словиелю? К тому же, по его словам, мы - никудышный учитель.

- Мы... - Словиель горько улыбнулся. - Ты уже начал именовать себя во множественном числе?

- Разве я сказал "мы"? - деланно удивился Галиан. - Ну, это оговорка.

- Значит, ты не собираешься его убивать? - Кивком головы Словиель указал на согбенную спину Императора.

- Убивать? Его? - Галиан пожал плечами. - Моя главная задача - ухаживать за ним. Убивать... Зачем? Вотан не смог обеспечить ему надлежащего ухода, а ведь он немного нездоров, ты знаешь.

- А ты? - спросил Джим.

Глаза Галиана злобно сверкнули.

- Имей терпение, Волчонок. Ты свое получишь. Дай разобраться со Словиелем.

- Разобраться? - переспросил Словиель с мрачной иронией, под стать развязному тону Галиана. - Ты бы лучше придумал сносное объяснение гибели Вотана.

Галиан ухмыльнулся.

- Почему я должен что-то придумывать? Вотана убили Старкины. Ты видел это своими глазами. Им приказал сам Император.

- А кто убил Старкинов?

- Конечно, ты. - Галиан развел руками. - Ты настолько потерял контроль над собой, увидя, что Вотана убили без всякой надобности...

- Без надобности, говоришь? - откликнулся Словиель. - А как насчет голубого света? - Ведь Джим никого не просил посылать с Центавра этот камень. Это твоих рук дело.

Галиан щелкнул пальцем, и Мелнес, торопливо подскочив, схватил красный камень и сунул себе в карман.

- Так что там насчет света? - переспросил Галиан.

- Понятно. - Словиель глубоко вздохнул. - Но ведь я, само собой, этих Старкинов не убивал.

- На твоем месте я бы не взялся посвящать широкую публику в подробности событий, - посоветовал Галиан. - Теперь, когда Вотан умер, к Императору необходимо приставить человека, который следил бы за ним и ухаживал. Этим человеком буду я. А если ты начнешь рассказывать всякие байки, Император может счесть тебя недостойным Мира Владык, для твоего же блага.

- Вот как? - воскликнул Словиель. - Однако, даже если я и промолчу, очевидно, что Старкины убиты тяжелым ручным излучателем. Люди удивятся - как это я умудрился уложить трех Императорских телохранителей в полном вооружении какой-то там трубкой. Я ведь могу доказать, что не появлялся на складе оружия больше года.

- Под словом "люди" ты разумеешь Старкинов, которые должны вот-вот вернуться? - спросил Галиан. - Успокойся, они никогда не вернутся.

Словиель кинул быстрый взгляд на Джима. Тот кивнул.

- Стало быть, наш Волк принес вести о маленьких мышеловках на колониальных планетах? - вновь послышался голос Галиана. - Тогда тебе все известно, Словиель. Старкины не вернутся. И хорошо. У меня зреют планы создания новых Старкинов, которые будут подчиняться мне, а не Императору. Впрочем, ты волен выбирать. Или молчи - или...

Словиель хохотнул и, протянув руку, вынул из-за пояса Адока трубку; Галиан презрительно ухмыльнулся.

- Ты в самом деле сошел с ума, Словиель? Мы с тобой фехтовали мальчишками. Конечно, у тебя быстрая реакция, но ты прекрасно знаешь, что еще не родился человек, реакция которого была бы быстрее моей. Кроме разве что... - Он кивнул на неподвижную фигуру Императора.

- Мы давно не упражнялись в паре, - возразил Словиель. - Вдобавок, я устал от всех этих забав Мира Владых, и, поверь, очень хочу убить тебя.

Словиель шагнул вперед. Галиан поспешно отступил и извлек трубку из поясных петель.

- Может, поспорим? - предложил он. - Предлагаю пари сразу на столько Пунктов Жизни, сколько хватит, чтобы тут же изгнать проигравшего из Мира Владых. Пятьдесят устроит? Кто бы ни проиграл - ему достанет.

- Бросим забавы, - сказал Словиель, идя на отступающего Галиана. - Я утратил интерес к спорам. Хочется, знаешь, чего-нибудь поострее...

Они дошли до середины выстланного паркетом пола, сохраняя неизменную дистанцию - около дюжины футов, однако, склонив друг к другу гигантские торсы и вытянув навстречу длинные, как жерди, руки, противники, казалось, находились на расстоянии не больше двух шагов.

Внезапно трубка Словиеля выстрелила белой молнией. Одновременно он отклонился чуть назад и вбок, выбирая позицию для нападения с фланга. Галиан, однако, смело нырнул под пламя, распутившееся над его головой ослепительным белым цветком, и, повернувшись на каблуках, оказался лицом к лицу со Словиелем.

Среагируй Галиан чуть быстрее, он сумел бы убить Словиеля внезапным выстрелом, но разворот занял время, давшее Словиелю возможность направить оружие, и упредить атаку - две белые молнии, столкнувшись, вспыхнули искристым фейерверком, не причинив противникам вреда.

С этого момента трубки плевались огнем беспрерывно. Вслед за первым обменом выпадами - а Джим достаточно упражнялся с Адоком, чтобы понять, насколько страшны эти выпады, - Высокородные пустили в ход традиционные методы защиты и атаки. Фехтование на трубках сродни фехтованию на шпагах, с той разницей, что длина "клинки" могла произвольно меняться - от нескольких дюймов до нескольких футов. Встречные удары взаимно уничтожались - таким образом, все решали мастерство и стремительность.

Словиель и Галиан ступали по блестящему паркету, причем каждый старался не оказаться припертым к стене. Трубки извергали пламя, время от времени рассыпавшееся в пышный сноп искр. На лице Галиана застыла хмурая улыбка, губы были плотно сжаты, брови нахмурены. Напротив, Словиель после первых атак, казалось, стал гораздо хладнокровней, а на его лице играло мечтательное выражение, словно то была не смертельная схватка, а обычное спортивное состязание.

Между тем внешнее безразличие Словиеля решительно не соответствовало развитию событий. Несколько недель назад Джим счел бы, что здесь разворачивается некий загадочный танец, в котором двое рослых мужчин, сжимая в руках что-то вроде римских свечей, демонстрируют друг другу и зрителям виртуозную пластику тел и красоты огненного фейерверка. Теперь-то он понимал, что означает данное действие. Более того, знания подсказывали, что дуэль могла иметь лишь один исход. Сколь изящен и быстр ни был Словиель, Галиан уже несколько раз едва не опередил его своими выстрелами. Рано или поздно, навыки Словиеля не спасут его от обманной тактики противника. Галиан был хитрее, а в дуэлях такого рода это - главное.

Конец пришел довольно быстро. Галиан резко отклонился влево, взрезал воздух языком пламени, нырнул под встречный выстрел Словиеля, и, распрямившись, изловчился полоснуть огнем по левому бедру и руке Словиеля. Тот рухнул на правое колено, левая рука повисла, как плеть, а выпавшая трубка покатила по блестящему паркету. Словиель рассмеялся в лицо Галиану.

- Тебе смешно? - задыхаясь, рявкнул Галиан. - Я сотру с твоего лица улыбку.

Он поднял трубку...

- ГАЛИАН!!! - Джим бросился вперед.

Своим криком он бессилен был остановить Высокородного, но, услышав быстрый шорох шагов позади, Галиан молниеносно развернулся, подбравшись, точно кошка. На бегу Джим выхватил трубку, только и успев, что обезвредить встречным огнем выстрел Галиана. Джим остановился и шагнул назад. Галиан рассмеялся.

- Волк, Волк... - выговорил он, покачав головой. - Ты еще не усвоил, что представляет из себя Высокородный? В таком случае, придется дать тебе урок.

- Джим! - закричал Словиель. - У тебя нет ни единого шанса! Беги!

- Как бы не так, - спокойно сказал Джим. Теперь, приняв бой, он чувствовал себя на удивление спокойным и бесстрастным.

Они обменялись рядом ударов. Брови Галиана приподнялись.

- Для начала неплохо, - констатировал он. - Я бы сказал, очень даже неплохо для цветного. И просто бесподобно для Волка. Я буду безутешен, когда убью тебя, Волк.

Джим молча продолжал драться, сохраняя хладнокровие и стараясь, чтобы пламя его выстрелов хотя бы чуть-чуть опережало атаки противника, и беспрерывно кружа по комнате, держась подальше от стен. Если бы не богатый земной опыт фехтования, ему бы никогда не научиться сражаться на трубах за те неполные две недели занятий с Адоком. И опыт в совокупности с природным талантом делали Джима уверенней с каждой секундой.

- Да и к чему мне тебя терять? - раздумчиво заметил Галиан во время одного из выпадов, когда они очутились почти нос к носу. Кожа Высокородного блестела от пота. - Не вынуждай меня совершать грех, Волк. Словиелю в любом случае придется умереть, этого не поправишь. А ты мог бы стать командиром новых Старкинов.

Джим молчал, лишь удвоил пыл атак. Внезапно сзади послышался топот ног и голос Ро: "Назад!"

Джим не осмелился оглянуться, пока они с Галианом не поменялись местами, - тогда он увидел, что Ро стоит на коленях возле поверженного Словиеля и в руках у нее нацеленная на принцессу Афуюн трубка. Поодаль лежал Мелнес, было похоже, что у господина всех холопов сломана шея. Над ним возвышался бесстрастный Адок. И лишь фигура Императора, склонившегося над мертвым Вотаном, ни на дюйм не сдвинулась с места.

- Кого ты из себя корчишь? - прохрипел Галиан.

Молчание.

- Когда я задаю вопрос, я хочу получить ответ, Волк!

Джим парировал выпад и так же молча отступил.

- Ну ладно! - Галиан скривил губы в деланной усмешке. - До сих пор я забавлялся, надеясь, что ты одумаешься. Но теперь я убью тебя, Волк!

Засверкало пламя, со всех сторон посыпались искры - Джим понял, что теперь ему предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

Высокородный имел явные преимущества - высокий рост, широкий шаг, длинные руки - и с успехом их использовал. Парируя выстрелы, Джим был вынужден отступать, а Галиан напирал, не давая ни секунды передышки. Джим попытался развернуться влево, но противник мгновенно отрезал ему этот путь стеной огня; не удался и прорыв справа. Краем глаза Джим различал три стены комнаты и чувствовал, что находится где-то неподалеку от четвертой. Если Высокородному удастся прижать его к стене, скованность движений Джима очень быстро решит исход дуэли - превосходство в длине рук позволяло Галиану не пропускать Джима на фланги, стало быть, иного пути не оставалось, как только отступать назад - к стене. Ухмылка Галиана превратилась в страшный оскал, с подбородка капал пот.

Из огненной тюрьмы был лишь один выход - ударить в самое сильное место, контратаковать и вынудить Высокородного вначале ослабить натиск, а затем отступить. Стремительность - залог успеха. Джиму придется превзойти в стремительности Высокородного.

Выжидать не было смысла. После первых же яростных атак Джима Галиан отступил шага на три в крайнем изумлении, но быстро овладел собой и остановился. Вдруг он рассмеялся странным, прерывистым смехом.

Казалось, он собрался что-то сказать, но передумал, решив не срывать дыхания понапрасну. Обоим не хватало воздуха - в течение доброго десятка атак и контратак они стояли буквально нога к ноге, не сдвигаясь ни на дюйм, точно скалы. Скорость движений была безумной - еще немного, и Джим свалился бы замертво. Но он не уступал, и глаза Галиана начали медленно вылезать из орбит. Он пристально смотрел на Джима сквозь сполохи огня и сыплющиеся дождем искры.

- Ты... не можешь... этого... не можешь... - через силу прохрипел он.

- Могу... - выдохнул Джим в ответ.

Лицо Галиана исказила ярость, и, отразив очередную атаку, он попытался провести прием, именуемый у земных фехтовальщиков "мулине". Прием состоял в том, чтобы искусным выпадам сбить пламя с конца трубки; если бы это удалось, в запасе у Галиана осталось бы целых полсекунды, чтобы отпрянуть назад и убить Джима. Пламя вычертило дугу и рванулось вниз - пламя трубки Джима не отстало ни на дюйм. Так они описали несколько кругов, затем ту же тактику применил Джим. Проведя огненную дугу над головой Высокородного, он внезапно прервал движение и, развернувшись, отправил луч максимальной мощности в открытую грудь Галиана.

Галиан споткнулся и упал, взмахнув трубкой, пламя которой, прежде чем угаснуть, полоснуло Джима по правому боку. Джим почувствовал ледяной холод под ребрами. У ног его простерся Галиан.

Сквозь застывший глаза пот Джим разглядел, как Словиель забрал у Ро трубку, нацеленную на Афуан. Словиель, несмотря на рану, стоял на ногах, правда, опершись на плечо девушки.

Дыхание Джима скоро восстановилось, и он приблизился к ним, кинув беглый взгляд на мертвого Галиана.

- Джим?.. - произнес Словиель с нескрываемым удивлением. Трубку он успел спрятать за пояс. На Афуан больше никто не смотрел.

- Кто ты?

- Волк, - отвечал Джим. - Зачем ты встал?

Словиель невесело рассмеялся.

- Мы, Высокородные, быстро залечиваем раны, - пояснил он. - Как ты?

- Со мной тоже порядок. Но я натворил тут кучу дел. - Джим указал на труп Высокородного. - Заняться всем этим придется тебе. А мне пора домой.

- Домой? - переспросил Словиель.

- Да. На Землю - в мир, откуда я пришел. Чем меньше будет шуму, тем лучше для Императора. Никто не заметит, если я потихоньку исчезну, а Высокородным ты можешь сказать, что Галиан убил Вотана и Старкинов в припадке безумия, и, чтобы спасти жизнь Его Величества, ты вынужден был убить Галиана.

Джим посмотрел на Афуан, которая стояла точно белая статуя.

- Конечно, - поправился он, - если сумеешь заставить принцессу молчать...

Словиель искоса глянул на нее.

- Афуан не захочет огорчать меня, - сказал он. - Галиан намекал, что Император мог бы изгнать меня в колонию либо изолировать в моих же интересах. Стало быть, теперь то же самое относится и к ней.

Он выпустил из рук плечо Ро и, выпрямившись, чуть прихрамывая, направился к неподвижной фигуре Императора. Джим и Ро отправились следом.

Словиель легонько коснулся руки Императора.

- Оран, - позвал он.

Несколько секунд Император не двигался, затем выпрямился, повернулся и, тепло улыбаясь, сказал:

- О, Словиель! Как хорошо, что ты пришел! Знаешь, я нигде не могу отыскать Вотана. Могу поклясться, что видел его здесь несколько минут назад, а теперь он куда-то запропастился.

Император оглядел покой, окинул взглядом все закоулки. На расprostертую у его ног фигуру он почему-то не обратил внимания.

- Знаешь, Словиель, - продолжал Император, с симпатией глядя на Высокородного, - недавно, быть может вчера, приснился мне сон. Будто Вотан мертв, Галиан мертв, все мои Старкины - мертвы. И когда я отправился из дворца в Мир Владык, чтобы поведать мой сон Высокородным, обнаружил, что один во всем мире. Это плохо, если я останусь один, а Словиель?

- Ты никогда не останешься один, Оран. Никогда, пока я жив, - твердо ответил Словиель.

- Спасибо. - Император вновь оглядел комнату, и в его голосе проскользнули тревожные нотки. - Но почему нигде нет Вотана?

- Он ненадолго отлучился, Оран, - успокоил его Словиель. - Он попросил меня побыть с тобой, пока не вернется.

Лицо Императора просветлело и озарилось улыбкой.

- Ну, стало быть, все в порядке, - сказал он довольно, обнял Словиеля за плечи и в третий раз осмотрелся.

- О, да здесь Афуан! И маленькая Ро! И наш маленький Волчонок, бывший Волчонок, я бы сказал.

Оран глянул на Джима, и улыбка его стала торжественной и немного грустной.

- Ты ведь покидаешь нас, да, Джим? - спросил он, с трудом отыскивая его имя в глубинах памяти. - Мне показалось, ты недавно упоминал об этом.

- Да, Оран, - сказал Джим. - Мне срочно нужно уходить.

Император кивнул, сохраняя торжественно-печальный вид.

- Да, я в самом деле только что это слышал. - Внезапно он в упор посмотрел на Джима. - Я ведь слышу все, даже если не слушаю. А ты прав, Джим. Это хорошо, что ты решил вернуться на родную планету.

Рука Императора соскользнула с плеча Словиеля, он сделал шаг вперед, но остановился, по-прежнему не сводя с Джима глаз.

- Ваш мир полон юной энергии, Джим, - продолжал он. - Мы все здесь очень устали. Да, устали. С тобой и остальными Волками все будет хорошо. Я это вижу. Ты ведь знаешь, Джим, я иногда способен очень далеко видеть... - Лимонно-желтые глаза его словно бы затуманились. - Я очень ясно вижу... тебе будет хорошо, всем вам будет хорошо... А что хорошо для вас - хорошо и для нас...

Дымка исчезла из глаз Императора, он вновь посмотрел на Джима.

- Мне что-то подсказывает, будто ты, Джим, оказал нам громадную услугу. Мне хотелось бы, прежде чем ты уйдешь, утвердить твое усыновление. С этого момента объявляю тебя Высокородным, Джим Кейл! - Он внезапно рассмеялся. - Хотя этим я не вношу в твою судьбу ничего нового!

Оран повернулся к Словиелю:

- Что мне делать дальше?

- Думаю, - сказал Словиель, - надо отослать Афуан домой. И посоветовать, чтобы она оставалась там до особых распоряжений.

Взгляд Орана обежал кругом комнаты и уперся в Афуан. Принцесса лишь секунду выдержала взгляд монарха, после чего воззрилась на стоящих возле него Ро и Джима.

- Черномазая! Дикарь! - в ярости выкрикнула она. - Убирайтесь в кусты и там совокушляйтесь!

Джим вскинулся, однако Ро поймала его руку.

- Не надо! - сказала она почти с гордостью. - Разве ты не видишь? Она ревнует!

Крепко держа его руку, она заглянула Джиму в глаза.

- Я отправлюсь с тобой, Джим. В твой мир!

- Да, - неожиданно вступил Император. - Я все так и представлял. Маленькая Ро должна идти с ним...

- Афуан! - строго прикрикнул Словиель.

Принцесса кинула на него полный ненависти взгляд и исчезла.

Внезапно Джим почувствовал, что в голове у него плывет, и лишь значительным усилием воли смог взять себя в руки.

- Нам надо отправляться быстрее, - сказал он. - Я пришлю тебе, Словиель, столько Старкинов, сколько понадобится для охраны Его Величества. А пока что возвращай Старкинов из колоний. Сколько сумеешь. И если поспешишь с приказом, меньше людей потеряешь в галиановых ловушках.

- Я все сделаю. Счастливо, Джим, - сказал Словиель.

- До свидания, Джим. - Император шагнул к нему с протянутой рукой. Джим, высвободив левую руку из ладони Ро, неуклюже пожал Императору палец.

- Адок! - Оран повернулся к Старкину, не выпуская руки Джима. - У тебя есть семья?

- Больше, нет, Оран, - ответил Адок своим бесстрастным голосом. - Сын мой вырос, а жена вернулась в женское поселение.

- Ты хотел бы отправиться с Джимом? - спросил Император.

- Я...

За все время совместной службы с Джимом Адок впервые утратил дар речи.

- Я... не привык что-либо желать или не желать, Оран.

- А если я прикажу тебе отправиться вместе с Джимом и Ро, - спросил Император, - ты пошел бы с охотой?

- Да, Оран, - ответил Адок.

- Он тебе понадобится, - Император кивнул Джиму и выпустил его руку.

- Спасибо, Оран, - поблагодарил Джим.

Ро схватила его за руку.

- Спасибо, Оран. До свидания! До свидания, Словиель! - воскликнула она, и в ту же секунду они оказались на взлетной площадке, где ждал звездолет с полком Старкинов.

Приблизившись к кораблю, Джим увидел Гарна, ходившего взад-вперед, словно часовой на посту.

- Рад видеть вас, командир, - приветствовал адъютант.

Джим вновь испытал приступ дурноты. Голос Адока, пересказывавшего Гарну события, слышался ему точно в тумане.

- Высокородный Вотан и принц Галиан убиты. Словиель занял место Вотана. Ты со своими Старкинами поступаешь в его распоряжение...

- Да, - подтвердил Джим.

- Командир... - Гарн развел руками и исчез.

Они переместились на корабль. Джиму стало еще хуже. Ро помогла ему улечься на подушки.

- Что это?.. Адок! - Голос ее прозвучал далеко-далеко, в конце длинного и гулкого коридора, по которому Джим скользил куда-то прочь. Последним усилием воли он представил картину космопорта Альфы Центавра и путь оттуда до Земли - теперь он мог быть спокоен. Корабль доставит их на место.

Он на миг прекратил сопротивляться и заскользил еще быстрее по бесконечному коридору. Но надо было продолжать борьбу - вернуться к Ро хоть на миг.

- Галиан перед смертью спалил мне правый бок, - прошептал он. - Я умираю. Ро, ты должна сказать вместо меня... Там, на Земле... Скажи им все...

- Ты не умрешь! - Ро заплакала, крепко обхватив его руками. - Ты не умрешь...

Неслышно выскользнув из объятий девушки, он вновь понесся по черному коридору, без всякой надежды на возвращение, в угрюмый мрак...

Когда Джим очнулся и увидел свет, то с трудом осознал, где находится. Было ощущение, будто он добрую сотню лет пролежал мертвым. Постепенно вернулись зрение и чувства. Он понял, что лежит на какой-то плоской поверхности, более твердой, нежели подушки Высокородных, а

потолок над ним - белого цвета, хоть и с сероватым оттенком, и довольно низкий.

С натугой повернув голову, он разглядел рядом небольшой столик, несколько стульев и белый экран, какие обычно ставят в больницах. Кроме того, сквозь единственное в комнате окно проникал желтый солнечный свет. Солнца не было видно, только кусочек неба - голубого, с белыми барашками облаков. Он лежал, глядя в это небо, и пытался понять, что произошло.

Очевидно, он находился на Земле. А если так, то где именно? И где Ро и Адок? И корабль?

Он лежал и размышлял. Внезапно припомнился сожженный бок. Заинтересовавшись, он откинул простыни, задрал край голубой пижамы и исследовал тело. Ничего не болело, а кожа выглядела так, словно он и не был ранен.

Джим натянул простыни и откинулся на подушку. Самочувствие было хорошим, кроме небольшой слабости, как после долгого сна. Он снова посмотрел на столик. На пластиковой плоскости стояли стакан с остатками льда и коробка с салфетками. Стало быть, больница. Неудивительно, если был тяжело ранен Галианом. Но куда подевался шрам?..

Внезапно Джим заметил на нижней полке стола телефон. Сняв трубку и прислушался - телефон молчал. На удачу набрав несколько цифр, он долго ждал ответа, потом положил трубку на место. И увидел рядом с аппаратом кнопку с табличкой "СЕСТРА".

Джим надавил кнопку, однако ничего не произошло. Подождав минут пять, он надавил еще раз. Дверь распахнулась. Однако вошла не девушка в белом халате и колпаке, а крепкий молодой парень, ростом чуть ниже самого Джима, широкоплечий, одетый в белые брюки и белый свитер.

Не сказав ни слова, парень приблизился к кровати и, взяв Джима за левое запястье, молча принялся измерять пульс, лишь изредка поглядывая на часы.

- Я вполне здоров, - сказал Джим. - Что это за больница?

Парень-санитар издал нечленораздельный звук, досчитал пульс и, выпустив руку Джима, повернулся к двери.

- Эй, подождите! - окликнул Джим, садясь в постели.

- Лежи тихо! - хрипло приказал санитар, приоткрыл дверь и выскочил вон.

Джим резко откинул простыни и прыгнул с кровати. Сделав три шага к двери, подергал ручку. Пальцы скользнули по гладкому металлу - дверь была заперта.

Он снова потряс ручку, затем отступил. Первым побуждением его очнувшегося из небытия мозга было стучать, колотить что есть сил в эту дверь, пока кто-нибудь не явится. Но он стоял и задумчиво смотрел на нее.

Палата - его теперешнее обиталище - все больше смахивала на приют для душевнобольных. Джим повернулся и пошел к окну. Его подозрения усилились.

Невидимая с постели, на окне была металлическая решетка. На вид довольно тонкая, но, без сомнений, достаточно прочная, чтобы задержать беглеца, не имевшего под рукой инструментов.

Джим глянул вниз. Под окнами раскинулась лужайка, окруженная стеной сосен. Больше ничего нельзя было разглядеть.

Джим вернулся к постели, сел, затем лег, накрылся простынями и, призвав на помощь все свое терпение, стал ждать.

Время тянулось медленно. Потом дверь внезапно отворилась, и вошел знакомый санитар в сопровождении низенького человека лет пятидесяти, в белом халате, совершенно лысого. Вдвоем они приблизились к постели Джима.

- Порядок, - произнес человек в халате, обращаясь к санитару. - Вы мне пока не понадобится.

Санитар вышел, закрыв за собой дверь. Врач - ибо никем другим он быть не мог - взял Джима за руку и сосчитал пульс.

- Н-да, - буркнул он себе под нос.

Отпустив руку Джима, он откинул простыню, задрал пижаму и принялся изучать правый бок пациента. Пальцы давили то здесь, то там. Внезапно Джим вздрогнул.

- Больно?

- Да, - спокойно сказал Джим.

- Хм... - Врач нахмурился. - Если это правда, то все - крайне интересно.

- Доктор, - сказал Джим. - Со мной что-нибудь не в порядке?

- Нет, с вами-то все в порядке. - Врач оправил на Джиме пижаму и укрыл его простыней. - Но я в это не верю. Единственное, во что я мог бы поверить - небольшая рана в вашем правом боку, которую я видел собственными глазами.

- Во что же вы тогда не верите? - поинтересовался Джим.

- В то, что на этом самом месте якобы была жжена рана, по меньшей мере дюймов шести в длину и двух - в ширину, - заявил врач. - Да, я видел по телевизору ваш корабль и помню, что говорила мне девушка. С раной, которую она описала, вы умерли бы прежде, чем добрались сюда. Я могу поверить в небольшую ранку, зажившую без всяких шрамов, но в большую и серьезную - никогда в жизни!

- А разве так необходимо вас убеждать? - мягко спросил Джим.

- Нет, - ответил врач. - такой необходимости нет. Я могу лишь дать заключение, что сейчас вы абсолютно здоровы. Да, так я им и скажу.

- Кому - им?

Врач кинул на Джима пристальный взгляд.

- Доктор, - сказал Джим. - Возможно, у вас сложилось обо мне нелестное мнение. Ваше дело. Но, думаю, не следует держать своего пациента в полном неведении касательно того, где он находится и кто принимает в нем участие. Вот вы упомянули о девушке. Скажите, она случайно не стоит сейчас за дверью?

- Нет, - сказал врач. - Что до ваших вопросов... Поместили вас сюда члены Правительства Мира. Причем мне запрещено беседовать с вами на темы, к лечению не относящиеся. В моем лечении вы больше не нуждаетесь, стало быть, говорить нам не о чем.

Врач поднялся и пошел к двери. Однако он, взявшись за ручку, казался, испытывал угрызения совести, поэтому повернулся к Джиму.

- Они пришлют к вам своего человека, - сообщил он, - как только я доложу, что вы окончательно выздоровели. Ему и задавайте любые вопросы.

Он надавил ручку, но оказалось, что дверь заперта. Врач принялся стучать по ней кулаком и звать санитара, который, судя по всему, находился где-то далеко. Наконец дверь тихонько приоткрылась, врач проскользнул в образовавшуюся щель, и дверь захлопнулась. Щелкнул замок.

В этот раз Джиму пришлось ждать недолго - минут двадцать. В палату впустили посетителя лет сорока с сильно загоревшим лицом, в деловом сером костюме. Посетитель подошел к кровати, приветствовал Джима кивком головы и, придвинув один из стульев, сел. Джим устроился на краю кровати.

- Я - Даниэль Вилькоксин, - представился человек. - Если хотите, зовите меня Дэн. Правительство собирает Комиссию по расследованию, я назначен вашим адвокатом.

- А если я не соглашусь с вашей кандидатурой? - спокойно спросил Джим.

- Тогда, конечно, я устроюсь, - сказал адвокат. - Однако данное расследование не будет иметь ничего общего с обычным судебным процессом. Процесс начнется позже, если так решит Комиссия. Поэтому формально адвокат вам не нужен. Но если вы откажетесь от моих услуг, вряд ли Комиссия предложит вам новую кандидатуру. Ведь процесс-то не судебный.

- Понятно, - сказал Джим. - У меня к вам ряд вопросов.

- Валийте. - Вилькоксин откинулся на стуле и сложил руки на коленях.

- Где я? - холодно спросил Джим.

- Этого, боюсь, я не могу вам сообщить. Сам не представляю, где мы находимся. Знаю только, что это правительственная больница, лечиться в которой имеют право те, чьи дела требуют соблюдения строжайшей секретности. Еще могу сказать, что больница расположена минутах в двадцати езды от здания Правительства - там находится моя контора, - но в какую сторону, не знаю. Меня везли в закрытом автомобиле.

- Где мой звездолет? И члены моей команды?

- Корабль в правительственном космопорту, - ответил Вилькоксин. - Окруженный охраной, не подпускающей никого ближе четверти мили. Ваши спутники пока что на борту корабля - этим они обязаны губернатору Альфы Центавра, который в данный момент находится здесь, на Земле. Если не ошибаюсь, женщина, которую вы привезли с собой, - Высокород-

ная. А губернатор Альфы до смерти боится всех Высокородных, и ему удалось разубедить Правительство временно интернировать ваших спутников. Думается, его нельзя упрекнуть... - Внезапно Вилькоксин замолк и с любопытством уставился на Джима. - Неужели Высокородные правят всей Империей?

- Да, - хмуро ответил Джим. - Зачем меня сюда привезли?

- Эта леди, Высокородная...

- Ее зовут Ро.

- Так вот, ваша Ро встретилась с представителями Правительства сразу, едва корабль коснулся грунта. Судя по всему, встречать его явились весьма важные шишки. Дело в том, что губернатор Альфы Центавра опознал корабль Высокородных. Короче, она пустила их внутрь, показала вас и поведала впечатляющую историю о том, как вас ранил на дуэли принц Империи, и будто бы вы этого принца прикончили. Она сказала, что вам уже намного лучше, но не возражала, когда чиновники предложили поместить вас в больницу. Не знаю, как им удалось ее убедить, что привычное для вас лечение окажет благоприятное действие, и, дескать, вы скоро встанете на ноги.

- Да, - тихо сказал Джим. - Ро начисто лишена подозрительности.

- Очевидно. Во всяком случае, она позволила увезти вас, и Комиссия приняла решение начать работу сразу, как только вы поправитесь. Надо думать, врач уже дал положительное заключение.

- Что это будет за расследование?

- Видите ли... - замылся Вилькоксин. - Я уже сказал, что с обычной судебной процедурой оно не имеет ничего общего. Комиссия собрана с целью получить определенную информацию, на основании которой решить, что делать с вами, вашими друзьями и кораблем. Но скорее всего, Правительство возбудит уголовное дело по обвинению вас в предательстве и измене. Думаю, вы это уже поняли.

Последние слова Вилькоксина тревожно зависли в спертom воздухе палаты.

- Почему вы решили, что я должен был ожидать чего-то подобного по возвращении на Землю? - спокойно спросил Джим.

- Но... - Джим почувствовал на себе испытующий взгляд адвоката. - Дело в том, что после вашего отлета с Альфы Центавра на Землю прибыл Максвелл Холланд, который заявил, что вам "плевать на все их приказы", что вы улетели в Мир Владык, чтобы на свой страх и риск учинить там едва ли не бунт. Естественно, Холланд приведет ваши слова на завтрашнем заседании. Хотите сказать, что ничего подобного не говорили?

- Нет, - сказал Джим. - Если я ему и сказал что-нибудь, так это то, что с определенного момента предпочитаю руководствоваться собственными соображениями.

- Для комиссии данная формулировка прозвучит немногим мягче.

- Похоже, ваша комиссия уже признала меня виновным в предательстве...

- Думаю, да, - кивнул Вилькоксин. - Но это говорит и о том, что я автоматически становлюсь на вашу сторону. Как вашего защитника, меня это меньше всего устраивает. Вы были избраны из огромного числа кандидатов, вас специально обучали, потратили на вас кучу денег. Чтобы вы жили в Мире Владык и тихонько смотрели вокруг. В свою очередь Правительство должно было решить - относимся мы к Империи или развивались самостоятельно и представляем собой иную расу, отличную от населения Имперских миров. Верно?

- Да, все так, - подтвердил Джим.

- Хорошо, - продолжал Вилькоксин. - С этим вы согласны. Далее, исходя из рассказа девушки Ро, вместо того, чтобы глядеть вокруг, вывязываетесь в драку с Высокородным. Мало того, наносите ему ножевое ранение; после чего, в компании со своим телохранителем участвуете в интригах Мира Владык, в результате которых и не без вашего участия гибнут дядя Императора и принц. Это правда?

- Все зависит от того, с какой стороны посмотреть, - ответил Джим. - А смысл нетрудно вывернуть наизнанку, если исходить из голых фактов, причем неверно истолкованных.

- Вы хотите сказать, что эта девушка, Ро, лгала? - допытывался Вилькоксин.

- Нет, я хочу сказать, что она не могла описать события в подобных красках. Вы все слышали из ее уст или пересказываете чужие слова?

Вилькоксин откинулся на стуле и задумчиво поскреб подбородок.

- Я действительно получил информацию из вторых рук, - признался он. - Но если на завтрашнем заседании этот человек повторит свои слова, вам придется несладко, даже если, как вы считаете, в рассказе имеют место неточности.

Он снова потер подбородок, затем внезапно вскочил на ноги и зашагал по палате.

- Скажу вам совершенно откровенно, - начал он, останавливаясь напротив Джима, - я был не в восторге, когда меня назначили вашим защитником. Можно даже сказать, я был предубежден... Поймите правильно, я говорю так не потому, что вы меня переубедили, - торопливо добавил адвокат, - а потому, что вы раскрыли мне глаза на то, что, возможно - подчеркиваю, возможно, - все происходило не так, как об этом говорят.

- Ладно. - Он уселся на стул и придвинул его к кровати Джима. - Теперь послушаем вас. Что произошло с тех пор, как вы покинули Альфу Центавра Три и до вашего возвращения домой?

- Я отправился в Мир Владык, чтобы, как вы верно заметили, выяснить, - представляем ли мы независимую расу, либо мы ветвь Империи. Все произошедшее - следствие моих наблюдений.

Вилькоксин молчал, словно ожидая, что Джим продолжит рассказ.

- Это все, что вы можете сообщить? - спросил он после паузы.

- Пока - да, - ответил Джим. - Остальное я расскажу на заседании Комиссии, если, конечно, она соизволит меня выслушать.

- Значит, вы сознательно скрываете от меня факты, - сказал Вилькоксин. - Неужели вы не понимаете, что если я не буду знать всего, то не смогу помочь вам?

- Понимаю, - сказал Джим. - Но не вполне вам доверяю. Нет, не поймите меня превратно. Я доверяю вам как человеку, просто, боюсь, вы окажетесь неспособны правильно понять и оценить события, равно как и любой другой человек, никогда не бывавший в Мире Владык.

- Но ведь... ни один землянин не был в Мире Владык.

- Совершенно верно. И я считаю, ни один человек на Земле не в силах мне помочь. В то же время некто Макс Холланд собирается выступить против меня перед Комиссией, заранее объявившей меня виновным...

- В таком случае я решительно не могу быть вам полезным, - объявил Вилькоксин, вставая со стула и направляясь к двери.

- Подождите минутку, - остановил его Джим. - Возможно, вы и не в силах мне помочь как адвокат, но, повторяю, - как и любой другой человек. Однако вы можете помочь мне в другом.

- Каким образом? - Вилькоксин обернулся. Ладонь его лежала на дверной ручке.

- Начнем с того, что вы хотя бы будете считать меня невиновным, пока вина моя не доказана.

Несколько секунд Вилькоксин стоял молча, затем его рука соскользнула с ручки, он медленно приблизился к Джиму и сел на стул.

- Хорошо. Прощу прощения. Чем я могу вам помочь? Что могу сделать?

- Прежде всего, - сказал Джим, - вы можете присутствовать на завтрашнем заседании Комиссии в качестве моего адвоката. Но, кроме того, я буду весьма признателен, если вы ответите на несколько вопросов. Во-первых: почему Комиссия, Правительство и весь народ жаждут осудить меня за предательство? Что я такого сделал? Побывал в Мире Владык, вернулся живым, привез ценнейший космический корабль, двух представителей Империи... Не пойму, каким образом это может сочетаться с предательством интересов людей. Конечно, существует еще Макс Холланд, которому я подложил какую-то свинью и который собирается публично обвинить меня во всех смертных грехах... Но если Комиссия ориентируется исключительно на его показания, думаю, особо волноваться не следует.

- Как вы не поймете?! - сердито воскликнул Вилькоксин. - Разговоры о предательстве начались после того, как стало известно о ваших похождениях в Мире Владык. В Правительстве решили, что теперь Империя непременно возжаждет мести и может сотворить с Землей невесть что.

- С какой стати?

- С какой?.. - Вилькоксин даже поперхнулся. - Да хотя бы с такой, что дядя и брат Императора мертвы, а сам Император очень даже может предъявить счет за их смерть.

Джим ухмыльнулся. Брови Вилькоксина сошлись к переносице.

- Разве это так смешно?

- Нет, - сказал Джим. - Но теперь я понял, почему меня обвиняют именно в предательстве. Насколько мне известно, оно карается смертной казнью?

- Не всегда... - нерешительно проговорил Вилькоксин. - Но при чем здесь...

- Боюсь, не сумею объяснить. А скажите, не могли бы вы повидать Ро?

- Исключено, - Вилькоксин покачал головой. - Я уже пытался это сделать. Меня даже не подпустили к кораблю.

- А передать ей записку вы можете?

- Думаю, да. - Вилькоксин нахмурился. - Но сомневаюсь, что смогу получить ответ.

- Это не обязательно, - сказал Джим. - Ро верила меня заботам земных врачей без колебаний, стало быть, доверяла им. Она не знает, какой сюрприз ожидает меня на завтрашнем заседании. Можете вы написать ей об этом и еще обрисовать мнение обо мне, сложившееся у этих людей?

- Думаю, да, - ответил Вилькоксин. - Да, разумеется, - бодро добавил он, - я поговорю с ней завтра утром: она тоже вызвана на Комиссию.

- Если вы это сделаете сегодня вечером, буду вам благодарен вдвойне.

- Постараюсь. - Вилькоксин глянул на Джима. - А что, собственно, вы от нее ждете? Ведь не станет она опровергать свои же показания?

- Я и не жду этого, - сказал Джим.

- Сами сказали, что никто из землян не может вам ничем помочь. Значит, это может она и еще тот человек, прилетевший с вами из Мира Владык. Однако не забывайте: они пока что - главные свидетели обвинения. Короче, радостных перспектив для вас я не вижу.

- Еще есть губернатор с Центавра, - заметил Джим, слегка улыбнувшись.

- О! - Глаза Вилькоксина засверкали. - Очень может быть! Я и не думал о нем. Он замолвил словечко за Ро, когда она выразила желание остаться на корабле, он может замолвить слово и за вас. Хотите, чтобы я связался с ним?

Джим покачал головой.

- Нет. Предоставьте это мне.

В ответ Вилькоксин тоже покачал головой.

- Не понимаю, - сказал он. - Совсем не понимаю... Что-нибудь еще? Я - с вами, можете быть уверены.

- Спасибо, больше ничего, - Поговорите с Ро, если сможете.

Вилькоксин поднялся.

- Я зайду к вам за полчаса до начала заседания, - сказал он. - Я буду вас сопровождать.

Он пошел к двери.

- Откройте, это Вилькоксин!

Дверь на секунду приоткрылась, и прежде, чем скрыться за ней, адвокат повернулся к Джиму:

- Что ж, спокойной ночи. И желаю удачи!

- Спасибо, - спокойно сказал Джим.

Вилькоксин вышел, дверь тут же закрылась. Джим вытянулся на кровати и позволил мыслям захлестнуть себя. Но спустя несколько минут взял себя в руки и, как солдат на поле боя, заснул.

12

Даниэль Вилькоксин появился на следующий день в восемь пятнадцать. Они с Джимом сели в закрытую машину и направились к зданию Правительства. В девять должно было начаться заседание Комиссии. Джим потихоньку спросил - удалось ли Вилькоксину связаться с Ро.

Вилькоксин кивнул.

- Мне не удалось пробраться на корабль, - сказал он, - но я сумел переговорить с ней по телефону с одного из постов охраны. Я задал ей кучу вопросов, якобы связанных с предстоящей защитой, и ухитрился-таки передать то, о чем вы меня просили, - скажем так, между строк.

- Хорошо, - произнес Джим и с этого момента больше не открывал рта, даже не отвечая на вопросы, которые пытался задавать Вилькоксин.

Потеряв терпение, адвокат толкнул Джима под локоть.

- Послушайте! Вы должны ответить мне! Через несколько минут я должен буду вас защищать, и мне важно знать хоть что-то. Ради вас я связался с Ро - не думайте, что это было легко. Кроме полевого телефона, никакой связи с кораблем не существует.

Джим покосился на него.

- Правительственный центр находится примерно в десяти милях от космодрома, верно? - спросил он.

- Да... Но...

- Если бы я смог попасть туда, мне не понадобилась бы ваша помощь, я связался бы с кораблем без всяких телефонов.

На изумленное лицо адвоката Джим не обращал внимания.

- Говорю к тому, что не хочу тратить время, отвечая на ваши вопросы, ибо вы все равно ничего не поймете. Даже если поверите мне на слово. То, что через несколько минут будут говорить Холланд и другие свидетели, абсолютно меня не волнует. А вас я прошу об одном: не мешайте мне. Сидите тихо и не мешайте.

Джим вновь погрузился в собственные мысли, и на этот раз Вилькоксин оставил его в покое.

Машина подъехала к зданию правительственного центра, где заседала Комиссия. Джима проводили в маленькую комнатку. Там он должен был ждать, пока не соберутся все члены Комиссии, а затем его и Вилькоксина пригласили в набитый до отказа публичный зал заседаний.

Их усадили прямо напротив возвышения, на котором стоял длинный стол для шести членов Комиссии. Войдя в зал, Джим увидел в первом ряду Макса Холланда, Старка Якобсена - одного из руководителей проекта,

тренировавшего Джима перед отбытием в Мир Владык, - и Ро. Вокруг расположились прочие приглашенные, их лица тоже были как будто знакомыми.

Ро встретила его взгляд. Она казалась взволнованной и выглядела бледнее обычного. На ней были белая блузка и юбка, ничем не выделявшиеся среди костюмов других сидевших в зале женщин. И все же Ро привлекала внимание. Привыкший к статным фигурам и правильным чертам лиц жителей Мира Владык, Джим поймал себя на том, что его родной народ - народ Земли - кажется ему мелким и некрасивым.

В зал вошли члены Комиссии. Все в зале встали и стояли в молчаливом ожидании, пока те не расселись. Каждый из шести представлял один из секторов планеты. По залу пронесся взволнованный шум, когда появился маленький смуглый человек и занял место рядом с Алвином Хейнманом, председателем могущественного Европейского Сектора. Джим взглянул на коротышку и слабо улыбнулся. Но тот едва удостоил его взглядом, печальным и суровым. Публике в зале разрешили сесть.

- ...Пусть в протоколах отметят, - сказал Хейнман в микрофоны, - что губернатор Альфы Центавра Три любезно, хоть и неофициально, согласился присутствовать на заседании и помочь расследованию в меру своих знаний и опыта.

Хейнман постучал по столу председательским молотком и пригласил официального представителя правительства выступить с изложением сути дела.

Представитель встал. Хотя он тщательно избегал слова "предательство", он сумел представить дело так, что у публики не осталось ни малейших сомнений в намерениях Правительства, которое после столь незначительной прелюдии, как настоящее расследование, неминуемо должно возбудить против Джима судебный процесс по обвинению в измене. Выступавший закончил, и вызвали Старка Якобсена.

Старк отвечал на вопросы - как Джима готовили к экспедиции, и почему из тысяч претендетов, мечтавших попасть в Мир Владык, был избран именно он.

- Джеймс Кейл необычайно одарен во всех отношениях. Особенно физически. Нас это весьма устраивало - ибо мы хотели послать в Мир Владык человека, способного продемонстрировать бой с быком. К тому же, когда мы обратили внимание на Кейла, он уже имел ученые степени по химии и истории, а также антропологии. Вдобавок он имел авторитетные труды в области культуры и социологии.

- Вы хотите сказать, что характером он выделялся из общей массы? - вмешался Хейнман.

- Все кандидаты были яркими индивидуальностями, - ответил Якобсен. - Кейл - не исключение.

Джим помнил: Якобсен, плотный датчанин лет шестидесяти, обладатель густой копны седых волос, всегда относился к нему с большим дружелюбием, нежели Макс Холланд.

- ... это было одним из требований, которые мы предъявляли к претендентам.

Затем Якобсен перечислил остальные требования, объединявшие физические, эмоциональные и интеллектуальные достоинства.

- Вот! Как насчет эмоциональных качеств? Не показался ли он вам несколько... асоциальным? Не сторонился ли он людей, не пытался ли действовать в одиночку? - напирал Хейнман.

- Да, - ответил Якобсен. - И опять-таки: нам нужен был именно такой человек. Он должен был попасть в чуждую ему культуру, не имеющую аналогов на Земле. Поэтому мы требовали, чтобы претендент был как можно более замкнут в себе.

Якобсен не отступил ни на шаг. Несмотря на то, что Хейнман всячески подсовывал ему каверзные вопросы, убежденный сединой датчанин стоял на своем - Джим Кейл был именно тем человеком, которого следовало послать в Мир Владык; он был уникален.

Речь Макса Холланда, выступившего следом за Якобсеном, являла собой полную противоположность предыдущей.

- ... ни один из кандидатов никогда не допустил бы подобного риска, - утверждал Холланд. - Я хочу сказать, риска для всей Земли. Наш мир по сравнению с Империей - цыпленок против слона. Цыпленок может считать себя в безопасности до тех пор, пока слон не обратил на него внимания. Да и в этом случае он может случайно попасть под слоновью ногу. Мне кажется, мы получили реальную возможность оказаться под ногой слона-Империи: либо случайно, либо по вине человека, посланного туда наблюдателем. И мне еще более становится не по себе, когда я вспоминаю о том, как о го человека мы послали.

Холланда, как и Якобсена, подвергли допросу все члены Комиссии, но в отличие от датчанина Макс Холланд не жалел черных красок в описании личности Джеймса Кейла.

Он утверждал, что с самого начала разглядел в Джиме едва ли не параноика, крайне эгоистичного и уверенного в собственной непогрешимости. Затем весьма подробно пересказал содержание их последней беседы в комнатке под ареной на Альфе Центавра 3.

- В таком случае, - сказал Хейнман, - действительно ли этот человек, еще до того, как достиг Мира Владык, решил игнорировать все приказы, полученные от народа Земли? Ваше мнение? Он решил не считаться с возможными для Земли последствиями?

- Да, таково мое мнение, - ответил Холланд, и больше ему вопросов не задавали.

Далее была вызвана Ро, которую вообще не допрашивали, а лишь попросили прослушать магнитофонную запись ее собственного рассказа о действиях Джима с того момента, как она встретила его на борту корабля принцессы Афуан.

Когда запись кончилась, Хейнман, прочищая горло, откашлялся, и подался вперед, явно намереваясь что-то спросить. Но не успел - его вниманием завладел губернатор Альфы Центавра 3, прошептав что-то на

ухо. Хейнман с почтением выслушал, затем откинулся на спинку кресла. Ро отпустили, так и не задав ни единого вопроса.

Сидевший рядом с Джимом Вилькоксин вдруг наклонился и впервые с начала заседания прошептал Джиму в ухо:

- Послушайте! Мы можем использовать право перекрестного допроса. Хейнман, а точнее, губернатор Центавра допустил огромную ошибку, когда посоветовал не допрашивать Ро. Я уверен, она х о ч е т давать показания в в а ш у пользу, и, думаю, если мы начнем ее допрашивать, я сумею представить ее ответы в самом выгодном для вас свете.

Джим покачал головой. Как бы там ни было, на споры времени не оставалось, ибо на допрос вызвали его самого.

Хейнман начал с личных качеств Джима, которые явились решающими при выборе его посланцем в Мир Владык, но довольно быстро ушел от этой щекотливой для Комиссии темы.

- У вас когда-нибудь возникали сомнения в правильности и целесообразности проекта? - спросил он Джима.

- Нет.

- Но перед самым полетом в Мир Владык, похоже, кое-какие сомнения у вас возникли. - Хейнман порылся в грудe листов на столе, наконец выудил нужный.

- Мистер Холланд докладывал, я цитирую: "... Макс, тебе уже поздно вмешиваться. С этого момента я все буду решать сам". Вы произносили эти слова?

- Нет.

- Нет?! - Хейнман нахмурился, глядя поверх листов, которые держал в руке.

- Я сказал иначе, - пояснил Джим. - Вот мои подлинные слова: "Мне очень жаль, Макс, но это должно было случиться рано или поздно. Отныне проект не может служить мне руководством и я буду следовать только собственному мнению".

Хейнман сидел мрачнее тучи.

- Не вижу особой разницы, - заявил он.

- Зато я вижу, - возразил Джим. - Иначе я не привел бы именно этих - подлинных - слов. По-видимому, разницы не заметил и мистер Холланд...

Джим почувствовал, что под столом его сильно дергают за рукав.

- Полегче, - прошептал Вилькоксин. - Ради всего святого, полегче!

- Ах, значит, вы видите разницу! - произнес Хейнман с оттенком торжества в голосе. Он откинулся в кресле и посмотрел на остальных членов Комиссии. - И вы не отрицаете, что, вопреки мнению мистера Холланда, взяли с собой пистолет и нож?

- Нет, - сказал Джим.

Хейнман вытащил из кармана платок, старательно промокнул рот.

- Что ж, - сказал он. - Кажется, с этим все.

Из кипы бумаг он извлек новый лист и сделал пометку карандашом.

- Только что, - провозгласил он, - вы слышали рассказ о своих действиях, начиная с момента, когда покинули космопорт Альфы Центавра Три и до настоящего времени, из уст мисс... Высокородной Ро. Имеете ли что-нибудь добавить к данному рассказу?

- Нет, - сказал Джим.

И вновь почувствовал, как Вилькоксин отчаянно дергает его за рукав. Но не обратил на него внимания.

- Никаких замечаний. Так, - резюмировал Хейнман. - Должен ли я понимать это в том смысле, что вы отказываетесь объяснить те странные действия, которые позволили себе в Мире Владык, вопреки утвержденной программе?

- Я этого не говорил, - сказал Джим. - Рассказ Ро абсолютно точен. Но как его поняли вы - другое дело. Мало того, вы сделали неправильные выводы о том, что совершенное мною в Мире Владык шло вразрез с программой.

- В таком случае вам, наверное, следует объяснить нам наши заблуждения, мистер Кейл, - предложил Хейнман.

- Я давно пытаюсь это сделать, - отпарировал Джим.

От этих слов на щеках председателя заиграла легкая краска, однако Хейнман решил оставить вызов без ответа. Взмахом руки он приказал продолжать.

- Объяснение достаточно просто, - сказал Джим. - Высокородные Империи Мира Владык - и я уверен, губернатор Альфы Центавра Три со мной согласится - высшие существа по отношению к людям, населяющим миры типа Центавра и множество других. - Тут Джим посмотрел на губернатора, но тот избежал его взгляда. - И по отношению к нам, людям Земли. Поэтому даже тщательно разработанные на Земле планы были не в состоянии помочь мне в мире, где самый захудалый его представитель на голову выше любого гения нашей планеты. С самого начала мне пришлось приспособливаться к совершенно незнакомой обстановке, и я вынужден был самостоятельно принимать решения, ибо ни один земной ум не смог бы предугадать ситуации, которые могли там возникнуть.

- Насколько я помню, - заметил Хейнман, - вы ни разу не заявляли о подобных сомнениях во время подготовки.

- Выскажи я их раньше, я был бы немедленно отстранен.

Рядом послышался слабый стон Вилькоксина.

- Конечно, конечно, - сказал Хейнман. - Продолжайте, мистер Кейл.

- Попав в Мир Владык, я понял, что смогу защищать интересы Земли только в том случае, если проникну в окружение Императора. Император Мира Владык болен, похоже, шизофренией, а Империей управлял дядя Императора - Вотан. Третий по значительности человек Империи - Галиан - плел против них интриги, стремясь занять положение Вотана, то есть сосредоточить в своих руках всю реальную власть. План Галиана состоял в убийстве Вотана и Старкинов - преданных слуг Императора. Затем, заняв

верховное положение в Империи, Галиан собирался создать новых Старкинов, преданных уже не Императору, а лично ему, Галиану. Ибо Старкины - это генетически возвращенная искусственная раса. Галиан был уверен, что за два-три поколения ему удастся вывести новую расу солдат, а материал он планировал брать отсюда - с Земли.

Джим замолк и окинул взглядом членов Комиссии, сидящих за длинным столом.

13

Только через несколько секунд после окончания речи Джима смысл его слов дошел до сознания членов Комиссии. Председатель вздрогнул, остальные повскакали с мест, да так и остались стоять.

- Что это значит, мистер Кейл? - требовательно произнес Хейнман. - Вы обвиняете Высокородного Галиана, которого сами же убили, в умышленном геноциде - в том, что он якобы хотел преобразить нас генетически и сделать своими послушными воинами и телохранителями?

- Я не обвиняю его, - возразил Джим, сохраняя спокойствие. - Я констатирую факт - известный факт намерений принца Империи Галиана, которые он сам высказывал в качестве своих, если хотите, планов. Не думаю, что вы это поймете, - в голосе Джима впервые появилась нотка иронии, - но планы его никогда не вызвали бы ужаса у Высокородных. В конце концов, жители колоний всегда являлись только слугами Высокородных, а мы ведь даже не колония. Мы всего-навсего Волки - дикие мужчины и дикие женщины, обитающие за пределами цивилизованной Империи.

Хейнман откинулся в кресле и, повернувшись к губернатору Альфы Центавра, что-то зашептал ему в ухо. Джим сидел не шевелясь, пока их приватная беседа не окончилась, и председатель Хейнман вновь не повернулся к нему.

- Немногим ранее, - сказал Хейнман, - вы утверждали, что Высокородные Мира Владык - высшие существа. Как вы можете сочетать данное утверждение с бесчеловечными намерениями, приписываемыми принцу Галиану? Не говоря уже о том, - опять-таки, это вытекает из ваших слов - что он якобы собирался убить дядю Императора и захватить верховную власть в Империи. Вы противоречите сами себе. Если Высокородные действительно высшие существа, в чем с вами совершенно согласен и губернатор Альфы Центавра Три, то принц Галиан не может быть одновременно и ангелом, и чудовищем.

Джим рассмеялся.

- Я думаю, уважаемая Комиссия не вполне понимает сущность социальных отношений Мира Владык и Империи вообще. План Галиана по захвату власти - верх преступных измышлений, по мнению любого Высокородного. Но с точки зрения того же Высокородного идеи Галиана относительно Земли - отнюдь не преступление, а норма. Более того, нам объявили бы, что, дескать, мы должны считать себя счастливыми, ибо привлекли вни-

мание принца. Что, став Старкинами, мы избавились бы от болезней и обрели бы здоровье, счастье и единство, подобно Старкинам Императора.

И вновь Хейнман принялся шептаться с губернатором, но на этот раз оба выглядели озабоченными и расстроенными.

- Не хотите ли вы сказать, мистер Кейл, - произнес Хейнман, и тон его давал понять, что председатель ждет честного ответа, - что все ваши действия в Мире Владык были направлены не только на благо Императора, но и служили целям безопасности людей Земли?

- Да, - ответил Джим.

- Мне бы очень хотелось в это верить, - сказал Хейнман. - Но вы заставляете нас принять на веру слишком многое. Скажем, факт, что вы каким-то образом узнали о планах принца Галиана, хотя он не мог не держать их в строжайшем секрете.

- Да, это так, - согласился Джим. - Но отдельные губернаторы и дворяне колониальных миров, - тут его взгляд скользнул по губернатору Альфы Центавра, - должны были знать о его намерении избавиться от прежних Старкинов. Принцесса Афуан и Мелнес - хранитель дворцовых покоев - были в курсе остальных деталей. Хотя Галиан, насколько это возможно, старался никому их не открывать.

- Как же в таком случае о них узнали вы? - спросил один из членов Комиссии - незнакомый Джиму, невысокий, толстый человек.

- Мои основные интересы состоят в изучении различных человеческих культур, во всех их видах и проявлениях, - сухо пояснил Джим. - Существует определенный предел вариациям любой культуры, порожденной сильно сконцентрированным населением, сколь бы высоко ни была эта культура развита. Социальные отношения Высокородных в Мире Владык и знати в колониальных мирах были, как считали сами носители данных отношений, на самом высоком уровне. Высокородные и подражающие им провинциальные князьки разделялись на небольшие группы или клики, которые вели себя так же, как нойо.

Джим подождал, пока кто-нибудь не попросит его растолковать термин "нойо". Попросил Хейнман.

- Французский этнолог Жан Жак Петтер называл термином "нойо" общество, раздираемое внутренними противоречиями. Позднее Роберт Ардли охарактеризовал такое общество как "сосуществование правителей, связанных вместе дружески-вражеской зависимостью". В природе аналогом нойо может служить обезьяна калицебус. Каждая семья калицебус проводит свободное от сна и потребления пищи время вблизи границ владений другой семьи калицебус, всячески ее дразня и угрожая ей. Замените ареал на "позицию", угрозы на "интриги", и получите картину сообщества Высокородных Мира Владык. Единственными исключениями были Высокородные типа Ро, но лишь потому, что являлись своего рода дегенератами, то есть находились на уровне развития, который Высокородные

миновали в незапамятные времена. Поэтому их не считали за ровню, хотя, возможно, и ошибались.

Джим снова замолчал. Довольно долгое время ни один из членов Комиссии не нарушал тишины, затем заговорил Хейнман.

- Раньше вы сравнивали Высокородных с нами, людьми Земли, и называли их сверхсуществами. Теперь вы взялись сравнивать их со стадом обезьян. Они не могут быть теми, и другими.

- Могут! - воскликнул Джим. - Ардли утверждал: "нации рожают героев, а нойо - гениев." В случае Мира Владык, послужившего прототипом для других планет, гении создали нойо. Обезьяны калицебус живут в утопических условиях: на деревьях им хватает и пищи, и питья. Высокородные Мира Владык тоже основали своеобразную утопию на базе совершенной технологии, ориентированной на удовлетворение любых желаний и потребностей. Естественно, в подобных условиях они неизбежно деградируют и сделаются легкой добычей какого-нибудь предприимчивого народа с окраин Империи, где условия жизни не в пример хуже. С исторической точки зрения аристократия неизбежно слабеет и становится зависимой от нижних слоев общества.

- Почему же этого до сих пор не произошло с Высокородными? - спросил Хейнман.

- Потому что им удалось придумать нечто уникальное - вечную аристократию, - объяснил Джим. - Империя собрала на планете лучшие умы своих колоний, и планета превратилась в Мир Владык, куда продолжали прибывать самые талантливые люди со всей Галактики, обеспечивая постоянный приток свежей крови. Кроме того, аристократия Мира Владык, развившаяся в Высокородных, сумела сделать то, чего не смогла добиться ни одна аристократия в истории - она обеспечила каждого члена сообщества знанием всего технического потенциала Империи. Высокородные не просто гении, они - гении, обладающие громадной эрудицией. Высокородная Ро, в данный момент находящаяся здесь, при наличии материалов и времени способна превратить Землю в точную копию Мира Владык, имея в виду его технический потенциал.

Хейнман нахмурился.

- Не вижу связи между Высокородными и нойо, - сказал он.

- Бессмертная аристократия, - ответил Джим, - тоже имеет способность к эволюции. В результате ее эволюции неминуемо возникает ситуация, обуславливающая как социальную, так и индивидуальную стадию упадка. Упадок Империи неотвратим.

Губернатор с Центавра наклонился и что-то зашептал Хейнману на ухо, но тот отстранил его, причем довольно грубо.

- Как только я разглядел их движение к краху, - снова заговорил Джим, - я понял, что семсна упадка уже обрели благодатную почву. Свидетельством тому служили совершенно извращенные общественные отношения, - Джим не сводил глаз с губернатора. - Иными словами, самое большее через несколько сотен лет Империя начнет разваливаться, ей будет не до Земли и ее обитателей. К несчастью, вскоре я узнал о заговоре

Галиана. Не все Высокородные были удовлетворены системой нойо. Многие, вроде Галиана, Вотана или Словиеля, жаждали серьезного действия, а не того призрачного существования с игрой в Пункты, которое им предлагало нойо. Кроме того, Галиан был опасен. Как и Император, он был сумасшедшим, но, если так можно выразиться, несколько буйного склада. Он был человеком, способным претворить свое сумасшествие в жизнь. И строил планы относительно Земли. Он увлек бы Землю следом за Империей - в пропасть, раньше, чем Империя рухнула бы под собственной тяжестью.

Джим замолчал. Ему внезапно захотелось оглянуться на Ро и оценить впечатление, произведенное его словами, но он удержался.

- Итак, - заключил он, - я поставил целью уничтожить Галиана. И я это сделал.

Он замолчал. Все сидели не шевелясь, храня гробовую тишину и словно ожидая продолжения речи. Вскоре члены Комиссии заерзали на стульях; все поняли, что речь окончена.

- Значит, такова ваша трактовка собственных действий. - Хейнман, медленно наклонился вперед и устремил взгляд в переносицу Джима. - Значит, вы спасали Землю от буйнопомешанного... Но насколько вы уверены в своей правоте?

- Я отвечу. - Джим мрачно улыбнулся. - Дело в том, что я разыскал в архивах немало любопытных сведений. Земля, да будет вам известно, все-таки была колонизирована Империей - здесь высадилось несколько Высокородных со слугами. И... - Он помедлил, но затем выговорил медленно и очень ясно: - Я САМ - ПОТОМОК ЭТИХ ВЫСОКОРОДНЫХ! ТАК ЖЕ, КАК И РО, - Я ПОТОМОК БОЛЕЕ РАННЕЙ И БОЛЕЕ ЗДОРОВОЙ АРИСТОКРАТИИ. ИНАЧЕ, СОСТЯЗАЯСЬ С ГАЛИАНОМ И ДРУГИМИ ВЫСОКОРОДНЫМИ, Я НЕ СМОГ БЫ СДЕЛАТЬ ТОГО, ЧТО СДЕЛАЛ. Я МОГ БЫ ДОСТИЧЬ БОЛЬШЕГО, ЕСЛИ БЫ МОЕ РАЗВИТИЕ НЕ ОСТАНОВИЛИ ЗДЕСЬ, НА ЗЕМЛЕ, КОГДА МНЕ БЫЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОТ РОДУ!

В мертвой тишине Джим смерил взглядом губернатора. Тот сидел неподвижно, его рот был слегка приоткрыт, глаза уставились в пустоту. Джим неожиданно почувствовал уверенность в себе и даже прилив симпатии аудитории, включая членов Комиссии. Но столь же внезапно симпатия эта сменилась чувствами недоумения и досады.

- Высокородный? Вы? - Хейнман, казалось, задавал вопрос сам себе. Довольно долго он смотрел на Джима недоуменным взглядом, затем взял себя в руки и словно бы вспомнил о своем положении и обязанностях. - В это трудно поверить. - В голосе сквозила прежняя едва уловимая ирония. - Чем вы докажете это?

Джим спокойно кивнул на губернатора Альфы Центавра 3.

- Губернатор знает Высокородных. Мало того, он видел меня в их среде. Он может подтвердить мои слова, если, конечно, вы поверите такому свидетелю.

- О, - Хейнман откинулся в кресле и по инерции отъехал с ним от стола. - Думаю, свидетельству губернатора мы верить можем.

Он повернулся к маленькой фигурке гостя и громко, чтобы слышали все, спросил:

- Мистер Кейл, находящийся здесь, утверждает, что он - Высокородный. Что по этому поводу думаете вы, губернатор?

Взгляд губернатора по-прежнему был устремлен на Джима. Он открыл рот, намереваясь говорить, затем закрыл; наконец, с трудом выговаривая слова земного языка, сказал:

- Нет, нет... Он никогда не может быть Высокородный... НЕТ!

Над аудиторией пронесся шумный вздох. Джим медленно поднялся и скрестил на груди руки.

- Сядьте, мистер Кейл! - крикнул Хейнман, но Джим не удостоил его окрик вниманием.

- Адок! - позвал он в пространство, и в проходе между столом Джима и сценой, на которой размещались члены Комиссии, внезапно появился Адок. Он стоял неподвижно, могучее тело слегка поблескивало в электрическом свете белыми энергетическими полосами. Публика вновь издала вздох - вздох трепета. Затем наступила тишина.

Джим обернулся и показал на одну из стен.

- Это наружная стена, Адок. Я хочу, чтобы ты открыл ее. Просто открыл, без всякого шума, обломков, скачков температуры. Сделай это.

Старкин встал вполоборота к указанной стене. Казалось, он не произвел ни единого резкого движения... На мгновение вспыхнул ослепительный свет, и раздался хлопок, похожий на взрыв электрической лампочки. В стене образовалось отверстие неправильной формы, сквозь которое виднелись крыши домов и голубое небо с мелкими барапками облачков.

- Убери эти облака, Адок, - приказал Джим.

Послышалось пять или шесть еле слышных, неуловимо коротких свистков. И небо стало ясным и чистым.

Джим повернулся к сцене и, театрально подняв руку, указал ею на губернатора Альфы Центавра 3.

- Адок... - медленно начал он.

Маленькая смуглая фигурка кубарем скатилась со сцены. Подбежав в Джиму, губернатор попытался схватить его за руку.

- Нет, нет, Высокородный! Н е т! - вскричал он на языке Империи.

В отчаянии он продолжал по-английски.

- Нет! - Едва не вывернув голову, он обернулся к Комиссии. Его голос, обезображенный сильным акцентом, звучал в мертвой тишине довольно неестественно. - Я ошибался! Он - **ВЫСОКОРОДНЫЙ!** Истинно говорю вам: он - Высокородный!

Голос губернатора сорвался на визг. На лицах Хейнмана и остальных членов Комиссии появилось недоверие, смешанное с ужасом. Постепенно разворачиваясь, губернатор оказался лицом к сцене.

- Нет, нет! - продолжал губернатор. - Я говорю так не потому, что он собрался со мной что-то сделать! Не из-за Старкина. Вы не понимаете! Старкины не подчиняются никому, кроме Императора и тех Высокородных, которым он жалует Старкинов. Они преданы лишь Высокородным! Это так! Он действительно Высокородный! Я был не прав! Вы должны вести себя с ним, как с Высокородным, потому что он действительно Высокородный!

Впав в истерику, губернатор повалился на пол. В это время Джим почувствовал, как чья-то рука скользнула в его ладонь. Он оглянулся. Рядом стояла Ро.

- Да, действительно. - Ро заговорила на правильном, хотя и несколько неуклюжем английском. - Я - Высокородная, и говорю вам, что Джим - тоже Высокородный. Император усыновил его, это верно, но, объявив это, Император сказал, что не вносит в судьбу Джима ничего нового. Джим рисковал жизнью ради вас, он привел с собой меня и Адока, дабы мы помогли вам когда-нибудь взять в свои руки наследство Империи.

Она указала на губернатора.

- Уверена, этот человек участвовал в заговоре Галиана. Не кто иной, как он прислал Вотану камень от имени Джима, однако то был не камень, а особое устройство, сконцентрировавшее на Вотане голубое свечение; бедный Император решил, что видит Голубого Зверя из своих неотвязных кошмаров. Он настолько испугался, что приказал Старкинам убить своего дядю, как и задумал Галиан. Не этот ли человек посоветовал судить Джима за предательство?

- Я лгал... Я сказал им, что принцесса Афуан скоро свергнет Высокородного Словиеля и начнет мстить Земле... - простонал губернатор, пряча лицо в ладонях. - Я был не прав. Он - Высокородный! Не только из-за усыновления, но и по рождению. Я был неправ...

На лице Хейнмана явно отражалась происходившая в нем внутренняя борьба. В конце концов, он принял решение и он стал похож на человека, который долго блуждал в потемках, и неожиданно вышел на яркий солнечный свет. До того яркий, что стало больно глазам...

Джим посмотрел на Хейнмана, потом на маленького губернатора и вновь на Хейнмана.

- Н-да, - произнес он мрачно. - Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему Империю нельзя было допустить до Земли любой ценой...

ФИЛИП ДИК

ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК

ПОВЕСТИ

ЧТО СКАЗАЛИ МЕРТВЕЦЫ

Глава I

Ящик из небьющегося пластика с телом Луиса Сараписы стоял посреди просторного зала. Всю неделю, пока к нему был открыт доступ, не укорачивалась длинная очередь скорбящих, пришедших проститься с покойным.

Слушая тяжкие вздохи старых дам в черных платьях, глядя на истощенные горем морщинистые лица, Джонни Бэфут сидел в углу и с тоской дожидался своего часа. Не своей очереди, а того момента, когда посетителей попросят удалиться, и он сможет заняться делом, ничего общего с похоронами не имеющим.

В соответствии с завещанием ему - шефу отдела общественных связей в концерне Сараписа - предстояло возвратить хозяина к жизни.

Только и всего.

- Keegum! - пробормотал Джонни, взглянув на часы - до закрытия зала оставалось два часа. Он проголодался, да и замерз: от морозильной установки, служившей Сарапису гробом, по залу распространялся холод.

- Выпей горячего кофе, Джонни, - предложила Сара Белле, подошедшая с термосом. Она откинула со лба мужа иссиня-черную (гены чирикахуа) прядь. - Бедненький! Ты плохо выглядишь.

- Да, кивнул Джонни. - Не по нутру мне все это. - Он указал подбородком на ящик и очередь. - Я и живого-то его не слишком любил, а уж такого...

- Nil nisi bonum, - тихо произнесла Сара.

Джонни озадаченно - может, недослышал? - посмотрел на нее. Иностранный язык, догадался он через секунду. Сара Белле окончила колледж.

- Цитата, - пояснила Сара. - Или ничего, или только хорошее. Так говорил зайчонок Барабанщик из "Бэмби". Надо знать классику кинематографа, Джонни. Если бы ты бывал со мной по понедельникам на вечерних лекциях в Музее современного искусства...

- Послушай, - перебил Джонни с отчаянием в голосе, - я не хочу его оживлять! Господи, зачем я только согласился! Ведь говорил себе: помрет старый мошенник от эмболии - и все: прощай, бизнес... - На самом деле Джонни никогда не думал об этом всерьез.

- Разморозь его, - предложила вдруг Сара.

- Ч-чего?

- Боишься? - Она усмехнулась. - Отключи на время морозильную установку и все, никакого ему Воскресения. - В голубовато-серых глазах плясали веселые искорки. - Вижу, вижу, - страшно. Бедный Джонни. - Она

похлопала мужа по плечу. - Бросить бы тебя, да ладно уж. Ты ведь и дня не протянешь без мамочки.

- Нельзя так, - проворчал он. - Луис ведь совершенно беспомощен. Это бесчеловечно.

- Когда-нибудь, Джонни, ты с ним поссоришься, - уверенно пообещала Сара. - И тогда либо ты его, либо он тебя. А пока он в послежизни - у тебя преимущество. Зря упускаешь шанс, сейчас можно выйти сухим из воды.

Она повернулась и пошла к выходу, пряча озябшие кулачки в карманах пальто.

Джонни, помрачнев, закурил сигарету и привалился лопатками к стене. Жена, конечно, была права, ведь послеживущий не то же самое, что живой. И тем не менее при одной мысли о бывшем хозяине Джонни втягивал голову в плечи - он с детства благоговел перед Сараписом, с тех пор, когда тот, владея только компанией "Шиппинг 3-4", с энтузиазмом осваивал трассу Земля - Марс. Точь-в-точь мальчишка, запускающий модели ракет у себя в подвале. А в семьдесят, перед смертью, он через "Вильгельмина Сикьюритиз" контролировал сотни предприятий, имеющих и не имеющих отношения к ракетостроению. Подсчитать стоимость его имущества не удавалось никому, даже чиновникам правительственной налоговой инспекции. Наверное, это было попросту невозможно.

"Все-таки, чтобы иметь дело с Луисом, нужно быть холостым и бездетным, - размышлял Джонни. - Кстати, как они там, в Оклахоме? - Не было у Джонни никого дороже двух девчушек и, конечно, Сары Белле. - Так ведь я о них забочусь, - убеждал он себя, дожидаясь, когда придет время забрать старика из зала, согласно его подробным инструкциям. - Подумаем вот о чем. Вероятно, у него есть почти год послежизни. Из стратегических соображений он решает разделить этот год на короткие отрезки, чтобы оживать, например, в конце каждого финансового года. Раскидал, небось, лет на двадцать - месяц туда, месяц сюда. Напоследок, зная, что будет сдавать, оставил недели, дни. А перед самой смертью Луис очнется часа на два: сигнал слабеет, в замороженных клетках мозга едва теплится искорка электрической активности, и все глуше, неразборчивей слова, прорывающиеся из динамика. И наконец - тишина. Небытие. Но это может случиться через четверть века, в две тысячи сотом году".

Часто затягиваясь, Джонни вспоминал тот день, когда пришел в управление кадров "Экимидиен Энтерпрайзиз" и заплетающимся от волнения языком сообщил молоденькой особе в приемной, что готов предложить компании свои услуги. У него, дескать, есть несколько идей, которые могут принести немалую выгоду. Например, он придумал способ раз и навсегда покончить с забастовками. Всем известно, что в космопорту мутят воду профсоюзы, они буквально руки выкручивают администрации - а Джонни готов дать Сарапису совет, как вообще отделаться от профсоюзов. План, конечно, был грязный, и Джонни это понимал. Но ведь он не солгал тогда, его идеи действительно стоили немало. Девушка посоветовала обратиться к мистеру Першингу, а тот сообщил о Джонни Луису Сарапису.

- Вы предлагаете запускать корабли из океана? - спросил Сарапис, выслушав его.

- Профсоюзы - организации национальные, - заметил Джонни. - На полярные моря не распространяется юрисдикция ни одного из государств. А бизнес - интернационален.

- Но мне там понадобятся люди. Столько же, сколько и здесь, если не больше. Где их взять?

- В Бирме, Индии или на Малайском архипелаге. Наберите молодых необученных рабочих, заключите с ними прямые контракты. Поставьте заработок в зависимость от заслуг, - посоветовал Джонни.

Иными словами, Джонни предлагал систему батрачества. Он и сам это понимал. Но Сарапису его предложение пришлось по вкусу, еще бы - маленькая империя за Полярным кругом, подданные совершенно бесправны. Идеал.

Так и поступил Луис Сарапис, а Джонни Бэфут стал шефом отдела общественных связей - лучшая должность для человека с блестящими способностями нетехнического свойства. То есть, для недоучки. Профана. Неудачника. Одиночки без диплома.

- Послушай, Джонни, - спросил его однажды Сарапис, - как это тебя, такого умника, угораздило остаться без высшего образования? Любой дурак знает: в наши дни это смерти подобно. Может, тяга к самоуничтожению? - Он ухмыльнулся, блеснув стальными зубами.

- В самую точку, Луис, - уныло согласился Джонни. - Я действительно хочу умереть. Ненавижу себя. - В ту минуту ему вспомнилась идея насчет батрачества. Впрочем, она родилась уже после того, как Джонни окончил школу, и была тут, видимо, ни при чем. - Надо бы сходить к психоаналитику.

- Чепуха! - фыркнул Луис. - Знаю я этих психоаналитиков, у меня их шестеро было в штате. Ты завистлив, но ленив - вот в чем беда. Где не удается сразу сорвать большой куш, там ты отступаешься. Долгая борьба, упорный труд - не для тебя.

"Но ведь я уже сорвал большой куш, - подумал тогда Джонни. - Ведь работать на Луиса Сараписа мечтает каждый. В его концерне найдется профессия на любой вкус".

У него возникло подозрение, что в очереди к гробу стоят не родные и близкие Сараписа, а его служащие и их родственники. Быть может, среди них есть и те, для кого три года назад, в разгар кризиса, Сарапис добился пособий по безработице, настояв на принятии Конгрессом соответствующего закона. Сарапис - покровитель обездоленных, голодных, нищих. И те, для кого он открыл множество бесплатных столовых, тоже здесь.

Быть может, некоторые из них не в первый раз проходят мимо гроба.

От прикосновения к плечу Джонни вздрогнул.

- Скажите, вы - мистер Бэфут из отдела общественных связей? - спросил дежурный охранник.

- Да. - Бросив в урну окурок, Джонни отвинтил крышку термоса. - Выпейте кофе, - предложил он. - Или вы уже закалились?

- Еще нет. - Охранник взял кофе. - Знаете, мистер Бэфут, я всегда вами восхищался. Ведь вы - недоучка, а сумели подняться на самый верх. У вас огромное жалованье, не говоря уж об известности. Вы - кумир для нас, недоучек.

Джонни что-то буркнул и хлебнул кофе.

- Вообще-то, хвалить нам с вами надо не себя, а Сараписа. Он дал нам работу. Мой шурин тоже у него служил, а устроился, между прочим, пять лет назад, когда нигде в мире не было рабочих мест. Да, кремьень был человек - не даст профсоюзам совать нос в его дела, и точка! Зато скольким старикам платил пенсию до самой смерти... Папаше моему, например... А сколько законов протолкнул через Конгресс! Кабы не его напор, не было бы у нуждающихся многих льгот...

Джонни опять что-то пробормотал.

- Неудивительно, что нынче здесь так много народу, - заключил охранник. - Теперь, когда его не стало, кто поможет бедолагам - недоучкам вроде нас с вами?

По всем вопросам, касающимся хранения тела Луиса Сараписа, владельцу "Усыпальницы Возлюбленной Братии" Герберту Шенхайту фон Фогельзангу по закону полагалось обращаться к адвокату покойного. Фон Фогельзангу необходимо было узнать расписание послежизни Сараписа; от него самого зависело лишь техническое обслуживание.

Вопрос выглядел пустяковым, но лишь на первый взгляд. Оказалось, что до мистера Клода Сен-Сира, знаменитого адвоката, невозможно дозваться.

"Ах ты, черт! - мысленно выругался фон Фогельзанг. - Видать, что-то случилось. Чтобы с такой важной шишкой нельзя было связаться - немислимо!"

Он звонил из "склепа", подвала, куда помещали на длительное хранение послеживущих. Возле его стола переминался с ноги на ногу человек с квитанцией в руке - видимо, пришел за родственником. Близились Воскресение - день, когда публично чествуются послеживущие; начинался наплыв родных и близких.

- Да, сэр, - с любезной улыбкой отозвался Герб. - Я лично выполню вашу просьбу.

- Моей бабушке уже под восемьдесят, - сказал посетитель, - совсем маленькая и сухонькая. Я пришел не проводить ее, а забрать насовсем.

- Пожалуйста, обождите минутку. - Герб встал и отправился на поиски ящика номер 3054039-Б.

Отыскав нужный гроб, он прочитал сопроводительную табличку. Старушке оставалось меньше пятнадцати суток послежизни. Он машинально включил миниатюрный усилитель, прикрепленный к стеклянной стенке гроба, настроил на частоту головного мозга. Послышался слабый голос: "...а потом Тили подвернула ножку и растянула сухожилие на лодыжке, и

мы уж думали, это навсегда, а она, глупышка, не хотела лежать в постели..."

Удовлетворенный, Герб выключил усилитель и, подзвав техника, велел доставить ящик 3054039-Б на платформу, где посетитель мог погрузить его в машину или вертолет.

- Вы ее выписали? - спросил посетитель, доставая чековую книжку, когда Герберт вернулся в "склеп".

- Собственноручно, - ответил владелец усыпальницы. - Состояние - идеальное. Счастливого Воскресения, мистер Форд.

- Благодарю, - Посетитель направился к погрузочно-разгрузочной платформе.

"Когда придет мое время, - сказал себе Герб, - я завещаю наследникам оживлять меня раз в сто лет на один день. И узнаю, какая судьба ждет человечество".

Впрочем, твердо рассчитывать на это не приходилось. Содержание послеживущего стоит огромных денег, а значит, рано или поздно наследники заберут Герба из усыпальницы, вытащат из гроба и - прости их, Господи! - похоронят.

- Похороны - варварство, - вслух пробормотал Герб. - Пережиток первобытной стадии нашей культуры.

- Да, сэр, - подтвердила из-за пишущей машинки мисс Бесмэн, секретарша.

Герб окинул взглядом "склеп" - в проходах между гробами несколько посетителей тихо беседовали с послеживущими. Эти люди, регулярно приходящие сюда, чтобы выразить любовь и уважение своим близким, действовали на него умиротворяюще. Они делились с родственниками новостями, старались приободрить, если те впадали в тоску. А главное - они платили Гербу Шенхайту фон Фогельзангу. Бизнес у него, что ни говори, был прибыльным.

- У моего отца что-то с голосом, - сказал молодой человек, когда Герб встретился с ним взглядом. - Не могли бы вы подойти на минутку?

- Ну, конечно. - Герб встал и направился по проходу к молодому человеку. Его отцу, судя по сопроводительной табличке, оставалось несколько суток послежизни, что объясняло затухание электрических колебаний в клетках мозга. Но мозг еще действовал - голос старика зазвучал громче, когда Герб покрутил ручку настройки. "Кончается", - подумал Герб. Ему было ясно, что сын не читал сопроводительную табличку и не знает, что пора прощаться с отцом. Поэтому Герб отошел, оставив их наедине. Какой смысл огорчать молодого человека? Из кузова грузовика, подъехавшего к платформе, вылезли двое в одинаковой голубой униформе. "Компания Атлас Интерплан, - догадался Герб. - Перевозки и хранение. Доставили новенького или кого-нибудь увезут". - Он направился к грузовику.

- Чем могу служить?

- Привезли мистера Сараписа. Все готово?

- Абсолютно, - поспешил заверить Герб. - Но без распоряжения мистера Сен-Сира я не вправе что-либо предпринимать. Когда он вернется?

Вслед за грузчиками на платформу сошел жгучий брюнет с глазами, словно черные блестящие пуговицы.

- Я - Джон Бэфут. Согласно завещанию Луиса Сараписа отвечаю за его тело. Надо его немедленно оживить, таково указание покойного.

- Понятно, - кивнул Герб. - Что ж, не возражаю. Давайте сюда мистера Сараписа, мы его мигом оживим.

- Холодно тут у вас, - заметил Бэфут. - Холодней, чем в зале.

- Да, мистер Бэфут, вы правы, - согласился Герб.

Грузчики выкатили гроб на платформу. Мельком взглянув на мертвеца - крупного, серолицего - Герб подумал: "Типичный старый пират. Все-таки хорошо, что он умер. Всем стало легче, хоть он и слыл благодетелем. Да и кому в наше время нужна милостыня, тем более от него..."

Разумеется, он не стал делиться этими мыслями с Бэфутом, а молча повернулся и пошел в подготовленную для Сараписа комнату.

- Через пятнадцать минут он заговорит, - пообещал Герб проявлявшему нетерпение Бэфуту, - Не беспокойтесь, на этой стадии у нас не бывало сбоев. В начале послезизни остаточный электрический заряд, как правило, очень устойчив.

- Давайте об этом позже, - проворчал Бэфут. - Если возникнут технические проблемы.

- Почему он так спешит с возвращением? - спросил Герб.

Бэфут промолчал, поморщившись.

- Извините. - Герб снова склонился над гробом и стал возиться с проводами, надежно прикрепленными к катодным клеммам. - При сверхнизких температурах электрический ток идет практически беспрепятственно, - привычно объяснял он. - При минус ста пятидесяти сопротивление почти нулевое. Поэтому сейчас мы услышим четкий и громкий сигнал, - заключил он, ставя на место колпачок анода и демонстративно включая усилитель.

Слабый гул. И ничего больше.

- Ну? - буркнул Бэфут.

- Сейчас проверю, - растерянно промямлил Герб.

- Вот что, - тихо произнес Бэфут, - если, не дай Бог... - продолжать не было необходимости - Герб знал, чем ему грозит неудача с оживлением Сараписа.

- Он хочет участвовать в национальном съезде демократо-республиканцев? - спросил Герб.

Съезд должен был начаться в Кливленде через месяц. В прошлом Сарапис весьма активно участвовал в закулисной деятельности политических группировок, как демократо-республиканской, так и либеральной. Поговаривали, что в последней кампании демократо-республиканцев Аль-

фонс Гэм был его ставленником. Красивый, элегантный Гэм имел все шансы на победу, но удача оказалась не на его стороне.

- Ну? - поторопил Бэфут. - Что, еще не слышать?

- М-м... пожоже... - начал Герб.

- Понятно. - У Бэфута было мрачное лицо. - Если через десять минут он не заговорит, я свяжусь с мистером Сен-Сиром, и мы заберем его отсюда, а вас привлечем к суду за преступную небрежность.

- Я сделаю, что могу. - Герб вспотел, пока возился с гробом. - Мистер Бэфут, учтите, трупы замораживаем не мы. Может быть, тут не наша вина...

Сквозь ровный гул прорвалось потрескивание статики.

- Это что-нибудь значит? - спросил Бэфут.

- Нет, - поспешно ответил Герб. На самом деле это было дурным признаком.

- Продолжайте, - бросил Бэфут. Он напрасно взял такой тон - Герберт Шенхайт фон Фогельзанг и так мобилизовал все свои силы, знания и многолетний профессиональный опыт. Но безуспешно - Луис Сарапис безмолствовал.

"Ничего у меня не выйдет, - со страхом осознал Герб. - И непонятно почему. Что стряслось? Такой важный клиент - и такой прокол!"

Он возился с проводами, не решаясь поднять глаза на Бэфута.

Оуэн Ангресс, главный инженер радиотелескопа, установленного в кратере Кеннеди на темной стороне Луны, обнаружил, что вверенная ему аппаратура зарегистрировала загадочный сигнал, посланный со стороны Проксимы, а точнее - из точки, находящейся в одной световой неделе от Солнечной системы. Прежде этот район не представлял интереса для Комиссии ООН по космическим коммуникациям, но то явление, с которым столкнулся Оуэн Ангресс, было из ряда вон выходящим.

Он услышал человеческий голос, усиленный огромной антенной телескопа.

- ...наверное, стоит попробовать, - заявил голос. - Если я их знаю, а я думаю, что знаю. Взять хотя бы Джонни. Он опустится, если я не буду за ним приглядывать, зато он не такой пройдоха, как Сен-Сир. Предположим, я смогу... - Голос вдруг смолк.

"Что это?" - подумал ошарашенный Ангресс. И добавил шепотом:

- В одной пятьдесят второй светового года?

Он нарисовал на карте кружок. Ничего. Всего-навсего пылевые облака. Откуда же сигнал? Может быть, ретранслирован радиопередатчиком, находящимся где-нибудь поблизости? Или это просто эхо? Или компьютер неверно установил координаты? Да, скорее всего, это ошибка компьютера, нельзя же допустить, что некий индивидуум сидит у передатчика за пределами Солнечной системы и рассуждает вслух. Абсурд!

"Сообшу-ка я об этом Уайткофу из Российской Академии Наук, - решил Ангресс. Уайткоф временно был назначен его руководителем; на следую-

щий месяц его сменит Джемисон из МТИ¹. - А может, это корабль дальнего плавания?"

В этот миг голос просочился сквозь пространство:

- ...а Гэм - олух, продул выборы. Знает теперь, как нужно было поступить, - да уж поздно. Эге! - Мысли побежали быстрее, слова зазвучали отчетливее. - Я возвращаюсь? Прекрасно, самое время. Джонни, это ты?

Ангресс схватил телефонную трубку и набрал код Советского Союза.

- Говори, Джонни, - жалобно требовал голос. - Не молчи, сынок! У меня столько всего в голове накопилось - не терпится рассказать. Надеюсь, съезд еще не начался? Тут абсолютно не чувствуешь времени, не видишь ничего и не слышишь. погоди, вот попадешь сюда, тогда узнаешь... - Голос снова затих.

- Феномен, как сказал бы Уайткоф, - заключил Ангресс.

Глава II

Вечером в телевизионных новостях рассказывали об открытии, сделанном с помощью лунного радиотелескопа. Но Клод Сен-Сир не слушал диктора - он принимал гостей.

- Да, - говорил он Гертруде Харви, - как это ни смешно, но я собственной рукой написал завещание, внеся в него и тот пункт, по которому с момента смерти Луиса, несмотря на все мои заслуги, автоматически считаюсь уволенным. Я скажу вам, почему Луис так поступил: из-за своих параноидальных подозрений. Втемяшил себе в голову, что этот пункт застрахует его от... - Он помолчал, отмеривая и переливая в бокал с джином порцию сухого вина. - От преждевременной гибели.

Клод ухмыльнулся. Гертруда, в несколько картинной позе сидевшая на диване рядом с мужем, улыбнулась в ответ.

- Немногим это ему помогло, - задумчиво произнес Фил Харви.

- Черт! - выругался Сен-Сир. - Я не виноват в его смерти. Это эмболия - комок жира, как пробка в бутылочном горлышке. - Он засмеялся: понравилось сравнение. - У природы свои средства...

- погоди! - перебила Гертруда. - Тут что-то интересное говорят.

Она подошла к телевизору и опустила на короточки.

- А! Наверное, это Кент Маргрэйв, олух царя небесного, - с усмешкой предположил Сен-Сир. - Очередная выдающаяся речь.

Маргрэйв уже четыре года был Президентом. Ему, либералу, удалось победить Альфонса Гэма - протеже самого Сараписа. Все-таки, несмотря на множество недостатков, Маргрэйв был настоящим политиком. Он сумел убедить большинство избирателей, что марионетка Сараписа - не лучшая кандидатура на пост Президента.

- Нет. - Гертруда одернула юбку на коленях. - Кажется, это космическое агентство. Говорят о чем-то научном.

- О научном! - Сен-Сир расхохотался. - Что ж, давайте послушаем. Обожаю науку. Сделай погромче.

"Не иначе, нашли новую планету в системе Ориона, - подумал он. - Еще одну. Чтобы у нас была цель для коллективного существования".

- Сегодня вечером ученых Соединенных Штатов и Советского Союза поверг в недоумение голос, доносящийся из открытого пространства, - сообщил диктор.

- Ой, не могу! - захихикал Сен-Сир. - Голос из открытого пространства! - Держась за живот, он попятился от телевизора. - Только этого нам и не хватало, - сказал он Филу, давась смехом, - голоса, который окажется... чьим, как ты думаешь?

- Чьим? - спросил Фил.

- Господним, разумеется! Радиотелескоп в кратере Кеннеди поймал Глас Божий. И теперь мы получим новые десять заповедей или, на худой конец, несколько скрижалей. - Сняв очки, он вытер глаза льняным ирландским платком.

- А я согласен с женой, - серьезно произнес Фил. - И нахожу это удивительным.

Сен-Сир улыбнулся.

- Запомни мои слова, дружище... В конце концов выяснится, что какой-нибудь японский студент потерял между Землей и Каллисто транзисторную рацию. Со временем она уплыла за пределы Солнечной системы, ее засек телескоп - и вот тебе непостижимая загадка. - Он перестал улыбаться. - Гертруда, выключи телевизор. У нас с Филом серьезный разговор.

Гертруда с неохотой повиновалась. Вставая, спросила:

- Клод, правда, что в усыпальнице не смогли оживить старого Луиса? Что он сейчас не в послежизни, как планировал?

- В этих заведениях все как воды в рот набрали, - ответил Сен-Сир. - Но ходят слухи. - На самом деле он знал, что случилось - в "Вильгельмине" у него были друзья. Но он не хотел признаться в этом Филу Харви.

Гертруда поежилась.

- Подумать только - он ушел и больше не вернется. Как это ужасно!

- Но ведь небытие - естественное состояние умершего, - заметил ее муж, потягивая martini. - До начала нашего века никто и мечтать не смел о послежизни.

- Но мы-то к ней привыкли, - упрямо возразила Гертруда.

- Давайте вернемся к нашему разговору, - предложил Сен-Сир.

Фил пожал плечами.

- Давай, если считаешь, что нам есть о чем поговорить. - Он испытующе посмотрел на Сен-Сира. - Я могу зачислить тебя в штат, если ты действительно этого хочешь. Но на такую работу, как у Луиса, не рассчитывай. Это было бы несправедливо по отношению к моим юристам.

- Понимаю, - сказал Сен-Сир.

Фирма Харви, специализирующаяся на космических перевозках грузов, была малюткой по сравнению с предприятием Сараписа, а Фил считался бизнесменом третьей руки. Но именно к нему хотел устроиться Сен-Сир,

ибо верил: через год с его опытом и связями, приобретенными на службе у Сараписа, он ототрет Харви и приберет "Электра Энтерпрайзиз" к рукам.

Первую жену Фила звали Электрой. Сен-Сир был с ней знаком, нередко навещал ее после развода, а в последние недели их встречи приобрели интимный характер. Сен-Сир знал, что на бракоразводном процессе Электру обвели вокруг пальца - Харви нанял крупное юридическое светило, и это светило в два счета обставило адвоката Электры, каковая роль выпала младшему партнеру Сен-Сира - Гарольду Фэйну. С тех пор Сен-Сир не переставал упрекать себя - надо было самому защищать интересы Электры. Но в то время он так глубоко увяз в делах Сараписа... Нет, тогда это было просто невозможно.

Теперь, когда Сарапис умер, а "Вильгельмина", "Атлас" и "Экимидиэн" не нуждаются в услугах Сен-Сира, можно исправить ошибку, придя на помощь женщине, которую (Сен-Сир не скрывал этого от себя) он любил.

Но спешить с этим не следует. Первостепенная задача - устроиться к Харви, в юридический отдел, Чего бы это ни стоило.

- Ладно, - без особого воодушевления согласился Харви, протягивая Сен-Сиру руку. - Между прочим, до меня дошли слухи, - он сделал многозначительную паузу, - о том, почему Сарапис решил тебя уволить. Это кое-чем не сходится с твоей версией.

- Вот как? - беспечно произнес Сен-Сир.

- По-видимому, он заподозрил кого-то, - возможно, тебя, - в решении воспрепятствовать его возвращению в послежизнь. Якобы он узнал, что ты намеренно выбрал усыпальницу, где у тебя есть знакомые... которым по той или иной причине не удастся его оживить. - Фил пристально посмотрел в глаза Сен-Сиру. - Все это очень похоже на то, что случилось. Ты не находишь?

Последовала долгая пауза.

- Но какая Клоду от этого выгода? - спросила наконец Гертруда.

Харви пожал плечами и задумчиво помял подбородок.

- Не имею представления. Сказать по правде, я не до конца понимаю, что такое послежизнь. Говорят, в этом состоянии человек становится куда более проникательным, чем при жизни. Видит вещи в ином свете, если можно так выразиться.

- Так считают психологи, - подтвердила Гертруда. - В старину церковники называли это прозрением.

- Быть может, Клод испугался, что Луис станет чересчур догадлив. Но это лишь предположение.

- Вот именно, предположение, как и план убийства, - сказал Сен-Сир. - На самом деле у меня нет знакомых в усыпальнице. - Его голос звучал твердо - Сен-Сир умел держать себя в руках. Но тема разговора была ему крайне неприятна.

В гостиную вошла горничная и сообщила, что стол накрыт к обеду. Гертруда и Фил встали, и Клод проводил их в столовую.

- Скажи, - обратился к нему Фил, - кто наследник Сараписа?

- Кэти Эгмонт, двадцатилетняя внучка, - ответил Сен-Сир. - Живет на Каллисто. Она, знаешь ли, малость не в себе. Пять раз побывала в тюрьме, в основном за употребление наркотиков. Потом вроде бы сумела вылечиться, а теперь вступила в какую-то секту. Я с ней ни разу не встречался, но практически вся ее переписка с дедом прошла через мои руки.

- Значит, после того как завещание будет официально утверждено, Кэти получит все, чем обладал ее дед, - задумчиво произнес Фил. - В том числе политическое влияние.

- Нет уж, дудки! - возразил Сен-Сир. - Политическое влияние не подаришь и не передашь по наследству. Кэти получит только концерн "Экзимидиэн", да и то не весь, а лишь центральную акционерную компанию "Вильгельма Сикьюритиз", действующую по лицензии штата Делавэр. Но мне не верится, что Кэти способна разобраться в наследстве и заменить Сараписа.

- Ты не слишком оптимистично настроен, как я погляжу.

- Кэти, судя по ее письмам, - психически больная, испорченная, взбалмошная и непредсказуемая женщина. Совсем не такого человека я хотел бы видеть наследником Луиса.

С этими словами он уселся за стол, и супруги Харви последовали его примеру.

Ночью, разбуженный телефонным звонком, Джонни Бэфут уселся на кровати и нашарил на столике трубку.

- Алло? - буркнул он. - Кому еще не спится, черт возьми?

Лежавшая рядом Сара Белле натянула на голову одеяло.

- Простите, мистер Бэфут... - услышал он ломкий женский голос. - Не хотела вас будить, но мой адвокат посоветовал сразу по прибытии на Землю связаться с вами. Я Кэти Эгмонт, хотя на самом деле меня зовут Кэти Шарп. Вы слышали обо мне?

- Да. - Джонни протер глаза, зевнул и поежился - в комнате было холодно. Сара отвернулась к стене. - Хотите, чтобы я вас встретил? Вы уже решили, где остановитесь?

- На Терре у меня нет друзей, - сказала Кэти. - В космопорту мне сказали, что "Бeverли" - неплохой отель, там я, наверное, и заночую. Я сразу вылетела с Каллисто, как только узнала, что дедушка умер.

- Вы прибыли весьма своевременно. - Джонни рассчитывал, что Кэти прилетит через сутки, не раньше.

- Скажите, мистер Бэфут, а что если... - Кэти замаялась. - Что если я поживу у вас? Знаете, страшновато как-то в большом отеле, где никого не знаешь.

- Извините, я женат, - ответил он не задумываясь, но тут же спохватился: такая оговорка могла показаться оскорбительной. - Я имею в виду, у нас нет свободной комнаты. Переночуйте в "Бeverли", а утром мы подыщем вам более подходящую гостиницу.

- Хорошо, - согласилась Кэти. Голос ее звучал покорно и вместе с тем взволнованно. - Мистер Бэфут, скажите, удалось воскресить дедушку? Он уже в послежизни?

- Нет, - ответил Джонни. - Пока никаких результатов. Но мы не теряем надежды.

- Когда он покидал стены усыпальницы, над гробом ломали головы пятеро техников.

- Я знала, что это случится, - со вздохом произнесла Кэти.

- Откуда?

- Видите ли, дедушка... очень непохож на других людей. Но вы, наверное, лучше меня об этом знаете, ведь вы столько лет проработали с ним бок о бок. Я не могу представить его неподвижным, беспомощным... Ну, вы понимаете. После всего, что он сделал, - разве можно вообразить его таким?

- Давайте поговорим завтра, - предложил Джонни. - Я подъеду в гостиницу к девяти, хорошо?

- Да, это было бы прекрасно. Рада с вами познакомиться, мистер Бэфут. Надеюсь, вы остаетесь в "Экимидизн", будете работать у меня. Спокойной ночи.

В трубке щелкнуло, послышались гудки.

"Мой новый босс, - мысленно произнес Джонни - Н-да..."

- Кто это был? - прошептала Сара. - Среди ночи...

- Владелец "Экимидизн", - ответил Джонни. - Мой хозяин.

- Луис Сарапис? - Жена порывисто села. - А... внучка. Что, уже прилетела? Как она?

- Трудно сказать, - задумчиво произнес он. - В общем, не в своей тарелке. Долго жила на маленькой планетке, на Терре ей с непривычки страшновато. - Он не стал рассказывать жене о пристрастии Кэти к наркотикам и о тюремных отсидках.

- А зачем она прилетела? Хочет вступить во владение наследством? Разве ей не надо ждать, когда закончится послежизнь Луиса?

- По закону он мертв. Завещание вступило в силу, - ответил Джонни и ехидно подумал: "Более того - он уже и не в послежизни. Быстрозамороженный труп в пластмассовом гробу. Да и не так уж быстрозамороженный, вероятно".

- Как считаешь, ты с ней сработаешься?

- Не знаю, - искренне ответил он. - Не уверен, что стоит пытаться. - Ему не по душе была перспектива работать у женщины, особенно молодой, да еще и психопатки, если верить слухам. Хотя по телефонному разговору не скажешь, что она психопатка.

Он лежал и думал. Спать расхотелось.

- Наверное, она хорошенькая, - сказала Сара. - Ты в нее влюбишься и бросишь меня.

- Нет уж, - возразил он. - Обойдусь без подобных крайностей. Попробую поработать у нее несколько месяцев, а там, глядишь, подвернется

местечко получше. - Сказав это, он подумал: "А как же Луис? Сможем ли мы его оживить? Будем ли стараться?"

Старик, если удастся его вернуть, найдет управу на внучку, пусть даже юридически и физически будет мертв. Он снова окажется в центре сложнейшей экономической и политической сферы, заставит ее двигаться к одному ему ведомой цели. Не случайно он собирался ожить именно сейчас, перед началом съезда демократо-республиканцев. Луис точно знал (еще бы ему не знать), на что способна женщина, которую он делает своей наследницей. Без его помощи внучка не сдвинет с места такую машину, как "Экимидизн". "И от меня тут мало проку, - подумал Джонни. - Это было бы по плечу Сен-Сиру, но он выведен из игры. Что остается? Оживить старину Сараписа любой ценой, хотя бы для этого пришлось возить его по всем усыпальницам Соединенных Штатов, Кубы и России".

- У тебя мысли путаются, - сказала Сара. - По лицу видно. - Она уже включила ночник и надела халат. - Кто же думает среди ночи о серьезных вещах?

"Такой же разброд в мыслях, наверное, у послеживущих", - вяло подумал Джонни. Он помотал головой, стряхивая сонливость.

Утром, оставив машину в подземном гараже отеля "Беверли", он поднялся на лифте в вестибюль и подошел к конторке администратора. Тот встретил его улыбкой. "А здесь не так уж и роскошно, - подумал Джонни. - Правда, чисто. Респектабельная гостиница для семей и одиноких бизнесменов, отошедших от дел. Наверное, свободных номеров почти не бывает. Кэти, видимо, привыкла жить на скромные средства".

Он спросил у администратора, где Кэти. Тот указал на вход в буфет.

- Миссис Шарп завтракает. Она предупреждала о вашем приходе, мистер Бэфут.

В буфете оказалось немало народу. Джонни остановился у порога, огляделся. В дальнем углу сидела темноволосая (крашеная, решил он) девушка с застывшим, словно неживым, лицом, без косметики казавшимся неестественно бледным. "Выражение огромной утраты, - с ходу определил Джонни. - И это не притворство, не попытка вызвать сострадание - она действительно глубоко опечалена".

- Кэти? - обратился он к brunette.

Девушка подняла голову. В глазах - пустота, на лице - ничего, кроме горя.

- Да, - слабым голосом ответила она. - А вы - Джонни Бэфут?

Джонни сел рядом с нею. Кэти затравленно посмотрела на него, будто ожидала, что ее сейчас повалят на сиденье и изнасилуют. "Одинокая зверушка, загнанная в угол, - подумал он. - Весь мир против нее".

"Возможно, бледность на лице - от наркотиков, - предположил Джонни. - Но почему у нее такой бесцветный голос? И все-таки она хорошенькая. Будь это нежное, приятно очерченное лицо чуточку живее... Возможно, оно было таким. Несколько лет назад".

- У меня всего пять долларов осталось, - сказала Кэти. - Едва хватило денег на дорогу в один конец, ночлег и завтрак. Простите, вы... - Она замялась. - Не знаю, что и делать. Вы бы не могли сказать... мне сейчас уже что-нибудь принадлежит из дедушкиного наследства? Могу я взять денег под залог?

- Я выпишу чек на сто долларов - отдадите, когда сможете, - предложил Джонни.

- Правда? - В ее глазах мелькнуло изумление, затем улыбка тронула губы. - Какой вы доверчивый! Или хотите произвести впечатление? Как насчет вас распорядился дедушка? Мне читали завещание, но я забыла, так быстро все завертелось...

- В отличие от Клода Сен-Сира, я не уволен, - глухо произнес Джонни.

- В таком случае, вы остаетесь. - От этого решения, казалось, ей стало легче. - Простите.. правильно ли будет сказать, что теперь вы работаете на меня?

- Правильно, - ответил Джонни. - Если вы считаете, что вашей фирме нужен шеф отдела общественных связей. Луис не всегда был в этом уверен.

- Скажите, что сделано для его воскресения?

Джонни рассказал. Выслушав, Кэти задумчиво спросила:

- Выходит, пока никто не знает, что он мертв?

- С уверенностью могу сказать, почти никто. Только я, да владелец усыпальницы со странным именем Герб Шенхайт фон Фогельзанг, да еще, быть может, несколько высокопоставленных лиц в транспортном бизнесе, вроде Фила Харви. Возможно, сейчас об этом стало известно и Сен-Сиру. Но поскольку время идет, а Луис молчит, пресса, разумеется...

- Прессой займетесь вы, мистер Фаннифут¹, - улыбнулась Кэти. - Ведь это ваша обязанность. Давайте интервью от имени дедушки, пока мы не воскресим его или не признаем его смерть. Как вы думаете, мы ее признаем? - Помолчав, она тихо произнесла: - Хотелось бы его увидеть. Если можно. Если вы не считаете, что это повредит делу.

- Я отвезу вас в "Усыпальницу Возлюбленной Братии". Мне всяко нужно быть там через час.

Кэти кивнула и склонилась над тарелкой.

Стоя рядом с девушкой, не отрывающей глаз от прозрачного гроба, Джонни Бэфут думал: "Может быть, она сейчас постучит по крышке и скажет: "Дедушка, проснись!" И я не удивлюсь, если это поможет. Ничто другое не поможет, это ясно".

Втянув голову в плечи, Герб Шенхайт жалобно бормотал:

- Мистер Бэфут, я ничего не понимаю. Мы всю ночь трудились не покладая рук, несколько раз проверили аппаратуру - хоть бы малейший проблеск... Все же электроэнцефалограф регистрирует очень слабую активность мозга. Сознание мистера Саралиса не угасло, но мы не в силах

1

Кэти намеренно путает фамилию Джонни Бэфут (Barefoot) в переводе с английского "Босая нога", Фаннифут (Funnyfoot) - "Смешная нога".

войти с ним в контакт. Видите, мы зондируем каждый квадратный сантиметр мозга. - Он показал на множество тонких проводов, соединяющих голову мертвеца с усилителем.

- Метаболизм мозга прослеживается? - спросил Джонни.

- Да, сэр, в нормальных пропорциях, как утверждают приглашенные нами эксперты. Именно такой, каким он должен быть сразу после смерти.

- Все это бесполезно, я знаю, - тихо произнесла Кэти. - Он слишком велик для такой участи. Послежизнь - удел престарелых родственников. Старушек, которых раз в год под Воскресение вытаскивают из подвала.

Они молча шагали по тротуару. Был теплый весенний день, деревья стояли в розовом цвету. Вишни, определил Джонни.

- Смерть, - прошептала Кэти. - И воскресение. Чудо технологии. Может быть, Луис узнал, каково там, по ту сторону, и просто не захотел возвращаться?

- Но ведь Фогельзанг утверждает, что электрическая активность мозга прослеживается, - возразил Джонни. - Луис здесь, он о чем-то думает... - На переходе через улицу Кэти взяла его под руку. - Я слышал, вы интересуетесь религией? - спросил он.

- Интересуюсь, - подтвердила Кэти. - Знаете, однажды я приняла большую дозу наркотика - неважно какого. В результате - остановка сердца. Мне сделали открытый массаж, электрошок, ну и так далее. Несколько минут я находилась в состоянии клинической смерти и испытала то, что, наверное, испытывают послеживущие.

- Там лучше, чем здесь?

- Нет. Там - иначе. Как во сне. Хотя во сне ты осознаешь неопределенность, нереальность происходящего, а в смерти все ясно и логично. И еще - там не чувствуешь силы тяжести. Вам трудно понять, насколько это важно, но для сравнения попытайтесь представить сон в условиях невесомости. Совершенно новые, ни с чем не сравнимые ощущения.

- Этот сон вас изменил?

- Помог избавиться от пагубной привычки, вы это хотели спросить? Да, я научилась контролировать свой аппетит. - Остановившись у газетного киоска, Кэти указала на один из заголовков. - Смотрите!

"ТОЛОС ИЗ ОТКРЫТОГО ПРОСТРАНСТВА - ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ УЧЕНЫХ", - прочитал Джонни. И сказал вслух:

- Занятно.

Кэти взяла газету и пробежала глазами заметку.

- Странно, - задумчиво произнесла она. - В космосе - мыслящее, живое существо. Прочтите. - Она протянула газету Джонни. - Я тоже, когда умерла... летела в открытом пространстве, удаляясь от Солнечной системы. Сначала исчезло притяжение планет, а потом и Солнца. Интересно, что это?

- Десять центов, сэр или мэм, - сказал вдруг робот-газетчик.

Джонни опустил в щелку десятицентовик.

- Думаете, дедушка? - спросила Кэти.

- Вряд ли.

- А мне кажется - он. - Кэти стояла, пристально глядя вдаль. - Судите сами: он умер неделю назад, и голос доносится из точки, находящейся в одной световой неделе от Земли. По времени сходится. - Она ткнула пальцем в газету. - Здесь говорится о вас, Джонни, обо мне и о Клоде Сен-Сире, уволенном адвокате. И о выборах. Речь, конечно, сбивчива, слова искажены. После смерти мысли именно такие - быстрые, сжатые и наслаиваются друг на друга. - Посмотрев ему в глаза, Кэти улыбнулась. - Итак, Джонни, перед нами - сложнейшая проблема. С помощью лунного радиотелескопа мы можем слушать дедушку, но не можем с ним говорить.

- Но не будете же вы...

- Буду! - обрвала его Кэти. - Я знаю: послежизнь дедушку не устроила. Он покинул Солнечную систему и теперь обитает в световой неделе от нас. Он приобрел новые, невообразимые возможности. Чтобы он ни затеял... - Кэти резко пошла вперед, и Джонни поспешил следом, - его замысел не уступает тем, которые он вынашивал и осуществлял на Земле. И теперь никто не сможет ему помешать - Кэти обернулась к Джонни. - Что с вами? Испугались?

- Вот еще! - фыркнул Джонни. - Неужели вы думаете, что ваши слова могут быть восприняты всерьез?

- Конечно, испугались. Ведь он теперь, наверное, может очень многое. Например, влиять на наши мысли, слова и поступки. Даже без радиотелескопа он способен связаться с нами хоть сию секунду. Через подсознание.

- Не верю, - упорствовал Джонни. В глубине души он не сомневался в ее правоте. Луис Сарапис обязательно ухватился бы за такие возможности.

- Скоро начнется съезд, и мы узнаем много нового. Дедушка всегда занимался политикой. В прошлый раз он не смог обеспечить Гэму победу, а он не из тех, кто смиряется с поражениями.

- Гэм? - удивился Джонни. - Он что, еще жив? Четыре года назад он как в воду канул.

- Дедушка с ним не порывал, - сказала Кэти. - Гэм живет на Ио, разводит не то индюшек, не то уток. И ждет.

- Чего ждет?

- Встречи с дедушкой, - ответила Кэти. - Как тогда, четыре года назад. Оправясь от изумления, Джонни произнес:

- За Гэма никто не отдаст голоса.

Кэти молча улыбнулась, но при этом крепко сжала его руку. Будто опять чего-то боялась, как ночью, когда звонила ему из космопорта.

Глава III

В приемной офиса "Сен-Сир и Фэйн" Клод Сен-Сир увидел человека средних лет - довольно красивого, в элегантном костюме-тройке и при галстуке.

- Мистер Сен-Сир! - воскликнул посетитель, поднимаясь с кресла.
- Мне некогда, - буркнул Сен-Сир, торопившийся на встречу с Харви. - Запишитесь у секретаря.

Мгновением позже он узнал посетителя. Перед ним стоял Альфонс Гэм собственной персоной.

- Я получил телеграмму от Луиса Сараписа. - Гэм сунул руку в карман пиджака.

- Вынужден извиниться, - жестко произнес Сен-Сир, - но я теперь сотрудничаю с мистером Харви. Деловые отношения с мистером Сараписом прекращены несколько недель назад.

И все же любопытство не позволило ему уйти, оставив Гэма ни с чем. Они не встречались уже четыре года, а тогда, во время последних выборов, виделись довольно часто. Сен-Сиру даже пришлось быть адвокатом Гэма на нескольких процессах, связанных с клеветой. На одном из них Гэм выступал в роли истца, на остальных - ответчика. Сен-Сир не любил этого человека.

- Телеграмма пришла позавчера, - уточнил Гэм.

- Но ведь Сарапис... - Сен-Сир осекся и протянул руку. - Дайте взглянуть.

В телеграмме Сарапис уверял Гэма в своей поддержке на предстоящих выборах. Гэм не ошибся - телеграмма была отправлена третьего дня. Чуть какая-то.

- Не могу ничего объяснить, мистер Сен-Сир, - сухо сказал Гэм. - Но это похоже на Луиса. Он хочет, чтобы я снова баллотировался. Впрочем, вы сами видите. Я совершенно не в курсе происходящего, давно отошел от политики, развожу домашнюю птицу. Если допустить, что телеграмму послал не Луис, то вы, наверное, догадываетесь, кто и зачем это сделал.

- Как мог Луис послать телеграмму? - спросил Сен-Сир.

- Возможно, написал перед смертью, а кто-нибудь из помощников отнес на почту. Может быть, вы. - Гэм пожал плечами. - Впрочем, вряд ли. Наверное, мистер Бэфут. - Он забрал телеграмму.

- Вы действительно решили выставить свою кандидатуру? - спросил Сен-Сир.

- Почему бы и нет, если этого хочет Луис?

- И готовы снова проиграть? Идете на заведомо безнадежное дело только потому, что упрямый, злопамятный старик... - Сен-Сир не договорил. Посмотрев Гэму в глаза, он посоветовал: - Лучше возвращайтесь к домашней птице. Выбросьте политику из головы. Вы - неудачник, об этом знает вся партия. Да что там партия - вся Америка.

- Как я могу связаться с мистером Бэфутом?

- Понятия не имею. - Сен-Сир направился к выходу.

- Мне нужен адвокат, - бросил Гэм вдогонку.

Сен-Сир остановился и обернулся.

- Зачем? Кто вас выдвинет на этот раз? Нет, мистер Гэм, вам не нужен адвокат. Вам нужен врач. обратитесь к психиатру, он сумеет объяснить, почему вам снова вздумалось баллотироваться. Послушайте, - он сделал

шаг к Гэму, - Луис и живой не вызвал бы вас, а уж тем более мертвый. - Сен-Сир отворил дверь.

- Подождите! - воскликнул Гэм.

Сен-Сир остановился у порога.

- На сей раз я выиграю. - Голос Гэма звучал мягко, но уверенно - в нем отсутствовал прежний трепет.

- Что ж, ни пуха, ни пера, - мрачно пожелал Сен-Сир. - И вам, и Луису.

- Выходит, он жив? - У Гэма заблестели глаза.

- Разве я это сказал?

- Он жив, я это чувствую, - задумчиво произнес Гэм. - Вот бы с ним поговорить! Я побывал в нескольких усыпальницах, но пока - безрезультатно. Ничего, буду искать. Для того-то я и прилетел с Ио, чтобы посоветоваться с ним.

Кивком простившись с посетителем, Сен-Сир удалился. "Ну и ничтожество! - подумал он. - Бездарь, кукла Сараписа. И еще в Президенты метит! - Его передернуло. - Боже упаси нас от такого лидера.

А вдруг мы все уподобимся Гэму? Чепуха, не стоит и думать об этом. Впереди трудный день, а чтобы хорошо работалось, необходимо хорошее настроение".

Сегодня ему, как поверенному Фила Харви, предстояло обратиться с деловым предложением к Кэти Шарп, в девичестве Кэти Эгмонт. Если Кэти согласится, основной пакет акций будет перераспределен таким образом, что контроль над "Вильгельминой Сикьюритиз" перейдет в руки Харви. Подсчитать стоимость "Вильгельмины" было практически невозможно, но Харви предполагал расплатиться не деньгами, а реальной недвижимостью - он владел огромными земельными участками на Ганимеде, десять лет назад переданными ему по акту советским правительством в награду за техническую помощь, оказанную им России и ее колониям.

На согласие Кэти Сен-Сир не надеялся, но считал, что предложить сделку надо. Следующий шаг (при мысли о нем Сен-Сир поежился) - громкий вызов и экономическая борьба до победного конца между фирмой Харви и концерном Кэти. А концерн обречен, поскольку после кончины старика зашевелились профсоюзы. Происходило именно то, с чем беспощадно боролся Луис - внедрение профсоюзных организаторов в "Экзими-дизн".

Сен-Сир к профсоюзам относился с симпатией - они весьма своевременно вышли на сцену. Прежде их отпугивали грязная тактика, неисчерпаемая энергия и невероятная изобретательность старика. Кэти этими качествами не обладала, а Джонни Бэфут...

Что тут может сделать недоучка? Пусть даже этот недоучка - алмазное зерно из навозной кучи посредственностей. Бэфут не распоряжается концерном, у него другие заботы. Он создает общественный имидж Кэти. Он уже начал было преуспевать, но тут подали голос профсоюзы. Кэти припоминали наркотики, тюремные сроки, мистические наклонности, и труд Джонни пошел насмарку.

Что ему удалось, так это сделать из нее образец женского обаяния. Кэти красива, выглядит нежной и невинной, чуть ли не ангелом. На этом и сыграл Джонни. Вместо того, чтобы цитировать ее перед репортерами, он наводнил прессу фотоснимками: то она с собаками, то с детьми, то на ярмарке, то в больнице, то на благотворительном вечере...

Но Кэти, как назло, запятнала и этот образ. Запятнала неожиданно для всех, заявив во всеуслышание, что она - подумать только! - общается с дедом. Дескать, это он висит в космосе в световой неделе от кратера Кеннеди и шлет сигналы. Весь мир слышит Луиса, а Луис чудесным образом слышит свою внучку.

Выйдя из лифта на крышу, где находилась площадка для вертолетов, Сен-Сир расхохотался. От газетчиков, любителей жареных фактов, не укрылся ее религиозный бзик. Кроме того, Кэти слишком много болтает - на светских раутах, в ресторанах и маленьких, но популярных барах. Даже Бэфуту не всегда удается удержать ее от болтовни. Вспомнить хотя бы тот инцидент на вечеринке, когда она разделась донага и заявила, что пришел час очищения. И приступила к ритуальной церемонии, помазав себе известные места малиновым лаком для ногтей... Пьяна, конечно, была в стельку.

"И эта женщина управляет концерном "Экимидиэн"! - подумал Сен-Сир. - Во что бы то ни стало надо ее отстранить. Ради моего и общественного блага. - Сен-Сир не сомневался в том, что общество настроено против Кэти. - Пожалуй, Джонни - единственный, кто в этом сомневается, - подумал он. - Джонни к ней неравнодушен, вот в чем причина. Интересно, как относится к этому Сара Белле?"

Сен-Сир уселся в вертолет, захлопнул дверцу и вставил ключ в замок зажигания. И тут полезли в голову мысли об Альфонсе Гэме. Мигом хорошего настроения как не бывало.

"Два человека ведут себя так, будто Луис Сарапис еще жив, - осознал он. - Кэти Эгмонт Шарп и Альфонс Гэм".

Двое самых отъявленных неудачников.

И вот ведь странно - его, Сен-Сира, до сих пор что-то связывает с ними. Что? Неужели судьба?

"А ведь мне теперь не легче, чем под крылышком старого Луиса, - подумал он. - Кос в чем куда тяжелее".

Взглянув на часы, он обнаружил, что опаздывает, и включил бортовую рацию.

- Фил, ты слышишь меня? Это Сен-Сир. Я уже в пути, лечу на запад. - Он замолчал и вместо ответа услышал далекое, едва различимое бормотание, бегущие наперегонки слова. Он узнал эту речь - ее несколько раз передавали в телевизионных новостях.

- ...смотря на многочисленные нападки, быть много выше палат, которые не могут-де выдвинуть кандидатуру с подмоченной репутацией. Надо верить в себя, Альфонс. Люди сумеют отличить и оценить хорошего парня. Надо ждать и верить. С верой можно горы своротить. Я должен воочию убедиться, что труды всей моей жизни...

"Это создание, находящееся в световой неделе от нас, - понял Сен-Сир. - Сигнал мощнее, чем прежде, он забивает каналы связи, словно интенсивные выбросы солнечной энергии. - Сен-Сир выругался и выключил радио. - Радиохулиганство, - мысленно произнес он. - Кажется, это противозаконно. Надо обратиться в Федеральную комиссию по средствам связи".

Вертолет летел над широким полем.

"Тосподи! - подумал Сен-Сир. - А ведь голос так похож на голос Луиса! Неужели Кэти Эгмонт Шарп права?"

В условленное время Джонни Бэфут прибыл в мичиганский офис "Экимидиэн" и застал Кэти в мрачном расположении духа.

- Неужели ты не видишь, что происходит? - глядя на него дикими глазами из угла кабинета, некогда принадлежавшего Луису, спросила она. - У меня все валится из рук, и это ни для кого не секрет.

- Не вижу, - солгал Джонни. - Пожалуйста, успокойся и сядь. С минуты на минуту придут Харви и Сен-Сир, надо держать себя в руках. - Он всей душой желал, чтобы встреча не состоялась, но знал, что избежать ее не удастся, и потому не возражал, когда Кэти согласилась на нее.

- Я... должна сказать тебе нечто ужасное.

- Что именно? - с тревогой спросил Джонни, усаживаясь.

- Джонни, я снова принимаю наркотики. Как-то внезапно все навалилось - работа, ответственность... Не выдержала. Извини. - Она печально вздохнула и закрыла глаза.

- Что ты принимаешь?

- Разве это важно? Из группы амфетаминов. Я прочла в справочнике, что этот наркотик может вызвать психоз. Ну и черт с ним. - Она повернулась спиной к Джонни. Кэти очень сдала за последние дни, и теперь Джонни знал почему. От чрезмерных доз амфетамина организм работает на износ; материя превращается в энергию. С возвращением привычки у нее быстро развился псевдогипертиреоз, ускорились все соматические процессы.

- Очень жаль, - промямлил Джонни. Он до последней минуты гнал от себя страшную мысль о том, что это может случиться. - Тебе, наверное, лечиться надо.

"Интересно, где она раздобыла наркотик? - подумал он. - Впрочем, у нее по этой части большой опыт".

- Главный симптом психоза - эмоциональная неустойчивость, - продолжала Кэти. - Сразу за вспышкой ярости - слезы. Не сердись на меня в таких случаях, ладно? Это наркотик виноват.

Джонни подошел и положил ладони ей на плечи.

- Вот что, Кэти. Скоро сюда придут Харви и Сен-Сир. Думаю, надо согласиться на их условия.

- Да? - вяло спросила она, затем кивнула. - Ладно.

- И было бы очень неплохо, если бы после этого ты согласилась лечь в больницу.

- Фабрика-кухня, - с горечью сказала она.

- Ты поправишься, - пообещал Джонни. - Снимешь с себя ответственность за "Экимидиэн", и сразу станет легче. Тебе нужен длительный отдых, полный покой. У тебя предельное физическое и психическое истощение, но под воздействием амфетамина ты этого...

- Нет, Джонни, со мной этот номер не пройдет. Я не уступлю Харви и Сен-Сирю.

- Почему?

- Луис не согласен. Он... - Кэти замаялась. - Он твердо сказал, - нет.

- Но твоё здоровье, а может, и жизнь...

- Ты хочешь сказать - твой рассудок?

- Кэти, ты слишком многим рискуешь. Черт с ним, с Луисом. К дьяволу "Экимидиэн". Торопиться в усыпальницу? Имущество - это всего лишь имущество, а жизнь - это жизнь. Послежизнью ее не заменишь.

Кэти улыбнулась. На столе зажглась лампочка, послышался голос секретаря:

- Миссис Шарп, к вам мистер Харви и мистер Сен-Сир. Прикажете впустить?

- Да, - ответила Кэти.

Отворилась дверь, Клод Сен-Сир и Фил Харви быстро прошли в кабинет.

- Здравствуй, Джонни. - Сен-Сир держался уверенно, и Харви тоже. - Здравствуйте, Кэти.

- Я разрешила Джонни вести переговоры.

Джонни с недоумением покосился на Кэти - что это означает? Согласие? - и спросил:

- В чем суть предлагаемой вами сделки? Что вы намерены отдать за контроль над "Вильгельмина Сикьюритиз"?

- Ганимед, - ответил Сен-Сир. - Весь спутник.

- Понятно. Советские земли. А международный суд подтвердил ваше право на них?

- Да, полностью. Это очень ценные земли, их стоимость ежегодно возрастает чуть ли не вдвое. Джонни, это хорошее предложение. Мы с тобой давно знакомы, и ты знаешь, что я не лгу.

"Может быть, - подумал Джонни. - Похоже, Харви и впрямь расценился и не собирается обманывать Кэти".

- Я думаю, миссис Шарп... - начал он.

- Нет, - отрывисто произнесла Кэти. - Не отдам. Он не разрешает.

- Кэти, вы позволили мне вести переговоры, - хмуро заметил Джонни.

- А теперь запрещаю!

- Если хотите, чтобы я у вас работал, последуйте, моему совету. Ведь мы уже обсуждали этот вопрос и сошлись на том, что...

Зазвонил телефон.

- Не веришь - послушай сам. - Кэти протянула ему трубку.

- Кто говорит? - спросил Джонни и услышал дребезжание. Будто где-то вдалеке дергали туго натянутую проволоку.

- ...необходимо удерживать контроль. Твой совет абсурден. Ничего, она выдержит. Паническая реакция: ты боишься, потому что она больна. Опытный врач легко поставит ее на ноги. Найди врача, обеспечь ее медицинским уходом. Найми адвоката, пусть позаботится о том, чтобы она не попала в лапы судей. Перекрой доступ наркотика. Потребуй... - Джонни не выдержал и отдернул трубку от уха. Затем трясущейся рукой положил на аппарат.

- Слышал? - спросила Кэти. - Это Луис?

- Да, - сказал Джонни.

- Он стал сильнее. Радиотелескоп ему уже не нужен. Он звонил мне еще вчера вечером, когда я ложилась спать.

- Видимо, нам нужно хорошенько обдумать ваше предложение, - обратился Джонни к Сен-Сиру и Харви. - Необходимо уточнить стоимость предложенных вами участков, да и вы, наверное, хотели бы проверить финансовую отчетность "Вильгельмины". На это потребуется время. - Он с трудом выговаривал слова. Живой голос Луиса Сараписа из телефонной трубки потряс его до глубины души.

Джонни договорился с Сен-Сиром и Харви встретиться в конце дня и предложил Кэти пойти позавтракать. У Кэти не было аппетита, но она согласилась, поскольку не ела со вчерашнего дня.

- Что-то не хочется есть, - сказала она, глядя в тарелку с беконом, яйцами и гренками с джемом.

- Если это и Луис, - заговорил Джонни, - тебе не...

- Не надо "если", ведь ты его узнал. Он с каждым часом все сильнее. Наверное, берет энергию от Солнца.

- Хорошо, пускай это Луис, - упорствовал Джонни. - Все равно надо соблюдать свои интересы, а не чужие.

- Наши интересы совпадают, - возразила Кэти. - Мы хотим удержать "Экимидиэн" за собой.

- Чем он может тебе помочь? Ведь его даже твоя болезнь не беспокоит! Только поучать горазд! - Джонни рассердился.

- Он всегда рядом, я чувствую. Мне не нужны телевизор и телефон - я его ощущаю. Наверное, этому способствуют мои мистические наклонности. Религиозная интуиция. С ее помощью легче войти в контакт.

- Ты имеешь в виду амфетаминный психоз? - спросил Джонни.

- Я не лягу в больницу. недуг мне не страшен, ведь я не одна. У меня есть дедушка. И ты. - Она улыбнулась. - Да, у меня есть ты. Несмотря на Сару Белле.

- На меня не рассчитывай, Кэти, - спокойно произнес Джонни. - Во всяком случае, до тех пор, пока не уступишь Харви. Соглашайся на ганимедские участки, и дело с концом.

- Ты увольняешься?

- Да.

После паузы Кэти сказала:

- Дедушка говорит: валяй, увольняйся. - Взгляд темных, широко раскрытых глаз был ледяным.

- Не верю, что он так сказал.

- А ты сам его послушай.

- Как?

Кэти указала на телевизор в углу зала.

- Включи и послушай.

- Ни к чему, - сказал Джонни, вставая. - Я и сам уже решил. Буду в гостинице, если понадоблюсь - звони. - Он направился к выходу. Ему показалось, что Кэти окликнула его. Он обернулся у порога. Нет, действительно показалось.

Он вышел на улицу и остановился на тротуаре. Все, довольно с него. Стоило Кэти намекнуть, что он блефует, и блеф стал реальностью. Что ж, бывает.

Джонни бесцельно брел по улице. Да, конечно, он прав. Но все-таки... "Черт бы ее побрал! - мысленно выругался он. - Почему она вдруг уперлась? Из-за Луиса, конечно. Не будь его, Кэти с радостью отдала бы контрольный пакет за ганимедские земли. Черт бы побрал Луиса Сараниса, а не ее", - подумал он со злостью.

"Что же теперь делать? - спросил он себя. - Вернуться в Нью-Йорк? Заняться поисками работы? Наняться к Альфонсу Гэму? Это сулит неплохие заработки, особенно, если Гэму удастся выиграть. Или остаться здесь, в Мичигане? Подождать, не передумает ли Кэти?"

"Она не удержит концерн, - подумал он. - Что бы ни нашептывал ей Луис. То есть, что бы ей ни мерещилось".

Он остановил такси и через несколько минут вошел в вестибюль гостиницы "Энтлер". И направился в свой номер. В пустой, неуютный номер. Чтобы сидеть и ждать. Надеяться, что Кэти одумается и позвонит.

Подойдя к двери, он услышал звонок телефона.

Секунду Джонни стоял неподвижно с ключом в руке. Телефон за дверью надрывался. "Кэти? - подумал Джонни. - Или он?"

Он вставил ключ в замочную скважину, повернул и вошел в номер. Снял трубку и произнес:

- Алло?

Дребезжание и далекий шепот. Середина монотонного диалога. Цитирование самого себя.

- ...нехорошо оставлять ее одну, Бэфут. К тому же, ты предаешь свое дело - да ты и сам это понимаешь. Подумай о нас с Кэти. Что-то я не припомню, чтобы ты меня когда-нибудь подводил. Я ведь не случайно открыл тебе, где буду лежать - хотел, чтобы ты остался со мной. Ты не можешь...

У Джонни на затылке стянуло кожу ознобом. Не дослушав до конца, он положил трубку.

Телефон немедленно зазвонил опять.

"Пошел ты к черту!" - мысленно выругался Джонни. Подойдя к окну, он долго смотрел на улицу и вспоминал свой давний разговор с Луисом Сараписом. Тот самый разговор, в котором босс предположил, что Джонни не поступил в колледж из-за желания умереть.

"А что если прыгнуть? - подумал он, глядя на проносящиеся внизу автомобили. - Иначе с ума сойду от звона".

"Что бы там ни говорили, а старость - это мерзко, - размышлял он. - Мысли неясны, путанны. Иррациональны, как во сне. Старый человек, в сущности, уже не живет. Полужизнь - и то лучше, чем дряхлость. Старение - это угасание сознания, сгущение сумерек души. Чем гуще сумерки, тем громче поступь неотвратимой и окончательной смерти... Но даже в смерти - квинтэссенции маразма - у человека сохраняются желания. Он чего-то хочет от Джонни, чего-то - от Кэти. Останки Луиса Сараписа активны и настойчивы и ухитряются находить пути к достижению своих целей. Его цели - пародия на те, к которым он стремился при жизни. Но от него так просто не отмахнешься".

Телефон не умолкал.

"А вдруг это не Луис? - подумал Джонни. - Вдруг Кэти?"

Он взял трубку и сразу положил, снова услышав бречанье осколков личности Сараписа. "Интересно, он выходит на связь избирательно? Или по всем каналам одновременно?"

Джонни прошел в угол и включил телевизор. Засветился экран, появилось необычное пятно. Расплывчатые очертания человеческого лица.

"Да, его сейчас видят все", - с дрожью подумал Джонни и переключил канал. Картина не изменилась - те же смазанные контуры лица.

И - сбивчивое бормотанье: "...снова и снова повторять, что главная твоя обязанность..."

Джонни выключил телевизор. Слова и контуры лица канули в небытие, остался только трезвонящий телефон.

Он поднял трубку и спросил:

- Луис, ты слышишь меня?

- ...когда начнутся выборы, мы им покажем! Человек, которому хватает духу баллотироваться во второй раз, который берет на себя расходы... В конце концов, это не каждому по карману...

Нет, старик не слышал Джонни. Связь была односторонней.

И все-таки Луис был в курсе происходящего. Каким-то путем он узнал (увидел? почувствовал?), что Джонни решил выйти из игры.

Положив трубку, Джонни уселся в кресло и закурил сигарету.

"Я не смогу вернуться к Кэти, пока не внушу себе, что сделка с Харви бессмысленна. Но это мне не по силам. Надо искать другой выход.

Как долго он будет меня преследовать? Есть ли на Земле место, где можно укрыться от него?"

Джонни подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу.

Клод Сен-Сир опустил монету в щель автомата и взял свежую газету.

- Благодарю вас, сэр или мэм, - произнес робот-продавец.

Пробежав глазами передовицу, Сен-Сир оторопел. Нет, ерунда – видимо, просто разладилась аппаратура полностью автоматизированного микрорелейного газетно-издательского комплекса. Какая-то словесная каша, строчки наползают друг на друга. Впрочем, один абзац ему удалось прочесть целиком:

"...у окна в гостинице и готов выброситься. Если надеетесь и впредь иметь с ней дело, удержите его. Она от него зависит. С тех пор, как ушел Пол Шарп, ей нужен мужчина. Гостиница "Энтлер", номер 604. Думаю, у вас есть еще время. Джонни слишком горяч, зря он блефовал. У Кэти моя кровь; она не любит, когда блефуют.

Я."

Сен-Сир взглянул на Харви и быстро произнес:

- Джонни Бэфут стоит у окна в отеле "Энтлер" и хочет выпрыгнуть. Нас об этом предупреждает Луис. Надо спешить.

Харви кивнул.

- Бэфут на нашей стороне, нельзя допустить его самоубийства. Но почему Сарапис...

- Полетели, некогда рассуждать. - Сен-Сир бросился к вертолету.

Глава IV

Неожиданно телефон затих. Джонни отвернулся от окна и увидел Кэти Шарп, стоящую возле аппарата с трубкой в руке.

- Он позвонил и сказал, что ты в гостинице, - сообщила Кэти. - Сказал также, что ты затеял.

- Чепуха, - буркнул Джонни. - Ничего я не затевал.

- Он думает иначе.

- Выходит, он ошибается... - Джонни заметил, что докурил сигарету до фильтра, и раздавил окурок в пепельнице.

- Дедушка всегда тебя любил, - сказала Кэти. - Он очень рассердится, если с тобой что-нибудь случится.

Джонни пожал плечами.

- С Луисом Сараписом меня больше ничто не связывает...

Кэти замерла, прижав трубку к уху. Джонни понял, что она его не слушает, и умолк.

- Говорит, что сюда летят Сен-Сир и Харви, - наконец сообщила Кэти. - Дедушка их тоже известил.

- Как это мило, - буркнул Джонни.

- Джонни, я тоже тебя люблю. И понимаю, почему к тебе так привязан дедушка. Ты боишься за меня, да? Хочешь, я лягу в больницу? Только ненадолго, ладно? На недельку-другую.

- Разве этого хватит? - спросил он.

- Может быть. - Кэти протянула ему трубку. - Выслушай, пожалуйста, он ведь все равно найдет способ сообщить тебе все, что считает нужным.

Помедлив, Джонни взял трубку.

- ...беда в том, что ты не занят любимым делом. Это тебя угнетает. Такой уж ты человек - часу спокойно не просидишь. И мне это по душе - я сам такой же. Слушай, у меня идея. Стань доверенным лицом Альфонса Гэма. Ей-Богу, это шикарная работа. Позвони Гэму. Позвони Альфонсу Гэму, Джонни, позвони Гэму. Позвони...

Джонни положил трубку.

- Я получил работу, - сказал он Кэти. - Буду доверенным лицом Гэма. Во всяком случае, так говорит Луис.

- Ты согласен? - оживилась Кэти.

Джонни пожал плечами.

- Почему бы и нет? У Гэма есть деньги, он не скуп. И ничем не хуже Кента Маргрэва.

"Кроме того, мне действительно нельзя без работы, - осознал Джонни.

- Надо жить. Шутка ли - жена и двое детей".

- Как ты считаешь, у Гэма есть шанс?

- По-моему, нет. Впрочем, в политике не обходится без чудес. Вспомни хотя бы невероятное избрание Никсона в шестьдесят восьмом¹.

- Какого курса стоило бы держаться Гэму, как ты думаешь?

- Об этом я поговорю с ним самим.

- Все еще дуешься, - заключила Кэти. - Потому что я не согласилась на сделку с Харви. Слушай, Джонни, а давай я передам "Экимидиэн" тебе.

Поразмыслив, он спросил:

- А что на это скажет Луис?

- Я его не спрашивала.

- Ты же знаешь, он не согласится. У меня мало опыта, хоть я и был при "Экимидиэн" с первого дня его существования.

- Не прибедайся, - ласково произнесла Кэти. - Ты стоишь немало.

- Пожалуйста, не учи меня жить! - вспыхнул он. - Давай попробуем остаться друзьями. Далекими, но друзьями.

"Терпеть не могу выслушивать нотации от бабы, - со злостью подумал он. - Даже если она заботится о моем благе".

С грохотом распахнулась дверь. В номер ворвались Сен-Сир и Харви. И застыли у порога, увидев Кэти рядом с ним.

- Выходит, вас он тоже позвал, - тяжело дыша, сказал Сен-Сир.

- Да, - ответила Кэти. - Он очень испугался за Джонни. - Она похлопала Джонни по плечу. - Видишь, сколько у тебя друзей, далеких и недалеких?

- Вижу, - буркнул он. Почему-то в эту минуту ему было как никогда одиноко.

В тот же день Сен-Сир улучил часок и навестил Электру Харви, бывшую жену своего босса.

1

Ричард Милхаус Никсон в 1960 году выдвигался кандидатом Республиканской партии на пост президента, но потерпел поражение. В 1968 году, после шести лет адвокатской практики, снова выдвинут от Республиканской партии. С января 1969 по август 1974 года - президент США.

- Знаешь, куколка, - сказал он, обнимая Электру, - я затеял одно хорошенькое дельце. Если выгорит, ты получишь часть потерянного при разводе. Не все, конечно, но достаточно, чтобы стать чуточку счастливей.

Ответив на поцелуй, Электра легла на спину и, извиваясь всем телом, притянула Сен-Сира к себе. То, что произошло потом, было чрезвычайно приятно для обоих и длилось довольно долго. Наконец, Электра оторвалась от него и села.

- Ты, случайно, не знаешь, что означает этот бред по телевизору и телефону? Впечатление, будто кто-то полностью захватил эфир и линии. Лица не разобрать, но оно не исчезает с экрана.

- Пустяки, - бодро произнес Сен-Сир. - Как раз этим мы сейчас и занимаемся. Скоро выясним, в чем дело.

Его люди искали Луиса по всем усыпальницам. Рано или поздно они разыщут старика, и тогда, ко всеобщему облегчению, чудеса прекратятся.

Подойдя к бару, Электра капнула в бокалы по три капли горькой настойки и спросила:

- А Филу известно о наших отношениях?

- Нет. Его это не касается.

- Учти, у Фила стойкое предубеждение к бывшим женам. Смотри, как бы он не заподозрил тебя в нелояльности, ведь если он меня не любит, то и тебе не полагается. Фил называет это "чистотой отношений".

- Спасибо, что предупредила, - сказал Сен-Сир, - но тут ничего не поделаешь. Впрочем, он о нас ничего не узнает.

- Ты уверен? - Электра подала ему бокал. - Знаешь, я тут недавно пыталась настроить телевизор и... боюсь, ты будешь смеяться, но мне показалось... - Она замялась. - В общем, он назвал наши имена. Правда, невнятно из-за помех, но все-таки я поняла, что речь идет о нас с тобой. - Спокойно глядя ему в глаза, Электра поправила бретельку платья.

У Сен-Сира похолодело в груди.

- Дорогая, это абсурд. - Он включил телевизор.

"Боже ты мой, - подумал он. - Неужели Сарапис всеведущ? Неужели он видит из космоса все, что мы делаем?"

Эта мысль отнюдь не обрадовала его, тем паче что он хотел навязать внучке Луиса сделку, которую старик не одобрял.

"Он подбирается ко мне", - осознал Сен-Сир, пытаясь онемевшими пальцами настроить изображение.

- Между прочим, мистер Бэфут, я собирался вам звонить, - заметил Альфонс Гэм. - Я получил от мистера Сараписа телеграмму, он настоятельно советует принять вас на работу. Но на этот раз, я думаю, надо подготовить совершенно иную программу. У Маргрэйва огромное преимущество.

- Вы правы, - кивнул Джонни. - Но надо учитывать, что на сей раз вы получите помощь от Луиса Сараписа.

- Луис и тогда помогал, - возразил Гэм, - но этого оказалось недостаточно.

- Теперь он предоставит помощь иного рода. - Мысленно Джонни добавил: "Ведь что ни говори, старик контролирует все средства связи и массовой информации. Газеты, радио, телевидение. Даже телефонные линии. Да, старый Луис стал почти всемогущ. Едва ли он во мне нуждается". - Но Джонни не сказал этого Гэму - очевидно, тот не понимал поступков Луиса, не догадывался о мотивах. В конце концов, у Джонни свой интерес - ему нужна работа.

- Вы пробовали смотреть телевизор? - спросил Гэм. - Или звонить по телефону, или читать свежую газету? Везде - сущий бред, абракадабра. Если это Луис, от него на съезде будет мало проку. Он двух слов связать не может.

- Я знаю, - сдержанно сказал Джонни.

- Я вот чего боюсь: какой бы тонкий план ни разработал Луис, все пойдет прахом. - Гэм явно упал духом; не так должен выглядеть человек, рассчитывающий победить на выборах. - Вы, похоже, куда больше моего верите в возможности Луиса. Знаете, я недавно встречался с мистером Сен-Сиром. У нас был долгий разговор, и, должен сказать, его доводы убийственны. Я держался внешне бодро, но... - Гэм тяжело вздохнул. - Мистер Сен-Сир прямо в глаза назвал меня неудачником.

- И вы ему поверили? - Джонни просто изумляла наивность его нового хозяина. - Он же на стороне противника. Вместе с Филом Харви.

- Я сказал ему, что уверен в победе, - пробормотал Гэм, - но, говоря откровенно, вся эта бессмыслица... Ну, по телефону и телевизору... Все это ужасно. Мне очень не хочется участвовать в этой затее.

- Я вас понимаю, - сказал Джонни.

- Луис прежде не был таким, - жалобно произнес Гэм. - Он теперь бубнит... и все! Если даже он добьется моего избрания... Я устал, мистер Бэфут. Очень устал. - Он умолк.

- Если вы ждете от меня моральной поддержки, - сказал Джонни, - то обратились не по адресу. - Голос Сараписа действовал на него отнюдь не ободряюще. Еще и Гэма утешать - нет уж, дудки.

- Вы же специалист по общественным связям. Ваша профессия требует умения разжигать энтузиазм в тех, кто его лишен. Убедите меня в том, что я должен стать Президентом, и я смогу убедить в этом весь мир. - Гэм достал из кармана сложенную телеграмму. - На днях получил от Луиса. Очевидно, телеграфная связь тоже в его руках.

- Текст вполне разборчив, - заметил Джонни, развернув телеграмму.

- Так и я о том же! Луис очень быстро сдает. Когда начнется съезд... Да что там говорить - уже... Знаете, у меня самые ужасные предчувствия. Не хочу я участвовать в этой афере. - Помолчав, он признался: - И все же, очень тянет попробовать. Вот что, мистер Бэфут, возьмите-ка вы на себя посредничество между мною и Луисом. Поработайте психопомпом¹.

- Просите, кем?

¹ В древнегреческой мифологии - проводник душ в загробный мир. Прим.переводчика.

- Посредником между Богом и человеком.
- Вы не победите на выборах, если не перестанете употреблять такие слова. Я вам обещаю.

Гэм криво улыбнулся.

- Как насчет выпивки? Скотч? Бурбон?
- Бурбон, - сказал Джонни.
- Какого вы мнения о девушке, внучке Луиса?
- Она мне нравится, - честно ответил Джонни.
- Вам нравится неврастеничка, наркоманка, сектантка с уголовным прошлым?
- Да, - процедил Джонни сквозь зубы.

- По-моему, вы спятили. - Гэм протянул ему бокал. - Но я с вами согласен, Кэти - славная женщина. Между прочим, я с ней знаком. Не могу понять, почему она пристрастилась к наркотикам. Я не психолог, но мне кажется, тут виноват Луис. Девочка его боготворила. Ну, вы понимаете, о чем я говорю. Инфантильная и фанатичная преданность. Вместе с тем очень трогательная. На мой взгляд.

- Ужасный бурбон. - Джонни поморщился, сделав глоток.

Гэм развел руками.

- Старый "Сэм Мускусная Крыса", - сказал он. - Да, вы правы.
- Старайтесь не угощать посетителей подобными напитками, - посоветовал Джонни. - Политикам этого не прощают.

- Вот почему вы мне необходимы! - воскликнул Гэм. - Видите?

Джонни отправился на кухню - вылить бурбон в бутылку и поискать шотландское виски.

- Какие у вас мысли насчет предвыборной кампании? - спросил Гэм, когда он вернулся.

- Думаю, мы можем сыграть только на человеческой сентиментальности. Многие огорчены смертью Луиса, я сам видел очередь к гробу. Впечатляющее зрелище, Альфонс. Стоят и плачут, и так день за днем. Когда он был жив, многие его боялись. Но теперь народ успокоился - Луис ушел, и пугающие аспекты его...

- Он не ушел, Джонни, - перебил его Гэм. - В этом-то все и дело. Вы же знаете, что существо, несущее вздор по телефону и телевизору - он!

- Но народ-то этого не знает, - возразил Джонни. - Народ ничего не понимает, как тот инженер, что впервые услышал старика в кратере Кеннеди. Да и кому придет в голову, что источник электромагнитных волн, расположенный в световой неделе от Земли - на самом деле Луис.

- Думаю, вы ошибаетесь, Джонни, - помедлив, сказал Гэм. - Но как бы там ни было, Луис велел взять вас на работу, и я не стану возражать. Даю вам карт-бланш и надеюсь на ваш опыт.

- Благодарю, - сказал Джонни. - Вы действительно можете на меня положиться. - В глубине души он вовсе не был в этом уверен.

"Быть может, народ куда сообразительней, чем мне кажется, - подумал он. - Быть может, я совершаю ошибку. Но что остается? Только упираться

на симпатию Луиса к Гэму, иначе не найдется человека, который отдаст за Гэма голос".

В гостиной зазвонил телефон.

- Наверное, это он, - сказал Гэм. - Луис обращается ко мне по телефону или через газеты. Вчера я попытался напечатать письмо на электрической машинке, а в результате получил от него совершенно бессмысленное послание.

Телефон все звонил. Гэм и Джонни не двигались.

- Может, возьмете задаток? - предложил Гэм.

- Не откажусь. Сегодня я ушел из "Экимидизн".

Гэм достал из кармана бумажник.

- Я выпишу чек. - Он посмотрел Джонни в глаза. - Она вам нравится, но вы не можете с ней работать?

- Да. - Джонни отвечал неохотно, и Гэм решил оставить эту тему. При всех своих недостатках Гэм был джентльменом.

Как только чек перешел из рук в руки, телефон умолк.

"Неужели они держат непрерывную связь друг с другом? - подумал Джонни. - Или совпадение? Кто знает. Кажется, Луис может все, что захочет. А сейчас он хочет именно этого".

- Думаю, мы поступили правильно, - отрывисто произнес Гэм. - Послушайте, Джонни, мне бы хотелось, чтобы вы помирились с Кэти Эгмонт. Ей нужно помочь. Всем, чем только можно.

Джонни что-то пробурчал.

- Попытайтесь, ладно? - настаивал Гэм. - Ведь вы ей уже не подчиняетесь.

- Подумаю, - сказал Джонни.

- Девочка очень больна, к тому же - на ней такая ответственность... Что бы ни послужило причиной вашего разлада, надо прийти к взаимопониманию. Пока не поздно. Это единственно верный путь.

Джонни помолчал, сознавая, что Гэм прав. Но как сделать то, о чем Гэм просит? Как найти ниточку к сердцу душевнобольного человека? Тем более сейчас, когда волю Кэти подавляет воля Луиса...

"Пока Кэти слепо обожает деда, ничего не получится", - подумал он.

- Что думает о ней ваша жена? - спросил Гэм.

Вопрос застал Джонни врасплох.

- Сара? Она с Кэти незнакома. А почему вы спрашиваете?

Гэм взглянул на него исподлобья и не ответил.

- Очень странный вопрос, - заметил Джонни.

- А Кэти - очень странная девушка. Гораздо более странная, чем вам кажется, друг мой. Вы о ней еще многого не знаете. - Гэм не пояснил, что имеет в виду.

- Я хотел бы кое-что узнать, - сказал Харви Сен-Сиру. - Где труп? Пока мы это не выясним, можем не мечтать о контрольном пакете "Вильгельмины".

- Ищем, - спокойно ответил Сен-Сир. - Обыскиваем одну усыпальницу за другой, но Луиса, похоже, прячут. Видимо, кто-то заплатил хозяину усыпальницы за молчание.

- Девчонка получает приказы из могилы! - с возмущением произнес Харви. - Луис впал в маразм, но она все равно его слушается. Это противоестественно.

- Согласен, - сказал Сен-Сир. - От старикашки нигде не скроешься. Нынче утром за бритьем включаю телевизор - а он маячит на экране и бубнит. - Его передернуло.

- Сегодня начинается съезд, - заметил Харви, глядя в окно на оживленную улицу. - Луис увяз в политике с головой, он и Джонни убедил работать на Гэма. Может, стоит еще раз потолковать с Кэти? Как ты считаешь? Вдруг он о ней позабыл? Нельзя же уследить за всем сразу.

- Но Кэти нет в офисе "Экимидиэн".

- Где же она, в таком случае? В Делаверэ? Или в "Вильгельмина Сикьюритиз"? Разыщем в два счета.

- Фил, она больна, - сказал Сен-Сир. - Легла в больницу. Вчера вечером. Снова наркотики, надо полагать.

- Тебе многое известно, - сказал Харви, нарушив молчание. - Какие источники?

- Телефон и телевизор. Но где она, в какой больнице, я не знаю. Может быть, в Луне или на Марсе, или вернулась на Каллисто. У меня впечатление, будто она очень серьезно больна. - Он хмуро посмотрел на своего шефа. - Возможно, случился разрыв с Джонни.

- Думаешь, Джонни знает, где она?

- Вряд ли.

- Бьюсь об заклад, она попытается с ним связаться, - задумчиво произнес Харви. - Либо он уже знает, в какой она больнице, либо скоро узнает. Вот бы подключиться к его телефону...

- Не имеет смысла, - устало сказал Сен-Сир. - На всех телефонных линиях - Луис.

"Страшно представить, что ждет "Экимидиэн Энтерпрайзиз", если Кэти признают недееспособной, - подумал он. - Впрочем, не так-то просто ее отстранить, все зависит от того, на какой она планете. По земным законам..."

Голос Харви оторвал его от раздумий.

- Нам не удастся ее найти. И труп Сараписа тоже. А съезд уже начался, и Гэм, этот недоумок, лезет в Президенты. Глазом не успеем моргнуть, как его изберут. - Его взгляд стал неприязненным. - Клод, пока что от тебя мало пользы.

- Мы проверим все больницы, но их десятки тысяч, проще иголку найти в стоге сена.

"Так и будем искать до второго пришествия, - с отчаянием подумал он. - Можно, правда, дежурить у телевизора. Хоть какой-то шанс".

- Я лечу на съезд, - заявил Харви. - До встречи, Клод. Если что-нибудь выяснишь - в чем я сомневаюсь - найди меня там.

Он направился к двери, и через несколько секунд Сен-Сир остался в одиночестве.

"Черт побери, - подумал адвокат, - что же теперь делать? Может, и мне махнуть на съезд? Пожалуй. Но напоследок проверю-ка я еще одну усыпальницу".

В той усыпальнице уже побывали его люди, но у Сен-Сира возникло желание лично поговорить с владельцем. Заведение было как раз из тех, что нравились Луису, а принадлежало оно слащавому типу по имени Герберт Шенхайт фон Фогельзанг. В переводе - Герберт Красота Птичьего Пения. Ничего не скажешь, подходящее имечко для владельца "Усыпальницы Возлюбленной Братии", расположенной в деловой части Лос-Анджелеса, имеющей филиалы в Чикаго, Нью-Йорке и Кливленде...

В усыпальнице Сен-Сир потребовал, чтобы Шенхайт фон Фогельзанг лично принял его.

В приемной было довольнолюдно - близилось Воскресение, и мелкие буржуа, большие любители подобных празднеств, ждали, когда им выдадут тела родственников.

Сен-Сир устроился в кресле и стал ждать. Вскоре за конторкой появился фон Фогельзанг.

- Да, сэр? - обратился он к Сен-Сиру. - Вы меня вызывали?

Сен-Сир положил на конторку визитную карточку юрисконсульта "Экмидиэн".

- Я - Клод Сен-Сир, - заявил он. - Возможно, вы слышали обо мне.

Взглянув на визитку, Шенхайт фон Фогельзанг потупился и забормotal:

- Мистер Сен-Сир, клянусь честью, мы трудились не жалея сил. Выписали из Японии уникальную аппаратуру, истратили больше тысячи долларов, и все без толку... - Он отступил на шаг от конторки. - Да вы сами можете убедиться. Знаете, мне кажется, это не просто авария. Такое само по себе не случается.

- Проводите меня к нему, - потребовал Сен-Сир.

- Пожалуйста, - Бледный, расстроенный владелец усыпальницы отвел его в холодный "склеп", и Сен-Сир наконец-то увидел гроб с телом Саратиса. - Вы собираетесь подать на нас в суд? Уверю вас...

- Я пришел за телом, - сказал Сен-Сир. - Распорядитесь, чтобы его погрузили в машину.

- Да-да, мистер Сен-Сир, как вам угодно, - кротко произнес фон Фогельзанг. Подозвав жестом двух рабочих, он объяснил им, что делать. - Мистер Сен-Сир, у вас грузовик или вертолет?

- Предложите свой транспорт - не откажусь, - дрогнувшим голосом ответил Сен-Сир.

Вскоре гроб оказался в кузове грузовика. Сен-Сир дал водителю адрес Харви.

- Так как насчет суда? - пролепетал фон Фогельзанг, когда Сен-Сир усаживался в кабину. - Мистер Сен-Сир, вы же не станете утверждать, что авария случилась по нашей вине? Ведь мы...

- Считайте, что дело закрыто, - бросил Сен-Сир и велел водителю трогать.

Отъехав от усыпальницы на несколько десятков метров, он вдруг захотал.

- Что вас так беспокоило, шофер.

- Ничего, - дивясь смехом, ответил Сен-Сир.

Как только гроб с замороженным Луисом Сараписом был перенесен в дом Харви и грузовик уехал, Сен-Сир снял трубку и набрал номер. Но дозвониться до Филя не удалось - в трубке, как обычно, звучало монотонное бормотание Луиса. Сен-Сир с отвращением, но и с мрачной решимостью повесил трубку.

"Все, довольно, - сказал он себе. - Обойдусь без одобрения Филя".

Обыскав гостиную, он обнаружил в ящике письменного стола тепловой пистолет. Прицелился в труп Сараписа и нажал на спуск. Зашипела, испаряясь, расплавленная пластмасса. Тело почернело, съежилось и вскоре превратилось в бесформенную грудку спекшегося черного пепла.

Удовлетворенный, Сен-Сир положил пистолет на стол. И снова набрал номер здания, где проходил съезд.

- ...кроме Гэма, никто не сможет этого сделать, - забубнил в ухо старческий голос. - Гэм - человек, нужный всем. Хороший лозунг, Джонни, запомни: Гэм - человек, нужный всем. Впрочем, лучше я сам скажу, дай, Джонни, микрофон, я им скажу: Гэм - человек, нужный всем. Гэм...

Клод Сен-Сир обрушил трубку на аппарат и с ненавистью уставился на останки Луиса Сараписа. Затем включил телевизор. Тот же голос, те же слова. Все по-прежнему.

"Голос Луиса исходит не из мозга, - подумал Сен-Сир. - Потому что мозга больше нет. Голос существует отдельно от тела".

Клод Сен-Сир сидел в кресле, держа в трясущихся пальцах сигарету, и пытался понять, что все это значит. Многому он находил объяснение. Многому, но не всему.

Глава V

До здания, где проходил съезд демократо-республиканцев, Сен-Сиру пришлось добираться по монорельсовой дороге, так как вертолет он оставил возле "Усыпальницы Возлюбленной Братии". Вестибюль был битком набит народом, стоял страшный шум. Все же Сен-Сиру удалось протолкаться к роботу-служителю, и тот объявил по внутренней связи, что Фил Харви ждет в одном из боковых кабинетов, предназначенных для совеща-

ния делегатов. Вскоре Харви - взъерошенный, растрепанный - выбрался из плотной толпы делегатов и зрителей и вошел в кабинет.

- В чем дело, Клод? - недовольно спросил он, но, посмотрев в лицо адвокату, смягчился. - Что случилось?

- Голос, который мы слышим - не Луиса! - выпалил Сен-Сир. - Кто-то его имитирует.

- С чего ты взял?

Сен-Сир объяснил. Выслушав, Харви кивнул и произнес:

- А ты уверен, что сжег именно Луиса, что в усыпальнице тебя не обманули?

- Не уверен, - буркнул Сен-Сир. - Но думаю, это был все-таки он. - Проверить, Луиса он сжег или нет, было уже невозможно - от тела почти ничего не осталось.

- Но если в эфире не Луис, то кто же? - спросил Харви. - Боже мой! Ведь источник - за пределами Солнечной системы! Может, инопланетяне? Или кто-то нас разыгрывает? Или неизученное явление природы? Какой-нибудь самостоятельный, нейтральный процесс?

Сен-Сир рассмеялся.

- Фил, ты бредишь. Прекрати.

Харви кивнул.

- Ладно, Клод. Ты думаешь, кто-то отправился в космос и оттуда...

- Честно говоря, не знаю, что и думать, - признался Сен-Сир. - Но мне кажется, здесь, на Земле, находится некто, достаточно хорошо знающий повадки Луиса, чтобы успешно ему подражать. - Он умолк. Предположение только на первый взгляд казалось логичным - оно граничило с абсурдом. Даже не с абсурдом - с жуткой пустотой - за пределами постижимого.

"В том, что сейчас происходит, есть элемент безумия. Распад личности Луиса больше напоминает прогрессирующее сумасшествие, чем дегенерацию. Или безумие и есть дегенерация?" - Этого Сен-Сир не знал, он не разбирался в психиатрии. Вернее, разбирался, но только в судебной, которая была тут ни при чем.

- Гэма уже выдвинули? - спросил он.

- Нет. Наверное, сегодня выдвинут. Говорят, это сделает делегат от штата Монтана.

- Джонни Бэфут здесь?

- Да, занят по горло, агитирует делегатов. Гэма, конечно, не видать, он появится в самом конце, чтобы выступить с предвыборной речью. А потом - вот увидишь - все как с цепи сорвутся. Овации, шествие с флагами... Сторонники Гэма во всеоружии.

- Скажи, а Луис... Тот, кого мы зовем Луисом, слышен? Есть признаки его присутствия?

- Никаких, - ответил Харви.

- Думаю, сегодня мы его еще услышим.

Харви кивнул.

- Боишься его? - спросил Сен-Сир.

- Еще бы! В тысячу раз против прежнего, поскольку теперь не знаю, с кем имею дело.

- Правильно делаешь, что боишься.

- Наверное, надо рассказать обо всем Джонни, - сказал Фил.

- Не надо, пусть сам докопается.

- Ладно, Клод. Как скажешь. Все-таки ты молодец, раз нашел старика. Я тебе полностью доверяю.

"Лучше бы я его не нашел, - подумал Сен-Сир. - И не узнал бы того, что узнал. Так бы и жил, не сомневаясь, что из всех телефонных трубок, со всех телеэкранов и газетных полос к нам обращается старый Луис.

Тогда все было плохо - сейчас куда хуже. И все-таки, мне кажется, ответ есть. Он где-то поблизости, ждет, когда я на него наткнусь.

Я должен попытаться найти ответ, - сказал себе Сен-Сир. - Должен попытаться".

Уединившись в кабинете, Джонни сидел у экрана монитора и напряженно следил за ходом съезда. Помехи и смутные очертания существа, вторгшегося в эфир, ненадолго исчезли; Джонни отчетливо видел и слышал делегата от штата Монтана, призывавшего поддержать кандидатуру Альфонса Гэма.

Джонни порядком утомили торжественные церемонии и напыщенные речи. Нервы были взвинчены, на взволнованные лица делегатов он смотрел с отвращением. "Для чего нужен этот дурацкий спектакль? - с раздражением думал он. - Раз Гэм захотел выиграть, он выиграет, незачем тратить время на говорильню".

Затем в голову полезли мысли о Кэти Эгмонт Шарп.

Они не виделись с тех пор, как Кэти легла в больницу Калифорнийского университета. В каком она состоянии и помогает ли ей лечение, Джонни не знал. Интуитивно он догадывался, что Кэти очень серьезно больна. Наркотики тому причиной или что-нибудь еще, но вполне возможно, что она никогда не выйдет из больницы. С другой стороны, если Кэти захочет на свободу, ее никто не сможет удержать. В этом Джонни не сомневался.

Что ж, ей решать. Она по собственной воле легла в больницу и выйдет оттуда - если выйдет - точно так же. По собственной воле. Кэти никому не починается. Возможно, эта черта характера - один из симптомов ее болезни.

Скрипнула дверь. Он оторвал глаза от экрана и увидел на пороге Клода Сен-Сира. В руке адвокат держал тепловой пистолет.

- Где Кэти? - спросил Сен-Сир.

- Не знаю. - Джонни устало поднялся на ноги.

- Знаешь. Если не скажешь - убью.

- За что? - спросил Джонни, не понимая, что толкнуло Сен-Сира на столь отчаянный шаг.

Не опуская пистолета, Сен-Сир приблизился к нему и спросил:

- Она на Земле?

- Да, - неохотно признался Джонни.

- В каком городе?

- Что ты задумал? - с тревогой спросил Джонни. - Клод, на тебя это не похоже. Ты всегда действовал в рамках закона.

- Я думаю, голосом Луиса говорит Кэти. То, что это не Луис, я знаю наверняка. Из всех, кого я знаю, Кэти - единственный человек, достаточно ненормальный и испорченный, чтобы задумать все это. Говори, где она, в какой больнице?

- У тебя был только один способ узнать, что Луис тут ни при чем, - сказал Джонни.

- Верно. - кивнул Сен-Сир.

"Значит, ты сделал это, - подумал Джонни. - Нашел ту самую усыпальницу, встретился с Гербертом Шенхайтом фон Фогельзангом. Вот оно что!"

Дверь снова распахнулась, в кабинет строем, дуя в горны, размахивая транспарантами и огромными самодельными плакатами, вошла группа возбужденных сторонников Гэма. Сен-Сир повернулся к ним и замахал пистолетом, а Джонни, не теряя времени, вклинился в толпу, выскочил за дверь, пронесся по коридору и через секунду оказался в огромном вестибюле, где полным ходом шел митинг в поддержку Гэма. Громкоговорители, установленные под потолком, снова и снова выкрикивали:

- Голосуйте за Гэма! Голосуйте за Гэма! Гэм - человек, который нужен всем! Голосуйте за Гэма, голосуйте за Гэма, голосуйте за Гэма! Гэм - замечательный парень! Гэм - что надо! Гэм, Гэм, Гэм - нужен всем!

"Кэти! - подумал Джонни. - Нет, не может быть. Это не ты".

Растолкав пляшущих, полубезумевших мужчин и женщин в клоунских колпаках, он выбежал из вестибюля на стоянку вертолетов и автомобилей, где бушевала, безуспешно пытаясь ворваться в здание, толпа зевак.

"А если это все-таки ты, - подумал он, - то это значит, что ты больна неизлечимо. Даже если страстно желаешь выздороветь. Выходит, ты дожидалась смерти Луиса. Ты ненавидишь нас? Или боишься? Чем объяснить твои поступки? В чем причина?"

Он сел в вертолет-такси и сказал пилоту:

- В Сан-Франциско.

"Может быть, ты сама не ведаешь, что творишь? Может быть, безумный мозг руководит тобой против твоей воли? Расколотое надвое сознание - одна половина на поверхности, на виду у нас, а другая..."

Другую мы слышим.

Можно ли тебя жалеть? - подумал он. - Или тебя следует бояться, ненавидеть? Какое зло способна ты принести?

Я люблю тебя, - подумал он. - Мне безразлична твоя судьба, а это - одна из форм любви. Не такая, как к жене или к детям, но все же - любовь... Черт возьми, мне страшно. А может, Сен-Сир все-таки ошибся и ты здесь совершенно ни при чем?"

Вертолет взмыл над крышами и полетел на запад. Лопасты винта вращались с предельной скоростью.

Стоя у парадного, Сен-Сир и Харви провожали вертолет глазами.

- Надо же, получилось, - произнес Сен-Сир. - Интересно, куда он полетел? В Лос-Анджелес или в Сан-Франциско?

Фил Харви помахал рукой, и к ним подкатил вертолет. Они уселись на сиденья, и Харви сказал пилоту:

- Видите такси, которое только что взлетело? Следуйте за ним, но по возможности незаметно.

- Незаметно не получится, - проворчал пилот, но все-таки включил счетчик и поднял машину. - Не нравится мне ваша затея. Должно быть, это опасно.

- Включите радио, - предложил Сен-Сир. - То, что услышите - действительно опасно.

- Черта с два по нему что-нибудь услышишь. Все время помехи, будто солнечные выбросы или радист-олух... С диспетчером не связаться, выручка - кот наплакал.. Куда только полиция смотрит!

Сен-Сир промолчал, Харви пристально глядел на летящий впереди вертолет.

Высидевшись на крышу главного корпуса университетской больницы, Джонни увидел в небе вертолет. Когда тот описал круг, Джонни понял, что его преследовали всю дорогу. Но это не имело значения.

Он спустился по лестнице на третий этаж и обратился к первой встречной медсестре:

- Скажите, где миссис Шарп?

- Справьтесь у дежурной по отделению, - ответила сестра. - Между прочим, посещение больных...

Джонни не дослушал и отправился на поиски дежурной.

- Миссис Шарп в триста девятой палате, - сообщила пожилая женщина в очках. - Но без разрешения доктора Гросса к ней нельзя, а он сейчас обедает и вернется не раньше двух. Если хотите, можете подождать. - Она указала на дверь комнаты для посетителей.

- Спасибо, - сказал он. - Я подожду.

Он прошел через комнату для посетителей в длинный коридор и вскоре оказался у двери с табличкой "309". Войдя в палату, он затворил дверь и огляделся.

У окна спиной к нему стояла молодая женщина в халате.

- Кэти! - позвал он.

Женщина обернулась, и Джонни вздрогнул, увидя кривящиеся губы, полные ненависти глаза. Кэти с отвращением произнесла:

- Гэм - человек, нужный всем. - И с угрожающим видом, вытянув перед собой руки и шевеля согнутыми и растопыренными пальцами, двинулась к Джонни. - Гэм - настоящий парень, - шептала она и Джонни видел, как в ее глазах тают остатки разума. - Гэм, Гэм, Гэм! - И схватила его за плечи.

Джонни отшатнулся.

- Так и есть, - сказал он. - Сен-Сир не ошибся. Что ж, я ухожу. - Он попытался нащарить дверную ручку. Кэти не отпускала.

Словно порывом ветра, его захлестнуло страхом - ведь он в самом деле хотел уйти.

- Кэти,пусти! - взмолился он.

Ногти больно впились в плечи. Кэти повисла на нем, заглядывая снизу в глаза и улыбаясь.

- Ты мертвец, - сказала она. - Уходи. Я чувствую запах, у тебя внутри мертвечина.

- Ухожу. - Джонни наконец-то нащарил за спиной дверную ручку.

Кэти разжала пальцы. В следующий миг он увидел, как вскинулась ее правая рука, как ногти метнулись к лицу, быть может, в глаза. Он едва успел увернуться.

- Я хочу уйти, - пробормотал он, закрывая лицо руками.

- Я - Гэм, я - Гэм, я - Гэм, - зашептала Кэти. - Я - один в целом мире. Я живой. Гэм живой. - Она засмеялась. - Ухожу, - удивительно похоже передразнила она Джонни. - Так и есть. Сен-Сир не ошибся. Что ж, я ухожу. Ухожу, ухожу. - Внезапно она вклинилась между ним и дверью. - В окно! Сделай то, что я не дала тебе сделать тогда! Ну! - Кэти пошла на него, и он пятился шаг за шагом, пока не уперся в стену.

- Кэти, ты больна, - сказал Джонни. - Тебе только мерещится, что кругом одни враги. Кэти, тебя все любят. Я люблю, Гэм любит и Харви с Сен-Сиром. Чего ты добиваешься?

- Разве ты еще не догадался? Я хочу, чтобы вы поняли, кто вы такие на самом деле.

- Зачем тебе понадобилось имитировать Луиса?

- А я и есть Луис, - ответила Кэти. - После смерти он не перешел в послежизнь, потому что я его съела. Он стал мной. Я ждала этого. Мы с Альфонсом очень тщательно все продумали. Отправили в космос передатчик с записью... Здорово мы тебя напугали, правда? Все вы трусы, куда вам тягаться с ним. Его обязательно выдвинут. Уже выдвинули, я чувствую, знаю.

- Еще нет, - сказал Джонни.

- Ну так ждать уже недолго, - заверила Кэти. - И он возьмет меня в жены. - Она улыбнулась. - А ты умрешь. И все остальные умрут. - Она двинулась к нему, говоря нараспев: - Я - Гэм, я - Луис, а когда ты умрешь, я стану тобой, Джонни Бэфут, и всеми остальными. Я всех вас съем. - Она широко раскрыла рот, и Джонни увидел острые и белые зубы.

- И будешь властвовать над мертвыми! - Джонни изо всех сил ударил ее в скулу. Кэти упала навзничь, но сразу вскочила и бросилась к нему. Джонни отпрыгнул; перед глазами мелькнуло злобное, перекошенное лицо - и тут распахнулась дверь. За ней стояли Сен-Сир, Харви и две медсестры.

Кэти застыла; Джонни тоже замер.

Сен-Сир мотнул головой.

- Пошли, Бэфут.

Джонни пересек комнату и шагнул за порог.

Кэти, завязывая поясок халата, деловито произнесла:

- Так и было задумано. Он должен был убить меня, Джонни, то есть. А остальные - стоять в сторонке и любоваться.

- Они отправили в космос огромный передатчик, - сказал Джонни. - Причем давно, несколько лет назад, наверное. И терпеливо ждали, пока умрет Луис. Возможно, помогли ему умереть. Идея заключается в том, чтобы добиться выдвижения и избрания Гэма, терроризируя народ. Мы даже не представляем себе, насколько Кэти больна.

- Врачебная комиссия поставит диагноз, - спокойно произнес Сен-Сир. - Согласно завещанию, я - доверенный представитель концерна и имею право защищать интересы совладельцев. Кэти будет отстранена от управления "Экимидиэн".

- Я потребую малого жюри, - сказала Кэти, - и сумею убедить присяжных в своей вменяемости. Это проще простого, да и не впервой.

- Возможно, - сказал Сен-Сир. - Но тем временем вы с Гэмом лишитесь передатчика - до него доберется полиция.

- На это потребуются не один месяц, - возразила Кэти. - А выборы очень скоро закончатся, и Альфонс станет Президентом.

- Может быть, - прошептал Сен-Сир, взглянув на Джонни.

- Потому-то мы и отправили передатчик в такую даль, - продолжала Кэти. - Деньги Альфонса, мой талант. Талант я унаследовала от Луиса. Благодаря ему я могу все на свете. Надо только как следует захотеть.

- Не все, - возразил Джонни. - Ты хотела, чтобы я выпрыгнул из окна, а я не выпрыгнул.

- Еще минута - и выпрыгнул бы, - уверенно произнесла Кэти. Она успокоилась; казалось, к ней полностью вернулся рассудок. - Ничего, придет время, и ты покончишь с собой. Я позабочусь об этом. От меня не спрячешься. И вы не спрячетесь, - добавила она, обращаясь к Харви и Сен-Сиру.

- Между прочим, я тоже располагаю средствами и некоторым влиянием, - заметил Харви. - Думаю, мы сумеем одолеть Гэма, даже если его выдвигнут на съезде.

- Чтобы тягаться с ним, одного влияния мало, - усмехнулась Кэти. - Нужно еще воображение.

- Ладно, пошли отсюда, - сказал Джонни и двинулся по коридору прочь от палаты триста девять.

Джонни Бэфут бесцельно бродил по горбатым улицам Сан-Франциско. незаметно подступил вечер, зажглись городские огни. Джонни не замечал ни огней, ни прохожих, ни зданий - шагал ссутулясь, руки в карманах, минув квартал за кварталом, пока не дали о себе знать боль в ногах и голод. Вспомнив, что не ел с десяти утра, он остановился и огляделся.

Поблизости стоял газетный киоск. В глаза бросился отпечатанный огромными буквами заголовок:

ГЭМ ВЫДВИНУТ КАНДИДАТОМ В ПРЕЗИДЕНТЫ И НАМЕРЕН ПОБЕДИТЬ В НОЯБРЬСКИХ ВЫБОРАХ

"Все-таки они добились своего, - подумал Джонни. - Именно того, чего добивались. Остался сущий пустяк - победить Кента Маргрэйва. А пердатчик по-прежнему несет вздор. И будет нести еще несколько месяцев".

"Они победят", - подумал Джонни.

В ближайшей аптеке он прошел в кабину таксофона, опустил монеты в цель и набрал номер Сары Белле. Собственный номер.

Монеты провалились, и знакомый голос забубнил:

- ...Гэма в ноябре, побеждай вместе с Гэмом. Президент Альфонс Гэм - наш человек. Я за Гэма. Я за Гэма. За Гэма!

Джонни повесил трубку и вышел из кабины. Подойдя к буфетной стойке, он попросил сэндвич и кофе. Потом машинально жевал, глотая и запивая, не ощущая вкуса, не получая удовольствия от еды. Просто утоляя голод.

"Что мне делать? - думал он. - Что делать всем нам? Связь нарушена, средства массовой информации у противника. Радио, телевидение, газеты, телефонные и телеграфные линии. Все, на что способно влиять ультракоротковолновое излучение и прямое подключение к цепи. Они все прибрали к рукам, полностью обезоружив оппозицию.

Разгром, - мысленно произнес он. - Вот что нас ждет в ближайшем будущем. - А потом, когда они утвердятся во власти - смерть".

- С вас доллар десять, - сказала буфетчица.

Он заплатил и вышел на улицу.

Над головой кружил вертолет-такси. Джонни помахал рукой. Когда вертолет опустился, забрался в кабину и сказал пилоту:

- Отвезите меня домой.

- Запросто, приятель, - отозвался добродушный пилот. - А где твой дом?

Джонни назвал свой чикагский адрес и откинулся на спинку сиденья. Он решил сдаться. Выйти из игры. Дома его ждали Сара Белле и дети. Борьба была проиграна. Во всяком случае, для него.

- Господи, Джонни, что с тобой?! - воскликнула Сара, увидев его на пороге. - На тебе лица нет. - Она взяла его за руку и повела за собой в знакомую темную гостиную. - Я думала, ты на торжественном банкете.

- На банкете? - хрипло переспросил он.

- Твой босс прошел выдвижение. - Сара скрылась в кухне и вернулась с кофейником.

- Ах да, - кивнул он. - Верно. Я же его доверенное лицо. Совсем из головы вылетело.

- Лег бы ты отдохнуть. Впервые вижу тебя таким измочаленным. Что стряслось?

Он сел на диван и закурил сигарету.

- Могу я чем-нибудь помочь? - с тревогой спросила Сара.

- Нет.

- Скажи, правда, что по телевизору и телефону говорит Луис Сарапис? Очень похоже. Нельсоны уверены, что это он.

- Нет, не он, - сказал Джонни. - Луис мертв.

- Но его период послежизни...

- Нет, - перебил он. - Луис умер. Забудь о нем.

- Ты знаком с Нельсонами? Это наши новые соседи, поселились на...

- Я не хочу говорить! И слышать ничего не хочу!

- Через минуту Сара не выдержала:

- Знаешь, Джонни, они говорят... Наверное, тебя это огорчит, но я скажу. Нельсоны - простые, самые обыкновенные люди. Они говорят, что не отдадут голос за Альфонса Гэма. Он им не нравится.

Джонни проворчал что-то неразборчивое.

- Ты не из-за этого расстроился? - спросила Сара. - Знаешь, по-моему, это реакция на давление. Нельсоны даже не отдают себе отчета. Видимо, вы хватили через край. - Сара выжидающе посмотрела на мужа. - Прости, что я завела этот разговор, но лучше горькая правда...

Джонни резко поднялся с дивана и произнес:

- Мне надо увидится с Филом Харви. Скоро вернусь.

Глазами, потемневшими от тревоги, Сара Белле смотрела ему вслед.

Получив разрешение войти, Джонни прошел в гостиную. Там сидели с бокалами в руках хозяин дома, его жена и Клод Сен-Сир. Все молчали. Обернувшись к Джонни, Харви отвел глаза.

- Мы сдаемся? - спросил Джонни.

- Нет, - ответил Харви. - Мы попытаемся уничтожить передатчик. Но попасть в него с такого расстояния - один шанс на миллион. Кроме того, самая быстрая ракета будет там через месяц, не раньше.

- Уже кое-что. - Джонни приободрился - до выборов больше месяца, за оставшиеся дни можно что-то предпринять. - Маргрэив в курсе?

- Да, мы подробно обрисовали ему ситуацию, - ответил Сен-Сир.

- Недостаточно ликвидировать передатчик, - сказал Харви. - Необходимо сделать еще одно дело. Хочешь взять его на себя? Для этого надо вытащить короткую спичку. - Перед ним на кофейном столике лежали две целые спички и половинка. Харви добавил еще одну целую.

- Сначала - ес, - сказал Сен-Сир. - Как можно скорее. А потом, если понадобится - Альфонса Гэма.

У Джонни застыла в жилах кровь.

Харви протянул ему кулак, из которого торчали четыре спичечные головки.

- Давай, Джонни. Пришел последним, вот и тяни первым.

- Не буду, - пробормотал Джонни.

- Тогда обойдемся без тебя. - Гертруда выдернула целую спичку. Фил протянул Сен-Сиру оставшиеся. Тому тоже досталась целая.

- Я любил ее, - сказал Джонни. - И все еще люблю.

Харви кивнул:

- Знаю.

- Ладно, - скрепя сердце согласился Джонни. - Давай.

Он протянул руку и вытащил спичку. Сломанную.

- Так и есть, - произнес он. - Моя.

- Сможешь? - спросил Сен-Сир.

Джонни пожал плечами.

- Конечно, смогу. Что тут такого?

"Действительно, что тут такого? - подумал он. - Чего проще: убить женщину, которую любишь. Тем более, что это необходимо".

- Возможно, наше положение - не такое тяжелое, как кажется, - сказал Сен-Сир. - Мы посоветовались с инженерами Фила, у них есть неплохие идеи. В большинстве случаев мы слышали не тот передатчик, что находился в дальнем космосе, а вспомогательную станцию. Ее включают в случае необходимости. Помнишь, о том, что ты собираешься покончить с собой в гостинице "Энтлер", мы узнали сразу, а не через неделю.

- Как видишь, ничего сверхъестественного тут нет, - встала Гертруда.

- Поэтому прежде всего необходимо найти их базу, - продолжал Сен-Сир. - Если она не на земле, то где-нибудь в пределах Солнечной системы. Может быть, на ферме, где Гэм разводит индюков. Так что, если не найдешь Кэти в больнице, лети напрямик на Ио.

Джонни еле заметно кивнул.

Сидя за кофейным столиком, все молчали и потягивали коктейль.

- У тебя есть пистолет? - нарушил тишину Сен-Сир.

- Да. - Джонни поднялся и поставил бокал на стол.

- Удачи, - сказала Гертруда ему вслед.

Джонни распахнул дверь и шагнул в холодную тьму.

1964

- Здесь всегда такое пекло? - приятно улыбаясь, поинтересовался полный мужчина средних лет в изрядно помятом сером костюме, мокрой от пота белой сорочке, обвислом галстуке-бабочке и панаме. По виду и манере держаться в нем сразу угадывался коммивояжер.

Никто из посетителей не пошевелился.

- Только летом, - нехотя ответила размякшая от жары официантка.

Коммивояжер неторопливо закурил и с любопытством огляделся. Парень и девушка в одной из обветшалых кабинок у дальней стены полностью поглощены друг другом; двое рабочих за покосившимся столиком уминают за обе щеки гороховый суп и булочки; худой загорелый фермер со стаканом виски притулился у буфетной стойки; пожилой бизнесмен в голубом костюме и при карманных часах просматривает утреннюю газету; смуглый таксист с крысиным лицом потягивает кофе; утомленная дама, зашедшая дать отдых натруженным ногам, отложила в сторону свои многочисленные сумки и блаженно откинулась на спинку стула.

Коммивояжер оперся руками о буфетную стойку и обратился к сидевшему рядом бизнесмену:

- Не подкажете, как называется ваш городок?

- Волнат Крик, - не отрываясь от газеты, буркнул тот.

Некоторое время коммивояжер прихлебывал кока-колу, небрежно зажав сигарету между пухлыми белыми пальцами. Вскоре из внутреннего кармана пиджака он извлек кожаный бумажник и с задумчивым видом принялся перебирать открытки, банкноты, исписанные клочки бумаги, билетные корешки и прочий хлам, пока наконец не отыскал фотографию.

Взглянув на снимок, коммивояжер захихикал и вновь попытался завязать разговор.

- Вот, полюбуйтеcь-ка. - Он положил карточку на буфетную стойку.

Бизнесмен продолжал читать.

- Эй, вы только взгляните. - Коммивояжер слегка толкнул соседа локтем и сунул фотографию ему под нос. - Какова красotka?

Бизнесмен раздраженно глянул на снимок обнаженной до пояса женщины лет тридцати пяти с рыхлым белым телом и восьмью обвислыми грудями.

- Вам случалось видеть что-нибудь подобное? - хихикая, допытывался коммивояжер. Его маленькие красные глазки восторженно щурились, рот расплылся в похотливой улыбке. Он снова ткнул соседа локтем.

- Видел, и не раз. - Скривившись от отвращения, бизнесмен уткнулся в газетный лист. От внимания коммивояжера не ускользнуло, что старый худой фермер пристально смотрит в их сторону. Добродушно улыбаясь, он протянул карточку фермеру.

- Ну как, папаша, нравится? Ничего не скажешь, лакомый кусочек!

Фермер не спеша оглядел карточку, перевернул, изучил засаленный оборот и, еще раз взглянув на лицевую сторону, отшвырнул. Скользнув с

буфетной стойки, фотография несколько раз перевернулась в воздухе и упала изображением вверх.

Коммивояжер поднял ее, стряхнул и заботливо, почти нежно, вложил в бумажник. Глаза официантки сверкнули, когда она мельком взглянула на изображение.

- Чертовски приятное зрелище, - подмигнул ей коммивояжер. - Вы не находите?

Официантка пожала плечами.

- Чего тут особенного? Видала я уродов и похлеще, когда жила под Денвером. Их там целая колония.

- Так там и сделан этот снимок. В денверском трудовом лагере ЦУБ.

- Неужели там еще кто-то живет? - приподнял брови фермер.

- Шутите? - Коммивояжер хрипло рассмеялся. - Конечно, нет.

Посетители кафе внимательно прислушивались к разговору. Даже молодые люди в кабинке выпрямились, слегка отодвинулись друг от друга и во все глаза наблюдали за происходящим у буфетной стойки.

- А я в прошлом году видел забавного парня возле Сан-Диего, - сообщил фермер. - С крыльями, как у летучей мыши. Вот урод так урод: из спины торчат голые кости, а на них болтаются кожаные перепонки.

В разговор вступил таксист с крысиным лицом:

- Это еще что. Вот я на выставке в Детройте видел человека с двумя головами.

- Неужто живого? - удивилась официантка.

- Какое там. Усыпленного.

- А нам на уроке социологии крутили целый фильм обо всех этих тварях, - выпалил юноша. - Каких там только не было! И крылатые с юга, и большеголовые из Германии, ну такие, безобразные, с наростами, как у насекомых...

- Самые мерзкие твари жили в Англии, - перебил юношу пожилой бизнесмен. - Те, что скрывались в угольных шахтах. Их откопали только в прошлом году. Почти сто особей. - Он покачал головой. - Больше полувека они там плодились и размножались. Потомки беженцев, спустившихся под землю еще во время Войны.

- В Швеции недавно обнаружили новый вид, - блеснула своими познаниями официантка. - Я сама читала. Говорят, они контролировали мысли на расстоянии. К счастью, их оказалось только одна пара, и ЦУБ в два счета с ними справилось.

- Почти как новозеландский вид, - изрек один из рабочих. - Те тоже читали мысли.

- Читать и контролировать - совершенно разные вещи, - возразил бизнесмен. - Когда я слышу что-нибудь подобное, то даже рад, что у нас есть Центральное Управление Безопасности.

- А были еще такие, что могли передвигать предметы взглядом, - задумчиво произнес фермер. - Телекинез называется. Их нашли в Сибири

сразу после Войны. Слава Богу, советское ЦУБ не подкачало. Теперь о них, почитай, никто и не вспоминает.

- А вот я помню, - возразил бизнесмен. - Я был тогда еще ребенком. Но все же помню, ведь это был первый див, о котором я услышал. Отец собрал всю семью и рассказал нам о нем. Мы тогда еще заново отстраивали дом. В те дни ЦУБ обследовало каждого и ставило на руке клеймо. - Он гордо поднял худую узловатую руку. - Моему клейму пошел уже шестой десяток.

- Сейчас тоже осматривают младенцев, - поежилась официантка. - Во Фриско в этом месяце снова появился див. Первый за последние несколько лет. Полагали, что с ними покончено во всей округе, ан нет.

- Во всяком случае, их становится все меньше и меньше, - вставил таксист. - Фриско ведь не слишком пострадал. Не как другие города - Детройт, например.

- В Детройте до сих пор ежегодно рождается десять - пятнадцать тварей в год, - сообщил юноша. - Там по всей округе зараженные пруды. А люди все равно купаются.

- А как он выглядел? - осведомился коммивояжер. - Ну тот, из Сан-Франциско?

Официантка развела руками.

- Да как обычно. Без ступней. Скрюченный. С большими глазами.

- Ночной тип, - определил коммивояжер.

- Его прятала мать, представляете?! Говорят, ему стукнуло три года. Она упростила доктора подделать свидетельство ЦУБ. Старый друг семьи, ну вы понимаете.

Коммивояжер допил кока-колу и теперь рассеянно вертел в пальцах сигарету, прислушиваясь к затянному им разговору. Юноша наклонился к девице и тараторил без умолку, пытаясь произвести впечатление своей эрудицией. Тощий фермер и бизнесмен, сев поближе друг к другу, вспоминали о тяготах жизни в конце Войны и в годы перед принятием первого Десятилетнего Плана Реконструкции. Таксист и двое рабочих травил друг друга байки.

Чтобы привлечь внимание официантки, коммивояжер кашлянул и изрек:

- Надо думать, тот урод из Фриско наделал и здесь немало шума. Еще бы, ведь совсем под боком.

- И не говорите, - согласилась официантка.

- Да, этот берег Залива действительно не слишком пострадал, - гнул свое коммивояжер. - Уж здесь-то вы уродов отродясь не встречали, верно?

- Не встречала. - Официантка стала торопливо собирать со стойки грязную посуду. - Ни единого во всей округе.

- Так уж и ни единого? - удивленно переспросил коммивояжер. - Неужели по эту сторону Залива не появлялось ни одного дива?

- Ни одного, - отрезала она и скрылась за дверью кухни. Ее голос прозвучал несколько хриловато и натянуто, что заставило фермера умолкнуть и оглядеться.

Как занавес опустилась тишина. Все угрюмо усталились в свои тарелки.

- Ни единого во всей округе, - громко и отчетливо произнес таксист, ни к кому конкретно не обращаясь. - Вообще ни одного.

- Да, да, конечно, - закивал коммивояжер. - Я только...

- Безусловно, вы все поняли правильно, - заверил его рабочий.

Коммивояжер растерянно заморгал.

- Конечно, приятель, конечно. - Он нервно шарил в карманах. Несколько монет покатались по полу, и он торопливо их подобрал. - Я не хотел никого обидеть.

Наступившую паузу нарушил юноша:

- А я слышал, - полным достоинства голосом начал он, - будто кто-то видел на ферме Джонсона...

- Заткнись! - не поворачивая головы, рявкнул бизнесмен.

Юнец вспыхнул и поник. Судорожно глотнув, он уставился на свои руки.

Коммивояжер заплатил официантке за кока-колу.

- Не подскажите, по какой дороге я быстрее доберусь до Фриско? - спросил он. Но официантка демонстративно повернулась к нему спиной.

Люди за стойкой были полностью заняты едой. Враждебные лица, взгляды прикованы к тарелкам.

Коммивояжер подхватил раздутый портфель, энергичным движением откинул москитную сетку у входа и вышел в слепящий полуденный зной. Он направился к припаркованному в нескольких метрах "бьюику" семьдесят восьмого года. Одетый в голубую униформу дорожный полицейский стоял в тени навеса, поддерживая вялую беседу с молодой особой во влажном шелковом платье, облепившем тощее тело.

- Скажите, вы хорошо знаете округу? - обратился коммивояжер к полицейскому.

Тот окинул беглым взглядом мятый костюм коммивояжера, галстук-бабочку, пропитанную потом сорочку. От наметанного взгляда блюстителя порядка не укрылось, что номерной знак выдан в соседнем штате.

- А в чем, собственно, дело?

- Я разыскиваю ферму Джонсона. Мне необходимо встретиться с ним по поводу судебной тяжбы. - Коммивояжер подошел вплотную к полицейскому, зажав между пальцами маленькую белую карточку. - Я его поверенный, состою в нью-йоркском союзе адвокатов. Вы не могли бы объяснить, как туда добраться? А то я уже года два не бывал в здешних краях и основательно подзабыл дорогу.

Окинув взглядом безоблачное небо, Нат Джонсон отметил, что денек выдался на славу. Нат был гибким жилистым мужчиной с сильными руками и ничуть не поседевшими, несмотря на шестьдесят лет активной жизни, с металлическим отливом волосами. Одет он был в холщовые штаны и красную клетчатую рубашку.

Сжав желтыми зубами черенок трубки, он уселся на нижнюю ступеньку крыльца, чтобы понаблюдать за игрой детей. Мимо со смехом пронеслась

Джин. Ее грудь вздымалась под мокрой от пота футболкой, пышные черные волосы развеивались по ветру, тонкое юное тело слегка согнулось под тяжестью двух подков. Вслед за ней пробежал белозубый, темноволосый Дейв - очаровательный четырнадцатилетний парнишка. Дейв обогнал сестру и первым достиг начерченной на земле линии.

- Бросай! Я за тобой! - крикнул он сестре.

- Да ты, никак, надеешься попасть? - спросила Джин.

- Да уж не хуже тебя!

Джин уронила одну из подков, а другую сжала обеими руками. Ее взгляд застыл на дальнем колышке. Гибкое тело напряглось, спина выгнулась. Она плавно отвела ногу в сторону; прищутив глаз, тщательно прицелилась и умело метнула подкову. Подкова ударилась о дальний колышек, разок крутанулась на нем и, подняв столб пыли, откатилась в сторону.

- Неплохо, - прокомментировал со своей ступеньки Нат Джонсон. - Но ты слишком напряжена. Постарайся расслабиться.

Девушка вновь прицелилась и метнула вторую подкову. Ната переполняла гордость за своих здоровых, красивых детей, почти взрослых, резвящихся под горячими лучами солнца. Нат мог бы считать себя счастливым, если бы не старший сын - Крис.

Крис, сложив на груди руки, стоял у крыльца. Он не принимал участия в игре, хотя наблюдал с самого начала. Его прекрасное лицо хранило обычное изучающее и вместе с тем отрешенное выражение. Казалось, он смотрит сквозь играющих, словно за сараем, полем и ручьем находится нечто, доступное лишь его взгляду.

- Давай сюда, - Крис! - крикнула Джин, бегущая наперегонки с Дейвом к противоположному краю площадки. - Сыграй с нами!

Но играть Крис явно не собирался. Он никогда не участвовал в общих делах и развлечениях, будь то сбор урожая, хоровое пение или работа по дому. Казалось, он живет в собственном мире, куда никто из семьи не допускался - всего сторонящийся, равнодушный, неприступный. Лишь иногда в нем что-то щелкало, он молниеносно преображался и на короткое время удостаивал этот мир своим вниманием.

Нат Джонсон выбил трубку о ступеньку, достал из кожаного кисета щепотку табаку и, не отрывая глаз от старшего сына, снова набил трубку. Внезапно Крис ожил и направился к игровой площадке. Ступал он чинно, скрестив руки на груди, как будто на время сошел из собственного мира в их мир. Увлеченная подготовкой к броску, Джин не заметила его приближения.

- Гляди-ка! - вырвалось у изумленного Дейва. - Крис пришел!

Подойдя к сестре, Крис остановился и протянул руку - огромная величественная фигура с бесстрастным лицом. Джин неуверенно отдала подкову.

- Все-таки решил сыграть?

Крис не ответил. Его невероятно грациозное тело прогнулось назад и застыло. Едва уловимый взмах руки - и подкова плавно пролетает над площадкой, ударяется о дальний колышек и с головокружительной быстротой вертится вокруг него. Первоклассный бросок.

Дейв насупился.

- Ну вот и проиграли!

- Крис, кто тебя научил? - удивленно спросила Джин.

Конечно, Криса никто не учил играть в "подковки". Он просто понаблюдая полчаса, подошел и метнул. Всего один бросок - и игра закончена.

- Он никогда не ошибается, - пожаловался Дейв.

Крис стоял с таким видом, словно разговор его не касался, - золотая статуя, обрамленная лучами солнца. Золотые волосы и кожа, мягкий золотистый пушок на обнаженных руках и ногах... Внезапно он напрягся. Заметив эту перемену, Нат спросил:

- Что случилось?

Крис быстро развернулся и изготовился к бегу.

- Крис! - воскликнула Джин. - Что?...

Крис солнечным зайчиком метнулся через площадку, перемахнул через изгородь, скрылся в сарае и выскочил с противоположной стороны. Когда он спускался к ручью, казалось, его фигура скользит над сухой травой. Золотая вспышка - и он пропал. Исчез. Растворился в окружающем пейзаже.

- Опять что-то увидел! - озабоченно вздохнула Джин. Она встала в тень рядом с отцом. На ее щеке и над верхней губой блестели капельки пота, футболка прилипла к телу.

- Он за кем-то погнался, - уверенно заявил подошедший Дейв.

Нат горестно покачал головой.

- Все может быть. Кто ж его поймет.

- Пойду, скажу маме, чтоб не ставила для него тарелку, - вздохнула Джин. - Вряд ли он вернется к обеду.

Ната Джонсона охватило смешанное чувство досады и гнева. Конечно, Крис не вернется. Ни к обеду, ни завтра, да и послезавтра вряд ли. Одному Богу известно, надолго ли он ушел. И куда. И почему.

- Я бы послал вас вдогонку, будь от этого хоть какой-то прок, - начал Нат, - но...

Он не договорил. По грунтовой дороге к ферме приближался запыленный, знавший лучшие времена "бьюик". За баранкой сидел полный краснотелый мужчина в сером костюме. Лязгнув напоследок, автомобиль замер. Водитель заглушил мотор и приветливо помахал Джонсонам рукой.

- Добрый день. - Выбравшись из машины, краснолицый учтиво приподнял шляпу и направился к крыльцу. Был он средних лет, добродушный с виду. - Не могли бы вы мне помочь? - устало спросил он, утирая с лица пот.

- Что тебе нужно? - хрипло выдавил Нат. Уголком глаза он неотрывно наблюдал за берегом ручья, мысленно моля: "Господи, только бы Крис не появился!" Дыхание Джин участилось, в глазах затаился страх. Дейв поблудил, но сумел сохранить на лице равнодушное выражение.

- И кто ты такой? - спросил Нат.

- Меня зовут Бейнс. Джордж Бейнс. - Толстяк протянул руку, но Джонсон сделал вид, что не заметил. - Наверняка вы обо мне слышали. - Я - владелец Корпорации Мирного Развития. Это мы построили маленькие бомбоубежища на окраине города. Ну, те крошечные круглые домики. Вы не могли их не заметить, если хотя бы раз въезжали в город по главной дороге со стороны Лафайета.

- Что тебе от нас нужно? - Джонсону с трудом удалось унять дрожь в руках. Фамилию Бейнс он слышал впервые, хотя неоднократно видел постройки, о которых шла речь. Невозможно было не заметить огромное скопище безобразных цилиндров вдоль шоссе. Человек с внешностью Бейнса вполне мог оказаться их владельцем. Но что его привело сюда?

- Я приобрел небольшой участок земли в здешних краях, - объяснил Бейнс и зашуршал пачкой казенного вида бумаг. - Вот купчая, но будь я проклят, если не заблудился. - Улыбка на его лице выглядела вполне естественной. - Я знаю, участок где-то рядом, по эту сторону государственной дороги. Если верить клерку, оформлявшему документы, надо лишь перевалить через тот холм да прокатиться еще с милю. Сам-то я плоховато разбираюсь в топографии. Мне бы...

- Ваш участок где угодно, тоько не здесь! - перебил его Дейв. - Кругом только фермы, пустых земель нет.

- Точно, сынок, это ферма! - выпалил Бейнс. - Я купил ее для себя и для женушки. Мы бы хотели осесть где-нибудь поблизости. - Он сморщил вздернутый нос. - Разве не замечательная идея? Да вы не беспокойтесь, не собираюсь я строить здесь бомбоубежище. Ферма только для личных нужд. Старый дом, двадцать акров земли, колодец да несколько дубов...

- Дай-ка взглянуть на купчую. - Джонсон выхватил бумаги и, пока Бейнс изумленно моргал, быстро просмотрел. - Что ты плетешь? Твой участок в пятидесяти милях отсюда.

- Пятьдесят миль? - Бейнс казался ошеломленным. - Кроме шуток, мистер?! Но клерк уверял, что...

Джонсон встал. Он был значительно выше и крепче толстяка. Пришелец вызывал у него вполне определенные подозрения.

- А ну-ка, залезай в свой драндулет и проваливай подобру-поздорову. Мне плевать, что там у тебя на уме, но с моей земли ты сейчас уберешься!

В огромном кулачище Джонсона что-то сверкнуло. На гладкой поверхности металлической трубки заиграли отблески полуденного солнца.

Увидев этот блеск, Бейнс судорожно сглотнул.

- Только без насилия, мистер! - Он поспешно отступил. - Нельзя же быть таким вспыльчивым. Держите себя в руках.

Джонсон безмолвствовал. В ожидании отъезда толстяка он лишь крепче сжал рукоять энергетического хлыста.

Но Бейнс мешкал.

- Послушайте, дружище, я часов пять не вылезал из машины, разыскивая этот чертов участок. Может, хоть в сортир позволите сходить?

Джонсон с подозрением оглядел непрошеного гостя. Постепенно подозрение сменилось презрением. Он пожал плечами.

- Дейв, проводи его в ванную.

- Спасибо. - Физиономия Бейнса расплылась в благодарной улыбке. - И, если вас не затруднит, нельзя ли стаканчик воды? Я с удовольствием заплачу. - Он понимающе хихикнул. - Похоже, с городскими у вас старые счеты?

- О, Господи! - вздохнул Джонсон, когда толстяк проследовал за его сыном в дом.

- Па, - прошептала Джина. - Па, ты думаешь, он...

Нат обнял дрожащую дочь.

- Держись молодцом. Он скоро уберется.

- Стоит здесь появиться служащему водопроводной компании, сборщику налогов, бродяге или ребенку, словом, кому угодно, у меня начинаст ныть вот здесь. - Она ткнула себя под левую грудь. - Вот уже тринадцать лет. Сколько это будет продолжаться?

Человек, назвавший себя Бейнсом, вышел из ванной комнаты. Дейв Джонсон с каменным выражением лица молча застыл у двери.

- Благодарю, сынок, - выдохнул Бейнс. - А теперь не подскажешь, где бы мне разжечь стаканчиком холодной воды? - В предвкушении удовольствия он звучно причмокнул пухлыми губами. - Покрутился бы ты с мое по этому захолустью в поисках груды хлама, которую чиновник почему-то нарек недвижимым имуществом, ты бы...

Не дожидаясь конца тирады, младший Джонсон направился в кухню.

- Ма, этот человек хочет пить. Па велел дать ему воды.

Из-за спины Дейва Бейнс успел рассмотреть хозяйку дома - миниатюрную седовласую женщину с увядшим лицом. Она поспешно двинулась со стаканом в руке к водопроводному крану, а Бейнс засеменил по направлению к прихожей. Пробежав через спальню, он распахнул дверь чулана, затем бросился назад, свернул в гостиную, миновал столовую и оказался в другой спальне. За считанные секунды он обежал весь дом.

Он выглянул в окно. Задний двор. Изъеденный ржавчиной кузов грузовика. Вход в подземное бомбоубежище. Груда пустых жестяных банок. Копающаяся в земле цыплята. Спящая под навесом собака. Две лысые автомобильные покрышки.

Он отыскал дверь во двор. Бесшумно отворил ее и вышел. Ни души. Покосившийся деревянный сарай, за ним лишь кедры и ручеек. Ничего примечательного.

Бейнс осторожно двинулся вокруг дома. По его расчетам, у него осталось секунд тридцать. Предусмотрительно оставленная закрытой дверь в ванную наведет парнишку на мысль, что Бейнс вернулся туда. Он заглянул

через окно в дом и увидел большой чулан, набитый старой одеждой, кипами журналов и коробками.

Он повернулся и двинулся назад. Обогнул угол дома.

Мрачная фигура Ната Джонсона преградила ему путь.

- Ладно, Бейнс. Видит Бог, ты сам напророчился.

Полькнула розовая вспышка. Бейнс проворно отскочил в сторону, судорожно шаря в боковом кармане пиджака. Край вспышки все же задел его, и он чуть не упал, ослепленный. Защитный костюм вообрал и разрядил энергию вспышки, но лицо оставалось незащищенным. Несколько секунд, скрипя зубами от боли, он дергался, подобно управляемой неумелой рукой марионетке. Наконец тьма отступила. Бейнс ухитрился достать собственный энергетический хлыст и направил его на Джонсона, у которого не было защитного костюма.

- Ты арестован! - рявкнул Бейнс. - Брось оружие и подними руки. И зови свое семейство.

Рука Джонсона задрожала, одеревеневшие пальцы выпустили трубку.

- Так ты жив! - запинаясь, выдавил он. - Значит, ты...

Появились Дейв и Джин.

- Отец!

- Подойдите сюда! - приказал Бейнс. - Где мать?

Ошеломленный Дейв кивнул в сторону дома.

- Приведите ее!

- Так ты из ЦУБ! - прошептал Нат Джонсон.

Бейнс не ответил. Он ковырял пальцем в складке между подбородками. Наконец выковырял микрофон и сунул его в карман. Со стороны дороги послышался быстро нарастающий рокот моторов, и вскоре возле дома замерли две черные слезинки. Из них выскочили люди, облаченные в серо-зеленую форму войск Государственной Гражданской Полиции. Небо заполнили рои черных точек, похожих на безобразных мух. Мухи исторгли из себя тучи людей и тюков со снаряжением, которые, затмив солнце, медленно поплыли к земле.

- Его здесь нет, - сообщил Бейнс подбежавшему человеку. - Улизнул. Радируй в центр Уиздому.

- Мы блокировали весь этот сектор.

Бейнс повернулся к Нату Джонсону, замершему в оцепенении рядом с детьми.

- Как он узнал о нашем появлении?

- Почем мне знать? - невнятно пробормотал Джонсон. - Он.. знал, и все тут.

- Телепатия?

- Понятия не имею.

Бейнс пожал плечами.

- Мы это скоро выясним. Район оцеплен. Ему не проскочить, что бы он там ни умел.

- Что вы с ним сделаете, когда... если схватите? - с трудом проговорила Джин.

- Изучим его.
- А затем убьете?
- Это зависит от результатов лабораторных исследований. Если бы вы предоставили мне больше информации, я бы смог дать более точный прогноз.

- Нам нечего тебе сказать. Мы и сами ничего о нем не знаем. - От отчаяния голос девушки поднялся до визга. - Он не разговаривает!

Бейнс вздрогнул.

- Что?

- Он не разговаривает. Он никогда не говорил с нами. Никогда.

- Сколько ему лет?

- Восемнадцать.

- И все восемнадцать лет он не общается с вами? - Бейнс в очередной раз вспотел. - И даже не пытался вступить с вами в контакт? Скажем, с помощью жестов? Или мимики?

- Он... не от мира сего. Он ест с нами. Иногда играет или сидит вместе с нами. Временами уходит на несколько дней, и мы не знаем куда и зачем. Спит в сарае, один.

- Скажи, а твой брат действительно золотого цвета?

- Да. И кожа, и глаза, и волосы. Весь с головы до пят.

- А он крупный? Хорошо сложен?

Девушка ответила не сразу. Скрываемые годами чувства вдруг отразились на ее лице, щеки залил румянец.

- Он неправдоподобно прекрасен. Бог, сошедший на землю. - Ее губы дрогнули. - Вам его не найти. Он умеет такое, что вам и не снилось.

- Полагаешь, мы его не возьмем? - Бейнс нахмурился. - Оглянись. Войска все прибывают, скоро ты убедишься, что от Управления не скроешься. У нас было достаточно времени, чтобы отработать все тонкости. Если он ускользнет, это будет первый случай за...

Бейнс не договорил. К ним быстро приближались три человека. Двое были одеты в грязно-зеленую форму войск Гражданской Полиции. Между ними возвышалась гибкая, слегка светящаяся фигура третьего.

- Крис! - вырвалось у Джин.

- Мы взяли его, - отрапортовал старший по званию полицейский.

Пальцы Бейнса машинально поглаживали трубку энергетического хлыста.

- Где? Как?

- Он сам сдался. - В голосе полицейского слышался благоговейный страх. - Вышел к нам добровольно. Вы только полюбуйте на него! Толком и не разберешь, человек перед тобой или металлическая статуя. Или какой-нибудь... древний бог!

Золотой человек остановился рядом с Джин, затем неторопливо повернулся и поглядел Бейнсу в глаза.

- Крис! - воскликнула Джин. - Зачем ты возвратился?

Та же мысль не давала покоя и Бейнсу. Он отогнал ее прочь - не время.

- Самолет готов?

- Можем взлетать в любую минуту.

- Замечательно, - бросил на ходу Бейнс. - Поторапливайтесь. Я хочу как можно быстрее доставить нашего клиента в Центр. - Приостановившись, он еще раз пристально оглядел юношу, невозмутимо стоящего между полицейскими. Казалось, рядом с ним они сморщились, стали неуклюжими и уродливыми. Превратились в карликов... Что там говорила девчонка? "Соседний на землю бог". Бейнс сплюнул.

- Не спускайте с него глаз. Возможно, он опасен. Мы впервые сталкиваемся с подобным видом. Неизвестно, что он выкинет.

Не считая неподвижной человеческой фигуры, камера была совершенно пуста. Четыре голые стены, пол, потолок. В одной из стен под потолком узкая щель, служившая смотровым окном. Сквозь нее просматривался каждый уголок залитой ярким белым светом камеры.

Человек сидел на полу, слегка наклонившись вперед и переплетя руки. Лицо бесстрастно, взгляд прикован к полу. Он сидел так уже четыре часа, с тех пор, как захлопнулась массивная дверь камеры, щелкнули замки и радиотехники заняли свои места перед смотровым окном.

- Итак, что вы успели выяснить? - спросил Бейнс.

Уздом кисло хмыкнул.

- Немногое. Если не раскусим этого красавца в ближайшие сорок восемь часов, придется ликвидировать. Излишний риск неоправдан.

- Никак не придешь в себя после операции в Тунисе? - скривил губы Бейнс.

Да, тот случай забудется нескоро. В руинах заброшенного города на севере Африки обнаружили десять особей. Их метод выживания был чрезвычайно прост: они убивали и пожирали другие жизненные формы, затем имитировали их и занимали их жизненное пространство. Называли они себя хамелеонами. Их ликвидация обошлась недешево - только Управление потеряло шестьдесят экспертов высшей квалификации.

- Каковы предварительные заключения?

- Наш подопечный - крепкий орешек. Единственный в своем роде. - Уздом кивнул на груды магнитофонных кассет. - Вот полный отчет, все, что нам удалось выжать из семейства Джонсонов. В психологическом отделе им промыли мозги, и мы отправили их домой. В голове не укладывается - восемнадцать лет, и ни единой попытки вступить в контакт с ближайшими родственниками. Ну что еще? Физически он полностью сформировался. Зрелость наступила приблизительно к тринадцати годам, жизненный цикл явно короче нашего. Но зачем ему такая роскошная шевелюра? А этот дурацкий золотистый пушок, покрывающий все тело?

- Что у него с ритмами мозга?

- Мх, разумеется, просканировали его мозг, но результаты анализа еще не обработаны. Крутимся тут, понимаешь ли, как заведенные, а он сидит себе и в ус не дует! - Уздом ткнул пальцем в сторону окна. - Если судить по той легкости, с какой удалось его взять, он вряд ли блистает особыми

талантами. Но хотелось бы узнать о нем побольше, прежде чем мы его устраним.

- А может, все же сохраним ему жизнь до выяснения всех его дарований?

- Уложимся мы или нет, он будет ликвидирован через сорок восемь часов, - угрюмо проговорил Уиздом. - Лично мне он действует на нервы. От одного его вида меня бросает в дрожь.

Уиздом - рыжеволосый, широкий в кости, с крупными чертами лица, массивной грудной клеткой и холодным пронизательным взглядом - нервно жевал кончик сигары. Последние семь лет Эд Уиздом исполнял обязанности директора североамериканского отделения ЦУБ. Сейчас ему было явно не по себе. Крошечные глазки беспокойно бегали, обычно бесстрастное лицо слегка подергивалось.

- Ты думаешь - это оно? - медленно произнес Бейнс.

- Я всегда так думаю, - отрезал Уиздом. - Всякий раз я обязан предполагать самое худшее.

- Я имею в виду, что...

- Ты имеешь в виду!.. - Уиздом непрерывно выпагивал среди заваленных оборудованием лабораторных столов, мечущихся техников и стрекочущих компьютеров. - Это существо умудрилось прожить в своей семье восемнадцать лет, а они его так и не поняли. Они знают, что он может делать, но даже не представляют - как.

- Так что, в конце концов, он может?

- Он заранее предугадывает события.

- Как это?

Уиздом выхватил из-за пояса и швырнул на стол энергетический хлыст.

- Сейчас увидишь. - Уиздом подал знак одному из техников, и закрывающий смотровое окно прозрачный щит скользнул на несколько дюймов в сторону. - Застрели его!

Бейнс недоумевающе мигнул.

- Но ты же сам сказал - через сорок восемь часов?

Выругавшись, Уиздом схватил трубку, прицелился в спину неподвижно сидящему человеку и нажал на спуск.

В центре камеры вспыхнул и разлетелся облаком серого пепла розовый шар.

- О, Господи! - выдохнул Бейнс. - Ты...

Он не договорил. Золотой фигуры не было на прежнем месте. В тот момент, когда Уиздом выстрелил, человек с невероятным проворством отпрыгнул в угол камеры. Сейчас он возвращался, сохраняя на лице обычное равнодушное выражение.

- Это уже пятая попытка, - признался Уиздом. - В последний раз я и Джимисон выстрелили одновременно. Оба промазали. Похоже, он точно знал, когда будет сделан выстрел. И куда он придется.

Бейнс и Уиздом переглянулись. У обоих возникла одна и та же мысль.

- Но даже чтение мыслей не могло ему подсказать, куда ты выстрелишь, - размышлял Бейнс. - Когда - возможно. Но не куда. Сам-то ты мог бы заранее определить, куда попадешь?

- Разумеется, нет. Стрелял я навскидку, почти наугад. Надо провести такой эксперимент. - Он поманил ближайшего техника. - Срочно пригласите сюда команду конструкторов. - Он схватил карандаш и принялся что-то набрасывать на листе бумаги.

Пока изготавливали стенд для предстоящего эксперимента, Бейнс встретился с невестой в главном вестибюле здания североамериканского отделения ЦУБ.

- Как продвигается работа? - поинтересовалась Анита Феррисон, высокая голубоглазая блондинка. В свои неполные тридцать она выглядела весьма привлекательной; чувствовалось, что внешности она уделяет немало времени. На ней было строгое платье и накидка из отливающей металлом ткани с черными и красными полосами на плече - эмблемой сотрудника класса "А". Анита возглавляла отдел семантики.

- Надеюсь, на этот раз что-нибудь интересное?

- Весьма. - Бейнс взял ее под руку и провел через вестибюль в глубину слабо освещенного бара. Мягко звучала одобренная цензором-компьютером мелодия. В полумраке от стола к столу скользили безмолвные роботы-официанты.

Пока Анита потягивала заказанный ею "Том Коллинз", Бейнс вкратце поведал о последней операции.

- А может, он создает вокруг себя поле, отклоняющее энергетические лучи? - медленно спросила Анита. - Ведь был же такой вид, способный изгибать пространство усилием мысли.

- Психокинез? - Бейнс беспокойно забарабанил костяшками пальцев по столу. - Сомнительно. Этот может предугадывать, но не контролировать. Он не в состоянии остановить или искривить луч, но может заранее отойти в сторону.

- Так он что - скачет между молекулами?

Бейнс сейчас был не расположен к шуткам.

- Случай серьезный. Вот уже полвека, как мы успешно справляемся с этими тварями. Срок немалый. За это время, помимо бесчисленного количества всевозможных "пустышек", обнаружено восемьдесят семь видов дивов - настоящих мутантов, способных размножаться. И вот теперь восемьдесят восьмой. Пока все шло благополучно, но этот...

- Что в нем такого особенного?

- Во-первых, он восемнадцати лет от роду. Само по себе неслыханно, чтобы родственникам удавалось прятать дива так долго.

- Но в денверской колонии встречались женщины и постарше. Ну помнишь, те, с...

- Они содержались в правительственном лагере. Кому-то из высших чинов, видишь ли, взбрела в голову идея разводить их для дальнейшего

использования в промышленности. В течение ряда лет мы вынуждены были воздерживаться от их уничтожения. Но Крис Джонсон - совсем другое дело. Те твари в Денвере находились под постоянным надзором, тогда как он жил и развивался совершенно самостоятельно.

- Мне кажется, не стоит рассматривать каждый новый вид дивов как скрытую угрозу для человечества. Возможно, он безвреден или даже полезен. Полагал же кто-то, что можно использовать тех женщин в общественно полезном труде. Может быть, и у него есть что-то, что будет способствовать развитию нашей расы.

- О чем ты говоришь? Чьей расы? Он же не человек. Помнишь старый анекдот: операция прошла успешно, но пациент, к сожалению, скончался? Если мы попытаемся использовать мутантов себе во благо, то им, а не нам будет принадлежать Земля. И не обольщайся, мы не сможем посадить их на цепь и заставить служить себе. Если они действительно превосходят *хомо сапиенс*, то в скором времени вытеснят нас.

- Иными словами, мы легко распознаем *хомо супериор*¹. Это будет вид, который мы окажемся не в состоянии устранить.

- Вот именно.

- И, столкнувшись с очередным мутантом, ты всякий раз опасаясь, что перед тобой *хомо супериор*. Но это глупо. Откуда тебе знать, что он не *хомо специфигус*? Всего лишь хомо с некоторыми отклонениями, полезными для нас. Чтобы выяснить это, приходится истреблять новый вид. А вдруг он окажется для человечества невосполнимой потерей?

- Неандертальцы наверняка так же думали о кроманьонцах. Подумай, умеют мыслить символами и придавать более законченную форму кускам кремня. - Разговор явно задел Бейнса за живое. - Эта тварь отличается от нас гораздо значительнее, чем неандерталец от кроманьонца. Он может предугадывать будущее. Надо полагать, это и помогло ему так долго скрываться. Он управляет с любой ситуацией гораздо лучше, чем любой из нас. Поставь себя на его место: ты в совершенно пустой камере, и по тебе ведется прицельная стрельба. Смогла бы ты остаться в живых? В определенном смысле, он достиг максимальной приспособляемости к окружающей среде. Если он и впредь не ошибется, то...

Его перебил укрепленный на стене громкоговоритель: "Мистер Бейнс, немедленно пройдите в лабораторию номер "три".

Бейнс резко отодвинул стул и вскочил на ноги.

- Если хочешь, пойдем со мной. Полкубуйся нашим новым приобретением.

Посмотреть на необычный эксперимент собралось более десятка слушающих ЦУБ высшего ранга. Солидные седовласые мужи окружили и внимательно слушали тощего юношу в белой сорочке с закатанными рукава-

1 Человек высший. (Прим. переводчика.)

ми. Юноша объяснял принцип действия сложного сооружения из металла и пластика, установленного в центре обзорной платформы. Устройство представляло собой опутанный разноцветными проводами куб с многочисленными прорезами и выступами.

- Для него это будет первым настоящим испытанием, - отрывисто вещал юноша. - Стенд позволяет вести стрельбу совершенно случайным образом. По крайней мере настолько случайным, насколько это возможно при современном уровне развития науки и техники. Использование новейших технологий позволило...

- Так как же все-таки действует эта штука? - перебил оратора Бейнс.

- Как видите, наша установка снабжена десятью стволами. - Юноша достал из нагрудного кармана карандаш и указал им на торчащие из куба металлические трубки. - Каждый ствол может перемещаться в двух перпендикулярных плоскостях и приводиться в движение автономной гидросистемой. Помимо гидронасосов и гидромоторов, в корпусе установки находится генератор случайных чисел. Он выполнен на отдельной печатной плате и соединен с устройством ввода компьютера. - Не переставая тараторить, молодой человек тыкал заменившим ему указку карандашом в различные части конструкции. Его физиономия прямо-таки сияла от гордости за свое детище. - Руководствуясь только случайными величинами, компьютер управляет наведением стволов и отдает команды на открытие и прекращение стрельбы, опять же, отдельно для каждого ствола.

- И никому не известно, когда и в каком направлении будут палить ваши пушки?

- Абсолютно никому. - Юноша расплылся в самодовольной улыбке.

- Что нам, собственно, и требовалось, - удовлетворенно потер руки Уиздом. - Чтение мыслей ему не поможет, во всяком случае, на этот раз.

Пока техники монтировали установку, Анита прильнула к смотровому окну.

- Это он?

- Что-то не так? - в притворном удивлении поднял брови Бейнс.

- У Аниты пылали щеки.

- Я полагала, что он... так же безобразен, как и все остальные. О, Господи, да он прекрасен! Будто золотая статуя! Будто божество.

Бейнс рассмеялся.

- Опомнись, Анита, ему только восемнадцать. Он слишком молод для тебя.

Женщина у окна пропустила насмешку мимо ушей.

- Ты только взгляни на него. Восемнадцать? Ни за что бы не поверила.

На полу, в центре камеры, в позе созерцания сидел Крис Джонсон: голова слегка наклонена, руки сложены на груди, ноги поджаты. В мертвенном искусственном свете его мощное тело переливалось всеми оттенками золота.

- Разве не занятный экземплярчик? - пробормотал Уиздом. - Ну да ладно, пора начинать.

- Вы собираетесь убить его?

- Во всяком случае - попытаемся.

- Но он же... - Закончить фразу она осмелилась не сразу. - Он же не монстр. Он не похож на прочих безобразных тварей с двумя головами или с глазами насекомых. Или на тех мерзких созданий из Туниса.

- Ну и что с того? Что прикажешь с ним делать?

- Не знаю. Но нельзя же так запросто его убить. Это бесчеловечно.

Механизмы куба ожили. Стволы дернулись и беззвучно заняли исходные позиции. Три ствола втянулись в корпус установки, остальные полностью выдвинулись. Без всякого предупреждения был открыт огонь.

Веером разлетелись энергетические лучи, превратив камеру в огненный ад. И в этом аду, среди яростных вихрей, заметался золотой человек. Он легко, словно виртуозный танцор, двигался между кинжалами розового огня. Вскоре клубящиеся облака пепла скрыли его от глаз наблюдателей.

- Прекратите! - взмолилась Анита. - Ради Бога, остановитесь! Вы убьете его!

Немного помедлив, Уиздом кивнул операторам. Их ловкие пальцы забегали по клавишам пульта управления, движение стволов замедлилось и прекратилось. Наступила тишина, затем раздался громкий щелчок - заработало вытяжное устройство.

В центре камеры стоял покрытый сажей, опаленный, но живой и невредимый Крис Джонсон.

- Нет, заключил Уиздом, - телепатия здесь ни при чем.

Собравшиеся переглянулись.

- Что же тогда? - прошептала Анита. Ее была дрожь, лицо побледнело, голубые глаза округлились.

- Он может предугадывать, - предположил Уиздом.

- Не обманывая себя, - пробормотал Бейнс. - Он не предугадывает.

- Конечно, не предугадывает, а все знает наперед, - неохотно кивнул Уиздом. - Он предвидел каждый выстрел. Интересно, способен ли он вообще ошибаться?

- Но мы же схватили его, - напомнил Бейнс.

- Ты говорил, он сдался добровольно. Вышел после того, как район был полностью оцеплен.

Бейнс вздрогнул.

- Да, после.

- Вот ты и ответил. Он не мог вырваться, потому и вернулся. - Уиздом криво усмехнулся - должно быть, оцепление в самом деле было безупречным. И он, конечно, знал об этом.

- Если бы имелась хоть малейшая брешь, - буркнул Бейнс, - он бы знал... и проскочил.

Уиздом отдал приказ группе вооруженных охранников:

- Отправьте его в камеру быстрой смерти!

- Вы не посмеете!.. - воскликнула Анита.

- Он слишком опередил нас в развитии. Нам за ним не угнаться. - Глаза Уиздома горели. - Мы можем лишь предполагать, что нас ждет в будущем. Он знает. Не сомневаюсь, что это знание принесет ему ощутимую пользу в газовой камере. - Он нетерпеливо махнул охранникам. - Разложите его на составные части. Да пошевеливайтесь!

- Вопрос лишь в том, сумеем ли мы разделаться с ним, - задумчиво произнес Бейнс.

Охранники заняли исходную позицию перед дверью камеры. Двигались они четко и слаженно, как единый, хорошо отрегулированный механизм. У каждого за плечами были годы интенсивных тренировок и работы в ЦУБ. С контрольного поста поступила команда отпереть замки. Дверь распахнулась. Держа наготове энергетические хлысты, два охранника осторожно вошли внутрь...

Крис неподвижно стоял спиной к открывшемуся проходу. Передние охранники разшились в стороны, пропуская остальных. Затем...

Анита вскрикнула. Уиздом выругался. Золотой человек стремительно развернулся, пронесся сквозь тройной ряд солдат и выскочил в коридор.

- Пристрелите его! - закричал Бейнс.

Оторопевшие охранники пришли в себя. Коридор озарили вспышки, но человек бежал, искусно лавируя среди них.

- Бесполезно, - спокойно сказал Уиздом. - В него невозможно попасть. - Он принялся вводить какие-то команды в главный компьютер Управления. - Будем надеяться, это поможет.

- Что... - начал Бейнс, но тут беглец ринулся прямо на него. Бейнс отпрянул в сторону. На мгновение прекрасное золотое лицо оказалось прямо перед ним, затем человек пронесся мимо и скрылся за поворотом коридора. Беспорядочно стреляя, за ним устремились охранники. В недрах здания загрохотали крупнокалиберные винтовки, защелкали дверные замки.

- О, Господи! - выдохнул Бейнс. - А кроме как бегать, он еще что-нибудь может?

- Я распорядился перекрыть все выходы, - сообщил Уиздом. - Он где-то в здании, но наружу ему не вернуться.

- Если осталась хоть одна лазейка, он уже знает о ней, - предупредила Анита.

- Все учтено. Один раз мы его взяли, возьмем и сейчас.

Появился робот-посыльный и, учтиво поклонившись, вручил Уиздому пакет.

- Заключение аналитического отдела, сэр.

Уиздом торопливо вскрыл пакет.

- Сейчас мы узнаем, как он мыслит. - Продолжая говорить, он развернул ленту и пробежал текст глазами. - Не исключено, что у него есть своя ахиллесова пята. Он всего лишь предвидит будущее, но не способен его менять. Если впереди только смерть, ему не спа...

Уиздом умолк на полуслове. Немного поколебавшись, протянул ленту Бейнсу.

- Спустишь в бар, мне необходимо слегка взбодриться. - Губы Уиздома дрожали. - Остается лишь надеяться, что не эта чертова раса придет нам на смену.

- Ну, что там? - Анита нетерпеливо заглянула Бейнсу через плечо. - Как он мыслит?

- Никак, - ответил Бейнс, возвращая ленту шефу. - У него полностью отсутствуют лобовые доли мозга. Он не человек и не мыслит символами. Он животное.

- Да, подтвердил Уиздом. - Всего лишь животное с единственной хорошо развитой способностью. Не сверхчеловек, да и не человек вовсе.

По многочисленным коридорам и комнатам здания Центрального Управления Безопасности сновали охранники, звякало оружие, хлопали двери. Прибыло подкрепление из состава сил Гражданской Полиции. Одно за другим помещения Управления осматривались и опечатывались. Рано или поздно Крис Джонсон будет обнаружен и загнан в угол.

- Мы всегда боялись появления муганта, превосходящего нас в интеллектуальном развитии, - задумчиво проговорил Бейнс. - Дива, который будет настолько умнее нас, насколько мы умнее орангутангов. Какого-нибудь телепата с большим выпуклым черепом и более совершенной семантической системой. Урода, с нашей точки зрения, но все же человеческого существа.

- Он действует, руководствуясь лишь рефлексам, - поразилась Анита. Она, наконец, завладела отчетом и, присев за ближайший стол, внимательно изучала его. - Только рефлекс... как у льва. 'Золотого льва'. - Она отодвинула ленту. Сравнение явно пришлось ей по душе. - Львиный бог, - нараспев произнесла она.

- Зверь, - резко поправил Уиздом. - Светловолосый зверь.

- Он быстро бегает, и только, - сказал Бейнс. - Не пользуется орудиями или инструментами и не способен ничего создать. Ждет благоприятного стечения обстоятельств, а затем несется как уторелый.

- Такое разве что в кошмарном сне привидится. - Мясистое лицо Уиздома посерело, руки тряслись; он выглядел сильно постаревшим. - Быть вытесненными животными! Бессловесными тварями, способными лишь бегать и прятаться. - Он презрительно плюнул. - А мы-то гадали, почему Джонсоны не могли с ним общаться. Да просто он разговаривает и мыслит не лучше собаки.

- Получается, что он неразумное существо, - сухо заключил Бейнс. - В таком случае, мы последние представители своего вида... вроде динозавров. Мы далеко зашли в развитии, может быть, слишком далеко. Теперь мы слишком много знаем... слишком много думаем... но уже не способны действовать.

- Обилие знаний парализует. - Анита вздохнула. - Но...

- Единственная способность этой твари оказалась куда эффективнее всех наших знаний. Мы помним прошедшие события, опираемся на них в

каждодневной жизни. Используя многовековой опыт человечества, мы можем лишь предполагать события ближайшего будущего.

- Да, Крис Джонсон не предполагает, - подхватила мысль Бейнса Анита.

- Он заглядывает вперед. Видит, что произойдет в будущем. не исключено, что он вовсе не воспринимает свои видения как будущее.

- Конечно, - задумчиво проговорила Анита. - Для него существует только настоящее. Расширенный вариант настоящего, простирающегося во времени вперед, а не назад. Для нас определено только прошлое. Для него - будущее. Он, скорее всего, не помнит прошлого.

- Можно предположить, что в процессе эволюции у его расы расширилась способность к предвидению, - размышлял Бейнс. - Вместо ближайших десяти минут - тридцать. Потом - час. День. Год. Постепенно они смогут воспринимать разом всю свою жизнь. Мир застынет для них. В нем не будет места ни изменениям, ни неопределенностям! Им нечего будет бояться. Все заранее предопределено.

- И когда придет смерть, они спокойно примут ее, - добавила Анита. - К чему бороться, если все уже произошло?

- Уже произошло, - эхом отозвался Бейнс. - О, Господи! Это же просто, как колумбово яйцо. Чтобы выжить в неблагоприятной обстановке, вовсе не обязательно быть сверхчеловеком, достаточно оказаться лучше других приспособленным к окружающей среде. Если бы, допустим, произошел всемирный потоп, выжили бы только рыбы. Если наступит ледниковый период, - возможно, останутся одни полярные медведи. Теперь все встало на свои места. Когда открыли дверь, он уже точно знал, где стоит каждый охранник. Что и говорить, великолепная способность, но разум тут ни при чем. Просто-напросто он обладает дополнительным чувством восприятия окружающего мира.

- Но если все выходы перекрыты, он поймет, что ему не проскочить, - повторил Уиздом. - Сдался же он однажды - сдастся вновь. - Он потрянул головой. - Кто бы мог представить, что нас вытеснят животные! Без речи. Без орудий труда.

- Обладателю этого нового чувства все остальное ни к чему, - Бейнс взглянул на часы. - Уже за полночь. Здание полностью заблокировано?

- Ему не уйти, - заверил Уиздом. - Правда, и нам придется торчать здесь всю ночь, или, по крайней мере, пока не изловят этого ублюдка.

- Я беспокоюсь за невесту. - Бейнс кивнул на Аниту. - Я ее сюда заманил, а ей к семи утра надо быть в отделе семантики.

Уиздом пожал плечами.

- Я ей не указ. Она вольна уйти в любую минуту.

- Я остаюсь, - решила Анита. - Хочу присутствовать при... при том, как его обезвредят. Посплю где-нибудь здесь. - Поколебавшись, она все же спросила: - Уиздом, а может, все-таки не стоит его убивать? Если он - всего лишь животное, не могли бы мы содержать его...

- Что? Посадить в клетку? - возмутился Уиздом. - Выставить в зоосаде? Не мели чепухи. Он будет уничтожен.

В темноте складского помещения, скорчившись, сидел золотой человек. Со всех сторон его окружали уложенные аккуратными рядами ящики и коробки. Тишина и безлюдье.

Но вдруг сюда врываются солдаты, заглядывают в каждый уголок. Он ясно и отчетливо видит подкрадывающихся к нему людей в грязно-зеленой форме, остекленевшие от жажды убийства глаза, направленные на него винтовки...

Видение было одним из многих, но находилось к нему ближе остальных. Он мог легко избежать встречи с вооруженными людьми. Достаточно выскользнуть из кладовой до их появления.

Золотой человек неторопливо поднялся на ноги, прошел вдоль ряда ящиков и уверенно распахнул дверь. Коридор был пуст. Он покинул свое убежище, пересек тускло освещенный холл, вошел в лифт. Через пять минут один из пробегающих мимо охранников заглянет сюда. К этому моменту его здесь не будет. Человек нажал кнопку и поднялся на следующий этаж.

Он вышел в коридор, отправив пустую кабину на прежнее место. Никого. Это его не удивило. Ничто не могло его удивить. Для него не существовало случайностей. Пространственное расположение людей и предметов в ближайшем будущем было четко определено, точно так же, как и положение его собственного тела. Незвестным оставалось лишь то, что уже произошло.

Он подошел к небольшому проводольственному складу. Склад только что осмотрели, и прежде чем здесь вновь появятся техники, пройдет не менее получаса. Он в этом не сомневался, он видел, что находится впереди. В его распоряжении было достаточно времени, чтобы познакомиться с бесчисленными вариантами будущего.

Он уселся на пол тесной комнаты. Перед ним длинной шеренгой развернулись сотни событий, которые могут произойти в ближайшие полчаса. Все объекты - люди, роботы, предметы обстановки - были жестко зафиксированы. Пешки на огромной шахматной доске, по которой двигался только он - сторонний наблюдатель, видевший грядущее так же ясно, как пол у себя под ногами.

Он сосредоточился на одной из сцен. Перед ним был выход из здания, загороженный сплошным рядом охранников. Пути наружу нет. Из ниши рядом с дверью он видел звезды, ночные огни, проносящиеся по улице автомобили, случайных прохожих...

Затем он увидел себя у другого выхода. Не прорваться. Следующая сцена - прохода нет. Еще одна. Еще. Все тот же результат. Количество золотых фигур, появляющихся перед его мысленным взором, непрерывно увеличивалось по мере того как он, один за другим, рассматривал новые участки пространства. Но в каждом выходе был перекрыт.

В одной из сцен он увидел себя лежащим на полу, обгоревшим и мертвым. Так закончилась попытка проскочить через заслон на улицу.

Но видение было расплывчатым, наполненным колышавшимся туманом. Мертвая золотая фигура у выхода имела к нему весьма отдаленное отношение. Конечно, это был он, но он, далеко ушедший в сторону. Он сам, с которым он никогда не встретится. Золотой человек тут же позабыл об увиденном и продолжил просмотр.

Окружающие его миллиарды вариантов будущего казались замысловатым лабиринтом, паутиной, которую он распутывал кусок за куском. Он словно заглядывал через приподнятую крышу кукольного домика, состоящего из бесчисленного множества комнат. В каждой комнате - своя мебель, свои куклы. Его внимание привлекло одно из ответвлений грядущего. В комнате у платформы - двое мужчин и женщина. Новая комната - те же мужчины и женщина, но расположенные иным образом. И снова они. И снова. Довольно часто рядом с ними появлялся он сам. Пьеса постоянно переигрывалась, актеры и декорации переставлялись с места на место.

Напоследок Крис пробежал мысленным взором примыкающие к складу помещения, затем распахнул дверь и спокойно вышел. Пройдет еще минут десять, прежде чем на этом этаже появятся солдаты, установят тяжелое орудие, держащее под прицелом весь коридор, и осторожно двинутся от двери к двери, тщательно осматривая каждую комнату.

Он точно знал, куда направляется и что будет делать.

Анита сбросила отливающую металлом накидку, аккуратно расправила ее на вешалке, расстегнула и скинула платье. Она уже начала стягивать туфли, когда отворилась дверь.

У нее вырвался сдавленный крик: в комнату бесшумно проскользнул золотой человек, осторожно затворил за собой дверь и задвинул засов.

Анита схватила с туалетного столика энергетический хлыст.

- Что тебе надо?! - заорала она. - Не подходи, убью!

Человек невозмутимо смотрел на нее, сложив на груди руки. Анита впервые видела Криса Джонсона так близко и, как в прошлый раз, была заморожена его обликом: бесстрастное лицо, величественная осанка, широкие плечи, грива золотых волос...

- Почему ты... - У нее перехватило дыхание, сердце гулко билось в груди. - Что тебе здесь надо?

Она легко могла его убить. Но... Крис Джонсон не боялся ее. Почему? Неужели он не понимает? Или полагает, что маленькая металлическая трубка не причинит ему вреда?

В голове мелькнула догадка.

- Ну конечно! Ты знаешь наперед, что я не выстрелю. Иначе бы не пришел.

У нее пылали щеки. Еще бы, ведь он заранее знает каждое ее движение. Видит их так же ясно, как она видит стены комнаты, спинку кровати,

висящее в шкафу платье, свою сумочку и дамские принадлежности на ночном столике.

- Ладно. - Анита слегка расслабилась и положила хлыст на столик. - Я не стану тебя убивать. Но почему ты пришел именно ко мне? - Дрожащей рукой она нащарпала в сумке пачку сигарет, закурила. Она была растеряна и в то же время зачарована происходящим. - Собираешься оставаться здесь? Тебе это не поможет. Сюда дважды заглядывали охранники, заглянут и еще.

Понял ли он? На золотом лице ничего не отразилось. Господи, какой он огромный! Неужели ему только восемнадцать? Мальчик, почти дитя. Куда больше он похож на античного бога, сошедшего на землю.

Она с негодованием отбросила эту мысль. Он не бог. Он зверь, который займет место человека. Вытеснит людей с Земли.

Анита вновь схватила хлыст.

- Убирайся прочь! Ты - животное! Огромное безмозглое животное! Ты даже не понимаешь, что я говорю, ты не способен к общению. Ты не человек.

Крис Джонсон хранил молчание. Как будто ждал чего-то. Чего? Он не проявлял ни малейших признаков страха или нетерпения, хотя коридор наполнился топотом приближающихся людей, криками, скрежетом и лязгом металла.

- Тебя прикончат! Ты в ловушке! С минуты на минуту это крыло снова начнут обскидывать. - Вздыхая, Анита затушила сигарету. - Ради Бога, скажи, на что ты рассчитываешь? Надеешься, что я тебя спрячу?!

Крис двинулся к ней. Она отпрянула. Ее тело сжали сильные руки. Она боролась - отчаянно, слепо, задыхаясь от нахлынувшего ужаса.

- Отпусти! - Она рывком высвободилась и опрынула назад. Он спокойно приближался - невозмутимый бог, собирающийся овладеть ею. - Убирайся! - Не спуская с него глаз, она нащупала ручку энергетического хлыста, но гладкая трубка выскользнула из непослушных пальцев и покатилась по полу.

Крис поднял оружие и протянул ей на раскрытой ладони.

- Господи! - вырвалось у Аниты. Она что было сил стиснула трубку, затем вновь швырнула на туалетный столик.

В полумраке комнаты казалось, будто огромная золотая фигура излучает свет. Кто он на самом деле? Бог... нет, не бог. Животное без души. Красивый золотой зверь.. А может, и то, и другое? Анита тряхнула головой. Было поздно, почти четыре утра. Она смертельно устала и не представляла, как поступить.

Крис обнял ее и, нежно приподняв лицо, поцеловал. У нее перехватило дыхание. Тьма смешалась с золотой дымкой и завертелась вокруг - все быстрее, быстрее, унося ее чувства прочь. Усталость и тревога исчезли, уступив место ни с чем не сравнимому блаженству... Вскоре биение ее сердца заглушило все звуки.

Зевая, Анита села в постели и привычным движением поправила волосы. Крис копался в шкафу.

Неторопливо повернувшись, он кинул на постель охалку одежды и замер в ожидании.

- Что ты задумал?

Она машинально подняла накидку с металлическим отливом. От предчувствия близкой развязки по спине бежали мурашки.

- Надеешься выбраться? - произнесла она как можно мягче. - Хочешь, чтобы я провела тебя мимо охранников и полицейских?

Крис не ответил.

- Тебя пристрелят на месте. - Она встала на непослушные ноги. - Мимо них невозможно пробежать. Господи, неужели ты умеешь только бегать? Наверняка можно придумать способ получше. Возможно, мне удастся уговорить Уиздома. У меня степень "А", директорская степень. Я могла бы обратиться непосредственно к совету директоров, удержать их от бессмысленного убийства. Один шанс из миллиона, что нам удастся проскочить через...

Она осеклась и после паузы продолжила:

- Совсем забыла, ты же не играешь в азартные игры, тебе и ни к чему взвешивать шансы. Ты заранее знаешь, что произойдет, видишь все карты. - Она пристально взгляделась в его лицо. - Но не может же вся колода быть крапленой. Это невозможно.

На некоторое время она застыла, полностью погрузившись в свои мысли. Затем нетерпеливым движением схватила накидку и набросила на обнаженные плечи. Щелкнув застежкой и надев туфли, подхватила сумочку и зашпешила к двери.

- Пошли! - Ее дыхание участилось, щеки залил румянец. - Давай же, быстрее! Моя машина стоит у самого здания. У меня зимняя вилла в Аргентине. На худой конец доберемся туда самолетом. Дом находится в деревне, среди болот и джунглей. И никакой связи с остальным миром.

Крис остановил ее, мягко вклинившись между ней и дверью. Довольно долго он выжидал, напрягшись всем телом. Затем повернул ручку и смело вышел в коридор.

Вокруг ни души. Анита заметила спину удаляющегося охранника. Высунься они секундой раньше...

Крис размашисто зашагал по коридору. Анита почти бежала, чтобы поспеть за ним. Казалось, Крис совершенно точно знает, куда идти. Повернул направо, пересек холл и вошел в старый грузовой лифт.

Кабина остановилась на нижнем этаже. Немного выждав, Крис распахнул дверь и вышел. Все больше нервничая, Анита последовала за ним. До них явственно доносился лязг оружия.

Они повернули за угол и оказались у выхода. Прямо перед ними замер двойной ряд охранников. Двадцать человек образовали сплошную стену, а в центре - крупнокалиберная роботопушка. Люди были наготове, лица напряжены, оружие крепко стиснуто в руках. Командовал заслоном офицер Гражданской Полиции.

- Нам не пройти, - прошептала Анита. - Мы не сделаем и десяти шагов. - Она отпрянула. - Они...

Крис подхватил ее под руку и спокойно двинулся дальше. Ею овладел слепой ужас. Она попыталась вырваться, но стальная хватка не ослабевала. Величественная золотая фигура неустойчиво волокла ее к двойной цепи охранников.

- Это он!

Люди подняли винтовки, готовые в любое мгновение открыть огонь. Ствол роботопушки пришел в движение.

- Взять его!

Аниту словно парализовало. Она обмякла и упала бы, не поддержи ее спутник. Охранники приблизились, нацелив на них винтовки. На мгновение переборов переполняющий душу ужас, Анита вновь попыталась вырваться.

- Не стреляйте! - крикнула она.

Стволы винтовок дрогнули.

- Кто она такая? - Стремясь получше разглядеть Криса, солдаты обошли их. - Кого он с собой приволок?

Ближайший из охранников разглядел на плече Аниты нашивки. Красная и черная. Степень директора. Высший ранг.

- У нее степень "А"! - Охранники в замешательстве отступили. - Мисс, отойдите, пожалуйста, в сторону.

Неожиданно Анита услышала свой голос:

- Не стреляйте! Он... под моей защитой. Вам, надеюсь, понятно? Я сопровождаю его.

Стена охранников замерла.

- Никто не имеет права выходить. Директор Уиздом приказал...

- На меня не распространяются приказы Уиздома! - Аните удалось придать голосу властность. - Прочь с дороги. Я веду его в отдел семантики.

Слегка помявшись, солдаты расступились.

Отпустив Аниту, Крис ринулся сквозь брешь в строе охранников и выскочил на улицу. За его спиной польхнули выстрелы. Солдаты с криками устремились за ним в предрассветный сумрак. Взыли сирены. Ожили патрульные автомобили.

Всеми позабытая, Анита прислонилась к стене.

Он сбежал, оставил ее. Господи, что она натворила! Анита опустила голову и спрятала лицо в ладонях. Золотой гигант загнипнотизировал ее, лишил воли, да что там воли - элементарного здравого смысла. Где был ее разум? Это животное, огромный золотой зверь обманул ее. Воспользовался ею, а теперь бросил, удрал в ночь.

Сквозь сжатые пальцы сочились слезы отчаяния. Тщетно она трела глаза - слезы не унимались.

- Он ускользнул, - подвел неутешительный итог Бейнс. - Теперь нам до него нипочем не добраться. Можно считать, он на другой планете.

В углу лицом к стене съежилась Анита. Уиздом нервно вышагивал по комнате.

- Куда бы он ни направился, ему не уйти. Его никто не спрячет, ведь каждому известен закон о дивах.

- Ты сам-то этому веришь? Опомнись, Эд, пора взглянуть правде в глаза. Нам его не достать. Большую часть своей жизни он провел в лесах - там его дом. Он, как и прежде, будет охотиться, спать под деревьями. наконец-то мы выяснили, на что он способен. - Бейнс хрипло рассмеялся. - Можешь не сомневаться, первая же встреченная им женщина с радостью спрячет его... как это уже произошло. - Он кивнул в сторону Аниты.

- Да, теперь ясно, зачем ему золотая кожа, роскошные волосы, богоподобный облик и прочее. Не только в качестве украшения. - Руки Уиздома дрожали. - Мы все силились разобраться в его способностях... а у него их, оказывается, целых две. Одна - совершенно новая. Другая - старая, как сама жизнь. - На секунду он умолк и взглянул на скорчившуюся в углу фигуру. - Эта способность есть у многих животных. Яркое оперение и гребешки у петухов, разноцветная чешуя у рыб, пестрые шкуры и пышные гривы у зверей.

- Ему не о чем беспокоиться, - вздохнул Бейнс. - Пока существуют женщины, он не пропадет. А благодаря умению заглядывать в будущее, он знает, что неотразим для слабого пола.

- Мы возьмем его, - пробурчал Уиздом. - Я заставлю правительство ввести чрезвычайное положение по всей стране. Его будут разыскивать Гражданская Полиция, регулярная армия и все специалисты планеты, вооруженные самой лучшей техникой. Рано или поздно мы его накроем.

- К тому времени его поимка потеряет всякий смысл. - Бейнс потрепал Аниту по плечу. - Не грусти, дорогая, ты не останешься в одиночестве. Ты всего лишь первая жертва в длинной веренице его поклонниц.

- Благодарю, - вспыхнула Анита.

- Подумать только, самый древний способ выживания - и в то же время самый новый. Черт возьми, разве его остановишь?! Ну, допустим, тебе мы еще можем сделать аборт, но как быть со всеми остальными женщинами, которых он повстречает? Если мы упустим хотя бы одну, нам конец!

- Все же стоит попытаться. Отловим, сколько сможем. - На усталом лице Уиздома промелькнула тень надежды. - Возможно, его гены не будут доминировать.

- Я бы гроша ломаного на это не поставил, - криво усмехнулся Бейнс. - Конечно, можно только предполагать, какая раса победит, но, боюсь, не мы.

Выйдя на улицу, Чьень едва не наткнулся на безногого нищего торговца на деревянной тележке-платформе - торговец оглашал улицу пронзительными воплями. Чьень замедлил шаг, но не остановился. Ему не давало покоя последнее дело, которым он занимался в Ханойском Министерстве Произведений Искусства. Чьень был настолько поглощен мыслями, что обтекавший его поток велосипедов, мотороллеров и мотоциклов с реактивными моторчиками словно вообще не существовал, равно как и безногий торговец.

- Товарищ, - позвал калека, устремившись за Чьенем в погоню. Его тележка приводилась в движение гелисовой батареей, и калека весьма ловко управлялся с рычагами.

- У меня широкий выбор испытанных народных травяных средств. Есть юридически заверенный список лиц, испытавших благотворное воздействие этих лекарств. Если ты чем-то страдаешь, только назови свою болезнь, и я помогу.

- Благодарю, я здоров. - Чьень остановился. "Разве что, - подумал он, - мучает хронический недуг всех служащих Центрального Комитета - карьеристический зуд, одолевающий всякого чиновника".

- Могу вылечить лучевую болезнь, - гнул свое торговец. - Или усилить потенцию. Могу обратить вспять течение раковых заболеваний, даже ужасной меланомы, которая зовется черным раком. - Калека показал подносик с набором разнообразных стеклянных бутылочек, алюминиевых баночек и пластиковых коробочек.

- Если у тебя есть соперник, который хочет занять твоё кресло, я снабжу тебя особым веществом, с виду похожим на крем для кожи, но на самом деле это очень сильный токсин. И цены, товарищ, у меня самые низкие. А в знак особого почтения к столь достойному товарищу, я готов принять послевоенные бумажные доллары. Предполагается, что они должны иметь свободное хождение повсюду, хотя на деле они едва ли дороже хорошей туалетной бумаги.

- Пошел ты к черту! - Чьень подал знак проплывавшему мимо аэротакси. Он и так опаздывал на три с половиной минуты. Предстояла важная встреча, и все его толстозадые начальники с наслаждением отметят в уме его опоздание. Подчиненные сделают это с еще большим наслаждением.

Но калека - торговец тихо добавил:

- Товарищ, ты ОБЯЗАН купить что-нибудь.

- Это еще почему? - негодуя поинтересовался Чьень.

- Потому что, товарищ, я - ветеран войны. Я сражался в Последней Великой Войне Объединенного Народно - Демократического Фронта против презренных сил Империалистов. Я потерял ноги в битве за Национальное Освобождение при Сан - Франциско. - Теперь калека не скрывал торжества. - Если ты откажешься купить товар, предлагаемый ветераном,

то рискуешь уплатить штраф или даже оказаться в тюрьме. Так гласит закон. Подумай о своей репутации, товарищ.

Чень устало кивнул, отпуская аэротакси.

- Так и быть, - сдался он. - Я куплю что-нибудь. - Он окинул взглядом жалкий набор знахарских средств и взял наугад бумажный пакетик. - Вот это.

Калека засмеялся.

- Товарищ, это сперматоцид. Его покупают женщины, которые не имеют политического права на таблетки. Мужчине он едва ли пригодится.

- Закон, - торжественно изрек Чень, - не требует покупать полезное. Я просто должен купить что-нибудь. Я беру этот пакет. - Он полез за бумажником, разбухшим от обесценившихся послевоенных долларов. Будучи слугой государства, Чень получал эти доллары четыре раза в неделю.

- Поведай мне свои проблемы, - предложил калека.

Чень ошеломленно уставился на него - такое вторжение в личную жизнь, да еще со стороны неофициального лица!

- Ладно, товарищ, - сказал калека, видя реакцию Ченя. - Не буду настаивать. Как врач - народный целитель, ограничусь тем, что мне знать полагается... - Он задумался, изможденное лицо стало серьезным. - Ты много смотришь телевизор? - неожиданно спросил он.

Захваченный врасплох, Чень ответил:

- Каждый вечер. Кроме пятницы. По пятницам я хожу в клуб упражняться в завезенном с побежденного Запада эзотерическом искусстве партийного рулевого. - Это было единственным хобби Ченя. Все остальное время он посвящал партийной деятельности.

Калека выбрал серый пакетик.

- Шестьдесят долларов, - объявил он. - Гарантия полная. В случае, если не подействует согласно инструкции, прошу вернуть для полного возмещения убытков.

- А как оно должно подействовать? - ехидно осведомился Чень.

- Снимет усталость глаз после долгих и утомительных официальных речей. Это успокаивающий порошок. Прими его перед длинной вечерней официальной телепроповедью, которая ...

Чень заплатил и забрал пакетик. " Фигу тебе, - подумал он. - Все-таки это грабеж среди бела дня. Сделали ветеранов привилегированным классом. Теперь они кормятся за счет нас - молодого поколения.

Забутый серый пакетик остался в кармане пиджака. Чень вошел в величественное здание Министерства Произведений Искусства, где его ждал собственный солидный кабинет. Начинался рабочий день.

В приемной находился плотного сложения смуглолицый человек в коричневой шелковой двубортной "тройке" производства Гон-Конга. Рядом с незнакомцем стоял непосредственный начальник Ченя Су-Ма Цзо-Пинь. Цзо-Пинь представил их друг другу на кантонском диалекте, хотя сам владел им довольно слабо.

- Товарищ Тун Чень, познакомьтесь с товарищем Дариусом Петелем. Товарищ Петель представляет новое учебно - идеологическое учреждение, открывающееся в калифорнийском городе Сан-Фернандо. - Он сделал паузу и добавил: - Товарищ Петель посвятил всю энергию жизни идеологической борьбе со странами империалистического блока. Поэтому он назначен на столь высокий пост.

Они обменялись рукопожатием.

- Чаю? - предложил гостям Чень.

Он нажал кнопку инфракрасного хибачи, и мгновенно спустя в японском керамическом сосуде с орнаментом забулькала вода. Усевшись за стол, Чень обнаружил, что преданная мисс Хси уже тайком положила на стол листок папиросной бумаги с секретным досье на товарища Петеля. Чень украдкой просмотрел листок.

- Абсолютный Благодетель Народа, - заговорил Цзо-Пинь, - лично принял товарища Петеля. Абсолютный Благодетель доверяет товарищу Петелю. Это большая честь. Его школа в Сан-Фернандо будет заниматься обычной философией дао, являясь по сути нашим каналом общения с либерально - интеллектуальной молодежью на западе США. Ее довольно много уцелело в районе между Сан-Диего и Сакраменто. По нашим предварительным данным - около десяти тысяч. Школа примет две тысячи. Обучение будет обязательным для всех отобранных нами. Гм, кажется, вода уже кипит.

- Благодарю, - пробормотал Чень, опуская в керамический чайник пакетик одноразового чая "Липтон".

Цзо-Пинь продолжил:

- Все экзаменационные работы будут направляться в ваш кабинет, дабы вы могли тщательно оценить идеологическую благонадежность студентов школы. Другими словами, вы, товарищ Чень, будете определять, кто из двух тысяч студентов действительно искренне реагирует на наши учебные программы, а кто - нет.

- Я налью чай, - сказал Чень, хорошо владевший тонкостями церемонии.

- Мы должны понять одну вещь, - встрял Петель, чей кантонский был еще хуже, чем у Цзо-Пиня. - Проиграв мировую войну, американцы и их молодежь научились маскировать свои истинные чувства и убеждения. - Слово "маскировать" он произнес по-английски. Не поняв, Чень вопросительно взглянул на начальника.

- Лгать, - перевел Цзо-Пинь.

- Они послушно повторяют партийные лозунги, но внутренне уверены в их ошибочности. Экзаменационные работы этой группы будут очень похожи на работы искренне убежденных студентов...

- Простите, если я правильно понял, две тысячи работ должны пройти через мои руки? - Чень был в ужасе. Он не верил своим ушам. - Это работа для целого отдела. У меня и так забот по горло. - Он покачал головой. - Я не могу дать официальное заключение о работах данной

группы коварных идеологических диверсантов, упомянутых вами выше... Ну ни хрена себе! - добавил он в завершение по-английски.

Цзо-Пинь сморгнул, услышав крепкое западное ругательство, и сказал: - У вас есть люди. Можете привлечь еще несколько сотрудников. Бюджет Министерства в этом году позволяет. И помните - Абсолютный Благодетель Народа лично выбрал товарища Петеля для этой работы.

В его тоне появились угрожающие нотки - почти незаметные, только чтобы упредить истерику Чьень и вернуть последнего в русло субординации. Для пущего эффекта Цзо-Пинь перешел в другой конец кабинета к трехмерному портрету Абсолютного Благодетеля в полный рост. Через несколько секунд его присутствие заставило сработать датчик автоматического магнитофона. Знакомый голос затянул привычную проповедь.

- Сражайтесь ради мира, сыны мои, - твердо и проникновенно произнес голос.

- Ну, хорошо! - Чьень немного успокоился. "Возможно, удастся запрограммировать один из министерских компьютеров. Если использовать структуру ответов типа "да" - "нет" на базе предварительного идейно - семантического анализа идеологической верности ... и неверности, разработать стандартную процедуру... Возможно..."

- У меня с собой один интересный материал, - сказал Дариус Петель. - Не могли бы вы, товарищ Чьень, ознакомиться с ним. - Он затрещал "молнией" старомодного пластикового портфеля. - Вот два сочинения, - он передал бумаги Чьеню. - Ваш ответ покажет вашу компетентность. - Его взгляд встретился со взглядом Цзо-Пиня. - Как я понимаю, если вы справитесь, то будете назначены заместителем советника Министерства, а Абсолютный Благодетель Народа лично пожалует вам медаль Кистеригана.

Оба - Петель и Цзо-Пинь - одновременно и настороженно улыбнулись.

- Медаль Кистеригана, - эхом повторил Чьень и взял сочинения, стараясь выглядеть беззаботно и уверенно. Но сердце тревожно екало. - Почему именно эти работы? Я имею в виду, что именно должен я выяснить?

- Одна из них принадлежит преданному прогрессивному деятелю Партии, чья верность и убежденность тщательно и неоднократно проверены. Вторая написана юнцом, неким "стилягой", который, как подзревается, стремится скрыть свои презренные мелочные буржуазные идейки. Вам предстоит определить, какая работа кому принадлежит.

"Вот спасибо вам огромное", - подумал Чьень. Но, кивнув, прочел заголовок первой работы: "Предвосхищение доктрин Абсолютного Благодетеля в поэзии Бах Ад - Дин Зуйара (Аравия, 13 век)".

На первой странице Чьень увидел четверостишие, хорошо ему знакомое. Оно называлось "Смерть", и он знал его с детства.

"Еще не пробил час, свежи следы весны,

Но у Него ошибок не бывает;

Нет для Него ни высоты, ни глубины,

А только сад, где нас Он как цветы срывает."

- Да, сильное стихотворение, - согласился Чень.

Глядя на шевелящиеся губы Ченья, Петель пояснил:

- Эпиграф здесь указывает на древнюю мудрость, заключенную в идее Абсолютного Благотворителя о том, что каждая личность смертна, что смерть неотвратима, а выживает лишь надличностное, коллективное дело. Как тому и надлежит быть. Вы с ним согласны? С этим студентом? - Петель сделал паузу. - Или это скрытая сатира на пропаганду великих идей Абсолютного Благотворителя?

- Хотелось бы взглянуть на вторую работу, - попросил Чень, чтобы выиграть время.

- Решайте прямо сейчас. Дополнительная информация вам не нужна.

Запинаясь, Чень пробормотал:

- Признаться, я никогда не рассматривал это стихотворение с точки зрения... - Он почувствовал раздражение. - К тому же это не Бах Ад-Дин-Зуйар. Это четверостишие из "Тысячи и одной ночи". Действительно тринадцатый век.

Он быстро пробежал текст сочинения. Монотонный и тусклый пересказ стертых партийных лозунгов - клише. Штампы, знакомые Ченью с колыбели. Безгласный империалистический монстр, вынюхивающий (смешная метафора) следы истинного вдохновения, антипартийные группировки в восточных районах США, все еще плетущие сети заговоров... Сочинение навевало зевоту. Настойчивость и бдительность, подчеркивал автор. Стереть с лица земли недобитков Пентагона, подавить упрямый штат Теннесси, а особенно важно разделиться с болезнетворным очагом реакции в красных холмах Оклахомы. Чень вздохнул.

- Наверное, мы должны дать товарищу Ченью возможность подумать над этой сложной проблемой на досуге - заметил Цзо-Пинь. - Вам разрешается взять сочинения домой на сегодняшний вечер. Составьте собственное мнение и доложите нам завтра.

Начальник кивнул - то ли насмешливо, то ли ободряюще. По крайней мере, он выручил Ченья из трудного положения, и уже за это тот был ему благодарен.

- Вы крайне любезны, позволив мне выполнить столь важное задание в счет моего личного свободного времени. Великий Микоян, будь он жив, одобрил бы ваше решение, - пробормотал Чень, а про себя подумал:

"Поддоноки, подложили мне такую свинью, да еще за счет моего же отдыха. Да, КП США явно в трудном положении. Академии перевоспитания не справляются с обработкой упрямых и своенравных янки. И ты вешал эту пенку с одного функционера на другого, пока не добрался до меня... Спасибо вам огромное."

Вечером, в своей небольшой, но уютно обставленной квартирке, он прочел второе сочинение, принадлежащее перу некой Марион Калпеор, и обнаружил еще одно стихотворение. Да, явно в этом классе любили поэзию. Честно говоря, Ченью не нравилось, когда поэзию - или любой другой вид искусства, - использовали как идеологический инструмент. Но что поде-

лаешь. Он устроился поудобнее в любимом кресле с суперполезной формой спинки, исправляющей осанку, закурил громадную сигару "Корона номер один" и углубился в чтение.

Эпиграфом мисс Калпер взяла отрывок из поэмы Джона Драйдена, английского поэта 17 века. Это были заключительные строки из "Песни на день святой Цецилии".

"Когда последний час отпущенный

Поглотит жалкий хоровод,

Зов трубный загремит с небес,

Восстанут мертвые окрест,

И сфер небесных встанет ход".

"Черт бы вас всех побрал, - мысленно выругался Чьень. - Драйден, надо полагать, предвосхищает здесь падение капитализма? "Жалкий хоровод" означает капитализм? Боже! Он потянулся к сигаре и обнаружил, что она погасла. Сунув руку в карман за любимой японской зажигалкой, он приподнялся с кресла...

- Твиии! - заверещал телевизор в противоположном конце комнаты.

Так. Сейчас мы услышим обращение нашего любимого Вождя, Абсолютного Благодетеля Народа. Он зовет к нам прямо из Пекина, где живет уже девяносто лет. Или сто? Сейчас с нами заговорит, как мы его ласково называем, Великая Задница...

- Да расцветут в вашем духовном саду десять тысяч цветов осознанной скромности и аскетизма, - сказал телеведущий. Чьень, внутренне застонав, поднялся и поклонился экрану, как и надлежало - каждый телевизор имел встроенную камеру, передававшую в Службу Безопасности информацию о реакции зрителей.

На экране проявился яркий цветущий лик стодвадцатилетнего вождя Восточной Компартии, правителя многих ("слишком многих" - подумалось Чьеню.). "Хрен тебе", - мысленно сказал он, усаживаясь обратно в суперудобное кресло, но уже лицом к экрану.

- Мысли мои, - начал вечно юный Благодетель, как всегда, глубоким и проникновенным голосом, - полны заботы о вас, дети мои. И в особенности озабочен я товарищем Тунг Чьенем из Ханоя. Перед ним стоит нелегкая задача, решив которую он сможет обогатить духовную сокровищницу народов Востока, а заодно - и Западного побережья Америки. Пожелаем же удачи этому благородному и преданному человеку. Я решил выделить несколько минут, чтобы поддержать и ободрить его. Вы слушаете, товарищ Чьень?

- Да, Великий Вождь, - пробормотал Чьень. Какова вероятность того, что партийный лидер действительно выделил его из миллионов именно в этот вечер? Ответ заставил Чьеня злобно усмехнуться про себя. Скорее всего, передача идет только на его многоквартирный дом или, по крайней мере, микрорайон. А может, текст наложен методом синхронного дубляжа на телестудии Ханоя? В любом случае, от Чьеня требовалось смотреть, слушать и внимать. Что он и делал, имея за спиной годы тренировок. Внешне он являл образец напряженного внимания. Внутренне он

продолжал размышлять о тех двух сочинениях. Кто есть кто? Где кончался всепоглощающий партийный энтузиазм и начиналась злая сатира? Трудно сказать... потому они и подложили ему эту свинью.

Он опять полез в карман за зажигалкой - и наткнулся на серый конвертик, проданный ветераном - калекой. "О боже, деньги выброшены на ветер, и ради чего? - Перевернув пакетик, он увидел на обороте текст. - Интересно. - Он начал разворачивать. Текст привлек его внимание - на что и был рассчитан: "Вы не справляетесь с задачами как член партии и просто человек? Бойтесь отстать от времени и оказаться на свалке истории?..."

Чьень быстро пробежал текст, пытаясь уловить суть - что именно он купил?

Абсолютный Благодетель продолжал монотонную проповедь.

Порошок. В конвертике был нюхательный порошок. Крошечные темные крупинки, издававшие приятный дразнящий аромат, внешне напоминающие порох. В Пекине, будучи еще студентом, он нюхал табак - курить было запрещено. Самопальные смеси, их готовили в Чанкине Бог знает из чего. К смеси добавлялся любой ароматизатор - от апельсиновой цедры до детского кала, особенно это касалось смеси под названием "Сухой Тост". Именно после него Чьень бросил нюхать табак.

Под монотонное жужжание Абсолютного Благодетеля Чьень осторожно понюхал порошок, перечитал показания - как утверждалось, порошок вылечивал все, от привычки опаздывать на работу до любви к женщине с сомнительным политическим прошлым. Заманчиво, но уже давно оскомину...

В дверь позвонили.

Чьень подошел и распахнул дверь, заранее зная, что его ждет. На пороге, конечно, стоял упрямод Ма Куи в металлической каске и с обязательной нарукавной повязкой. Вид у него был деловой и решительный.

- Товарищ Чьень, мой партийный соратник! Мне позвонили из телестудии. Вместо того, чтобы отдавать все внимание передаче, вы возитесь с пакетом сомнительного сдержания.

Ма извлек блокнот и шариковую ручку.

- Две красные отметки. С сего момента вам предписывается занять удобное положение перед экраном и всецело погрузиться в речь Великого Вождя. Его слова обращены непосредственно к вам.

- Сомневаюсь, - услышал Чьень собственный голос.

Ма ошарашенно моргнул.

- Как это понимать?

- Вождь правит восемью миллиардами товарищей. Он не станет выделять именно меня. - Чьень с трудом сдерживался.

- Но я слышал собственными ушами! Он упомянул ваше имя, - с доводящим до безумия рвением настаивал упрямод.

Подойдя к телевизору, Чьень прибавил звук.

- Слышите, он говорит о трудностях товарищей в Народной Индии. Меня это не касается.

- Все, что сообщает Вождь, касается каждого. - Ма поставил закорючку в блокноте, сдержанно поклонился и собрался уходить. - Мне звонили из Центральной студии. Ваше внимание к передаче - важный фактор. Обязываю включить автоматический записывающий контур телевизора и заново просмотреть предыдущий фрагмент выступления Вождя.

Чьень громко пукнул. И захлопнул дверь.

"К телевизору - приказал он себе. - К алтарю нашего свободного времени. И два сочинения - как два камня на шее. И все это вместо нормального отдыха после напряженного трудового дня, круто, ничего не скажешь. Эх, провалитесь вы все".

Он подошел к телевизору и хотел его выключить. Тут же загорелся красный предупредительный сигнал - Чьень еще не имел права выключать приемник. "Нас погубят принудительные просмотры речей Вождя, - подумал он. - Хотя бы на миг освободиться от треска штампованных проповедей, от лая партийных гончих, отслеживающих наше..."

По крайней мере, он имел право понюхать порошок. Не было закона, запрещающего нюхать табак - или его аналоги, - во время речей Вождя. Поэтому, высыпав из конвертика горстку мелких черных гранул на тыльную сторону ладони, Чьень профессионально ловким движением поднес руку к носу и глубоко вдохнул. Когда-то считалось, что носовые полости напрямую соединяются с головным мозгом, и нюхательная смесь непосредственно воздействует на кору, подкорку и прочее. Он снисходительно улыбнулся, уселся и сфокусировал взгляд на бесконечно знакомой физиономии Абсолютного Благотетеля.

Изображение мелькнуло и исчезло. Пропал звук. Чьень смотрел в пустоту, в вакуум. Экран мерцал белым прямоугольником, из динамика доносился ровный шипящий свист.

"Неслабая штука", - подумал он и жадно вдохнул остаток порошка, стараясь загнать гранулы поглубже в носовые полости. Может, они в самом деле соединяются с мозгом?

Несколько секунд экран оставался пустым, потом медленно появилось изображение. Но это был не Вождь. Не Абсолютный Благотетель Народа. По сути, это даже не было человеческим существом.

Перед Чьенем материализовалась механическая конструкция из печатных плат, линз, плангов-щупалец, коробок с раструбами. Из раструбов слышался угрожающий монотонный звон.

Чьень не мог оторвать взгляда от механического чудовища. Что это? Реальность? "Таллюцинация, - решил он. - Торговец наткнулся на забытый секретный склад с психоделиками времен Войны за Освобождение. И я принял громадную порцию этой гадости!"

На ватных ногах Чьень добрался до видеофона и вызвал ближайший участок слубеза.

- Я случайно обнаружил торговца психоделическими наркотиками, - пробормотал он в трубку.

- Ваше имя и адрес? - рявкнул деловой, энергичный голос дежурного офицера.

Чень сообщил нужные сведения, потом с трудом вернулся в кресло. И снова оказался лицом к лицу с чудовищным видением на телеэкране. "Это смертельно, - решил он. - Наверное, какой-то супернаркотик, синтезированный в тайных лабораториях Вашингтона или Лондона. Во много раз сильнее ЛСД-26, который сбрасывали в наши резервуары. И я собирался отдохнуть от речей Вождя... Дурак! Этот электронный, пластиковый, звонящий и машущий щупальцами монстр гораздо хуже. У меня душа уходит в пятки - жить так до самого конца..."

Через десять минут в дверь забарабанили сотрудники слубеза. К этому времени, знакомый образ Вождя постепенно вернулся на экран, заменив нереального робота со щупальцами и визгливыми раструбами.

- Психоделический токсин, - объяснил Чень, подведя двух слубезовцев к столу, где лежал конвертик. - Короткодействующий. Адсорбируется непосредственно в кровь через носовые полости. Я сообщу подробности об обстоятельствах его приобретения - где, у кого, все приметы. - Чень с трудом вздохнул. От потрясения голос у него стал хриплым.

Слубезовцы ждали, изготовив шариковые ручки. И где-то на заднем плане дребезжал неутомимый Абсолютный Благодетель. Как тысячу вечеров до этого. "Хотя теперь все будет по-другому - подумал Чень, - я уже не смогу воспринимать его как всегда. Может, они этого и добивались?"

Странно, что он подумал так - "они". Но почему-то это показалось правильным. На миг он засомневался - выдавать ли слубезовцам точные приметы калеки-торговца?

- Уличный торговец, - сказал он. - Где, не помню. -

Хотя он прекрасно помнил тот перекресток. В конце концов, преодолевая непонятную нерешительность, он выложил все.

- Спасибо, товарищ Чень. - Начальник патруля собрал остатки порошка и убрал в карман красивой, аккуратной формы. - Мы сделаем анализ как можно быстрее и сообщим вам в случае, если вам потребуется медицинская помощь. Некоторые военные психоделики были смертельно опасны, как вы, несомненно, читали.

- Читал, - согласился Чень. Именно этого он и боялся.

- Всего хорошего и спасибо за звонок.

Слубезовцы удалились. Похоже, они были не очень удивлены - очевидно, подобные инциденты случались нередко.

Лабораторный анализ был произведен на удивление быстро - учитывая разветвленность бюрократического аппарата: видеофон зазвонил, когда Вождь еще не окончил речи.

- Это не галлюциноген, - сообщил Ченью работник слубезовской лаборатории.

- Разве? - Странно, он не испытал облегчения. Ни в малейшей степени.

- Даже наоборот. Это фенотиазин. Как вам, наверное, известно, это антигаллюциногенный препарат. Доза на грамм смеси довольно сильная, но безвредная. Возможно, понизится давление, вы будете испытывать сон-

ливость. Скорее всего, препарат украден из тайного военного склада, брошенного отступающими варварами, Так что не волнуйтесь.

Чьень медленно опустил трубку. И подошел к окну - оттуда открывался прекрасный вид на другой ханойский многоквартирный комплекс, - чтобы подумать.

В дверь опять позвонили. Словно во сне, он пошел открывать.

На пороге стояла девушка в плаще, голова повязана платком, частично скрывавшим длинные темные волосы. Она сказала тихим, кротким голосом:

- Товарищ Чьень? Тун Чьень из Министерства...

Чисто машинально впустил ее в прихожую и запер дверь.

- Вы подключились к моему видеофону, - сказал он. Это был выстрел наугад, но что-то подсказывало Чьеню, что он угадал.

- Они... забрали препарат? - Девушка огляделась. - Хорошо, если нет. Сейчас так трудно его доставать.

- Фенотиазин доставать труднее, чем нюхательный табак. Так вас нужно понимать?

- Девушка пристально посмотрела на него большими загадочными глазами.

- Да, товарищ Чьень. - Она помолчала. - Что вы видели на экране? Скажите. Это очень важно. Мы должны знать.

- Разные люди видят разное?

- Да. Это и сбивает нас с толку. Мы не можем понять... Это ни в какую схему, ни в какую теорию не укладывается. - Ее глаза стали еще темней и глубже. - Морской дракон? С чешуей, клыками, плавниками? Или инопланетное чудовище, покрытое слизью, да? Пожалуйста, расскажите, мы должны знать. - Ее плащ поднимался в такт неровному изволнованному дыханию. Чьень вдруг обнаружил, что наблюдает за ритмом.

- Я видел машину, что-то вроде робота.

- Ага! - Она кивнула. - Понятно. Механическое существо, абсолютно нечеловеческое. Не андроид, а нечто на человека непохожее.

- Совершенно непохожее. "И разговаривать по-человечески оно тоже не умеет", - добавил он про себя.

- Вы ведь понимаете, это была не галлюцинация.

- Мне сообщили - препарат оказался фенотиaziном. Больше я ничего не знаю. - Чьень старался говорить как можно меньше. Ему хотелось услышать, что скажет девушка.

- Итак, товарищ Чьень... - Она глубоко вздохнула. - Если это не галлюцинация, то что? Может, то, что называется "сверхсознанием"?

Чьень не ответил. Он взял со стола сочинения, повертел в руках, бросил обратно. Он ждал продолжения.

Девушка стояла рядом, словно возникнув из весеннего дождя: она пахла дождем. Он чувствовал ее волнение, и она была прекрасна в этой изволнованности, в том, как она пахла, как выглядела и говорила. "Это тебе не телевизор, к которому привыкаешь с пленок", - неожиданно подумал он.

- Люди, принимавшие стелазин, а вы действительно приняли стелазин, товарищ Чьень, - видят разные вещи, - немного хрипло произнесла она. Но варианты ограничены, их можно собрать в характерные группы. Одни видят то, что и вы - мы называем этот феномен "Железяка". Другие что-то вроде морского чудовища - "Пасть". Еще есть "Птица", "Заоблачная труба" и ... - Она зашнулась. - Остальные реакции говорят нам еще меньше. Теперь, товарищ Чьень, вы тоже видели э т о. Мы бы хотели, чтобы и вы участвовали в наших собраниях. В группе наблюдателей, которая видела то же, что и вы. Это так называемая Красная группа. Мы стремимся выяснить, ЧТО это на самом деле...

Она пошевелила гладкими, словно вылепленными из матового воска пальцами. - Не может же о н о быть всем одновременно. - В тоне девушки слышалось недоумение, какое-то детское удивление. Ее настороженность явно ослабла.

- А что вы видите? Лично вы?

- Я в желтой группе. Я вижу ...бурю. Воющий смерч. Вырывающий с корнем деревья, разносящий в пыль здания... - Она грустно улыбнулась. - Это "Разрушитель". Всего двенадцать групп, товарищ Чьень. Двенадцать совершенно разных восприятий одного и того же телеобраза Вождя. Под воздействием одного и того же препарата. - Она снова улыбнулась. Теперь она смотрела на него с доверием и ожиданием. Как будто он мог помочь.

- Вообще-то я должен вас арестовать, - сказал Чьень. - Произвести гражданский арест.

- Нет статьи в законе. Мы тщательно изучили советский кодекс, прежде чем организовать распространение стелазина. Запас у нас небольшой, и мы не раздаем его кому попало. Вы нам показались подходящей кандидатурой - известный, пользующийся доверием молодой чиновник послевоенного типа, уверенно поднимающийся по ступенькам карьеры. - Она взяла сочинения. - А, вас просчитывают, да?

- Что делают? - не понял он.

- Дают вам изучить какой-нибудь документ и проверяют, соответствует ли ваша реакция текущему взгляду партии. Она улыбнулась. - Когда вы подниметесь на ступеньку выше, то узнаете это выражение. Подниметесь к товарищам Цзо-Пиню и Петелю, - добавила она уже серьезно. - Товарищ Петель стоит очень высоко. Никакой школы в Сан-Фернандо нет, эти сочинения сфабрикованы специально, чтобы проверить вашу идейную надежность, товарищ Чьень. Кстати, вы уже определили, где ересь? - Она произнесла эти слова тоненьким, как у гнома, голосом, с ноткой насмешливой угрозы. - Один неверный шаг, неверный выбор, и ваша расцветающая карьера будет задущена в зародыше. Но если вы угадаете...

- А вы-то знаете, где какое сочинение? - возмутился он.

- Да. - Она серьезно кивнула. - У нас есть микрофоны в кабинете Цзо-Пиня. Мы подслушали его беседу с товарищем Петелем. На самом деле его зовут Джуд Крейн: он старший инспектор высшего отдела Сеслужа - секретной службы. Наверное, вы слышали это имя - он был

главным ассистентом судьи Ворлавского на послевоенном процессе 1998 года в Цюрихе.

- Я... понимаю, - с трудом выдавил Чьень. Теперь многое становилось ясным.

- Меня зовут Таня Ли, - представилась девушка.

Он молча кивнул. Потрясение было еще сильно, и опарашенный Чьень никак не мог собраться с мыслями.

- В общем-то, я мелкий служащий в вашем Министерстве, - продолжала Ли. Но, насколько я помню, мы с вами никогда не встречались даже случайно. Мы стараемся пробраться на самые разные посты государственной машины. Мой начальник...

- Может, не стоит все рассказывать? - Он показал на включенный телевизор. - Они могут подслушать.

- Мы заблокировали прием и передачу по каналу вашей квартиры. Повысили уровень помех. Им потребуется не менее часа, чтобы отыскать экран. У нас осталось... - Она посмотрела на крошечные часы на тонком запястье, - пятнадцать минут. Пока мы в безопасности.

- Скажите ... какое из сочинений искреннее? - попросил он.

- Вас волнует только это?

- А что еще должно меня волновать?

- Разве вы еще не поняли? Вы узнали такое... Вождь на самом деле не Вождь. Он - нечто другое, хотя мы пока не можем выяснить, что. Пока. Товарищ Чьень, вы когда -нибудь делали анализ вашей питьевой воды? Я знаю, это похоже на манию преследования, но все же?

- Конечно, нет. - Он уже знал, что она скажет.

- Анализы показывают, что питьевая вода насыщена галлюциногенами. Была, есть и будет. Но это не те галлюциногены, которыми пользовались во время войны. Это новое квазиэрготическое соединение "Датрокс-3". Вы его пьете дома, в ресторанах, у друзей. Вы пьете его на работе - вся вода в городе отравляется из одного источника, - гневно сказала она. - Мы раскусили эту загадку и поняли, что фенотиазин нейтрализует действие наркотика. Но чего мы не предполагали - так это целого букета, целого веера реакций. Ведь галлюцинации могут отличаться, но реальность должна восприниматься однозначно. Все получилось наоборот. Перевернулось с ног на голову. Мы не смогли даже прийти к какой-нибудь теории, объясняющей этот феномен. Двенадцать видов галлюцинаций - это понять несложно. Но одна галлюцинация и двенадцать реальностей! - Она замолчала, наморщив лоб, посмотрела на сочинения. - Вот эта, с арабским стихотворением, правильная работа. Если вы укажете на нее, то получите повышение. Поднимитесь еще на одну ступеньку в партийной иерархии. - Улыбнувшись - у нее были красивые белые зубы, она добавила: - Сегодня утром вы совершили выгодное вложение капитала. Теперь вашей карьере некоторое время ничего не грозит - благодаря нам.

- Я не верю вам. - Им руководила инстинктивная осторожность, выработанная долгой жизнью среди головорезов ханойского отделения восточной компартии. Они владели мириадом способов "вырубить" со-

перника - некоторыми из них Чень сам пользовался за годы карьеры. Возможно, сейчас он имеет дело с новым еще неизвестным ему способом. Всегда остается такая вероятность.

- В сегодняшней речи Вождь упомянул вас, - сказала Таня. - Вам это не показалось странным? Вас, мелкого кабинетного служащего заштатного Министерства...

- Согласен, - признал он. - Меня это поразило.

- Это логично. Великий Вождь сейчас формирует новую элиту - молодых энергичных функционеров послевоенного поколения. Вождь выделил вас по той же причине, что и мы. Ваша карьера - по крайней мере, пока - если к ней подойти правильно, способна вознести вас на самый верх. Вот такие дела.

"Интересно, - думал он, - все в меня верят. Кроме меня самого. Особенно теперь, после опыта с антигаллюциногеном. Убеждения, сформировавшиеся годами, дали трещину. И несудивительно". Но постепенно он приходил в себя, и бывшая уверенность преуспевающего чиновника давала себя знать.

Подойдя к видеофону, он снял трубку и начал набирать номер ханойского слубеза - второй раз за вечер.

- Это будет вашей второй фатальной ошибкой - заметила Таня. - Я скажу, что вы заманили меня в квартиру и пытались дать взятку, предполагая, что я знаю, какое сочинение искреннее - благодаря моему посту в Министерстве.

- А что было моей первой фатальной ошибкой?

- То, что вы не приняли дополнительную дозу фенотиазина, - спокойно сказала Таня Ли.

Тун Чень положил трубку. "Не понимаю, что со мной творится. Две силы. С одной стороны - Партия и Великий Вождь. С другой - эта девушка и некая конспиративная организация за ее спиной. Одна сила хочет, чтобы я поднимался выше в иерархии Партии, вторая... Чего хочет Таня Ли? Внутри, под прикрытием слов и тривиального презрения к Партии, Вождю и моральным принципам Народного Демократического Объединенного Фронта? Что ей надо от меня?"

- Вы антипартиец? - спросил он с любопытством.

- Нет.

- Но... - Он развел руками. - Третьего не дано. Партия и Антипартия. Тогда вы должны быть партийцем. - Он изумленно смотрел на нее. Таня спокойно выдержала его взгляд. - Тайная организация. Против чего вы боретесь? Против государства? Вроде тех студентов в Америке, которые во время войны во Вьетнаме останавливали военные эшелоны, выходили на демонстрации?..

- Все совсем не так, - устало сказала Таня. - Но это не важно. Оставим. Мы хотим знать, кто или что нами управляет. Нам нужен такой член организации, который имеет шанс лично встретиться с Вождем, лицом к лицу. Тет-а-тет. Вы понимаете? - Она повысила голос. Потом взглянула на

часы, явно опасаясь, что не успеет скрыться. - Очень немногим удастся увидеть Вождя - я имею в виду - на самом деле увидеть.

- Он ведет уединенный образ жизни. Преклонный возраст все-таки.

- Мы надеемся, - продолжала Таня, - что, пройдя испытание - а с моей помощью вы практически его прошли, - вас пригласят на одну из вечеринок - только для мужчин, - Вождь устраивает их время от времени, и газеты о них, естественно, не сообщают. Теперь понимаете? - Она перешла на горячий, быстрый шепот. - И тогда мы узнаем... Вы пойдете туда, приняв препарат, и когда увидите Его, лицом к лицу...

- Что станет концом моей карьеры, если не жизни, - подхватил он.

- Вы нам кое-что должны, - напомнила Таня Ли. Лицо ее побелело. - Если бы не подсказка, вы бы наверняка выбрали неправильное сочинение. И вашей карьере преданного слуги общества пришел бы конец. Вы провалили бы испытание, даже не подозревая, что вас испытывают.

- У меня был один шанс из двух, - примирительно сказал он.

- Нет, - отрезала она. - Фальшивка набита ловко подобранными партийными лозунгами. Они намеренно устроили вам ловушку. Они х о т е л и, чтобы вы провалились.

Чэнь опять взглянул на сочинения. Он был сбит с толку. Правду ли она говорит? Возможно. Вероятно. Очень похоже на правду. Кто-кто, а он хорошо знал партийных функционеров. Особенно своего непосредственного начальника, Цзо-Пиня. Он вдруг почувствовал усталость и безразличие.

- Значит, услуга за услугу. Вы этого требуете. Вы услугу мне оказали: добыли - надеюсь, верный - ответ на вот этот парттест. Но вы свой ход сделали. Что помешает мне вышвырнуть вас вон? Как захочу, так и поступлю - я себя ничем не связывал. - Он слышал свой голос как будто со стороны: монотонный, бездушный - типичный голос партийного функционера.

- По мере вашего продвижения вы столкнетесь с новыми проверками. И мы будем стараться, чтобы вы эти проверки прошли, - сказала Таня Ли. Она была совершенно спокойна - очевидно, предвидела его реакцию.

- Сколько у меня времени на раздумье?

- Спешить некуда - вы получите приглашение на личную виллу Вождя у Желтой реки не раньше следующей недели. Или даже в следующем месяце. - Она остановилась на пороге. - Если вам будут грозить новые проверки, мы предупредим. Так что вы еще встретитесь со мной или с кем-нибудь из наших. Возможно, с тем ветераном - калеской. На этот раз он продаст вам листок с правильным ответом. - Она улыбнулась, но улыбка тут же погасла, как задутая свеча. - И однажды вы получите торжественное официальное приглашение на виллу Вождя, очень красивый бланк. - Вы пойдете туда, предварительно приняв большую дозу стелазина... возможно, весь остаток нашего быстро текущего запаса. Спокойной ночи.

Дверь закрылась. Она ушла.

"Бог мой, - подумал Чьень. - они ведь могут теперь шантажировать меня. А она даже не упомянула об этом. Не стоило тратить время - их намерения гораздо серьезнее".

С другой стороны... Он ведь сообщил в Слубез. Наркотик оказался фенотиазином. Значит, они следят. В сущности, он не нарушал закона, но... они будут тщательно за ним наблюдать. Впрочем, как и всегда. Он уже привык, за прошедшие годы. Привык, как и все остальные.

"Я увижу Абсолютного Благодетеля Народа, - сказал он себе, - встретить Вождя и, возможно умереть... На что он похож? К какому под-классу негаллюцинаций будет он принадлежать? Какой-нибудь новый, неизвестный тип? Нечто, грозящее перевернуть мой мир? Как я выдержу эту встречу, как сохраню внешнее спокойствие после того, что видел по телевизору? Железяка, Пасть, Разрушитель, Труба - или что-нибудь похуже?

Потом он перестал ломать голову. Гадать было бесполезно. И очень страшно.

На следующее утро товарищи Цзо-Пинь и Петель ждали в его кабинете. Вернее, выжидали. Чьень без лишних слов вручил им "экзаменационное сочинение" с арабским стихотворением.

- Вот это, - сказал он звонким голосом, - работа преданного члена партии или, может быть, кандидата в члены. Эта же ... - Он хлопнул по второй пачке листов, - реакционный мусор. - Он почувствовал злость. - Несмотря на внешне ортодоксальную...

- Прекрасно, товарищ Чьень, - кивнул Петель. - Не будем вдаваться в подробности. Ваш анализ дал верный результат. Вы слышали, Вождь вчера упомянул ваше имя в вечернем телевыступлении?

- Конечно, слышал.

- Не сомневаюсь, вы сделали соответствующий вывод, что все мы вовлечены в дело особой важности. Вождь выделяет вас, это ясно. Собственно, он связался со мной лично и ... - Петель принялся рыться в своем пухлом портфеле. - Черт, кажется, потерял. Ну, ладно... - Он посмотрел на Цзо-Пиня, тот едва уловимо кивнул. - Великий Вождь хотел бы видеть вас на обеде в своем загородном доме у реки Янцзы, вечером следующего четверга. Миссис Флетчер особо оценит...

- Кто такая миссис Флетчер?

Цзо-Пинь сухо пояснил:

- Жена Абсолютного Благодетеля. Его самого зовут... Вы, не сомневаюсь, никогда об этом не слышали... Его зовут Томас Флетчер.

- Он кавказец, - объяснил Петель. - Работал в новозеландской компартии, принимал участие в захвате власти - это было нелегко, как вы помните. Эта информация не является секретной - в строгом понимании. Но, с другой стороны, не стоит слишком распространяться. - Он помолчал, играя цепочкой часов. - Наверное, будет лучше, если вы вообще забудете

об этом. Конечно, как только вы его встретите, вы узнаете по его лицу, что он кавказец, как и я. Как и многие из нас.

- Национальность, - назидательно заметил Цзо-Пинь, - не влияет на верность Вождю и Партии. Яркий тому пример товарищ Петель, стоящий перед вами.

- Но на экране... - начал Чьень. - Вождь...

- Изображение подвергается специальным видеокоррекциям, - перебил Цзо-Пинь. - Из идейных соображений. Большая часть товарищей на высоких постах знает об этом. - Он с осуждением смотрел на Чьень.

"Значит они знают. И молча соглашаются - все, что мы видим каждый вечер, это иллюзия. Вопрос - до какой степени иллюзия? Частично? Или полностью?"

- Понимаю, - сухо сказал он. И подумал: "Где-то выпля промашка. Они - те, кто стоит за спиной Тани Ли, - не предполагали, что я так быстро получу это приглашение. Где препарат? Успеют они связаться со мной или нет? Скорее всего, нет".

Странно, он испытывал облегчение. Он будет допущен к Великому Вождю, увидит его таким же, как видел на экране. Будет очень приятный, поощряющий партийную энергию обед в компании наиболее влиятельных партийцев Азии. "Уверен, мы обойдемся и без фенотиазинов", - подумал Чьень.

Чувство облегчения становилось все сильнее.

- А, вот она, наконец, - вдруг сказал Петель и выудил на свет божий белый конверт. - Ваш приглашительный билет. Утром в четверг ракета компании "Синорокет" доставит вас на виллу Вождя. Офицер, отвечающий за соблюдение протокола, проведет с вами беседу. Форма одежды парадная - фрак и галстук, но атмосфера будет в высшей степени теплая и сердечная. И, как всегда, много тостов. Я побывал на двух таких мальчишниках. Товарищ Цзо-Пинь, - Петель изобразил улыбку, - пока не удостоился такой чести. Но, как сказано, ищущий да обрящет. Это сказал Бен Франклин.

- К товарищу Чьеню, должен отметить, эта честь пришла несколько преждевременно. - Цзо-Пинь с видом философа пожал плечами. - Но моего мнения не спрашивают.

- И еще одно, - сказал Петель. - Возможно, лично встретившись с Вождем, вы будете несколько разочарованы. Даже если так, будьте внимательны и ни в коем случае не показывайте истинных своих чувств. Мы привыкли, - нас даже приучили, - видеть в Вожде не просто человека, а нечто большее. Но за столом он... - Петель пошевелил пальцами, - во многих отношениях не отличается от нас, грешных. Он может рассказать анекдот с бородой или выпить лишнего... Откровенно говоря, заранее никогда не известно, как пройдет вечер, хотя, как правило, такие обеды кончаются не раньше следующего утра. И потому будьте предусмотрительны и примите дозу амфитамина. Офицер, отвечающий за протокол, снабдит вас таблетками.

"Вот как? Довольно неожиданная и интересная новость", - отметил про себя Чьень.

- Для внутренней крепости. И чтобы, как говорится, "пузырь хорошо держался". Вождь отличается большой выносливостью. Очень часто он все еще свеж и полон сил, в то время как остальные участники застолья давно свалились под стол.

- Выдающаяся личность, наш Вождь, - сладко пропел Цзо-Пинь. - Я считаю, его некоторая ... неумеренность только доказывает, что он славный парень. Плоть от плоти народной. Настоящий человек Возрождения, гармоничный во всех отношениях, как, например, Лоренцо Медичи.

- Очень верное и удачное замечание, - согласился Петель. Он так пристально наблюдал за Чьенем, что последнему опять стало неуютно, вернулось зябкое ощущение страха, как вчера вечером. "Не попаду ли я из огня да в полымя? Вчерашняя девица - вдруг она была агентом Сеслужа?"

Он решил, что всеми правдами и неправдами постарается уклониться от встречи с безногим торговцем. Будет ходить домой другой дорогой.

Ему везло. В тот день он сумел скрыться от калеки, и на следующий тоже, и так далее, до самого четверга.

Утром в четверг калека - торговец неожиданно выкатил из-за какого-то грузовика и загородил Чьеню дорогу.

- Как мое лекарство? - требовательно поинтересовался он. - Помогло? Я уверен, что помогло - состав очень древний, времен династии Сун. Вижу, оно вам помогло. Правильно?

- Прочь с дороги, - процедил Чьень сквозь зубы.

- Прошу, ответьте мне! - Тон калеки не имел ничего общего с обычным нытьем уличных торговцев, особенно калек. Именно тон подействовал на Чьеня. "Командирский голос", - как говаривали офицеры марионеточных империалистических войск много лет тому назад.

- Я сам знаю, что было в вашем пакетк. - огрызнулся Чьень. - И с меня довольно. Если я передумаю, то куплю это вещество в нормальной аптеке. Большое спасибо.

Он попытался скрыться, но тележка и ее безногий пассажир устремились в погоню.

- Со мной говорила товарищ Ли, - громко сказал калека.

- Правда? - Чьень прибавил шаг. Он заметил свободное аэротакси и отчаянно замахал рукой.

- Сегодня вечером вы будете на вилле у реки Янцзы. Возьмите препарат, немедленно. - Калека, пытая от усталости, протянул конверт. - Прошу вас, партиец Чьень. Ради вас и нас всех. Мы должны выяснить, что это. Видит Бог, возможно, это даже не человек, а инопланетное существо. Это было бы самое страшное. Вы понимаете? Ваша ничтожная карьера - пустое место, если только представить... Если мы не сможем выяснить...

Такси остановилось у обочины, дверца плавно отъехала, Чьень полез в кабину.

- Пожалуйста, - просил калека. - И бесплатно. Ничего вам не будет стоить. Примите перед началом обеда. И не глотайте амфетаминов - они из группы таламостимуляторов, а фенотиазин - адреналосупрессант, они взаимно противопоказаны...

Дверь плавно скользнула на место, Чьень откинулся на спинку.

- Куда едем, товарищ? - спросил робоводитель.

Чьень назвал номер своего жилого корпуса.

- Полоумный калека-торговец ухитрился протиснуть образец своего сомнительного товара в мою стерильную кабину, - заметил таксист. - Обратите внимание, товарищ, у вашей ноги.

Чьень увидел конверт - обычный с виду конверт. "Вот так становишься наркоманом, - подумал он. - Откуда ни возьмись, лежит рядом с тобой пакетик...". Поколебавшись, он поднял конверт.

На конверте опять была надпись, на этот раз сделанная от руки. Женский почерк. Наверное, Тая Ли.

"События застали нас врасплох. Но, слава Богу, мы успели. Где вы были во вторник и среду? Неважно. Вот препарат. И удачи. Не пытайтесь со мной связаться. Я найду вас сама".

Он сжег конверт в автоматической пепельнице такси. Но темные гранулы оставил у себя.

"Таллюциногены, все это время, все годы. В воде, в пище. Десятилетиями. Не во время войны - в мирное время. И не в лагере врагов - у себя дома. Сволочи, - подумал он. - Наверное, нужно принять гранулы. Выяснить, наконец, что о н собой представляет. Я так и сделаю". - Он почувствовал, что ему интересно. Это плохо, он понимал. Любопытство противопоказано для партийной карьеры.

Тем не менее он был охвачен нетерпением. Надолго ли его хватит? Хватит ли смелости принять вещество?

Время покажет. "Мы цветы, - подумал он. - В саду, где о н срывает нас. Как в том арабском стихотворении". Чьень хотел вспомнить, что в нем еще говорилось, но не смог.

Наверное, это неважно.

Офицер протокола, высокий и мускулистый японец по имени Кимо Окубара, в прошлом явно борец, осмотрел Чьеня со скрытой враждебностью, хотя тот предъявил тисненную карточку - приглашение и удостоверение личности.

- И стоило вам сюда тащиться, - проворчал японец. - Смотрели бы лучше телевизор дома. Мы тут и без вас прекрасно обходились.

- Телевизор я уже смотрел, - сухо ответил Чьень. "К тому же обеды на вилле не транслируются, - добавил он про себя, - по соображениям простынности".

Ребята Окубары обыскали Чьеня с ног до головы - включая анальное отверстие - на предмет оружия. Потом ему вернули одежду. Фенотиазин они не нашли, потому что он его уже принял. Подобные препараты дейст-

вуют часа четыре. Этого вполне хватит. Таня сказала, что доза была сверхбольшой. Он испытывал слабость, головокружение, спазмы, симптомы псевдопаркинсоновой болезни - все это были побочные эффекты.

Мимо прошла девушка, до пояса обнаженная, с длинными медно-рыжими, как хвост кометы, волосами. Интересно.

С другой стороны показалась еще одна девушка. Эта тоже была обнажена до пояса, но в нижней части. Еще интересней. Обе девицы имели вид отсутствующий и скупающий.

- Вы тоже будете в таком виде, - сообщил ему Окубара.

Чьень изумился:

- Как я понял, фрак и галстук...

- Я пошутил, - объяснил японец. - А вы и поверили. Только девушки ходят раздетыми. Можете даже ими наслаждаться, если вы не гомосексуалист.

"Что ж, - подумал Чьень, - будем наслаждаться". Вместе с другими приглашенными - мужчины были во фраках, женщины в вечерних платьях - он принялся прохаживаться туда - сюда. Он чувствовал себя не в своей тарелке, несмотря на успокаивающее действие стелазина. Зачем он здесь? Неопределенность ситуации вызывала тревогу. Ради продвижения по партийной лестнице, чтобы получить одобрителный кивок Вождя... и в добавок, он здесь, чтобы уличить Вождя в обмане. Каком обмане - Чьень не знал, но обмане. Обмане Партии, обмане всех миролюбивых демократических сил планеты. И он начал новый круг по залу.

К нему подошла девушка с маленькими ярко светящимися грудями и попросила прикурить. Чьень машинально достал зажигалку.

- А почему у вас груди светятся? - спросил он. - Радиоактивные инъекции?

Ничего не ответив, девушка пожала плечами и отошла. Очевидно, он сморозил какую-то бестактность.

"Наверное, послевоенная мутация", - решил Чьень.

- Прошу вас, товарищ. - Лакей изящным жестом протянул поднос. Чьень выбрал мартини - в данный момент это был самый модный напиток среди высшего партийного класса Народного Китая - и отпил глоточек ледяной смеси. "Отличный английский джин, - отметил он про себя. - Может, даже с добавлением настоящего голландского можжевельника, или что они там добавляют". Он почувствовал себя лучше. "В принципе, здесь совсем неплохо, - решил он. - Даже весьма приятная обстановка. Все такие респектабельные, уверенные в себе. Они хорошо потрудились, теперь можно немного отдохнуть. Очевидно, это миф, будто рядом с Вождем люди испытывают тревогу и нервное возбуждение". Ничего подобного он пока не замечал - ни в себе, ни в других.

Какой-то широкоплечий пожилой человек остановил Чьеня очень простым способом: уперев ему в грудь свой бокал.

- Тот лилипут, - сказал он, ухмыльнувшись, - который просил у вас прикурить, ну, с грудями, как огни рождественской елки, на самом деле мальчик. - Он захихикал. - Здесь нужно держать ухо востро.

- А где можно найти нормальных женщин? Во фраках и с галстуками? - попытался сострить Чьень.

- Очень даже рядом. - Человек удалился, оставив Чьеня наедине с мартини.

Высокая красивая женщина в роскошном платье, стоявшая рядом с Чьенем, вдруг схватила его за руку. Он почувствовал, как напряглись ее пальцы. Она сказала:

- Вот он. Великий Вождь. Я вижу его в первый раз и так волнуюсь. У меня прическа в порядке?

- В полном, - пробормотал Чьень и посмотрел в ту же сторону, что и женщина. Первый взгляд на Абсолютного Благодетеля.

Вождь шел через зал, к столу. И это был не человек.

Но и не металлическая конструкция. Совсем не то, что Чьень видел по телевизору. Очевидно, механическое чудище предназначалось только для речей. Наподобие искусственной руки, которой однажды воспользовался Муссолини, чтобы приветствовать длинную и утомительную процессию.

"Боже, - подумал Чьень. Ему стало плохо. - Может, это подводный дракон, "Пасть"? Таня Ли что-то такое упоминала?" Но э т о не имело пасти. Ни щупалец, ни даже плоти. Собственно, Его там вообще словно не было. Стоило Чьеню сфокусировать на э т о м взгляд, и оно исчезало. Он видел сквозь него, видел людей по ту сторону зала, но не видел е г о с а м о г о. Однако когда он отворачивался, то боковым зрением сразу замечал е г о туманные контуры.

Оно было ужасно. Источаемый им ужас окатил Чьеня, как волна испепеляющего жара. Продвигаясь к столу, оно высасывало жизнь из людей, попадавших на пути. Одного за другим, пожирая их энергию с бездонным аппетитом. Оно их ненавидело - Чьень чувствовал его ненависть. Оно на дух не переносило людей, всех и каждого, - и Чьень улавливал долю этого отвращения. В мгновение ока все присутствующие на вилле превратились в мерзких слизняков, и это существо шествовало по склизким панцирям упавших, раздавленных улиток, глотало, пожирало, насыщалось... и надвигалось прямо на Чьеня. Или то была иллюзия? "Если это галлюцинация, то самая жуткая в моей жизни, - подумал Чьень. - Если реальность, то чересчур жестокая. Порожденное абсолютным злом существо, убивающее и заглатывающее поверженные жертвы". Он смотрел на след существа - цепочку раздавленных, искалеченных мужчин и женщин. Он видел, как они пытались заново собрать свои изуродованные тела, силились что-то сказать.

"Я знаю, кто ты, - подумал Тун Чьень. - Ты — верховный Вождь всемирной Партии, разрушитель и истребитель жизни. Я видел стихотворение арабского поэта. Ты ищешь цветы жизни, чтобы пожрать их. Ты оплел Землю, и нет для тебя ни высоты, ни глубины. Где угодно, когда угодно - появляешься ты и поглащаешь. Ты создал жизнь, чтобы затем поглотить ее. И в этом находишь наслаждение.

Ты БОГ, - подумал он.

- Товарищ Чьень, - сказал Голос. Голос исходил не со стороны безрогого и безязыкого видения, материализовавшегося прямо перед ним, а звучал внутри головы Чьеня. - Приятно познакомиться с вами. Что вы понимаете? Что знаете? Подите прочь. Какое мне дело до всех вас? Слизь. Какое мне дело до слизи? Да, я увяз в ней. Да, я испражняю слизь, но иду на это сознательно. Я мог бы раздавить всех вас. Я мог бы раздавить даже самого себя. Острые камни на пути моем, и слизь усеяна иглами и лезвиями. Я создаю для вас ловушки и тайники, глубокие тайные убежища, но моря для меня как кастрюля с варевом. Чешуйки моей кожи связаны со всем, что есть. Ты - я. Я - ты. Но это неважно. Так же неважно, как является ли существо с огненными грудями мальчиком или девочкой. Можно получать удовольствие от тех и других. - Оно засмеялось.

Чьень не мог поверить, что оно разговаривало с ним. Что оно выбрало его. Это было слишком ужасно.

- Я выбрал всех и каждого, - продолжало оно. - Нет малых, нет великих, каждый упадет и умрет, и я буду рядом, наблюдая. Каждый раз. Так устроен мир. Мне ничего не нужно делать, только смотреть.

И вдруг связь прервалась. Но Чьень видел его. Как громадную сферу, повисшую в комнате. С миллионом, миллиардом глаз - для каждого живого существа. И когда живое существо подало, оно наступало на него и давило. "Для этого оно и сотворило жизнь, - понял он. - В арабском стихотворении говорилось не о смерти, а о Боге. Или, скорее, Бог и есть смерть. Одна сила, один охотник, один и тот же монстр-каннибал, и раз за разом оно попадало или промахивалось, но, имея в запасе вечность, ему некуда было спешить. Второе стихотворение тоже о нем, понял он вдруг. - То, что написал поэт Драйден. Жалкий хоровод - это мы, наш мир. И ты сейчас поглощаешь его. Мнешь, изменяешь согласно своему плану.

Но по крайней мере, - подумал он, - у меня осталось мое собственное достоинство".

Он с достоинством поставил бокал, повернулся, пошел к дверям. За дверьми оказался длинный коридор с ковровой дорожкой. Лакей в фиолетовой ливрее услужливо распахнул перед ним двери. Чьень оказался в темноте, на пустой веранде. Один.

Нет, не один.

Оно последовало за ним. Или уже было на веранде? Да, оно поджидало его. Оно с ним еще не покончило.

- Оп-ля! - Чьень головой вперед бросился через перила. Внизу, в шести этажах, блестела река - смерть, настоящая смерть, совсем не такая, как в арабском стихотворении.

Когда Чьень перелетал через перила, оно выпустило щупальце и ухватило его за плечо.

- Зачем? - удивился Чьень, но все-таки не стал вырываться. Он не понимал. И ему стало немного интересно.

- Не делай этого из-за меня, - сказала оно. Чьень не мог видеть его - оно стояло за спиной. Но часть его, на плече Чьеня, теперь выглядела как человеческая рука.

- Оно рассмеялось.

- Что смешного? - спросил Чьень, балансируя на перилах, придерживаемый псевдорукой.

- Ты делаешь мою работу за меня. Ты нетерпелив. Разве у тебя нет времени подождать? Я еще выберу тебя, не стоит упреждать события.

- А если я хочу сам? - спросил Чьень. - Из-за отвращения?

Оно засмеялось. И промолчало.

- Почему ты молчишь?! - воскликнул Чьень.

И опять не получил ответа. Он прыгнул обратно на веранду. И ладонь сразу отпустила плечо.

- Ты основатель Партии? - допытывался Чьень.

- Я основатель всего. Я основал Партию, и Антипартию, тех, кто за нее, и тех, кто против, тех, кого вы зовете империалистами-янки, тех, что окопались в лагере реакции, и так до бесконечности. Я основал все это. Я засеял этот мир жизнью, словно поле травой.

- И теперь наслаждаешься своим твореньем?

- Я хочу, чтобы ты увидел меня таким, каков я есть, а увидев, уверовал.

- Что? - Чьень дрогнул. - Уверовал во что?

- Ты в меня веришь? - спросило оно.

- Да. Я тебя вижу.

- Тогда возвращайся к своей работе в Министерстве. Тане Ли скажи, что видел старика, толстого, усталого, который любит выпить и ущипнуть смазливую девицу за зад.

- Боже, - прошептал Чьень.

- И пока ты будешь жить, не в силах остановиться, я буду тебя мучить. Я отберу у тебя, одно за другим, все, что у тебя есть, и все, что ты хочешь получить. А потом, когда ты будешь окончательно раздавлен и придет твой смертный час, я открою завесу тайны.

- Какой тайны?

- Воскреснут мертвые окрест. Я убиваю живое, я спасаю мертвое. И еще скажу тебе: есть вещи гораздо хуже, чем я. Но ты их не увидишь - к тому времени я тебя уже уничтожу. Теперь иди обратно на обед. И не задавай вопросов. Я делал так задолго до появления некоего Тун Чьеня, и буду так делать еще очень долго после него.

Оно ударил, ударил в ЭТО изо всех сил.

И почувствовал страшную боль в голове.

Наступила темнота. Чьень почувствовал, что куда-то падает.

И снова темнота. Он подумал: "Я еще доберусь до тебя. Ты сам умрешь. Ты умрешь в мучениях. Будешь мучиться, как мучаемся мы, точно так же как мы. Я тебя распну. Клянусь Богом, я тебя распну на чем-нибудь высоком. И тебе будет очень больно. Как мне сейчас".

Чьень зажмурился.

Кто-то дернул его за плечо, резко, грубо. Он услышал голос Кимо Окубары:

- Напился как свинья. А ну, поднимайся! Шевелись!

Не открывая глаз, Чьень попросил:

- Вызовите такси.

- Такси уже ждет. Отправляйся домой. Какой позор! Устроить дебош на обеде у Великого Вождя.

С трудом поднявшись на ноги, он открыл глаза, осмотрел себя. "Наш Вождь - Единственный Истинный Бог. И враг, с которым мы сражаемся - тоже Бог. Они правы, он - это все, что есть. А я не понимал, что это значит. Ты тоже Бог, - подумал он, глядя на офицера протокола. - Так что выхода нет, даже прыгать бесполезно. Это инстинкт сработал", - решил он, весь дрожа.

- Смешивать алкоголь и наркотики, - презрительно процедил Окубара, - значит навсегда испортить карьеру. Мне это не раз приходилось видеть. Пошел вон.

Пошатываясь, Чьень побрел к громадным центральным дверям виллы Янцзы. Два лакея в костюмах средневековых рыцарей торжественно распахнули створки, качнув плюмажами на шлемах. Один из них сказал:

- Всего доброго, товарищ.

- Иди ты на... - огрызнулся Чьень и вышел в ночь.

Без четверти три ночи. Чьень, не в силах сомкнуть глаз, сидел у себя в гостиной, курил одну сигару за другой. В дверь постучали.

Открыв, он увидел Таню Ли в шинели, с посиневшим от холода лицом. В глазах застыл немой вопрос.

- Не смотри на меня так, - грубо сказал он. Сигара погасла, и он раскурил ее заново. - На меня и так сегодня пялились больше, чем достаточно.

- Вы видели, - сказала она.

Он кивнул.

Она села на подлокотник кресла и, помедлив, попросила:

- Расскажите, как это было.

- Уезжай отсюда как можно дальше. Очень, очень далеко, - сказал он. Потом вспомнил - нет такого далеко, чтобы спрятаться, скрыться. Кажется, что-то об этом было в стихотворении.

- Забудьте, что я сказал. - Он с трудом дошел до кухни и стал готовить кофе.

- Так... так плохо? - спросила Таня, войдя следом.

- Мы обречены. Обречены - вы и я, то есть себя я не имею в виду. Я в это не ввязываюсь. Просто хочу работать в Министерстве и забыть все, что произошло. Забыть всю эту чертовщину.

- Это инопланетное существо?

- Да, - кивнул он.

- Оно настроено враждебно к нам?

- Да. И нет. И то, и другое одновременно. В основном - враждебно.

- Тогда мы должны...

- Иди-ка домой и ложись спать, - посоветовал Чьень и внимательно посмотрел на нее. Он довольно долго просидел в гостиной, и многое обдумал. Очень многое. - Ты замужем?

- Нет. сейчас - нет. Раньше была.

- Останься со мной, - попросил он. - До утра, пока не взойдет солнце. Уже недолго осталось. Я боюсь темноты, - добавил он.

- Ладно. - Таня расстегнула пряжку плаща, — но я должна получить ответы.

- Что имел в виду Драйден? - спросил Чьень. - Небесные сферы... Что это значит?

- Нарушатся законы Вселенной. - Она повесила плащ в шкаф спальни. Под плащом у не был оранжевый полосатый свитер и плотно облегающие брюки.

- Скверно, - вздохнул Чьень.

- Не знаю. Наверное, - подумав, ответила она.

- По-моему, это как-то связано с идеей старика Пифагора о "музыке сфер". - Она уселась на кровать и стала снимать туфли, похожие на тапочки.

- Ты веришь в это? Или ты веришь в Бога?

- Бога! - засмеялась она. - Время веры в Бога кончилось вместе с эпохой паровозов. О чем ты? О боге или о Боге?

- Не смотри на меня так. - Он резко отодвинулся. - После сегодняшнего вечера я не люблю, когда на меня смотрят.

- Если Бог существует, наши дела Его, наверное, мало волнуют. - сказала Таня. - Я так думаю. Победит зло или добро, погибнет человек или животное - Ему, судя по всему, это безразлично. Честно говоря, я не вижу никаких Его проявлений. И Партия всегда отрицала всякую форму...

- Но ты в Него верила? Когда была маленькой?

- Только тогда. И я верила...

- А тебе не приходило в голову, что "добро" и "зло" - это разные названия одного и того же? Что Бог может быть добрым и злым одновременно?

- Я тебе налью чего-нибудь. - Шлепая босыми ногами, Таня вышла на кухню.

- Разрушитель, - сказал Чьень. - Железяка, Пасть, Птица, Заоблачная Труба. Плюс другие названия, формы, не знаю. У меня была галлюцинация. На обеде у Вождя. Очень сильная и очень страшная.

- Но стелазин...

- От него стало еще хуже.

- Можно ли бороться с ним?.. - задумалась Таня. - Этим существом, созданием, призраком, видением - что ты видел? Ты называешь это галлюцинацией... но, очевидно, это была не галлюцинация.

Чьень сказал:

- Верь в него.

- И что это даст?

- Ничего, - устало ответил он. - Ровным счетом ничего. Я устал, пить не хочу. Давай ляжем в постель.

- Хорошо. - Она прошлепала обратно в спальню, начала стягивать через голову свой полосатый свитер. - Поговорим потом.

- Галлюцинация, - пробормотал Чьень, - Милосердная галлюцинация. Лучше бы у меня была галлюцинация. Верните мне мою галлюцинацию! Пусть все будет как раньше, до той встречи с калекой-торговцем.

- Ложись в постель. Тебе будет хорошо - тепло и приятно.

Он снял галстук, рубашку - и увидел на правом плече знак, стигмат, след руки, остановившей его прыжок с веранды. Красные полосы. Похоже, они никогда не исчезнут. Он надел пижамную куртку, чтобы скрыть следы.

- Твоей карьере теперь ничего не грозит, - сказала Таня. - Разве ты не рад?

- Конечно рад, - кивнул он, ничего не видя в темноте. - Очень рад.

- Иди ко мне, - позвала Таня, обнимая его. - Забудь обо всем. По крайней мере, сейчас.

Он прижал ее к себе. И стал делать то, о чем она просила, и чего хотел сам. Она была ловкая и хорошо справилась со своей ролью. Они хранили молчание, потом она выдохнула: "О-о!.." И обмякла.

- Если бы можно было продолжать вот так бесконечно, - сказал Чьень.

- Это и была вечность, - ответила Таня. - Мы были вне времени. Это безгранично, как океан. Наверное, так было в кембрийскую эру, пока мы не выползли на сушу. И есть только один путь назад - заниматься любовью. Вот почему это так много значит для нас. В те времена мы были как единое целое, как одна большая медуза.. Их иногда выбрасывает на берег волна.

- Выбрасывает на берег, и они умирают, - сказал он.

Он прошлепал в ванную за полотенцем. Там он снова - поскольку был голый, - увидел свое плечо, то место, где Оно его ухватило, втаскивая назад, чтобы поиграть с ним еще.

След кровоточил.

Чьень промокнул кровь, но она тут же выступила вновь. "Сколько я протяну? Наверное, несколько часов".

Вернувшись в спальню, он спросил:

- Ты не устала?

- Нисколько. Если ты можешь еще... - Она смотрела на него, едва видимая в смутном свете утра.

- Могу, - сказал он. И прижал Таню к себе.

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ

ПОВЕСТИ

ПРОБУЖДЕНИЕ РУМОКО

Когда Джей-9 вышла из-под контроля, я сидел в рубке, следя за исправностью аппаратуры на борту капсулы. Это была обычная, довольно скучная работа.

Внизу, в капсуле, находились два человека. Они осматривали Дорогу в Ад - высверленный в океанском дне туннель, по которому в самое ближайшее время должно будет открыться движение. Если бы в рубке присутствовал кто-нибудь из инженеров, отвечающих за Джей-9, я бы не встревожился. Но один из них улетел на Шпицберген, а другой с утра лежал пластом в медицинском изоляторе.

Внезапно ветер и течение, объединив усилия, накренили "Аквину", и я подумал, что сегодня - Канун Пробуждения. Затем я решительно пересек рубку и снял боковую панель.

- Швейцер! У вас нет допуска к этой аппаратуре! - воскликнул доктор Эсквит.

- Может, сами ее наладите? - предложил я, оглядываясь.

- Разумеется, нет! Я же в ней ничего не смыслю. Но вам...

- Хотите посмотреть, как умрут Мартин и Денни?

- Не мелите чепухи! Но все же вы не имеете...

- Тогда скажите, кто имеет, - оборвал его я. - Капсула управляется отсюда, и здесь у нас что-то полетело. Если вы можете вызвать сюда человека, имеющего допуск к аппаратуре, вызовете его. Если нет - я сам ею займусь.

Не дождавшись ответа, я заглянул в чрево машины. Долго искать причину неисправности не пришлось. Злоумышленники даже припой не использовали, подсоединив четыре посторонние цепи и обеспечив обратное питание через один из таймеров...

Я вооружился паяльником. Эсквит по специальности был океанографом и в электронике не разбирался. Я надеялся, он не догадывается, что я обезвреживаю мину.

Минут через десять я закончил, и капсула дрейфующая в тысяче фатомов¹ под нами, ожила.

За работой я размышлял о существе, которому вскоре предстоит пробудиться, существе, способном в мгновение ока промчаться по Дороге, подобно посланнику дьявола, - а может, и самому дьяволу, - и вырваться на поверхность посреди Атлантики. Студеная, ветреная погода, преобладающая в этих широтах, не способствовала хорошему настроению. Нам предстояло высвободить могучую силу, энергию ядерного распада, чтобы вызвать еще более грандиозное явление - извержение магмы, которая дышит и клоочет в нескольких милях под нами. Откуда берутся смельчаки, играющие в такие игры, - было выше моего понимания.

Корабль снова вздрогнул и закачался на волнах.

- Все в порядке, - сказал я, устанавливая панель на место. - Несколько "коротышей", только и всего.

- Похоже, действует, - буркнул Эсквит, глядя на экран монитора. - Попробую связаться. - Он щелкнул тумблером. - Капсула, это "Аквина". Слышите меня?

- Да, прозвучало в ответ. - Что стряслось?

- Короткое замыкание в блоке управления, - ответил он. - Неполадка устранена. Какова обстановка на борту?

- Все системы действуют нормально. Какие будут указания?

- Продолжайте работу в установленном порядке. - Эсквит обернулся ко мне. - Извините, я был груб с вами. Не знал, что вам удастся наладить Джей-9. Если хотите, я поговорю с начальством, чтобы вас перевели на более интересную работу.

- Я электрик, - сказал я. - Знаю эту аппаратуру, умею устранять типичные неисправности. Иначе и соваться бы не стал.

- Следует ли понимать это так, что с начальством говорить не стоит?

- Да.

- В таком случае, не буду.

Меня это вполне устраивало. Устраняя "коротыши", я заодно отсоединил миниатюрную мину, которая лежала теперь в левом кармане моей куртки. В самое ближайшее время ей предстояло отправиться за борт.

Извинившись, я вышел из рубки. Избавился от улики. Поразмыслил о текущих делах.

Итак, Дон Уэлш прав: кто-то пытается сорвать "проект". Предполагаемая угроза оказалась реальной. И за этим кроется что-то важное.

"Что?" - таков был мой первый вопрос. "Чего ожидать теперь?" - второй.

Опираясь на фальшборт "Аквины", я курил и смотрел на холодные волны, набегающие с севера и бьющие в борт. Руки дрожали. "Благородный, гуманный проект, - думал я. - И опасный. Тем более опасный, что кто-то проявляет к нему недобрый интерес".

Все-таки любопытно, доложит ли Эсквит "наверх" о моей выходке? Наверное, доложит, даже не ведая, что творит. Ему придется изложить причину аварии, чтобы доклад совпал с записью в бортовом журнале капсулы. Он сообщит, что я устранил короткое замыкание. Только и всего.

Но этого будет достаточно.

Я знал, что злоумышленники имеют доступ к главному журналу. Их сразу насторожит отсутствие записи об обезвреженной мине. Им будет совсем несложно выяснить, кто встал на их пути. Поскольку ситуация сложилась критическая, они могут пойти на самые крайние меры.

Вот и прекрасно. Именно этого я и добиваюсь. Как тут не радоваться - я целый месяц потерял, дожидаясь, когда враги заинтересуются моей скромной персоной и, забыв об осторожности, начнут задавать вопросы. Глубоко затянувшись, я посмотрел на далекий айсберг, сверкающий в лучах солнца. Это показалось мне странным, потому что небо было серым,

а океан - темным. Кому-то не нравилось то, что здесь происходило, но почему - до этого я не мог додуматься, как ни ломал голову.

Ну и черт с ними, со злоумышленниками, кем бы они ни были. Я люблю ненастные дни. В один из них я родился на свет. И я сделаю все возможное, чтобы нынешний день удался на славу.

Вернувшись в каюту, я смешал коктейль и уселся на койку. Вскоре раздался стук в дверь.

- Не заперто, - сказал я.

Дверь открылась. Вошел молодой человек по фамилии Роулингз.

- Мистер Швейцер, с вами хочет поговорить Кэрол Дейт.

- Передайте ей, я сейчас приду.

- Хорошо. - Он удалился.

Кэрол была молода и красива, поэтому я расчесал свои светлые волосы и надел свежую сорочку.

Я подошел к ее каюте и дважды стукнул в дверь.

Кэрол была начальником корабельной охраны. Я предполагал, что она вызвала меня в связи с аварией в контрольной рубке. Логично было допустить, что она имеет самое непосредственное отношение к происходящему.

- Привет, - сказал я, входя. - Кажется, вы за мной посылали?

Она сидела за огромным полированным столом.

- Швейцер? Да, посылала. Присаживайтесь. - Она указала на кресло напротив.

Я сел.

- Зачем я вам понадобился?

- Сегодня вы спасли Джей-9.

- Это вопрос или утверждение?

- Вы не имели права прикасаться к аппаратуре управления.

- Если хотите, могу вернуться в рубку и сделать все, как было.

- Так вы признаетесь, что копались в ней?

- Да.

Она вздохнула.

- Знаете, вообще-то я не в претензии. Вы спасли двух человек, и я не стану требовать, чтобы вас наказали за нарушение инструкции. Я хочу спросить вас о другом.

- О чем?

- Это диверсия?

Ну, вот. Так и знал, что спросит.

- Нет, - ответил я. - Всего-навсего "коротыши".

- Лжете.

- Простите, не понял?

- Вы прекрасно поняли. Кто-то привел аппаратуру в негодность. Вы ее починили, а это было посложнее, чем устранить несколько коротких замыканий. К тому же полчаса назад мы зафиксировали взрыв слева по борту. Эта мина.

- Это вы сказали. Не я.

- Не пойму, что за игру вы ведете. Вы же раскрылись, какой смысл теперь увильгивать? Чего вы хотите?

- Ничего.

Я мысленно составлял ее портрет. Мягкие рыжеватые волосы, обилие веснушек. Под косым срезом челки - широко посаженные зеленые глаза. Я знал, хоть она и сидела, что роста она немалого - примерно пять футов десять дюймов. Как-то раз мне довелось потанцевать с ней в ресторане.

- Ну?

- Что - ну?

- Я жду ответа.

- Вы о чем?

- Это диверсия?

- Нет. С чего вы взяли?

- Вы же знаете: были и другие попытки.

- Ничего я не знаю.

Внезапно она покраснела, но веснушки от этого стали только заметней. С чего бы это ей краснеть?

- Так вот: подобные попытки имели место. Но нам всякий раз удавалось их пресечь.

- И кто же злоумышленники?

- Это нам неизвестно.

- Почему?

- Потому что никого из них мы не смогли задержать.

- Что же вы так оплошали?

- Они слишком хитры.

Закурив сигарету, я сказал:

- Все-таки вы ошибаетесь. Это были замыкания. Устранить их - пара пустяков, ведь я инженер-электрик.

Она достала сигарету. Я поднес зажигалку.

- Ладно, - сказала она. - Похоже, толку от вас не добьешься.

Я встал.

- Кстати, я еще раз навела о вас справки.

- Ну и что?

- Ничего. Вы чисты, как первый снег. Или как лебяжий пух.

- Рад слышать.

- Не спешите радоваться, мистер Швейцер. Я еще с вами не разобралась.

- И не разберетесь, - пообещал я. - Как бы ни старались.

В чем - в чем, а в этом я не сомневался.

"Когда же они за меня возьмутся?" - думал я о своих неведомых противниках, направляясь к двери.

Раз в год перед Рождеством я опускаю в почтовый ящик открытку без подписи. В открытке только коротенький список: названия четырех баров и городов, в которых они находятся. В Пасху, первого мая, первого июня и

в канун дня всех святых я сижу за бутылочкой в одном из этих баров, обычно расположенном вдали от людных мест. Потом я уйду. Дважды в одном баре я не бываю никогда.

А плачу я всегда наличными, хотя в наше время многие пользуются универсальными кредитными карточками.

Иногда в бар заходит Дон Уэлш. Он усаживается за мой столик и заказывает пиво. Мы обмениваемся несколькими фразами и выходим прогуляться.

Иногда Дон не приходит. Но в следующий раз он обязательно появляется и приносит мне деньги.

Месяца два назад, в первый день суматошного мексиканского лета, я сидел за столиком в углу "Инферно", в Сан-Мигель-де-Альенде. Вечер, как всегда в этих краях, был прохладен, воздух чист, звезды ярко сверкали над мощеными каменными плитами улочками "памятника национальной культуры". Вскоре вошел Дон, одетый в темно-синий костюм из синтетической шерсти и желтую спортивную куртку с расстегнутым воротом. Он приблизился к стойке, что-то заказал, повернулся и окинул взглядом зал. Я кивнул; он улыбнулся и помахал мне рукой, а потом направился к моему столику со стаканом и бутылкой "Карта Бланка".

- Кажется, мы знакомы.

- Мне тоже так кажется, - сказал я. - Присаживайтесь.

Он выдвинул кресло и уселся напротив. Пепельница на столе была переполнена окурками, но еще до меня. Из открытого окна тянуло сквозняком (морской воздух с примесью аромата текилы), на стенах теснились плоские изображения голых красоток и афиши боя быков.

- По-моему, вас зовут...

- Фрэнк, - сказал я первое, что пришло в голову. - Кажется, мы встречались в Новом Орлеане?

- Да, в "Марди Грас", года два назад.

- Точно. А вы...

- Джордж.

- Ну да. Вспомнил. Крепко мы тогда выпили. И всю ночь резались в покер. Чудесно отдохнули, правда?

- Да. И я вам продул две сотни.

Я ухмыльнулся и спросил:

- Напомните, чем вы занимаетесь.

- Так, всякими-разными сделками. Как раз сейчас намечается один довольно интересный гешефт.

- Рад за вас. Ну что ж, поздравляю и желаю удачи.

- Взаимно.

Пока он пил пиво, мы поговорили о том о сем. Потом я спросил:

- Вы уже осмотрели город?

- Вообще-то нет. Говорят, здесь очень красиво.

- Думаю, вам понравится. Однажды я попал сюда на Фестиваль - это незабываемое зрелище. Все глотают бензедрин, чтобы не спать три дня

кяду. С гор спускаются indios¹ и танцуют на улицах и площадях. Между прочим, здесь один-единственный готический собор на всю Мексику, его построил неизвестный индеец, который и видел-то готику лишь на европейских открытках. Когда снимали леса, думали, собор развалится - но нет, стоит по сей день.

- С удовольствием походил бы по городу, но в моем распоряжении всего один день. Видимо, придется довольствоваться сувенирами.

- Ну, этого добра здесь хватает. И цены доступны. Особенно на ювелирные украшения.

- Все-таки жаль, что не успею осмотреть местные красоты.

- К северо-востоку отсюда, на холме - развалины города тольтеков. Вы заметили этот холм? Там три креста на вершине. Любопытно, что правительство не признает существования этих развалин.

- Очень хочется взглянуть. Как туда добраться?

- Можно пешком. Смело поднимайтесь на самую вершину. Поскольку развалин не существует, нет и ограничений на их осмотр.

- Долго идти?

- Отсюда? Меньше часа.

- Спасибо.

- Допивайте пиво, и пошли. Я вас провожу.

Он допил, и мы вышли из бара.

Вскоре у моего спутника началась одышка. Ничего удивительного, если ты всю жизнь прожил почти на уровне моря и внезапно попал на высоту шесть с половиной тысяч футов.

Но все же мы добрались до вершины по тропинке, петлявшей среди кактусов, и усадились на валун.

- Итак, этого холма в природе не существует, - сказал Дон. - Как и вас.

- Совершенно верно.

- А следовательно, здесь нет "жучков", чего нельзя сказать о многих барах...

- Да, это довольно дикое место.

- Надеюсь, таким оно и останется.

- И я надеюсь.

- Спасибо за открытку. Нуждаетесь в заказе?

- Вы же знаете.

- Да. И у меня есть что предложить.

Вот так все это и началось.

- Вы слышали о Наветренных и Подветренных островах? Или о Сертси?

- Нет. Где это?

- Вест-Индия. Малые Антильские острова. Они уходят по дуге от Пуэрто-Рико и Виргинских островов на юго-восток, а потом на юго-запад, к Южной Америке. Это острова - вершины подводной гряды, которая

1

- индейцы (исп.) Здесь и далее - примечания переводчика.

достигает двухсот миль в ширину. Они вулканического происхождения, каждый из них – вулкан, действующий или потухший.

- Любопытно.

- Гавайский архипелаг аналогичного происхождения. Остров Сертси в западной части Вестманнского архипелага возник в двадцатом веке, а точнее, в 1963 году. Он вырос в считанные дни. Столь же быстро вырос Капелинос в Азорах. Он тоже подводного происхождения.

- Дальше. - Я уже понял, к чему он клонит. Мне доводилось читать и слышать о "проекте Румоко", названном так в честь маорийского бога вулканов и землетрясений. Подобный проект существовал и в двадцатом веке, но от него отказались. Он назывался "Могол" и предусматривал применение глубоководного бурения и направленных ядерных взрывов в целях добычи природного газа.

- "Румоко", - сказал он. - Слыхали?

- Читал кое-что. В основном в научном разделе "Таймс".

- Этого достаточно. Нас к нему привлекли.

- С какой целью?

- Кто-то пытается сорвать проект. Устраивает диверсии. Мне поручено выяснить, кто и почему, и остановить его. Но пока ровным счетом ничего не добился, хоть и потерял двух человек.

Я посмотрел Дону в глаза. Казалось, в полумраке они светятся зеленым. Он был ниже меня дюйма на четыре и легче фунтов на сорок, но все равно выглядел довольно крупным человеком. Отчасти, наверное, благодаря военной выправке.

- Нуждаетесь в моих услугах?

- Да.

- Что вы намерены предложить?

- Сорок тысяч. Может, даже пятьдесят. Это зависит от результатов.

Я закурил сигарету.

- Что от меня требуется?

- Устроится в экипаж "Аквины". Лучше техником или инженером. Сумеете?

- Да.

- Прекрасно. Выясните, кто вставляет нам палки в колеса, и дайте мне знать. Или найдите способ вывести наших недругов из игры.

Я усмехнулся.

- Похоже, работенка не из самых легких. Кто ваш клиент?

- Американский сенатор, пожелавший остаться неизвестным.

- Я мог бы угадать его имя, но не стану этого делать.

- Беретесь? - спросил он.

- Да. Деньги мне пригодятся.

- Учтите, это опасно.

- Это всегда опасно.

Мы любовались крестами, на которых висели подношения верующих – пачки сигарет и тому подобное.

- Хорошо, - сказал он. - Когда устроитесь?

- К концу месяца.
- Годится. А когда выйдете на связь?
- Как только появятся новости.
- Не годится. Нужен конкретный день. Скажем, пятнадцатого сентября.
- Если дельце выгорит?
- Пятьдесят кусков.
- А если будут осложнения? Например, придется избавляться от пары-тройки трупов?
- Как я сказал.
- Ладно. Пятнадцатого так пятнадцатого.
- До этого срока будете выходить на связь?
- Только в том случае, если понадобится помощь. Или если узнаю что-то важное.
- На этот раз может случиться и то, и другое.

Я протянул ему руку.

- Не беспокойтесь, Дон. Считайте, что дело сделано.
- Он кивнул, глядя на кресты.
- Они были отличными работниками. Я прошу вас... Я вас очень прошу, выполните мое поручение.
- Сделаю все, что от меня зависит.
- Все-таки, загадочный вы человек. Не понимаю, как вам удастся....
- И не дай Бог, чтобы вы поняли, - перебил его я. - Как только кто-нибудь поймет - пиши пропало.

Мы спустились с холма и расстались. Он отправился к себе в гостиницу, я - к себе.

- Пойдем-ка выпьем, - предложил Мартин, повстречав меня на полубаке, когда я возвращался от Кэрол Дейт. - Я угощаю.
- Ну, пойдем.

Мы прошли в ресторан и заказали по кружке пива.

- Хочу тебя поблагодарить. Если бы не ты, мы бы с Демми...
- Пустяки, на моем месте ты и сам бы в два счета починил блок. Шутка ли - знать, что под тобой тонут люди.
- Все-таки, нам очень повезло, что в рубке оказался ты. Спасибо.
- Не за что. - Я поднес ко рту пластмассовую кружку (сейчас все на свете делают из пластмассы, будь она проклята) и, отпив, заинтересовался: - Как там шахта?
- Отлично. - Он наморщил широкий лоб.
- Похоже, ты не очень-то в этом уверен.

Хмыкнув, он сделал маленький глоток.

- Такого, как сегодня, с нами еще не случалось. Понятное дело, мы малость струхнули...

По-моему, это было слишком мягко сказано.

- Шахта точно в порядке? - допытывался я. - Сверху донизу?

- В порядке. - Он огляделся - видимо, заподозрил, что ресторан прослушивался. Он и впрямь прослушивался, но Мартин не сказал еще ничего опасного для себя или для меня. Да я бы ему этого и не позволил.

- Хорошо. - Я в который раз вспомнил напутствие Дона Уэлша. - Очень хорошо.

- А почему тебя это интересует? - спросил он. - Ведь ты - всего-навсего наемный техник.

- И у наемного техника может быть профессиональный интерес.

Он как-то странно посмотрел на меня.

- По-моему, это из лексикона двадцатого века.

- Я старомоден.

- Должно быть, это неплохо, - задумчиво сказал он. - Жаль, что сейчас мало осталось таких, как ты.

- Демми уже проснулся?

- Дрыхнет.

- Это хорошо.

- Тебя должны повысить в должности.

- Надеюсь, не повысят.

- Почему?

- На что мне лишняя ответственность?

- Раз на раз не приходится.

- Что значит - раз на раз?

- В следующий раз меня может не оказаться в рубке.

Я понимал: он пытается выведать, что мне известно. Но мне, как и ему, известно было немного. Однако оба мы понимали: назревает что-то опасное.

Он потягивал пиво, не сводя с меня глаз.

- Хочешь сказать, что ты лентяй?

- Именно.

- Чепуха.

Пожав плечами, я поднес кружку ко рту.

Полвека тому назад существовала организация "СОБЩА", названная так в насмешку над нелепыми аббревиатурами всевозможных обществ и учреждений. Полностью это название звучало так: "Смешанное Общество Америки".

Однако лидеры общества занимались не только вышучиванием "Организации Мужчин" и ей подобных. Среди них были такие светила, как доктор Уолтер Мунк из Института океанографии имени Скриппса и доктор Гарри Гесс из Принстона. Однажды эти ученые выступили с необычным предложением, которому в ту пору не суждено было осуществиться из-за недостатка средств. Но, подобно духу Джона Брауна, дух проекта шагал вперед, в то время как его "прах" лежал под сукном¹.

¹

Швейцер имеет в виду строки из гимна abolitionистов: "Прах Брауна лежит в земле сырой, но дух его ведет нас в бой".

Как известно, проект "Могол" скончался в зародыше. Но на смену ему со временем пришло еще более величественное и многообещающее детище творческого гения ученых.

Общезвестно, что глубинное бурение на континенте - дело чрезвычайно сложное, так как толщина земной коры здесь зачастую превышает двадцать пять миль. Общеизвестно также, что под океанами земная кора значительно тоньше, и теоретически бур вполне способен добраться до мантии, пройдя поверхность Мохоровичича. "Реализация нашего замысла потребует огромных затрат, - говорили ученые, - но подумайте вот над чем: получив образцы мантийного материала, мы сразу ответим на множество вопросов, касающихся радиоактивности, термического градиента, геологического строения и возраста Земли. Проведя соответствующие анализы, мы установим толщину и глубину различных поверхностей, и сверим эти данные с результатами сейсмологии. Отбор образцов по всей толще осадочных пород даст нам полное представление о геологической истории планеты. Но не только этим выгоден проект..."

- Еще по одной? - предложил Мартин.

- Не откажусь.

Если вам когда-нибудь приходилось читать монографию "Действующие вулканы мира", изданную Международным союзом геологов и географов, то вы наверняка обратили внимание на опоясывающие землю вулканические и сейсмические зоны, например, так называемое "Огненное Кольцо", окружающее Тихий океан. Вы можете очертить его на карте, ведя карандашом от Огненной Земли по тихоокеанскому побережью Америки, через Чили, Эквадор, Колумбию, Центральную Америку, Мексику, по западному побережью Соединенных Штатов и Канады, вдоль Аляски, затем по дуге вниз, через Камчатку, Курилы, Японию, Филиппины, Индонезию и Новую Зеландию. Есть такая же зона в Атлантике, близ Исландии.

Мы сидели за столиком. Я поднял кружку и сделал глоток.

На Земле более шестисот вулканов, которые можно назвать действующими, хотя от большинства из них вреда немного. Они просто дымят.

Мы заказали еще по одной.

Да. Люди вознамерились создать новый вулкан в океане. Точнее, вулканический остров наподобие Сертси. В этом-то и заключался "проект Румоко".

- Скоро мне снова вниз, - сказал Мартин. - Знаешь мне бы хотелось, чтобы ты приглядел за этой аппаратурой, черт бы ее побрал. Я ее тебе веряю, так сказать.

- Ладно, - согласился я. - Только предупреди, когда снова пойдешь вниз. Буду сидеть в рубке, авось не прогонят.

Он хлопнул меня по плечу.

- Спасибо. Теперь я спокоен.

- Э, брат, да ты трусишь?

- Трушу.

- Что так?

- Беда одна не ходит. Слушай, старина, я готов поить тебя пивом хоть до второго пришествия, только ты меня подстраховывай, ладно? Что-то мне не по себе, ей-богу. Может, это просто полоса неудач? Как думаешь?

- Может быть.

Еще секунду посмотрев на него, я опустил взгляд в свою кружку.

- Судя по картам изотерм, здесь самое подходящее место во всей Атлантике, - сказал я. - Единственное, чего я побаиваюсь... Впрочем, это неважно.

- Чего ты побаиваешься?

- Видишь ли, магма - вещь очень капризная.

- Что ты имеешь в виду?

- Неизвестно, что произойдет, если выпустить ее на волю. Но вообразить можно все что угодно, от Этны до Кракатау. Поскольку предвидеть исходный состав магмы невозможно, результаты ее взаимодействия с водой и воздухом могут быть самыми неожиданными.

- Но ведь нам обещали, что все будет в порядке, - возразил Мартин.

- Не обещали, а подводили к мысли. Правда, грамотно подводили, тут им надо отдать должное.

- Боишься?

- Еще бы!

- Думаешь, не выкарабкаемся?

- Мы-то выкарабкаемся, но этот чертов вулкан может изменить температуру воды, интенсивность приливов и погоду в масштабе всей планеты. Не буду скрывать, у меня мандраж.

Он грустно покачал головой.

- Не нравится мне все это.

- Возможно, твои неудачи уже закончились, - задумчиво произнес я. - На твоём месте я не мучился бы бессонницей...

- Возможно, ты и прав.

"Возможно", - подумал я.

Мы допили пиво, и я встал.

- Мне пора.

- Может, еще по кружечке?

- Нет, спасибо. Мне сегодня еще работать.

- Ну, как хочешь. До встречи.

- Пока. Не вешай нос. - Я вышел из ресторана и поднялся на верхнюю палубу.

Луна светила достаточно ярко, чтобы от надстроек и такелажа падали тени, а воздух был достаточно прохладен, чтобы я застегнул ворот куртки.

Немного полюбовавшись на волны, я вернулся в свою каюту.

Там я принял душ, выслушал новости по радио, почитал. Вскоре я начал клевать носом. Положив книгу на тумбочку возле койки, я погасил свет, и корабль, покачиваясь на волнах, быстро убаюкал меня.

... В конце концов следовало хорошенько выспаться. Как-никак, завтра нам предстояло разбудить Румоко.

Сколько я проспал? Похоже, часа три-четыре. Внезапно дверь еле слышно отворилась, и раздались тихие шаги.

Сон с меня как рукой сняло, но я лежал, не открывая глаз, и ждал.

Щелкнул замок. Затем вспыхнул свет, и на мое плечо легла чужая рука, а ко лбу прижался металл.

- Эй, приятель! Проснись!

Я притворился, что просыпаюсь.

"Гостей" было двое. Я поморгал, таращась на них. Затем удостоил внимания пистолет, отстранившийся от моей головы дюймов на двадцать.

- Какого черта?

Человек с пистолетом недовольно покачал головой.

- Так не пойдет. Спрашивать будем мы, а ты будешь отвечать.

Я сел, прислонясь спиной к переборке.

- Ладно, будь по-вашему. Что вам от меня нужно?

- Кто ты?

- Альберт Швейцер.

- Это имя нам уже известно. А настоящее?

- Это и есть настоящее.

- Вряд ли.

Я промолчал.

- Дальше, - буркнул я.

- Расскажи о себе и о своем задании.

- О чем это вы? Не понимаю.

- Встань.

- Если хотите, чтобы я встал, дайте мне халат. Он в ванной, на крючке.

- Сходи за халатом, только проверить не забудь, - велел напарнику человек с пистолетом.

Я окинул его взглядом. Нижнюю половину его лица прикрывал носовой платок. Такая же импровизированная маска была у второго, и это говорило о том, что передо мной - профессионалы. Дилетанты, как правило, оставляют нижнюю половину лица открытой. А нижняя половина куда выразительнее верхней. Мои "гости" знают об этом - следовательно, они почти наверняка "профи".

- Спасибо, - сказал я парню, вручившему мне синий купальный халат.

Он кивнул. Я набросил халат на плечи, просунул руки в рукава, подпоясавшись и опустил ноги на пол.

- Ну, чего вы хотите?

- На кого работаешь? - спросил человек с пистолетом.

- На "Румоко".

Не опуская пистолета, он легонько врезал мне левой и сказал:

- Не пойдет.

- Не возьму в толк, что вам от меня нужно. Может, позвольте закурить?

- Ладно... Э, погоди! Вот, бери мою. А то кто знает, что там у тебя в пачке.

Я взял "Винстон", хотя предпочитаю ментоловые. Прикурил, затянулся, выдохнул дым.

- Все-таки я вас не понимаю. Растолкуйте, что именно вы хотите узнать. Может быть, я вам помогу. Мне ни к чему лишние неприятности.

Мои слова, похоже, слегка успокоили "гостей". Оба глубоко вздохнули. Парень, который задавал вопросы, ростом был примерно пять футов восемь дюймов, второй - дюйма на два ниже. Тот, что повыше, весил фунтов двести - крижистый детина.

Они уселись на стулья возле койки. Ствол пистолета смотрел мне в грудь.

- Не волнуйся, Швейцер, - сказал тот, что повыше. - Нам неприятности тоже ни к чему.

- Вот и хорошо. Спрашивайте, а я буду отвечать без утайки, - пообещал я. - Начинайте.

- Сегодня ты отремонтировал Джей-девять.

- Ну, об этом, наверное, уже всем известно.

- Зачем ты это сделал?

- А как же иначе? На моих глазах погибали два человека, а я знал, как им помочь.

- Любопытно, где ты этому научился.

- Господи! Что тут странного, я же инженер-электрик.

Здоровяк посмотрел на своего товарища. Тот кивнул.

- В таком случае, почему ты попросил Эсквита молчать?

- Потому что я нарушил инструкцию, когда полез в аппаратуру. Мне запрещено к ней прикасаться.

Тот, что пониже, снова кивнул. У обоих "гостей" были очень черные ухоженные волосы и хорошо развитые бицепсы.

- Посмотришь на тебя - ни дать ни взять добропорядочный обыватель, - сказал тот, что повыше. - Окончил колледж, получил профессию какую хотел, не женился, нанялся на этот корабль. Возможно, все так и есть, тогда мы ищем не там, где следует. И все-таки ты подозрителен. Отремонтировал очень сложную аппаратуру, не имея к ней допуска...

Я кивнул.

- Зачем? - спросил он.

- Из-за глупого предрассудка. Не могу, знаете ли, равнодушно смотреть, как гибнут люди.

Надеясь сбить их с толку, я спросил:

- А вы на кого работаете? На какую-нибудь разведку?

Тот, что пониже, улыбнулся. Тот, что повыше, сказал:

- Мы не можем тебе ответить. Думаю, ты понимаешь почему. Советую не тянуть время. Нас интересует только одно: почему ты пытался утаить, что сорвал явную диверсию?

- Я же сказал: от меня зависела жизнь людей.

- Ты лжешь. Чтобы добропорядочный обыватель, да нарушил инструкцию? Не поверю.

- У меня не было выбора.
- Боюсь, нам придется перейти к иной форме допроса.

Всякий раз, когда я думаю о том, стоило ли мне родиться на свет, и пытаюсь заново осмыслить уроки, которые дала мне жизнь, из пучин моей памяти вырываются пузыри воспоминаний. Они живут не дольше обычных, но за миг своего существования успевают окраситься всеми цветами радуги и надолго запечатлеться в душе.

Пузыри...

Один из них - в Карибском море. Называется он Новый Эдем. Это огромная светящаяся сфера, настолько идеальной формы, что сам Эвклид восхитился бы, увидев ее. От сферы в разные стороны, словно фонари на улицах ночного города, убегают цепочки огней. Вокруг мосты, перекинутые через глубокие каньоны, туннели, пробитые в скалах; возле сферы роятся водолазы в блестящих разноцветных скафандрах; по дну океана, словно танки, движутся моремобили; над ними висят или проплывают самые разнообразные минисубмарины.

Я отдыхал там недели две, и хотя обнаружил у себя легкую клаустрофобию, о которой доселе не подозревал (очевидно, тут виноваты неисчислимые тонны воды над головой, о которых совершенно невозможно забыть), я вынужден признать, что этот отпуск был самым приятным в моей жизни. Люди, населяющие подводное царство, совершенно не похожи на своих собратьев, обитающих на суше. Они гораздо эгоистичнее и независимее, но зато и чувство локтя развито у них больше. Мне они напоминали первопроходцев и покорителей Дикого Запада, и немудрено - ведь они добровольно взялись выполнять программы снижения плотности населения и освоения ресурсов океана. И в гостеприимстве им не откажешь - несмотря на загруженность работой, они принимают туристов. Например, меня.

Я плавал на субмаринах и просто в водолазном костюме, осматривал шахты, сады, жилые и административные корпуса. Я навсегда запомнил красоту Нового Эдема, запомнил его отважных жителей, запомнил, как выглядит море над головой (наверное, так насекомое видит небо фасеточными глазами. Или нет: так может выглядеть глаз гигантского насекомого, глядящего на тебя сверху. Да, второе сравнение точнее). Похоже, море, окружающее тебя со всех сторон, воздействует на психику, пробуждая мятежный дух. Подчас я ловил себя на этом.

Новый Эдем - это не совсем "рай под стеклом", и он определенно не для меня. Но всякий раз, когда я думаю о том, стоило ли мне родиться на свет, и пытаюсь заново осмыслить уроки, которые дала мне жизнь, - он всплывает из глубин моего подсознания, играя всеми красками радуги, и тотчас исчезает, оставляя сумятицу чувств.

Зная, что через секунду пузырь лопнет, я затаился и раздавил окурочку в пепельнице.

Каково быть единственным человеком на свете, которого в действительности не существует? Это вопрос непростой. Трудно обобщать, располагая опытом только одной жизни - твоей собственной. Правда, моя жизнь оказалась весьма необычной, я бы сказал - уникальной.

Когда-то я программировал компьютеры. С них-то все и началось.

Однажды я узнал нечто весьма необычное. И тревожное.

Я узнал, что скоро весь мир окажется "под колпаком".

Каким образом это случится?

О, это дело тонкое!

Сейчас на каждого человека заведено "электронное досье". В нем содержатся сведения о его рождении, образовании, семейном положении, путешествиях, переменах места жительства и тому подобном. Регистрируется каждый шаг от рождения до смерти. Хранятся эти "досье" в так называемом Центральном банке данных, появление которого вызвало большие перемены в жизни общества. И не все они (в этом я сейчас абсолютно уверен) были к лучшему.

Одним из весельчаков, создававших эту систему, был я. Признаюсь, пока все шло хорошо, я не очень-то задумывался о последствиях. А когда хватился, было уже поздно что-либо менять.

"Проект", в разработке которого я участвовал, предусматривал объединение всех существующих банков данных. Это обеспечивало доступ из любого уголка планеты к любой информации - надо было только набрать на клавиатуре компьютера код, соответствующий данному уровню секретности.

Я никогда не стремился служить абсолютному добру или абсолютному злу. Но в тот раз мне казалось, я близок к первому. "Проект" сулил великолепные результаты. Я считал, что в нашем чудесном, электрифицированном fin de siècle¹ такая система просто необходима. Только представьте себе: где бы вы ни были, у вас есть доступ к любой книге, или фильму, или научной лекции, или к любым статистическим сведениям.

Кстати, о статистике. Ее вы теперь не можете обмануть, потому что ваше "досье" открыто для всех заинтересованных лиц. Любое коммерческое или правительственное учреждение сможет навести справки о состоянии вашего имущества, банковском счете и обо всех ваших тратах; следовательно, подозревающий вас в том или ином нарушении закона, без труда выяснит, где и с кем вы находились в момент преступления, проследив за вашими платежами и перемещением в общественном транспорте. Вся ваша жизнь развернется перед ним, как схема нервной системы в кабинете невропатолога.

Признаюсь, сначала эти перспективы вдохновляли меня. Во-первых, система обещала положить конец преступлениям. Лишь безумец, рассуждал я, отважится нарушить закон, зная, что у него нет ни единого шанса

¹ конце века (франц.)

уйти от наказания. Но и безумца можно вовремя остановить, если в его "электронном досье" содержится необходимая медицинская информация.

Кстати, о медицине. Теперь малейшее изменение в состоянии вашего здоровья не ускользнет от внимания врачей. Подумайте о всех тех болезнях, которые поддаются лечению только в начальной стадии. Подумайте о продлении срока вашей жизни!

Подумайте о мировой экономике. Какой прогресс ожидает ее, если будет известно, где находится и для чего служит каждый десятицентовик!

Подумайте о решении проблемы транспорта. Вообразите, что весь транспорт мира - сухопутный, воздушный, морской - действует как единый, прекрасно отлаженный механизм.

Мне грезился приход золотого века...

Чушь!

Мой однокашник, косвенно связанный с мафией и с университетской скамьи пересевший не куда-нибудь, а за стол кабинета в федеральном управлении, поднял меня на смех.

- Ты всерьез думаешь, что можно регистрировать все банковские вклады и следить за всеми сделками?

- Всерьез.

- Между прочим, швейцарские банки никого не допускают к своей документации. А если такое и случится, найдутся другие надежные хранилища. Не забывай о существовании матрасов и ям на задних дворах. Никому не под силу сосчитать, сколько денег ходит по свету.

Прочитав несколько научных статей на эту тему, я понял, что мой приятель прав. В своей деятельности, касающейся экономики, мы опирались, в основном, на приблизительные, усредненные цифры, причем далеко не всегда статистики могли обеспечить нас необходимыми данными. Например, им не удалось выяснить, сколько в мире незарегистрированных судов. Статистика не в состоянии учитывать то, о чем у нее нет сведений. Следовательно, имея неучтенные деньги, вы можете построить неучтенный корабль и жить на нем. На земле много морей, и вряд ли контроль за транспортом будет таким совершенным, как мне казалось вначале.

А медицина? Врачи - тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Например, лень. Вряд ли каждый из них будет добросовестно вести истории болезни каждого из своих пациентов - особенно, если пациент предпочтет платить за лекарство наличными, не требуя рецепта.

Выходит, я упустил из виду человеческий фактор? Пожалуй. Все люди делятся на тех, кому есть что скрывать, тех, кому просто не нравится, если о них знают слишком многое, и тех, кому скрывать нечего. А "система", похоже, рассчитывается только на последних. Это значит, она будет далеко не идеальна.

Да и ее создание, по-видимому, встретит некоторые трудности. Вполне можно ожидать недовольства и даже открытого противодействия, причем на самом высоком уровне...

Но открытого противодействия нам почти не оказывали, и работа над "проектом" шла полным ходом. Когда я разработал систему связи между

метеостанциями, метеоспутниками и Центральным банком данных, меня назначили старшим программистом.

К тому времени я узнал достаточно, чтобы к моим опасениям добавились новые. Неожиданно я обнаружил, что работа уже не приносит мне удовольствия. Это открытие побудило меня как следует задуматься о последствиях нашей деятельности.

Никто не запрещал мне брать работу на дом. Похоже, никто не заподозрил, что дело тут не в самоотверженности, а в желании узнать о "проекте" все, что только можно. Неправильно расценив мои действия, меня снова повысили в должности.

Это весьма обрадовало меня, поскольку расширяло доступ к информации. Затем, по разным обстоятельствам (смерть, повышение в должности, увольнение некоторых сотрудников) значительно изменился кадровый состав нашего института. Перед пай-мальчиками открылась зеленая улица, и я за короткий срок значительно продвинулся по служебной лестнице.

Я стал консультантом самого Джона Колгэйта.

Однажды, когда мы были почти у цели, я поделился с ним своими тревогами. Я сказал этому седому человеку с болезненным цветом лица и близорукими глазами, что мы, быть может, создаем чудовище, которое отнимет у людей личную жизнь.

Он долго смотрел на меня, поглаживая пальцами розовое пресс-папье из коралла, и, наконец, признал:

- Возможно, ты прав. Что ты намерен предпринять?

Я пожал плечами.

- Не знаю. Просто хотел сказать, что не уверен в полезности нашей работы.

Вздыхнув, он повернул вращающееся кресло и уставился в окно.

Вскоре мне показалось, что он уснул. Он любил вздремнуть после ленча.

Но он вдруг заговорил:

- Уж не думаешь ли ты, что я не выслушивал эти доводы по меньшей мере тысячу раз?

- Я это допускаю. И меня всегда интересовало, как вы их разбиваете.

- Никак, - буркнул он. - Я чувствовал, так будет лучше. Пускаться в дискуссию - себе дороже. Может быть, я не прав, но рано или поздно не мы, так другие разработали бы способы регистрации всех основных характеристик такого сложного общества, как наше. Если ты видишь другой выход, более приемлемый, - скажи.

Я промолчал. Закурив сигарету, я ждал, когда он снова заговорит. Он заговорил:

- Ты когда-нибудь подумывал о том, чтобы уйти в тень?

- Что вы имеете в виду?

- Уволиться. Бросить эту работу.

- Не уверен, что правильно понял...

- Дело в том, что сведения о разработчиках "системы" поступят в нее в самую последнюю очередь.

- Почему?

- Потому что я так хочу. Потому что в один прекрасный день ко мне придет кто-нибудь другой и задаст эти же проклятые вопросы.

- А до меня вам их задавали?

- Если и задавали, какое это имеет значение?

- Если я правильно понял, вы можете уничтожить сведения обо мне, прежде чем они поступят в Центральный?

- Да.

- Но без данных об образовании и трудовом стаже я не смогу устроиться на работу.

- Это твоя личная проблема.

- А что я куплю без кредитной карточки?

- Думаю, у тебя найдутся наличные.

- Все мои деньги в банке.

Он повернулся ко мне и спросил с ухмылкой:

- В самом деле?

- Ну ... не все, - признал я.

- Ну так как?

Пока он раскуривал трубку, я молчал, глядя сквозь клубы дыма на его белоснежные бакенбарды. Интересно, всерьез он это предлагает? Или издевается?

Словно в ответ на мои мысли, он встал, подошел к бюро и выдвинул ящик. Порывшись в нем, вернулся со стопкой перфокарт размерами с колоду для покера.

- Твои. - Он бросил перфокарты на стол. - На будущей неделе все мы войдем в "систему". - Пустив колечко дыма, он уселся.

- Возьми их с собой и положи под подушку, - продолжал он. - Поспи на них. Реши, как с ними быть.

- Не понимаю.

- Я их тебе отдаю.

- А если я их разорву? Что вы сделаете?

- Ничего.

- Почему?

- Потому что мне все равно.

- Неправда. Вы - мой начальник. "Система" - ваше детище.

Он пожал плечами.

- Сами-то вы верите, что "система" так уж необходима?

Опустив глаза, он глубоко затянулся и ответил:

- Сейчас я не так уверен в этом, как прежде.

- Я вычеркну себя из общества, если поступлю, как вы советуете.

- Это твоя личная проблема.

Немного поразмыслив, я сказал:

- Давайте карты.

Он придвинул их ко мне.

Я спрятал колоду во внутренний карман пиджака.

- Как ты теперь поступишь?

- Как вы и предложили. Положу под подушку. Буду спать на них.
- Если не решишься, позаботься, чтобы ко вторнику они были у меня.
- Разумеется.

Он улыбнулся и кивнул, прощаясь.

Я принес перфокарты домой. Но спать не лег.

Спать я не мог и не хотел. Какое там спать – я думал! Думал целую вечность, во всяком случае – всю ночь напролет. Расхаживал по комнате и курил. Шуточное ли дело – жить вне "системы"? Можно ли вообще существовать, если сам факт твоего ссуществования нигде не зарегистрирован?

Часам к четырем утра я пришел к выводу, что вопрос можно поставить по-другому: что бы я ни натворил, как об этом узнает "система"?

После этого я уселся за стол и тщательно разработал кое-какие планы. Утром, разорвав каждую перфокарту пополам, я сжег их и перемешал пепел.

- Садись, – велел тот, что повыше, указывая на стул.

Я сел.

Они обошли вокруг меня и встали позади.

Я задержал дыхание и попытался расслабиться.

Прошло чуть больше минуты. Затем:

- Расскажи нам все как есть.

- Я устроился сюда через бюро по найму, – начал я. – Работа мне подошла. Я приступил к своим обязанностям и повстречал вас. Вот и все.

- До нас доходили слухи – и мы склонны им верить – что правительство, исходя из соображений безопасности, иногда создает в Центральном фиктивную личность. Затем под этим прикрытием начинает действовать агент. Наводить о нем справки бессмысленно – в его "досье" предусмотрено все.

Я промолчал.

- Такое возможно? – спросил он.

- Да, – ответил я. – Слухи действительно ходят. А как там на самом деле, я не знаю.

- Ты не признаешь себя таким агентом?

- Нет.

Они пощептались, затем я услышал щелчок замка металлического чемоданчика.

- Ты лжешь.

- Нет, не лгу! Я, может быть, двух человек спас от смерти, а вы оскорбляете! Что я такого сделал?

- Мистер Швейцер, вопросы задаем мы.

- Ну, как хотите. Просто мне непонятно. Возможно, если вы объясните...

- Закатай рукав. Все равно какой.

- Это еще зачем?

- Затем, что я приказываю.

- Что вы хотите сделать?

- Укол.

- Вы что, из медико-санитарной службы?

- Откуда мы - тебя не касается.

- В таком случае, я отказываюсь. Когда вас сцапает полиция, не знаю уж, по каким причинам... Так вот, когда вас сцапает полиция, я позабочусь, чтобы у вас были неприятности и с Медицинской ассоциацией.

- Пожалуйста, закатай рукав.

- Протестую! - Я закатал рукав. - Если вы решили меня убить, знайте - ваша игра окончена. Убийство - дело нешуточное. Если же вы меня не убьете, я этого так не оставлю. Рано или поздно я до вас доберусь, и тогда...

И тут меня будто оса ужалила в плечо.

- Что это?

- Препарат Т-Ц-6. Возможно, ты слышал о нем. Сознание ты не потеряешь, так как нам понадобится твоя способность логически мыслить. Но честно ответишь на все вопросы.

Мое хихиканье они, несомненно, объяснили воздействием сыворотки. Я возобновил дыхательные упражнения по системе Йогов, - они не могли нейтрализовать препарат, но повышали тонус. Возможно, именно они дали мне несколько необходимых секунд на концентрацию воли. Помогала и отрешенность от внешнего мира, которую я всячески в себе поддерживал.

О препаратах типа ТЦ-6 я был наслышан. От них восприятие становится буквальным. Остается способность логически рассуждать, но полностью утрачивается способность лгать. Но я надеялся обойти все рогатки, следуя течению. К тому же, в запасе у меня был один хитрый трюк.

Больше всего я не люблю ТЦ-6 за побочные эффекты, сказывающиеся на сердце.

Действия укола я не чувствовал. Все было как будто по-прежнему, но я понимал: это иллюзия. Увы, взять подходящий антидот из самой обыкновенной на вид аптечки в тумбочке я не мог.

- Ты слышишь меня?

- Да, - услышал я собственный голос.

- Как тебя зовут?

- Альберт Швейцер.

За моей спиной раздались два коротких вдоха. Парень, который повыше, шикнул на приятеля, хотевшего что-то спросить.

- Чем ты занимаешься?

- Ремонтом оборудования.

- Чем еще?

- Многим. Я не понимаю...

- Ты работаешь на правительство? На правительство какой-нибудь страны?

- Я плачу налоги, а следовательно, работаю на правительство. Да.

- Я имел в виду не это. Ты - секретный агент?

- Нет.

- Агент, но не секретный?

- Нет.

- Кто же ты?

- Инженер. Обслуживаю технику.
- А еще кто?
- Я не...
- Кто еще? На кого еще ты работаешь, кроме руководителей "проекта"?
- На себя.
- Что ты имеешь в виду?
- Моя деятельность направлена на поддержание моего экономического и физиологического благополучия.
- Я спрашивал о других твоих хозяевах. Они существуют?
- Нет.
- Похоже, он чист, - услышал я голос второго.
- Возможно, - буркнул первый и снова обратился ко мне, - как бы ты поступил, если бы в будущем встретил меня где-нибудь и узнал?
- Отдал бы в руки правосудия.
- А если бы это не удалось?
- Тогда я бы постарался причинить вам серьезные телесные повреждения. Возможно, я даже убил бы вас, если бы мог выдать убийство за несчастный случай при самообороне.
- Почему?
- Потому что я заинтересован в сохранении моего здоровья. Поскольку сейчас вы наносите ему ущерб, есть возможность, что в будущем вы предпримете новую попытку. Я не намерен этого допустить.
- Я сомневаюсь, что это повторится.
- Ваши сомнения для меня ничего не значат.
- Ты совсем недавно спас двух человек, а теперь хладнокровно рассуждаешь об убийстве.
- Я промолчал.
- Отвечай!
- Вы не задали вопроса.
- Может, он невосприимчив к "психотропам"? - спросил второй.
- Мне о таком слышать не приходилось. А тебе? - Последняя фраза адресовалась мне.
- Не понял вопроса.
- Этот препарат не лишил тебя способности ориентироваться во всех трех сферах. Ты знаешь, кто ты, где ты и когда. Тем не менее, препарат подавляет твою волю, и ты не можешь не отвечать на мои вопросы. Человеку, который часто подвергается инъекциям "сыворотки правды", иногда удается преодолеть ее воздействие, мысленно перефразируя вопросы и отвечая на них правдиво, но буквально. Скажи, ты это делаешь?
- Ты уверен, что правильно задаешь вопросы? - вмешался второй.
- Ладно, спроси ты.
- Тебе приходилось употреблять наркотики? - обратился он ко мне.
- Да.
- Какие?
- Аспирин, никотин, кофеин, алкоголь...

- "Сыворотку правды", - подсказал второй. - Средства, развязывающие язык. Тебе когда-нибудь приходилось их употреблять?

- Да.

- Где?

- В Северо-Западном университете.

- Почему?

- Я добровольно участвовал в серии экспериментов.

- На какую тему?

- Воздействие наркотических препаратов на сознание.

- Мысленные оговорки, - сказал второй приятелю. - Думаю, он натренирован. Хотя это совсем нелегко.

- Ты способен побороть "сыворотку правды"? - спросил первый.

- Я не понимаю.

- Ты способен лгать? Сейчас?

- Нет.

- Опять ошибочный вопрос, - заметил тот, что пониже. - Он не лжет. В буквальном смысле все его ответы правдивы.

- Как же нам добиться от него толку?

- Понятия не имею.

Они снова обрушили на меня град вопросов и в конце концов зашли в тупик.

- Он меня допек! - пожаловался тот, что пониже. - Так мы его и за неделю не расколем.

- А стоит ли?

- Нет. Все его ответы - на пленке. Теперь дело за компьютером.

Близилось утро, и я чувствовал себя превосходно. Чему немало способствовали вспышки холодного пламени в затылочной части мозга. Я подумал, что сумею разок-другой соврать, если поднапрягусь.

За иллюминаторами каюты серел рассвет. Должно быть, меня допрашивали часов шесть, не меньше. Я решил рискнуть.

- В этой каюте "жучки".

- Что? Что ты сказал?

- По-моему, корабельная охрана следит за всеми техниками, - заявил я.

- Где эти "жучки"?

- Не знаю.

- Надо найти, - сказал тот, что повыше.

- А какой смысл? - прошептал тот, что пониже, и я его зауважал, поскольку подслушивающие устройства не всегда улавливают шепот. - Они здесь установлены задолго до нашего прихода. Если, конечно, установлены.

- Может, от нас ждут, что мы сами повесимся? - проворчал его приятель. Тем не менее он обшарил взглядом каюту.

Не встретив возражений, я встал, дотащился до койки и рухнул ничком.

Моя правая рука как будто случайно скользнула под подушку. И нащупала пистолет.

Вытаскивая его, я опустил рычажок предохранителя. Затем я уселся на кровати, направив пистолет на "гостей".

- Вот так-то олухи. Теперь я буду спрашивать, а вы - отвечать.

Тот, что повыше, потянулся к поясу, и я выстрелил ему в плечо.

- Следующий? - Я сорвал глушитель, сделавший свое дело, и заменил его подушкой.

Тот, что пониже, поднял руки и посмотрел на напарника.

- Назад, - велел я ему.

Он кивнул и отступил.

- Сядьте, - приказал я обоим.

Они сели.

Я обошел их и встал сзади. Забрал у них оружие.

- Дай руку, - приказал я тому, что повыше. Пуля прошла навывлет. Я продезинфицировал и перевязал рану. Потом сорвал с "гостей" платки и внимательно рассмотрел лица, оказавшиеся совершенно незнакомыми.

- Ну, ладно, - вздохнул я. - Что вас сюда привело? Почему вы спрашивали о том, о чем вы спрашивали?

В ответ - молчание.

- У меня меньше времени, чем было у вас. Поэтому я вынужден привязать вас к стульям. Признаюсь, я не расположен валять дурака, а поэтому не буду накачивать вас наркотиками.

Достав из аптечки катушку лейкопластыря, я надежно привязал пленников к стульям. Потом закрыл дверь на цепочку.

- На этом корабле переборки какот - звуконепроницаемые, - заметил я, пряча пистолет. - А насчет "жучков" я соврал. В общем, захочется покричать - не стесняйтесь. Но лучше воздержитесь, потому что каждый вопль будет вам стоить сломанного пальца. Так кто вы такие?

- Я - техник, обслуживаю "челнок", - ответил тот, что пониже. - Мой друг - пилот.

За это признание он получил от напарника злобный взгляд.

- Ладно, - кивнул я. - Раньше я вас здесь не встречал, так что поверю. А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить на следующий вопрос: кто ваш настоящий хозяин?

У меня было перед ними преимущество: я работал на себя, как независимый подрядчик. В то время я действительно носил имя Альберт Швейцер, так что лгать на допросе мне не пришлось. Я всегда полностью вживаюсь в образ. Если бы "гости" спросили, как меня звали раньше, ответ, наверное, был бы совершенно иным.

- Кто дергает за нитки? - спросил я.

Молчание.

- Ну, ладно, - сказал я. - Раз вы по-хорошему не понимаете...

Две головы повернулись ко мне.

- Чтобы получить несколько ответов, вы намеревались причинить ущерб моему здоровью, - пояснил я. - Не обессудьте, если я отыграюсь на вашей анатомии. Бьюсь об заклад, что получу от вас два-три признания. Я

подойду к делу чуточку серьезнее, чем вы. Просто-напросто буду пытаться вас, пока не заговорите.

- Не сможете, - сказал тот, что повыше. - У вас низкий индекс жестокости.

Я невесело усмехнулся.

- Посмотрим.

Легко ли, по-вашему, прекратить свое существование и вместе с тем продолжать его? Я решил эту задачу без особого труда. Но мне проще: я с самого начала участвовал в разработке "системы" и мне доверяли.

Разорвав свои перфокарты, я вернулся на рабочее место. Делая вид, что тружусь над новой темой, я искал и наконец нашел безопасный терминал.

Он находился в холодных краях, на метеорологической станции "Туле".

Хозяйничал на ней один забавный старикан, великий любитель рома. Как сейчас помню тот день, когда я высадился с "Протея" на берег бухты и пожаловался старику на жестокость морей.

- Можешь отдохнуть у меня, - предложил он.

- Спасибо.

Он проводил меня на станцию, накормил, потолковал со мной о морях и о погоде. Потом я принес с "Протея" ящик "Бакарди", поставил на пол и предоставил старику вскрыть его.

- Я вижу, тут все автоматизировано? - заметил я.

- Точно.

- Так какого черта тебя здесь держат?

Он рассмеялся.

- Мой дядя был сенатором. Надо было куда-то меня пристроить, вот он и подыскал это местечко. - Он потянул меня за рукав. - Пошли, глянем на твой корабль, нет ли где течи.

Мы поднялись на "Протей" - приличных размеров яхту с каютой и мощными двигателями - осмотрели ее.

- Я побился с друзьями об заклад, - объяснил я старику, - что дойду до полюса и привезу доказательства.

- Сынок, да ты спятил!

- Знаю, но все равно дойду.

- А что? Может, и дойдешь. Когда-то и я был таким же - легким на подъем, и здоровьем Бог не обидел. А ты, небось, подрастратил силенки напоследок, а? - Он пригладил прокуренную и просоленную бороду и ухмыльнулся.

- Было дело, - буркнул я. - Ты пей. - Мне не хотелось, чтобы он наталкивал меня на мысли о Еве.

Он вышел, и на некоторое время разговор увял.

Она была не такая. Я имею в виду, мне нечего было рассказать о ней старому похабнику.

А расстались мы с ней четыре месяца назад. Не по религиозным и не по политическим причинам. Все было гораздо глубже.

Поэтому я наврал ему о выдуманной девице, и он был счастлив.

Я повстречал Еву в Нью-Йорке, где занимался тем же, чем и она - отдыхал. Ходил на спектакли, фотовыставки и тому подобное.

Она - рослая, с коротко стриженными светлыми волосами. Я помог ей найти станцию метро, вместе с ней спустился и поднялся, пригласил пообедать и был послан к черту.

Сцена:

- Я к этому не привыкла.

- Я тоже. Но голод не тетка. Так пойдем?

- За кого вы меня принимаете?

- За интересную собеседницу. Мне одиноко.

- По-моему вы не там ищите.

- Возможно.

- Я вас совсем не знаю!

- Я вас тоже. Но, надеюсь, спагетти под мясным соусом и бутылочка кьянти помогут нам решить эту проблему.

- А вы не будете ко мне приставать?

- Нет. Я смирный.

- Ладно, уговорили. Ведите.

И мы отправились есть спагетти.

День ото дня мы становились все ближе. Мне было плевать, что она живет в одном из этих крошечных сумасшедших "пузырьков". Я был достаточно либерален и считал, что если пропагандой строительства подводных городов занимается клуб "Сьера", значит, такие города действительно необходимы.

Наверное, надо было отправиться вместе с ней, когда закончился ее отпуск. Она звала.

В Нью-Йорке я бывал нечасто. Как и Ева, я приплыл туда, чтобы посмотреть на Большую Землю.

Надо было сказать ей: "Выходи за меня замуж."

Но она не согласилась бы предать свой родной "пузырь", а я не согласился бы предать свою мечту. Я хотел жить в огромном мире над волнами - и уже знал, что для этого необходимо. Правда, до рождественских открыток я в то время еще не додумался.

Я обожал эту синеглазую ведьму из морской пучины, и теперь понимаю: надо было все-таки уступить. Черт бы побрал мой независимый характер. Если бы мы с ней были нормальными людьми... Но мы не были нормальными людьми, вот в чем беда.

Ева, где бы ты ни была, я не скажу о тебе дурных слов. Надеюсь, ты счастлива с Джимом, или Беном, или как его там...

- Пей, - повторил я. - Попробуй с кока-колой.

Я осушил стакан коки, он - коки с двойной порцией "бакарди". При этом он жаловался на скуку.

- Подбирается ко мне проклятая, - вздыхал он.

- Ну ладно, пора и на боковую, - сказал я.

- Пора так пора. Можешь ложиться на мою койку, мистер Хемингуэй.

- Спасибо, дружище.

- Я тебе показал, где одеяла?
- Да.
- Ну, тогда спокойной ночи, Эрн.
- Спокойной ночи, Билл. Завтрак - за мной.
- Идет.

Зевая, он побрел прочь.

Я выждал полчаса и принялся за работу.

С его метеостанции можно было выйти непосредственно на Центральный. Я хотел сделать аккуратную вставку в программу. На пробу.

Спустя некоторое время я понял: получилось!

Теперь я могу поместить в Центральный любую информацию, и никто не поставит ее под сомнение!

В тот вечер я казался себе чуть ли не богом.

Ева, быть может, зря я не выбрал другой путь.

Утром я помог Биллу Меллингсу справиться с похмельем, и он ничего не заподозрил. Мне отраднo было сознавать, что у этого славного старика не возникнут неприятности, даже если кто-нибудь мною заинтересуется. Потому что дядя Билла - сенатор в отставке.

А сам я теперь мог стать кем угодно. Мог запросто создать новую личность (год рождения, имя, сведения об образовании и т.д.) и занять приличествующее место в обществе. Для этого требовалось лишь включить передатчик на метеостанции и ввести в Центральный программу. Стоило ненадолго выйти в эфир - и можно было начинать жизнь в любой инкарнации. *Ab initio*¹.

Ева, я хотел быть с тобой! Как жаль, что этому не суждено было сбыться.

Думаю, правительство тоже знает этот трюк и время от времени им пользуется. Но у меня преимущество: правительство не подозревает о существовании "независимого подрядчика".

Я знаю многое из того, о чем следует знать (даже больше, чем необходимо), хоть и с уважением отношусь к "детекторам лжи" и "сывороткам правды". Дело в том, что свое подлинное имя я храню за семью замками. Знаете ли вы, что полиграф Киллера² можно обмануть не менее чем семнадцатью способами? С середины двадцатого века его так и не усовершенствовали. Лента вокруг грудной клетки и датчики потовыделения, присоединенные к подушечкам пальцев, могли бы дать чудесный эффект, но эти хитроумные устройства покуда никем не созданы. Возможно, именно сейчас над усовершенствованием "детектора лжи" бьются несколько институтов, но результатов пока что-то не видать. Я могу сконструировать такой "детектор", который никому на свете не удастся обмануть, - но сведения, добытые с его помощью, в суде по-прежнему будут цениться невысоко.

1

2 - с начала (лат.)

- детектор лжи

Другое дело - психотропные вещества. Но и они не всемогущи. Например, патологический лжец способен не поддаться амиталу или пентоталу. Под силу это и человеку, невосприимчивому к наркотикам.

Но что такое "невосприимчивость к наркотикам"?

Вам когда-нибудь приходилось искать работу и проходить тестирование на уровень интеллекта и смекалку? Уверен - приходилось. Сейчас каждый с этим сталкивается (кстати, результаты всех тестов поступают в Центральный). Постепенно вы к этому привыкаете, приобретая качество, которое психологи называют "невосприимчивостью к тестам". То есть вы заранее знаете правильные ответы.

Да, именно так. Вы привыкаете давать ответы, которых от вас ожидают, и осваиваете некоторые приемы, позволяющие выиграть время. Вы утрачиваете страх перед тестами, сознавая, что можете предугадать все ходы противника.

Невосприимчивость к наркотикам - явление того же рода. Если вы не боитесь "сыворотки правды", и если раньше вам приходилось испытывать на себе ее воздействие, - вы ей не поддадитесь.

- Я задал вопрос. Отвечайте, черт побери!

Я всегда считал, что страх боли, подкрепляемый самой болью, неплохо развязывает язык. Теперь я решил испытать это на практике.

Встав спозаранку, я приготовил завтрак. Налил стакан апельсинового сока и потряс старика за плечо.

- Что за черт...

- Завтрак, - сказал я. - Выпей.

Он осушил стакан. Потом мы отправились на кухню и сели за стол.

Глядя на меня поверх яичницы, он сказал:

- Будет время - заглядывай ко мне. Слышь?

- Загляну, - пообещал я, и с тех пор навещался к нему несколько раз, потому что он мне понравился.

За беседой, длившейся все утро, мы осилили три кофейника. Когда-то он служил врачом на флоте, и практики у него было хоть отбавляй (позднее он извлечет из меня несколько пуль и сохранит это в тайне). Кроме того, он был одним из первых астронавтов. А сейчас, по его словам, ему хотелось быть просто опустившимся старикашкой. Впоследствии я узнал, что лет за шесть до нашей встречи у него умерла от рака жена. Он бросил медицину и стал отшельником.

Мы с ним и сейчас дружим, но все-таки я не открываю ему, что он дал приют самозванцу, подделавшему свою родословную. Я мог бы рассказать ему все как на духу, ведь он из тех, на кого можно положиться. Но я не хочу взваливать на его плечи моральную ответственность за мои темные дела.

Так я стал человеком, которого нет. Но при этом у меня появилась возможность стать кем угодно. Для этого требовался суший пустяк: составить программу и ввести ее в Центральный. Сложнее было другое: раздобыть средства к существованию.

Для этого требовалась работа. Причем, такая, за которую хорошо платят. Я привык жить как мне нравится, *idest*¹ красиво.

Это условие значительно сужало сектор поиска и вынудило меня отказаться от множества профессий, которые не противоречат закону. Но я мог обеспечить себя надежной "крышей", устроившись на работу по любой специальности, которая не вызывала бы у меня скуки. В конце концов, я так и поступил.

Я сообщил Центральному о своей безвременной кончине, и он покорно проглотил "липу". Поскольку родственников я не имел, мой переход в мир иной никому не причинил хлопот. Все свое имущество я превратил в наличные и набил ими карманы.

Затем я создал себе новую биографию. Выработал множество привычек, этаких причуд, свойственных каждому человеку.

Жил я на борту "Протеза", стоявшего на якоре у побережья Нью-Джерси, под прикрытием островка. "Протез" тоже не существовало в природе. Я трудился не покладая рук и преуспел, став одним из самых удачливых "солдат удачи" на свете.

Я серьезно занялся дзюдо. Как известно, есть три школы этой борьбы: кодокан - чистый японский стиль, - будо квай и школа Французской федерации. Два последних стиля похожи на первый, но отличаются более жесткими подсечками, бросками и захватами. Создатели этих школ понимали, что "чистый" стиль был выработан для низкорослых борцов, в нем большая роль отводится скорости и точности движений, нежели силе. Поэтому они попытались приспособить базовую технику для рослых спортсменов, допустив применение силы в ущерб точности. На мой взгляд, это весьма неплохо, потому что я человек рослый и крепкий. Правда, когда-нибудь, возможно, мне придется пожалеть о своей лени. Когда тебе за сорок, силы уходят с каждым годом. Но если ты занимался дзюдо в стиле кодокан, ты и в восемьдесят останешься мастером. Впрочем, быть может, я наберусь терпения и лет через двадцать снова обрету форчу. Не такой уж я увалень - во Французской федерации я получил черный пояс.

В свободное от физических упражнений время я прошел курс владения отмычкой. Понадобился не один месяц, чтобы я научился отпирать самый простенький замок. Я и по сей день считаю, что лучше не трогать замок, а выбить дверь ногой, взять, что тебе нужно, и дать деру.

Видимо, я не рожден для того, чтобы стать профессиональным преступником. Криминальный талант дается не каждому.

Я изучал все, что, по моему мнению, могло пригодиться. Изучал и изучаю. И хоть я считаю себя специалистом только в одной науке - науке

¹ - то есть (лат.)

существования "в тени" - у меня широкая эрудиция. К тому же, я обладаю важным преимуществом перед всеми остальными людьми: меня нет.

Когда мои карманы опустели, я решил обратиться к Дону Уэлшу. Я знал, кто он такой, и надеялся, что он обо мне никогда ничего не узнает.

Это решение определило мой *modus vivendi*¹.

С тех пор прошло более десяти лет, и за это время у меня не возникало к Дону претензий. Правда, пришлось-таки набраться опыта в обращении с отмычками, не говоря уже о наркотиках и "жучках". Но я не жалею - работа есть работа.

Не знаю, всерьез они считали, что я блефую, или нет. Замечание о низком уровне жестокости наводило на мысль, что у них был доступ к моему "досье" в Центральном или к "личному делу" в сейфе капитана. А если они знакомы с моим "личным делом", то наверняка заглядывали и в расписание дежурств, и знают, что скоро мне на вахту. А до пробуждения остались считанные часы.

Будильник на тумбочке показывал без пяти шесть. В восемь мне предстояло заступить на вахту. Времени, чтобы добиться от "гостей" правдивых ответов, было в обрез.

Я ждал этой встречи целый месяц, и результат ее целиком зависел от того, удастся ли мне "расколоть" их за два часа. Я не сомневался, что они будут тянуть время. Они знали, что я не рискну оставить их в каюте на целый день, а единственная альтернатива - выдать их корабельной охране. Но мне этого совсем не хотелось - возможно, на борту у них были друзья. Либо сами они заранее подстраховались, сделав выводы из неудачи с Джей-9. Еще одна диверсия - и пробуждение Румоко, намеченное на пятнадцатое сентября, будет отложено.

Чтобы получить деньги, я должен был послать Дону Уэлшу посылку. Но мне пока нечего было положить в посылочный ящик.

- Джентльмены! - Я не узнал собственного голоса - по-видимому, у меня были заторможены рефлексы. Я перестарался, сдерживая движения и речь. - Джентльмены, пришел мой черед. - Я развернул кресло и уселся, оперев рукоять пистолета на предплечье, а предплечье - на подлокотник кресла. - Однако, прежде чем приступить к делу, намерен обратиться к вам с речью, направленной, как вы правильно догадываетесь, на то, чтобы склонить вас к откровенности.

Вы не агенты правительства, - продолжал я, переводя взгляд с одного "гостя" на другого. - Вы представляете здесь интересы частного лица или лиц. Будь вы агентами правительства, вы бы, несомненно, знали заранее, что я таковым не являюсь. Поскольку вы прибегли к крайней форме допроса с пристрастием, у меня есть основания считать, что вы готовы на все. Логика подсказывает мне, что попытка утопить Джей-9 предпринята

¹
- образ жизни (лат.)

вами. Это была не случайность, а диверсия, и я уверен в этом, ибо лично сорвал ее. Все вышеизложенное вполне объясняет, почему вы находитесь в моей каюте. Поэтому я не вижу необходимости задавать вам многие вопросы.

Я готов допустить, что ваши удостоверения личности - подлинные. В любой момент я могу достать их из ваших карманов, если они там, но ваши имена наверняка мне ничего не скажут. Поэтому я не стану тратить время. Говоря откровенно, я хочу, чтобы вы ответили только на один вопрос, и, возможно, этот ответ не причинит ущерба вашему нанимателю или нанимателям, которые, несомненно, сразу от вас отрекутся. Я хочу знать, на кого вы работаете.

- Зачем тебе это знать? - хмуро спросил тот, что повыше, и я впервые заметил шрам, пересекавший его верхнюю губу.

- Мне любопытно, кого так заинтересовала моя скромная персона.

- Что ты предпримешь, если мы ответим?

Я пожал плечами.

- Возможно, акт личной мести.

Он отрицательно покачал головой.

- Ты тоже на кого-то работаешь, - сказал он. - Если не на правительство, то на лицо, которому мы вряд ли симпатизируем.

- То есть, вы признаете, что действовали не по личным мотивам? Если не хотите сказать, кто вас нанял, скажите хотя бы, почему он заинтересован в срыве "проекта".

- Нет.

- Ладно, не буду настаивать. Похоже, вы служите некой важной особе. Между прочим, я мог бы кое-что предложить в обмен на откровенность.

Тот, что пониже, засмеялся, но напарник обжег его взглядом, и он умолк.

- Хорошо, оставим эту тему, - сказал я. - Нет так нет. Поговорим о другом. Я могу выдать вас корабельной охране, обвинив только во взломе и проникновении в мою каюту. Могу даже соврать, будто вы были пьяны и утверждали, что каюта принадлежит вашему приятелю, с которым вы хотите пропустить по стопочке перед сном. Что скажете?

- Так есть здесь "жучки" или нет, в конце концов? - спросил тот, что пониже. Он выглядел чуть помоложе своего приятеля.

- Конечно, нет, - отозвался тот, что повыше. - Слушай, заткнись, сделай милость.

- Что скажете? - повторил я.

Он снова покачал головой.

- В таком случае, придется рассказать охране все как есть. О наркотиках, допросе и так далее. Что скажете теперь?

Тот, что повыше, подумал и опять покачал головой.

- Неужели ты это сделаешь? - спросил он.

- Сделаю...

Казалось, он задумался.

-... и, следовательно, не смогу уберечь вас от болезненных ощущений, как это ни печально. Даже если вы невосприимчивы к наркотикам, все равно, больше двух дней не выдержите, потому что кроме "психотропов" к вам применят все остальные штучки. Рано или поздно вы заговорите. По мне, так лучше рано, ибо я подозреваю, что для срыва "проекта" вы подготовили кое-какие сюрпризы ...

- Черт бы его побрал! Он слишком сообразителен!

- Скажите-ка ему еще разок, чтоб заткнулся, - попросил я того, что повыше. - Он слишком торопится признаться, не дает мне позабавиться.

- Ну так как? Выкладываете, - продолжал я, выдержав паузу. - Я ведь все равно добьюсь ответа.

- Он прав, - проворчал человек со шрамом. - Ты чересчур сообразителен. По коэффициенту умственного развития и "персональному профилю" этого не скажешь. Могу я тебе кое-что предложить?

- Можете, - кивнул я. - Если это "кое-что" будет достаточно весомым. И если заодно вы скажете, от кого исходит предложение.

- Хочешь четверть миллиона долларов наличными? Это максимум того, что я могу дать. За это ты должен отпустить нас и заняться своими делами. И забыть о сегодняшней встрече.

Я обдумал это предложение. Не буду лукавить: оно выглядело заманчиво. Но за последние годы через мои руки прошло немало денег, и мне не хотелось сообщать "Частному сыскному агентству Уэлша", с коим я и впредь рассчитывал сотрудничать, о своей неудаче.

- Кто и когда мне заплатит? И чем? И за что?

- Сегодня вечером я смогу выплатить половину суммы, вторую - через неделю, в крайнем случае, через десять дней. Чем? Любой валютой, на твое усмотрение. За что? Думаю, ответ ясен: мы у тебя кое-что покупаем.

- Похоже, у вашего босса денег куры не клюют, - заметил я, бросая взгляд на будильник - он показывал шесть пятнадцать. - Увы, я вынужден отклонить ваше предложение.

- Значит, ты служишь не правительству. Агент правительства от денег бы не отказался, но все равно выдал бы нас.

- Подумаешь, открытие! Я сам только что сказал вам, что не имею отношения к правительству.

- Кажется, мистер Швейцер, мы зашли в тупик.

- Не думаю. Это была только присказка, сказка - впереди. Я вынужден перейти к решительным действиям. Приношу свои извинения, но иного выбора у меня нет.

- Ты в самом деле способен на насилие?

- Боюсь, что да. Кстати, хочу вас разочаровать: вчера я малость перебрал и в ожидании сильного похмелья позаботился об отгуле. У меня весь день свободен. Поскольку лично вы уже получили весьма болезненную рану, можете пока отдохнуть.

Я медленно встал, ничем не выдавая головокружения. Не отвязывая от стула парня, который пониже, я поставил его на ноги, притащил в ванную

и усадил под душ. Он несколько раз пытался ударить меня головой, но безуспешно.

- Хочу вкратце изложить мою идею, - сказал я, возвратясь в комнату. - Я как-то раз замерял температуру воды в душе - она меняется в интервале от ста сорока до ста восьмидесяти градусов Фаренгейта. Стоит только расстегнуть на твоём приятеле рубашку и штаны, и он сварится заживо. Уяснил?

- Уяснил.

Я снова прошел в душ, расстегнул на "госте" одежду, пустил горячую воду и снова вернулся в комнату. Я уже давно заметил черты сходства в лицах моих собеседников. Это навело на мысль, что они родственники.

Когда раздались первые вопли, парню сидевшему передо мной, не удалось сохранить бесстрастный вид. Он затравленно посмотрел на будильник, потом - на меня.

- Будь ты проклят, ублюдок! Выключи воду!

- Кто он тебе? Кузен?

- Родной брат. Выключи воду, бабун проклятый!

- Охотно выполняю твою просьбу, если ты сочтешь возможным поделиться со мной информацией.

- Ладно. Только пусть он останется там. И дверь закрой.

Я стремглав бросился в ванную. В голове у меня почти прояснилось, хотя самочувствие было далеко не идеальным.

Перекрывая воду, я ошпарил руку. Оставив жертву корчиться в клубах пара, я затворил дверь и возвратился в комнату.

- Ну? Слушаю.

- Можешь освободить мне руку и дать сигарету?

- Руку - нет, а сигарету - пожалуйста.

- Как насчет правой? Я едва ею шевелю.

- Ладно, - согласился я, подумав, и взял пистолет.

Я зажег сигарету, сунул ее собеседнику в рот. Она выпала. Я поднял ее и снова лоднес ко рту "гостя".

- Ну, хорошо, - сказал я. - Десять секунд тебе на это удовольствие, и - к делу.

Он кивнул, обвел комнату взглядом, глубоко затянулся.

- Похоже, тебе не впервой причинять людям боль, - заметил он. - Если ты не агент правительства, то хотел бы я знать, кто приложил руку к твоему "досье".

- Я работаю на правительство.

- Тогда остается только пожалеть, что ты не с нами. Похоже, ты знаешь свое дело.

Он снова бросил взгляд на будильник. Шесть двадцать пять.

Но сейчас за этим взглядом, помимо желания узнать время, скрывалось что-то еще. Страх?

- Когда это произойдет? - спросил я наугад.

И допустил ошибку.

- Приведи сюда моего брата, - тоскливо произнес он. - Я хочу его видеть.

- Когда это случится? - повторил я.

- Слишком скоро. Ты уже ничего не исправишь.

- Сомневаюсь. Но если ты прав, не стоит особо расстраиваться. Ведь у вас с братом все равно нет выхода.

- Отпусти нас, а? Хочешь, я увеличу сумму?

- Не стоит. Этим ты меня только расстроишь. Я ведь все равно не соглашусь. Ну, все, мне пора. Надо торопиться.

- Ну, как хочешь. Об одном прошу: приведи его сюда и окажи первую помощь.

Я выполнил его просьбу.

- Придется вам, ребята, еще немного посидеть здесь. - Я погасил сигарету старшего и привязал его запястье к стулу. Затем я направился к выходу.

- Ты же не знаешь! Ты ничего не знаешь! - выкрикнул старший мне вслед.

- Не стоит себя обманывать, - бросил я через плечо.

Я не знал. Действительно не знал.

Но догадывался.

Решительным шагом пройдя по коридорам, я забарабанил в дверь каюты Кэрол Дэйт. Спустя некоторое время раздалось приглушенное ругательство, и дверь отворилась. За ней, моргая спросонья, стояла Кэрол в просторном халате и ночном чепце.

- Тебе чего?

- Да так, поболтать о том о сем. Можно войти?

- Нет! - отрезала она. - Я не привыкла к ...

- Диверсиям, - подхватил я. - Знаю. Вот я и хотел бы потолковать о диверсиях, которые, между прочим, еще не закончились.

- Входи. - Кэрол распахнула дверь и шагнула в сторону.

Я вошел.

Она затворила дверь и сказала, прислонясь к ней спиной:

- Я слушаю.

В каюте светился только ночник, кровать была неубрана.

- Пожалуй, вчера я не все тебе рассказал, - признался я. - Да, это была диверсия, и мне удалось разрядить мину. Слава Богу, все обошлось, но на этом неприятности не кончились. Сегодня - исторический день, и сегодня будет предпринята последняя попытка. Я уверен в этом. Возможно, я знаю, когда и где это случится.

- Сядь, - велела она.

- Между прочим, времени в обрез.

- Все-таки будь любезен, посиди. Мне надо одеться.

Она вышла в соседнюю комнату, оставив дверь открытой.

Впрочем, друг от друга нас отгораживала стенка. Ей не о чем было беспокоиться, если она доверяла мне. А она, похоже, доверяла.

- Что ты узнал? - спросила она, шурша одеждой.

- Мне кажется, к одному из наших атомных зарядов подсоединено взрывное устройство, так что петух кукарекнет раньше срока.

- Почему тебе так кажется?

- Потому что в моей каюте сидят двое парней, привязанные к стульям. Их заинтриговал случай с Джей-девять, и они всю ночь пытались меня разговорить.

- Вот как?

- Они вели себя очень грубо.

- Дальше.

- Когда мы поменялись ролями, я тоже не стал миндальничать. Я заставил их говорить.

- Как тебе это удалось?

- Это тебя не касается. Короче говоря, я думаю, надо еще разок проверить заряды.

- Могу я забрать этих людей из твоей каюты?

- Разумеется.

- Как тебе удалось с ними справиться?

- Они не знали, что у меня пистолет.

- Понятно. Между прочим, я тоже об этом не знала. Ладно, мы их заберем. Так ты утверждаешь, что задержал их и вынудил признаться?

- В некотором роде. И да, и нет. Только это не для протокола. Кстати, твоя каюта прослушивается?

Она вернулась в спальню, кивнула и приложила палец к губам.

- Не пойди ли нам куда-нибудь? - спросил я.

- Иди к черту! - В черных облегающих брюках и блузке в шахматную клетку она выглядела потрясающе. Я понял, что она неверно истолковала мои слова - я ведь имел в виду совсем не то, что могло прийти в голову какому-нибудь идиоту, например, правительственному агенту, подслушивающему наш разговор.

- Я в том смысле, что надо спешить, - пояснил я. - Не хочу, чтобы из-за нашей нерасторопности все пошло прахом.

- Не волнуйся. Между прочим, в последнее время я повстречала несколько гага avis¹ - да, я решаю кроссворды в "Нью-Йорк Таймс", - и ты - одна из этих птишек. Ты совершаешь неожиданные поступки, но, судя по всему, знаешь, что делаешь. Мы уже имели дело с людьми, которые превосходно ориентируются в ситуации и в критическую минуту вступают в игру. Так ты считаешь, в ближайшее время с борта нашего корабля будет сброшена атомная бомба?

- Да.

1

- редкая птица (лат.)

- И она взорвется раньше времени от устройства, поставленного диверсантами?

- Верно. - Я глянул на свои часы - стрелка приближалась к семи. - Держу пари, осталось меньше часа.

- Заряды будут сброшены через несколько минут, - сказала она.

- И что ты намерена предпринять?

Она подошла к столику возле кровати и взяла телефонную трубку.

- Управление? - спросила она. - Прекратить отсчет. - Затем: - Соедините меня с охраной.

- Сержант, - произнесла она через несколько секунд, - прошу арестовать двух человек. - Она посмотрела на меня. - Номер каюты?

- Шесть-сорок, - ответил я.

- Шесть-сорок, - повторила она в микрофон. - Да, двоих. Да. Спасибо. - Она положила трубку. - О них позаботятся, - пообещала она мне. - Ты сказал, заряд может взорваться раньше срока?

- Именно это я и сказал. Причем, дважды.

- Сможешь его обезвредить?

- Если мне предоставят необходимое. Но ты, наверное предпочтешь вызвать ...

- Пойди и возьми! - велела она.

- Хорошо.

Я пошел, куда требовалось, и взял, что требовалось. Через пять минут вернулся в каюту Кэрол с тяжелым свертком на плече.

- Пришлось расписаться кровью. Почему бы тебе не пригласить толкового физика?

- Мне нужен ты, - возразила она. - Ты участвуешь в игре с самого начала. Ты знаешь, что делаешь. Чем меньше народу будет знать о наших делах, тем лучше.

- Веди, - сказал я и отправился за ней следом.

По пути я посмотрел на часы. Семь ноль-ноль.

Через десять минут я выяснил, который из трех зарядов - "с сюрпризом".

Диверсанты воспользовались моторчиком на батарейке от детского конструктора. Моторчик приводился в действие стандартным часовым механизмом. Он должен был отодвинуть свинцовую заслонку. Если бы это случилось, проклятая бомба обязательно бы взорвалась.

Я провозился с ней меньше десяти минут.

Потом мы стояли возле фальшборта. Я опирался на планшир.

- Хорошо, - сказал я.

- Не то слово, - улыбнулась она.

Мы помолчали.

- Пока ты занимаешься подобными делами, - заговорила она, наконец, - держи ухо востро. Скоро ты станешь объектом моего самого пристального внимания.

- Чего мне бояться? Я чист как первый снег. Или как лебяжий пух.

- Ты ненастоящий, - возразила она. - Таких, как ты, не бывает.

- Вынужден тебя разочаровать. Потрогай меня - и убедишься, что я вполне реален.

- Если однажды в полночь ты не превратишься в лягушку, тебя, возможно, сумеет полюбить какая-нибудь девушка.

- Где мне найти такую глупую девушку?

Вместо ответа я получил странный взгляд, но не стал ломать голову над его значением.

Потом она посмотрела мне прямо в глаза.

- Ты - моя неразгаданная тайна. Ты похож на отголосок минувшей эпохи.

- Возможно, ты и права. Как насчет того, чтобы оставить меня в покое? Я ведь ничего плохого не сделал.

- У меня - служба. С другой стороны, ты прав. Ты помог нам, не нарушив при этом никаких запретов, если не считать случая с Джей-девять, да и вряд ли это можно назвать нарушением. Но ведь я должна отправить начальству рапорт, а в нем соответствующим образом изложить твои действия. Увы, я не могу отпустить тебя так просто.

- Я и не прошу.

- Чего же ты от меня хочешь?

Я не боялся, что сведения о моей деятельности на борту "Аквины" поступят в Центральный. Как только это случится, я сумею их стереть. Но прежде, чем они попадут в память компьютера, с ними ознакомится уйма народа, а это мне совсем ни к чему.

- Чем меньше народу будет знать о наших делах, тем лучше, - повторил я слова Кэрол. - Если один человек потихоньку выйдет из игры, никто не заметит.

- Ошибаешься.

- Ладно. Допустим, я добровольно решил вам помогать.

- Вот это уже лучше.

- В таком случае, почему бы нам не придерживаться этой версии?

- Не вижу особых проблем.

- Ты согласна?

- Я посмотрю, что можно сделать. Когда ты закончишь работу, чем собираешься заняться?

- Еще не знаю. Махну куда-нибудь отдохнуть.

- Один?

- Возможно.

- Знаешь, а ты мне нравишься. Я постараюсь избавить тебя от неприятностей.

- Буду весьма признателен.

- Похоже, у тебя на все готов ответ.

- Спасибо.

- Как насчет девушки?

- В смысле?

- Могла бы тебе пригодиться девушка?

- По-моему, у тебя очень даже неплохая работа.

- Да, но дело не в этом. Так нужна она тебе или нет?
- Кто - она?
- Хватит валять дурака! Девушка, кто же еще?
- Нет.
- Вот как?
- Слушай, не мели чепухи. На кой черт мне подружка из спецслужбы? Неужели я поверю, что ты решила связать судьбу с незнакомцем?
- Я видела тебя в деле, ты настоящий парень. Да, я могла бы связать с тобой судьбу.
- Это самое необыкновенное предложение в моей жизни.
- Решай быстрее, - сказала она.
- Ты сама не знаешь, что говоришь.
- А что, если я к тебе неравнодушна?
- Ну да, я же разрядил твою бомбу.
- Я не о благодарности! - перебила она. - Впрочем, за бомбу спасибо.
- Ну ладно, нет так нет.
- Постой! Дай хоть немного подумать.
- Пожалуйста. - Она отвернулась.
- О, черт! Ладно, давай поговорим откровенно. Ты мне нравишься, хоть я и убежденный холостяк с многолетним стажем. Ты - загадка.
- Посмотрим на это под другим углом, - сказала она. - Ты не такой, как все. Я тоже хочу быть не такой, как все.
- Например?
- Например, хочу лгать компьютеру, и чтобы это сходило мне с рук.
- А почему ты считаешь, что я лгу компьютеру?
- Потому что это - единственный ответ. Если, конечно, ты - настоящий.
- Я настоящий.
- Значит, ты умеешь обманывать "систему".
- Сомневаюсь.
- Возьми меня с собой, - попросила она. - Я тоже так хочу.
- Я внимательно посмотрел на нее. Тонкий локон едва касался нежной щеки. Казалось, Кэрол вот-вот расплчется.
- Значит, я - твой последний шанс? Тебе все опротивело и, повстречав меня, ты решила сыграть "ва-банк"?
- Да.
- Чушь какая-то. Учти, если ты вдруг захочешь выйти из игры, я не смогу гарантировать тебе безопасность. А сам я из игры не выйду. Я веду ее по собственным правилам, и эти правила не всем понятны. Если мы с тобой сойдемся, у тебя появится шанс рано овдоветь.
- Я верю в тебя. Ты умен и смел.
- Я рано сойду в могилу. Слишком уж часто я делаю глупости.
- Кажется, я в тебя влюблена.
- Послушай, давай поговорим об этом позже. Мне нужно кое-что обмозговать.
- Хорошо.
- Глупая ты девчонка.

- Ошибаешься.
- Ну что ж, посмотрим.

Очнувшись от сна - одного из самых глубоких снов в моей жизни - я отправился на вахту.

- Опаздываешь, - заметил Меррей.

- А ты стукни начальству, пускай меня спишут, - огрызнулся я и уселся за экран монитора.

Проект "Румбоко" находился в завершающей стадии.

Марти и Демми спустились на дно и разместили ядерные заряды. Они прекрасно сделали свое дело, и теперь мы уходили подальше. Заряды должны были взорваться по радиосигналу.

Из моей каюты забрали непрошенных гостей, и за это я был благодарен Кэрол.

Наконец мы отошли на безопасное расстояние, и радист отправил в эфир сигнал. Несколько мгновений кругом царило безмолвие. Затем взорвалась бомба.

За стеклом иллюминатора я увидел встающего человека: старого, седого, в широкополой шляпе. Он постоял, шатаясь, и рухнул ничком.

- Ну вот, подпортили мы воздух, - заметил Мартин.

- Черт! - буркнул Демми.

Океан вздыбился и бросился на нас. Корабль чудом не сорвало с якоря.

На какое-то время стихия утихла. Потом началось!

Корабль трясся, как продрогшая собака. Я смотрел, вцепившись в подлокотники кресла. За иллюминатором бушевали волны: безжалостные и коварные, они с рычанием налетали на нас, но нам каждый раз удавалось отразить их натиск.

- Начали действовать датчики, - сказала Кэрол. - Похоже, он растет.

Я молча кивнул. Говорить было не о чем.

- Он уже большой, - произнесла Кэрол через минуту, и я снова кивнул.

В конце концов порожденная нами тварь выбралась из-под воды. Это случилось в то же утро.

На поверхности океана долго лопались пузыри, становясь все крупнее. Показания термометров быстро росли. Внизу разливался свет.

Внезапно в небо ударила широкая струя воды. Фонтан поднялся на невиданную высоту и зазолотился в лучах утреннего солнца, словно голова Зевса, спустившегося с небес к кому-то из своих подружек. Явление Зевса сопровождалось оглушительным ревом.

Постояв перед нами несколько мгновений, златокудрых бог рассыпался сверкающим дождем.

После этого океан разбушевался не на шутку.

Его поверхность корчилась и мерцала; рев то смолкал, то возобновлялся. Снова забил фонтан, затем - другой, третий, четвертый, и каждый - все выше, выше...

Потом "Аквину" задело ударной волной очередного взрыва. Казалось, нас несет куда-то мощным отливом...

Мы были готовы к такому исходу.

Мы не дрогнули.

Отлив все тащил нас, и не было этому конца. От вулкана нас отделяли многие мили, а казалось, до него можно дотронуться рукой.

И снова ввысь ударил бесконечный водяной столб. Он пронзил небосвод и оросил солнце. Он раздался вишрь, и у его основания из воды забило пламя.

Быстро спустились сумерки; тончайшая пыль наполнила воздух, глаза, легкие. К счастью, облака вулканического пепла проплыли в стороне от нас, словно стая темных птиц. Чтобы хоть как-то защитить легкие от грязи, я закурил сигарету.

В тот преждевременный вечер оксан был светел. Казалось, сам потревоженный Кракен¹ лижет днище нашего корабля. Сияние в пучине не угасало; в нем смутно угадывался контур.

Румоко. Конус. Рукотворный остров. Обломок затонувшей Атлантиды, снова поднимающийся к поверхности. Человеку удалось сотворить участок суши. Придет время, и она станет обитаемой. А если мы создадим целый архипелаг...

Да. Возможно, это будет вторая Япония. Человеческой расе необходимо жизненное пространство.

Почему меня допрашивали? Кто противостоит нам? Какие у них мотивы? Ведь мы, насколько я понимаю, делаем благое дело.

Я покинул рубку и направился в ресторан.

Там ко мне как будто случайно подошла Кэрол. Я кивнул. Она села напротив.

- Привет.

- Привет.

- Ну как, обмозговал? - спросила она, заказав салат и эрзац-пиво.

- Да.

- Что скажешь?

Я пожал плечами.

- А что тут говорить? Очень уж это внезапно, и, если честно, мне бы хотелось узнать тебя чуточку поближе.

- То есть?

- Я имею в виду старинный обычай, который называется "помолвка". Давай попробуем, а?

- Я тебе не нравлюсь? Я сравнивала наши индексы совместимости - мы должны подойти друг другу. Конечно, я сужу о тебе по "досье", но мне кажется, в этом случае оно не лжет. Ты мне подходишь.

- То есть?

¹ - мифическое чудовище, якобы обитавшее у побережья Норвегии.

- Я много думала о тебе. Пожалуй, я бы могла связать судьбу с гордецом и эгоистом, который знает толк в технике.

Я знал, что ресторан прослушивается, а Кэрол просто не могла об этом не знать. Следовательно, она не случайно завела этот разговор именно здесь.

- Извини, - сказал я. - Слишком внезапно. Дай мне как следует подумать.

- Почему бы нам не отдохнуть где-нибудь вдвоем? Там и подумаешь.

- Где?

- Ну, хотя бы на Шпицбергене.

Выдержав паузу, я сказал:

- Идет.

- Мне надо часа полтора на сборы.

- Ого! Я-то думал, ты имеешь в виду уик-энд. Нет, до конца недели я не могу. Надо еще проверить аппаратуру, да и вахтенное расписание...

- Но ведь ты уже закончил свою работу.

Я перешел к десерту - кофе и отменному яблочному пирогу с кедровыми орешками. Не отрываясь от чашки, я медленно покачал головой.

- Я могу договориться, чтобы тебя на денек-другой освободили от вахты, - заметила Кэрол. - Беды от этого не будет.

- Извини, но я не люблю оставлять недоделки. Давай подождем с пикником до конца недели.

Она помолчала, размышляя.

- Ну, ладно.

Я кивнул, доедая пирог.

"Ну, ладно" вместо "да", "хорошо" или "договорились" - могло быть ключевой фразой. Но мне было уже все равно.

Мы направились к выходу. Кэрол шла чуть впереди. Я услужливо распахнул перед ней дверь, и с той стороны мне навстречу шагнул человек.

Кэрол остановилась и обернулась.

- Не надо ничего говорить, - попросил я. - Я замешкался - и влип. Не трать время на перечисление моих прав - я знаю их не хуже тебя. - В руке у мужчины сверкнула сталь, и я поднял руки, добавив: - С Новым Годом!

Но Кэрол все равно процитировала уголовный кодекс, избегая моего хмурого взгляда.

Черт бы побрал мою медлительность! Ее предложение было слишком заманчивым, чтобы походить на правду. Интересно, рассеянно подумал я, легла бы она со мной в постель, если бы того потребовали обстоятельства? Она была права насчет того, что моя работа на "Аквине" закончена. Я собирался "смазать пятки" и позаботиться о кончине Альберта Швейцера в ближайшие двадцать четыре часа.

- Придется тебе все-таки лететь на Шпицберген сегодня, - сказала она. - Там у нас более подходящая обстановка для допроса.

Как бы уклониться от этого любезного приглашения? М-да...

Словно прочитав мои мысли, она заявила:

- Судя по всему, ты небезопасен, поэтому полетишь в сопровождении опытных людей.

- Так ты не составишь мне компанию?

- Боюсь, что нет.

- Нет так нет. В таком случае, нам остается только проститься. Досадно, что не удалось узнать тебя поближе.

- Не придавай значения моим словам, - улыбнулась она. - Просто надо же было как-то сбить тебя с толку.

- Не буду. Но я так и останусь твоей неразгаданной тайной.

- Прошу прощения, но мы должны надеть на вас наручники, - сказал мужчина.

- Ну, разумеется.

Я протянул к нему руки, но он возразил почти виновато:

- Нет, сэр. Руки за спину, пожалуйста.

Я выполнил его просьбу, но, поворачиваясь, успел бросить взгляд на "браслеты". Они оказались довольно старомодными - такие штампуют по госзаказу. Если как следует прогнуть назад, можно переступить через цепочку, и тогда руки будут впереди. А там, если у меня будет секунд двадцать...

- Один вопрос, из чистого любопытства, - сказал я. - Ты выяснила, почему та парочка вломилась ко мне в каюту? Если не ответишь, мне придется мучиться бессонницей.

Кэрл закусил губу - видимо, колебалась. Но все-таки ответила:

- Они из Нью-Сейлема, "пузыря" на континентальном шельфе Северной Америки. Боялись, что "Румоко" расколется их сферу.

- Расколел?

Помолчав, она сказала:

- Не знаю. Нью-Сейлем пока молчит. Мы пытаемся с ним связаться, но помехи...

- Что?!

- У нас нет с ними связи.

- Ты имеешь в виду, что мы, возможно, уничтожили целый город?

- Нет. Ученые говорят, риск был минимальным.

- Ваши ученые, - сказал я. - Их ученые наверняка были другого мнения.

- Разумеется, - кивнула она. - Их ученые с самого начала организовали "проект" обструкцию. Они не верили нам и подсылали диверсантов. Пытались сорвать ...

- Как жаль, - пробормотал я.

- Чего жаль?

- Не чего, а кого. Парнишку, которого я усадил под кипяток. Ну, ладно, спасибо. Подробности узнаю из газет. Все, отправляй меня на Шпицберген. Прощай.

- Не сердись, - сказала она. - Я выполняю свой долг. По-моему, все правильно. Если ты действительно чист, как белый снег, или как лебяжий пух, тебя вскоре отпустят. И тогда я буду не против, если ты вспомнишь наш недавний разговор.

Я усмехнулся.

- Я ведь уже сказал: прощай. Впрочем, спасибо, что ты избавила меня от бессонницы.

- Не надо меня презирать.

- А я и не презираю. Просто я никогда тебе не верил.

Она отвернулась.

- Спокойной ночи, леди. Жаль с вами расставаться, но ничего не поделаешь.

Меня проводили до вертолета. Помогли забраться в салон.

- Она к вам равнодушна, - заметил человек с пистолетом.

- Вы слишком впечатлительны.

- Если вас отпустят, вы увидите с ней?

- Я никогда с ней больше не увижусь, - мрачно ответил я. - И с вами тоже.

Человек с пистолетом усадил меня на заднее сиденье. Потом он и его приятель заняли места у иллюминаторов и велели пилоту взлетать.

Затарахтел мотор, и мы взмыли в небо. Румоко внизу рыкнул и плюнул в небо огнем.

Ева, прости меня. Я не знал. Даже не подозревал, что такое может случиться.

- Нас предупредили, что вы опасны, - сказал человек с пистолетом. - Прошу не делать резких движений.

"Ave, atque, avatque"¹, - простучало в моем сердце.

"Двадцать четыре часа," - мысленно напомнил я Швейцеру.

Забрав у Уэлша свой заработок, я возвратился на "Протей" и дней на десять зарылся в книги по дзен-буддизму. К желанному успокоению это не привело, поэтому я отправился к Биллу Меллингсу и напился в стельку. Протрезвев, я с помощью его передатчика окончательно ликвидировал Альберта Швейцера. Биллу я наплел с три короба о красоте с огромными грудями.

Потом мы отправились на рыбалку. Это заняло две недели.

В то время меня вообще не существовало на свете. Я стер Альберта Швейцера с лица земли. И я часто ловил себя на том, что не хочу больше жить.

Когда ты убиваешь человека - пусть даже в безвыходной ситуации - в душе остается ожог, постоянно напоминающий о ценности человеческой жизни.

Это произошло медленно и бесшумно. Есть на свете вирус, о котором многие и слыхом не слыхивали, но к которому я выработал иммунитет. Я сдвинул камень в перстне и выпустил вирус на волю. Только и всего. Я так и не узнал имен конвоира и пилота. Даже не разглядел толком их лиц.

¹

здесь - здравствуй и прощай (лат.)

Вирус убил их за две минуты. Чтобы избавиться от наручников, мне потребовалось меньше двадцати секунд.

Я посадил вертолет у берега, искалечив его и растянув сухожилие у себя на запястье. Выбрался на сушу и пошел прочь.

Охранники и летчик выглядели так, будто их поразил инфаркт миокарда или атеросклероз мозга.

Обстоятельства требовали, чтобы я поглубже спрятался "в тень". Свое собственное существование я ценил чуточку выше, чем существование тех, кто брал на себя смелость причинять мне хлопоты. Но это отнюдь не означает, что мне не было невыразимо тошно.

Кэрол о многом догадается, думал я, но Центральный интересуется только фактами. Морская вода, проникнув в вертолет, скоро уничтожит вирус. Никто не догадается, что этих людей убил я.

Тем более, что тело Альберта Швейцера, судя по всему, при крушении вертолета было выброшено через люк и унесено отливом.

Если случайно я столкнусь с человеком, знавшим старину Аля, он, несомненно, обознается.

Мне совершенно нечего опасаться. И все-таки, возможно, я иду не тем путем. Мне по-прежнему чертовски тяжело.

Румоко Из Пучины дымится и растет, подобно голливудскому монстру, одному из тех, на ком отыгрываются постановщики фантастических фильмов. Через несколько месяцев он уgomонится. На него завезут плодородную почву, и перелетные птицы удобрят ее гуано. Люди высадят красные мангры, которые укрепят приливно-отливную полосу, и поселят на острове насекомых. Когда-нибудь таких островов будет целая цепь, если верить ученым.

Какое ужасное противоречие, скажете вы: создавать новое жизненное пространство для населения Земли и вместе с тем уничтожать старое, убивая при этом тысячи людей!

Да, сейсмический удар повредил сферу Нью-Сейлеме. Погибли очень многие.

И тем не менее летом начнется создание нового вулканического острова - Сына Румоко.

Жители Балтимора-II встревожены не на шутку, но следственная комиссия Конгресса установила, что причина нью-сейлемской катастрофы - в конструкционных недостатках сферы. Несколько подрядчиков привлечены к суду, а двое даже объявлены банкротами.

Все это не очень красиво и совсем не величественно, и я никак не могу простить себе, что посадил под душ того паренька. Насколько мне известно, он жив, но навсегда останется калекой.

В следующий раз будут приняты более действенные меры предосторожности, обещают ученые. Но за эти обещания я не дам и ломаного гроша. Я никому и ничему не верю.

Если погибнет еще один город, как погибла ты, Ева, то "проект" будет заморожен. Но я не верю, что навсегда. Его авторы и исполнители сумеют выйти сухими из воды и снова возьмутся за старое.

Пока мы, люди, способны на такое, я не смогу поверить, что для демографической проблемы нет иного решения, кроме создания островов.

Между прочим, я считаю, что в наше время плотность населения можно контролировать, как контролируется все на свете. За такой контроль я и сам проголосую, создав новую личность, и даже не одну – пусть только объявят референдум. Пускай строят новые "пузыри", пускай осваивают околоземное пространство – но никаких Румоко. Людям еще рано играть в такие игрушки.

Вот почему я, Френсис С. Фитцджеральд, даю слово: никогда из пучины морской не появится уродливая макушка третьего Румоко.

Впервые с тех пор, как меня не стало, я возьмусь за серьезное дело не по просьбе Уэлша, а по собственной инициативе. И не потому, что я такой альтруист: просто мне кажется, я в долгу у человечества, на теле которого я паразитирую.

Пользуясь выгодами своего положения, я раз и навсегда покончу с искусственными вулканами.

Каким образом, спросите вы?

В крайнем случае, я превращу Сына Румоко во второй Кракатау. В последние недели Центральный (а значит, и я) узнал о вулканизме очень много нового.

Я изменю расстановку ядерных зарядов. Рождение нового монстра будет сопровождаться сейсмическими толчками невиданной силы.

Возможно, при этом погибнет немало людей. Но и без моего вмешательства Румоко-II наверняка уничтожит не меньше человеческих жизней, чем Румоко-I.

Надеюсь, на этот раз мне удастся проникнуть в верхний эшелон руководства "проектом". Наверняка следствие, которое ведет Конгресс, вызовет значительные кадровые перестановки. Появится много вакансий. А если учесть, что я и сам могу создавать вакансии...

Человечеству будет за что благодарить отцов "проекта", когда потрескается несколько сфер, а над Атлантикой вырастет огнедышащий Эверест. Вас, читатель, забавляет моя самонадеянность? Смею вас заверить: я не бросаю слов на ветер.

Блесна полетела за борт. Билл глотнул апельсинового сока, а я сигаретного дыма.

- Так говоришь, инженер-консультант? - спросил он.

- Угу.

- А не страшновато?

- Не привыкать.

- Ну, ты молодец. А я, знаешь, жалею, что в жизни ничего не происходит.

- Не жалей. Она того стоит.

Я смотрел в пучину, способную порождать чудовищ. Волны лизали край восходящего солнца; ветер был ласков и прохладен. День обещал быть прекрасным.

- Так говоришь, подрывные работы? - спросил он. - Занятно.

И я, Иуда Искариот, посмотрел на него и сказал:

- У меня клюет. Давай-ка бидон.

- И у меня! Погоди-ка!

По палубе, словно пригоршня серебряных долларов, рассыпался день. Вытащив рыбину из воды, я убил ее ударом палки по голове. Чтобы не мучилась.

Снова и снова я твердил себе: "Тебя нет!". Но не мог в это поверить, как ни старался.

Ева, Ева ...

Прости меня, любовь моя. Хочется, чтобы на мой лоб снова легла твоя рука...

Как прекрасно это серебро! И волны - синие и зеленые. И свет. Как прекрасен свет!

Прости меня...

- Клюет!

- Спасибо.

Я подсек. "Протей" медленно несло течением.

Все мы смертны, подумал я. Но от этой мысли мне не стало легче.

Перед Рождеством я снова послал открытку Дону Уэлшу.

Не спрашивайте, зачем я это сделал.

КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ

Они танцевали...

...На Балу Столетия...

...На Балу Тысячелетия...

...На самом волшебном из всех Балов...

...И ему хотелось сокрушить ее, разорвать на куски...

Мур не видел павильона, по которому двигался в танце, не замечал сотен безликих теней, скользящих вокруг, не устаивал вниманием разноцветные светящиеся шары, проплывающие над головой.

Он не ощущал запахов, кроме одного - первобытного запаха вечнозеленого реликта рождественских времен, который медленно вращался на пьедестале в центре зала, роняя негораемые иголки.

Все казалось далеким, отстраненным, пережитым. Ушедшим.

Еще несколько минут, и наступит Двухтысячный...

Леота трепетала на сгибе его руки, как стрела на туго натянутом луке, и ему хотелось сломать эту стрелу или выпустить - не целясь, наугад, лишь бы из глаз - прекрасных зеленовато-серых глаз - исчезло самадхи¹, или близорукость, или что бы там ни было...

Она следовала его неуклюжим движениям столь совершенно, что ему казалось, будто, соприкасаясь с ним, она читает его мысли! Особенно его сводило с ума ее дыхание - жарким влажным обручем охватывая шею, оно проникало под смокинг, словно невидимая зараза, - каждый раз, когда Леота приближала к нему лицо и говорила что-то по-французски. Этого языка он еще не знал, а потому отвечал невпопад: "C'est vrai"², или "Черт!", или и то и другое, - и пытался сокрушить ее девственную белизну под черным шелком, и она снова превращалась в трепещущую стрелу. Но она танцевала с ним, и это был самый большой его успех за минувший год, равный одному ее дню.

До наступления Двухтысячного оставались считанные секунды. И вот...

Музыка раскололась надвое и слилась воедино, а шары засияли дневным светом. "Все как тогда", - вспомнил Мур и усмехнулся. Огни погасли. Чей-то голос произнес ему и всем остальным чуть ли не в самое ухо:

- С Новым Годом! С новым Тысячелетием!

1

2 - состояние медитативного транса в йогс

- это верно (франц.)

...И он сокрушил ее...

Никому не было дела до того, что происходило на Таймс-сквер. А там толпа смотрела трансляцию Бала на экране размером с футбольное поле. Даже темнота павильона не была помехой для веселящихся зрителей - в инфракрасном свете они отлично видели прижимающихся друг к другу танцоров. "Возможно, именно мы сейчас - причина неистовства этой переполненной "чашки Петри" за океаном",- подумал Мур. Это было вполне возможно, если учесть, с кем он танцует.

Его не беспокоило, смеются над ним или нет; слишком близка была цель, чтобы беспокоиться о пустяках.

"Я люблю тебя!"- мысленно произнес он. (Чтобы предугадывать ее ответы, он проигрывал диалог в уме, и это делало его чутьочку счастливей.) Шары замерцали, и Мур снова вспомнил прошлогодний Бал. Пошел снег; снежинки, будто крошечные осколки радуги, падали на танцующих; медленно тая, между шарами проплывали рулончики серпантина; под сводами павильона, ухмыляясь, кружились воздушные змеи, разукрашенные под китайских драконов.

Танец возобновился, и Мур попросил ее, как год назад:

- Пойдем куда-нибудь. Хоть минуту побудем наедине.

Леота подавила зевоту.

- Нет. Мне скучно. Еще полчаса, и я уйду.

У нее был красивый грудной голос. Самый красивый из всех женских голосов.

- Почему бы нам не провести эти полчаса в одном из здешних буфетов?

- Спасибо, я не хочу есть. Я хочу быть на виду.

Мур Первобытный, почти всю жизнь продремавший в затылочной доли мозга Мура Цивилизованного, с рычанием встал на дыбы. Но Мур Цивилизованный, боясь, что он все испортит, одел на него намордник.

- Когда мы увидимся? - мрачно спросил он.

- Может быть, в День Штурма Бастилии, - прошептала она.- *Liberte, Egalite, Fraternite...*¹

- Где?

- Под куполом Нового Версаля, в девять. Если нужно, я устрою тебе приглашение.

- Буду весьма признателен.

("Она заставляет тебя унижаться!"- злобно вставил Мур Первобытный.)

- Хорошо, в мае ты его получишь.

- А сейчас ты не уделишь мне денек-другой?

Она отрицательно покачала головой. Голубовато-белый локон обжег его щеку.

- Время слишком дорого,- пршептала она с пафосом и вместе с тем иронически,- а дни без Балов - бесконечны. Ты хочешь, чтобы я отдала тебе годы своей жизни.

1

- свобода, равенство, братство (франц.)

- Да.

- Ты слишком многого хочешь.

Его подмывало послать ее к черту и уйти, но вместе с тем ему хотелось быть с ней. Ему было двадцать семь, и весь 1999 год он прожил в мечтах о ней.

Два года назад он решил, что пора жениться - его достаток вполне это позволял. Не найдя невесты, которая бы сочетала в себе лучшие черты Афродиты и цифровой вычислительной машины, он направил свое честолюбие в другое русло.

Ему удалось получить приглашение на "Новый Год на Орбите". Для этого ему пришлось объездить весь свет, не раз пересекая Международную демаркационную линию, и расстаться с месячным заработком. Но на Балю он встретил Леоту Матильду Мэйсон, Принцессу спящих. Стоило ему увидеть ее наяву - и он напрочь забыл о цифровой машине. Он влюбился. Вернее, позволил себе влюбиться. Во многих отношениях он был старомоден.

Разговор между ними длился ровно девяносто семь секунд. Из них первые двадцать ушли на обмен холодными стандартными фразами. Но все же он добился от нее обещания потанцевать с ним на Балю Тысячелетия в Стокгольме.

Весь год он сторулил от нетерпения, браня себя за то, что чересчур поддавался ее чарам. И вот теперь он услышал, что ей скучно в самом красивом городе мира, и что она намерена удалиться в свой "бункер" до Дня Штурма Бастилии. Вот когда Мур Первообытный осознал то, что Мур Цивилизованный, возможно, знал уже давно: когда они встретятся снова, Леота будет старше на два дня, а он - на полгода. Для Круга время застыло: "холодный сон" позволил сбыться мечте нарциссов. Но старение так и осталось ценой полнокровной жизни.

А у Мура не было не малейшего шанса. Легче стокгольмской снежинке сохраниться в Конго, чем ему остаться с Леотой наедине, в стороне от глаз членов "Клуба ледяных гробов". (Лауреат Круга Уэйн Юнгер, похожий на профессионального игрока в гольф, собирающегося преподавать урок зеленому юнцу, уже двигался наперехват.)

- Привет, Леота. Пардон, мистер как-вас-там.

Мур Первообытный зарычал и замахнулся дубиной, но Мур Цивилизованный послушно уступил дерзкому богу Круга самую недостижимую красоту в мире.

Леота улыбнулась, Юнгер тоже.

На всем пути до Сан-Франциско, в баре стратокрейсера в году Двухтысячном от Рождества Христова (два-ноль-ноль-ноль), у Мура крутилось в голове: порвалась цепь времен...

Через два дня он принял решение.

1 - "порвалась цепь времен" - слова Гамлета в переводе И.Романова. Другие переводы: "Век распался" (М.Лозинский), "Пала связь времен" (А.Кронсберг), "Порвалась днесь связующая нить" (Б.Пастернак)

Стоя на балконе, похожем на огромный мыльный пузырь, прилипший к стене одной из Ста Башен комплекса Хилтон-Фриско, он спросил себя:

"Та ли это девушка, которую мне хотелось бы взять в жены?"

И ответил, рассеянно глядя на залив и на транспортные капилляры под носками своих туфель:

"Да. Я знаю: меня ждет большое будущее. И я хочу, чтобы в этом будущем у меня была красавица жена. Леота."

Он дал себе клятву вступить в Крут.

Он понимал, что замыслил подвиг. Чтобы попасть на Олимп, во-первых, требовались деньги. Много денег. Широкие ковры зеленых "Президентов", расстеленные в нужное время и в нужном месте. Во-вторых, необходима была известность. Но инженеров-электриков - талантливых, компетентных, даже вдохновенных - в мире более чем достаточно. Мур знал: добиться признания будет нелегко.

Он с головой ушел в работу и учебу. Бывало, по шестьдесят, а то и по восемьдесят часов в неделю он читал, конструировал, прослушивал записи лекций по предметам, которые прежде были ему не нужны.

В мае он получил приглашение на Бал и долго рассматривал прямоугольник настоящей атласной бумаги с настоящим тиснением. К тому времени он запатентовал девять изобретений, еще три "дозревали". Один патент он продал и теперь вел переговоры с фирмой "Аква Майнинг" насчет своей технологии очистки воды. "Если выдержу такой темп,- решил он,- у меня будут деньги."

А может, и известность. Теперь все целиком зависело от внедрения его технологии и от того, как он распорядится деньгами. Леота скрывалась в страницах формул, в листах эскизов; она сгорала, пока он спал, и спала, пока он сгорал.

В июне он решил отдохнуть.

"Ассистент начальника отдела Мур,- обратился он к своему отражению в зеркале парикмахерской (его похвальное рвение на службе в "отделе герметической укупорки выходных отверстий аппаратуры высокого давления" обеспечило ему значительное повышение в должности),- не мешало бы тебе получше знать французский и научиться танцевать как следует".

Однако отдых оказался не менее утомительным, чем работа. У него гудели мышцы, когда он летел через Трамплинный Зал молодежной христианской организации Сателлита-3; его движения обрели грацию, после того как он станцевал с сотней роботесс и десятками женщин; он прошел ускоренный, с применением наркотиков, курс обучения французскому по системе Берлица (не более скоростной "церебрально-электростимуляционный" метод он не решился, опасаясь пресловутого замедления рефлексов). И хотя он спал на взятой напрокат "говорящей кушетке", твердившей ему по ночам формулы расслабления, в канун Fete¹ он чувствовал себя так,

1

- праздника (франц.)

как чувствовал себя после бурной ночи какой-нибудь придворный повеса эпохи Возрождения.

"Интересно, на сколько его хватит?" - думал Мур Первобытный, поглядывая из своей пещеры на Мура Цивилизованного.

За два дня до праздника он покрыл свое тело равномерным загаром и решил, что на этот раз скажет Леоте:

"Я люблю тебя!"

"О, черт! - спохватился он. - Только не это!"

"Скажи, ты могла бы ради меня выйти из Круга?"

"Хо-хо, - мысленно рассмеялся он. - Размечтался!"

"Если я вступлю в Круг, ты будешь со мной?"

"А что?! Пожалуй, ничего лучше не придумаешь".

Третья встреча Мура и Леоты была совершенно непохожа на предыдущие. Никаких прощупываний - охотник готовился решительно шагнуть в заросли. "Вперед! - скомандовал себе Мур. - И не оглядываться!"

На ней было бледно-голубое платье с орхидеей на корсаже. Купол дворца с поющим зодиакальным кругом вращался, бросая на пол и стены ведьмины огни. У Мура возникла неприятная иллюзия, будто цветок растет прямо из левой груди Леоты, этакий экзотический паразит. Он приревновал ее к орхидее - а ревность, он знал, не была свойственна повесам эпохи Ренессанса. И тем не менее...

- Добрый вечер. Как поживает ваш цветок?

- Еле дышит, - ответила она, потягивая зеленый напиток через соломинку. - Но цепляется за жизнь.

- Со страстью, которую я вполне могу понять, - подхватил он, взяв ее за руку. - Ответь мне, королева просопопей¹, куда ты держишь путь?

На ее лице промелькнул интерес.

- А вы намного лучше говорите по-французски, Адам... Кадмон? Я иду только вперед. А вы?

- Туда же.

- Увы, я сомневаюсь в этом.

- Сомневайтесь в чем хотите, но мы с вами теперь - параллельные потоки.

- Что это? Самомнение изобретателя, почившего на лаврах?

- Куда моим лаврам до лавров того, кто изобрел "холодный бункер".

Она окинула его пронизывающим взглядом.

- Что у вас на уме? Это серьезно?

- Если падшим душам суждено соединиться только в этом Аиде, то да, это серьезно. - Он каплянул и спросил напрямик: - Можем мы остаться вдвоем хотя бы на время танца? Я не хочу, чтобы на нас пялился Юнгер.

- Хорошо.

¹ - Олицетворение; стилистический оборот, заключающийся в том, что предмету приписывается действие или состояние, в реальной действительности ему не свойственное

Она поставила бокал на летающий поднос и проследовала за Муром под вращающейся зодиакальный круг. Тотчас лабиринт человеческих тел отгородил их от Юнгера. Мур усмехнулся.

- На нескостюмированном балу все похоже друг на друга, как две капли воды.

Она улыбнулась.

- Знаешь, а ты танцуешь гораздо лучше, чем в прошлый раз.

- Знаю. Скажи, как бы и мне получить ключик к вашему милому айсбергу? Мне кажется, это было бы занятно. Я понимаю, одних денег и происхождения недостаточно, чтобы попасть к вам. Я прочел все, что написано о Круге, но хотел бы получить практический совет.

Ее рука чуть дрогнула в его ладони.

- Ты знаешь Дуэнью?

- Понаслышке, - ответил он. - Говорят, это старая горгулья. Ее специально заморозили, чтобы отпугнуть Зверя, когда наступит час Армагеддона.

Леота не улыбнулась. Она снова превратилась в стрелу.

- Тут есть доля правды, - холодно подтвердила она. - Дуэнья не пускает в Круг звероподные личности.

Мур Цивилизованный прикусил язык.

- И хотя многим она не нравится, - продолжала Леота, оживляясь, - мне она кажется забавной статуэткой китайского фарфора. Будь у меня дом, я бы поставила ее на каминную полку.

- А я слышал, ей место в Викторианском зале галереи НАП¹, - возразил Мур.

- Она родилась в эпоху Вики², - кивнула Леота. - Когда появился первый "холодный бункер", ей было за восемьдесят. Но я смело могу сказать, что с тех пор она ничуть не постарела.

- И она собирается флиртовать в этом возрасте целую вечность?

- Вот именно, - холодно ответила Леота. - Ибо ей угодно быть бессмертным вершителем наших судеб.

- В сто лет человек превращается в клубок архетипов, - заметил Мур. - Не потому ли так трудно пройти у нее собеседование?

- Это одна из проблем, - согласилась Леота. - Но есть и другие. Если ты сейчас же подашь прошение о приеме в Круг, тебе придется ждать собеседования до лета. Если, конечно, тебя к нему допустят.

- А много ли претендентов?

Она закрыла глаза.

- Не могу сказать. Наверное, тысячи. На собеседование пригласят несколько десятков, остальных отбракуют Управляющие. Решающее слово, естественно, будет за Дуэньей.

1

2 - Национальная Ассоциация Промышленников (США).

- Королева Виктория

Внезапно светло-зеленый зал (благодаря изменению освещения, то-нальности ультразвука, состава наркотических добавок в воздухе) превратился в холодный, темный колодец на дне моря, бурного и ностальгического, как думы русалки, глядящей на руины Атлантиды. Элегическому гению творца зала удалось создать почти осязаемое притяжение между танцорами, и кожа Лоты была холодной и алажной.

- В чем тайна ее власти? Я много читал и слышал о ней, и знаю, что она держит большой пакостный. Ну и что с того? Почему я не могу договориться с Управляющим директором? Я бы мог заплатить...

- Ничего не выйдет, - перебила Леота. - Акции тут ни при чем. Она - символ Круга, без нее ничто не решается. Круг остается Кругом только благодаря его исключительности. Подражателей ожидает полный провал, так как им будет недоставать Дуэны с ее удивительной проницательностью. Если бы не она, в Круг мог бы вступить любой бурбон с толстым кошельком. Вот почему Те, Кто Считает, - добавила она, выделив заглавные буквы, - обязаны ее слушаться. И это не чей-нибудь каприз, а жестокая необходимость. Если Круг опустит знамена, Земля лишится своего главного достоинства - элиты.

- Деньги не пахнут, - возразил Мур. - Если найдутся другие желающие устраивать Балы и хорошо за это платить...

- То люди, посмеявшие взять у них деньги, перестанут быть Теми, Кто Считает. Они лишатся многих привилегий и приобретут репутацию торгашей.

- Хм... Вывернутая какая-то логика. Ни дать, ни взять - лента Мебиуса.

- Что поделаешь. Круг - это кастовая система с ревизиями и бухгалтерским балансом. Никто не желает, чтобы его не стало.

- Даже "отбракованные"?

- Глупо! Они - в первую очередь. Кто им запрещает приобрести собственные "бункеры", если им это по карману, и лет через пять совершить новую попытку? За эти годы можно даже разбогатеть, если с умом распорядиться своим имуществом. Некоторые ждут десятилетиями, но все равно не отступают. Кое-кому удача в конце концов улыбается. Ожидание и борьба скрашивают жизнь, делают победу более сладостной. В обществе свободы, высокого уровня жизни, жесткого равенства перед законом и одинаковых стартовых возможностей самой желанной целью индивида становится приобщение к элите. И добиться этого, имея за душой только деньги, невозможно. Попробуй - убедишься в моей правоте.

Его мысли приняли более конкретное направление:

- Каковы же плоды долгожданной победы?

Они стоят того, чтобы за них сражаться. Победитель имеет право пользоваться личным "бункером" и бесплатно посещать Балы, до тех пор, пока доходы с его имущества компенсируют затраты на его содержание. Если он не богат, он не будет чувствовать себя ущербным среди нас - ведь мы дорожим нашими демократическими идеалами.

Она посмотрела по сторонам и добавила:

- Как правило, доходы члена Круга предопределены изначально, так как имуществом ему помогают распорядиться опытные консультанты. Они подсказывают, куда выгоднее вложить деньги.

- Наверное, Круг неплохо наживается на вас.

- Certainement¹. Бизнес есть бизнес, да и Балл обходится недешево. Но ведь мы и сами - члены Круга; имея акции какой-либо из его корпораций, мы получаем высокие дивиденды. Даже если через месяц тебя исключат, ты успеешь разбогатеть - ведь один объективный месяц равен примерно двадцати календарным годам.

- Куда мне обратиться, чтобы мое имя внесли в список?

Он знал, куда, но надеялся, что она предложит свою помощь.

- Список будут составлять здесь, сегодня вечером. На Балл всегда присутствует кто-нибудь из офиса. За неделю - другую о тебе наведут справки, потом кого-нибудь пришлют.

- Наведут справки?

- Простая формальность. Или у тебя биография не в порядке? Судимость? Психическое заболевание? Неоплаченные долги?

Мур отрицательно покачал головой.

- Нет, нет и нет.

- Тогда не о чем беспокоиться.

- Неужели у меня действительно есть шанс выиграть?

- Да, - ответила Леота, прижимаясь щекой к ложбинке на его плече, чтобы он не видел ее лица. - До собеседования с Мэри Муллен у тебя будет поддержка члена Круга. Но конечный результат целиком зависит от нее.

- Тогда мне действительно не о чем беспокоиться.

- Собеседование может продлиться всего несколько секунд. Но Дуэньих будет достаточно. Она никогда не ошибается.

- Я выиграю, - твердо произнес Мур.

Над ними мерцал зодиак.

Мур нашел Дэррила Уилсона в одном из баров городка Поконо-Шейнс. Актер, что называется, вышел в тираж: он почти ничем не напоминал героя знаменитого многосерийного вестерна. Тот был крутолобым, бородатым викингом прерий; у этого, казалось по лицу прошел ледник, оставив за собой глубокие рывины. Обрюзгший и поседевший за четыре года, он сохранил из своего облика только дорогостоящую насупленность. В кино он больше не снимался, а досуг проводил в баре, прижигая зоб огненной водой, в которой раньше ежедневно отказывал краснокожим. Ходили слухи, что он успешно "сажает" вторую печень.

Мур сел за его столик, опустил кредитную карточку в прорезь терминала, набрал на клавиатуре мартини и стал ждать. Заметив, что сидящий напротив человек не обращает на него внимания, он сказал:

- Вы - Дэррил Уилсон, а я - Эвлин Мур. Хочу задать вам несколько вопросов.

"Самый меткий стрелок Запада" устремил на него мутный взгляд.

- Репортер?

- Нет. Ваш старый поклонник.

- Как же, рассказывай, - произнес знакомый Муру голос. - Я же вижу - репортер Давай, вали отсюда.

- Мэри Мод Муллен, - отчетливо произнес Мур. - Старая стерва, богиня Круга. Что вы о ней думаете?

Взгляд Уилсона наконец сфокусировался.

- А, претендент. Хочешь в этом сезоне взойти на Олимп?

- Угадали.

- Ну, и какие у тебя мысли?

Не дождавшись пояснения, Мур спросил:

- Насчет чего?

- Того самого.

Мур сделал глоток. "Хорошо, - подумал он, - поиграем в твою игру, если это сделает тебя более разговорчивым."

- Неплохой мартини, - заметил он. - Ну так...

- Почему?

Мур побавровел. Похоже, Уилсон слишком пьян, чтобы от него был прок. Ладно, последняя попытка...

- Потому что он расслабляет и вместе с тем бодрит, а мне именно это и требуется.

- А почему тебе надо быть расслабленным и вместе с тем бодрым?

- По-вашему, это лучше, чем быть напряженным и сонным?

- Почему лучше?

- Слушайте, какого черта...

- Ты проиграл. Ступай домой.

Мур встал.

- Давайте так: я выйду, вернусь, и мы начнем по новой. Идет?

- Сядь. Колеса моего фургона крутятся медленно, но они все-таки крутятся. Мы оба говорим об одном и том же. Ты хочешь знать, что такое Мэри Мод? Я скажу тебе. Это такой большой вопросительный знак. Перед ней бесполезно надевать маску. За две минуты Дуэнья разденет тебя догола, и твои ответы будут зависеть от биохимии да от погоды. Как и ее решение. Мне нечем тебя утешить. Дуэнья - это каприз в чистом виде. И еще: она уродлива, как сама жизнь.

- И это все?

- Тем, кто не годится для Круга, она дает от ворот поворот. И этого достаточно. Все, ступай.

Мур допил мартини и ушел.

За ту зиму Мур сколотил состояние. Правда, довольно скромное. Он перешел из "отдела герметической укупорки" в исследовательскую лабо-

раторию фирмы "Аква Майнинг". Лаборатория находилась на Оаху¹, поэтому ежедневные затраты времени на транспорт увеличились на десять минут, зато "главный технолог" звучало солиднее, чем "ассистент начальника отдела". Мур трудился в поте лица, и одним из результатов стремительного роста его состояния и положения в обществе был судебный процесс в январе.

Он выяснил, что почти все мужчины, принятые в Круг, были разведены. Обратившись в престижную фирму по оформлению браков и разводов, он подписал контракт сроком на три месяца с Дианой Деметрикс, безработной манекенщицей греко-ливанского происхождения. Контракт мог быть расторгнут по желанию одной из сторон и продлен с согласия обоих супругов.

Позже Мур пришел к выводу, что вина за безработицу среди манекенщиц лежит, в основном, на прогрессе в медицине. Хирургия заполнила мир женщинами с идеальной внешностью. Манекенщице трудно найти работу и еще труднее - удержаться на ней. Новообретенное благосостояние Мура и явилось тем стимулом, который заставил Диану обратиться в суд, обвинив бывшего мужа в нарушении устного соглашения, якобы заключенного между ними, о продлении контракта по желанию одной из сторон.

Разумеется, "Бюро оформления браков и разводов Берджесса" помогло Муру уладить конфликт, оплатив судебные издержки и хирургическую операцию (Диана сломала ему нос "Пособием по демонстрации готового платья" - тяжелым иллюстрированным справочником в пластиковом футляре).

В марте Мур был уже готов сразиться с пережитком девятнадцатого века, неведь что о себе возмнившим. В мае, однако, сказалось переутомление. Но вспомнив вопросы Леоты о психическом заболевании, он (чем черт не шутит!) поборол искушение пройти в психиатрической клинике месячный курс реабилитации. Мур собрал волю в кулак, сосредоточась на мыслях о Леоте. Ведь он совсем забыл о ней. Постоянная учеба, заботы о карьере и женитьба на Диане Деметрикс не оставляли ему времени на воспоминания о принцессе Круга, его любви.

Любви?

Он усмехнулся.

"Суэта, - решил он. - Я хочу Леоту, потому что все хотят ее".

Но это было не совсем так.

Он задумался о своих подлинных желаниях и целях.

Он понял: его цели расплывчаты. Действие опережает замысел. Если не кривить душой, то он хочет только одного: летать на роскошном стратокрейсере, проносясь сквозь завтра и послезавтра, сквозь годы и века, - не старея, как те древние боги, что дремали в заоблачной выси, просьпаясь только в праздники равноденствия, чтобы снизойти к смертным, влачащим жалкое, томительное существование на земле. Обладать Леотой значило

1

Оаху - один из островов Гавайского архипелага.

принадлежать Кругу; именно этого он и добивался. Так что, действительно, то была суета. То была любовь.

Он громко рассмеялся. Его автосерф как алмаз резал голубую линзу Тихого океана, осыпая наездника холодным крошевом брызг.

Возвращаясь из царства абсолютного нуля, подобный Лазарю, ты не испытываешь ни боли, ни замешательства. Ты вообще ничего не чувствуешь, пока твоё тело не нагреется до температуры сравнительно тёплого трупа.

Лишь в самом конце, когда просыпается разум, - думала миссис Мулен, стараясь окончательно прийти в сознание, - и ты понимаешь, что вино простояло в погребе ещё один сезон, и урожай стал ещё ценнее, - только тогда привычная обстановка комнаты принимает вдруг уродливые, пугающие черты. Наверное, это всего лишь суеверный страх, психический шок при мысли, что материя жизни - твоей собственной жизни - каким-то непостижимым образом изменена. Но проходит микросекунда, и страх исчезает.

Миссис Мулен содрогнулась, как будто холод ещё не покинул её старческое тело, и выбросила из головы воспоминание о кошмаре.

Она посмотрела на человека в белом халате, стоявшего возле её ложа.

- Какое сегодня число?

Он был горсткой праха, несомой ветром времени...

- Восемнадцатое августа две тысячи второго года, - ответила горстка праха. - Как ваше самочувствие?

- Спасибо, превосходное, - решила она. - Я только что вступила в новое столетие. На моем счету это уже третье. Почему бы моему самочувствию не быть прекрасным? Я собираюсь прожить ещё не один век.

- Обязательно проживете, мэм.

Две крошечные географические карты - её ладони - поправили стеганое одеяло. Дузнья подняла голову.

- Что нового в мире?

В её глазах вспыхнуло ацетиленовое пламя. Врач отверл взгляд.

- Мы все-таки побывали на Нептуне и Плутоне, - начал он. - Они оказались совершенно неубитами. Проект "Сахара" встретил новые затруднения, но эти глупые французы утверждают, что почти все улажено, и весной начнутся работы...

Ее взгляд плавил летающую в воздухе пыль, превращая ее в стекловидные чешуйки.

- Повторяю, доктор, что нового в мире?

Он пожал плечами.

- Мы можем продлить консервацию. Причем, на значительный срок.

- Онять консервация?!

- Да.

- Но не лечение?

Он снова пожал плечами.

- Но ведь отсрочка и так превысила всякую меру, - пожаловалась она.
- Препятствия почти не действуют. Сколько времени дадут мне новые?

- Этого мы не знаем. Но над вашей проблемой работает много специалистов.

- Значит, вы не можете сказать, когда будет найден способ лечения?

- Может быть, через двадцать лет. А может быть, завтра.

- Ясно. - Пламя в ее глазах погасло. - Ступайте, молодой человек. Только включите мой автосекретарь.

Врач с радостью уступил место машине.

10

11

Набрав номер библиотеки, Диана Деметрикс заказала "Реестр Круга". На нужной странице она нажала кнопку "СТОП".

Пока она всматривалась в экран, будто в зеркало, на ее лице сменилась целая гамма выражений.

- А ведь я выгляжу ничуть не хуже, - заключила она. - Даже лучше. Еще бы нос чуточку поправить и линию бровей... Да, леди. Твое счастье, что мужчины - консерваторы. Если бы не их предвзятость к пластическим операциям, ты была бы на моем месте, а я - на твоём. У-у, стерва!

Из "Очистителя Мура" вытек миллионный баррель воды. Морская и теплая, она превратилась в пресную и прохладную. Пройдя через "тандем-камеру", она - чистая, вполне пригодная для питья, но ровным счетом ничего не знающая об этих своих достоинствах - поступила в водопровод. С другого конца в "Очиститель" вливалась новая порция тихоокеанского рассола.

Осажденные и отфильтрованные вещества годились для производства псевдокерамики.

Изобретатель этого чудо-очистителя быстро богател.

Температура воздуха на Оаху достигала восьмидесяти двух градусов по Фаренгейту.

Из "тандем-камеры" потек миллион первый баррель.

12

Они вышли, оставив Элвина Мура в окружении собачек из китайского фарфора.

Две стены были от пола до потолка забраны стеллажами. На стеллажах рядами выстроились синие, розовые, желтовато-коричневые, охряные, розовато-лиловые, шафрановые и цвета киновари собачки - преимущественно глазурованные. Размерами они тоже отличались: одни были с крупного таракана, другие - с крошечного бородавочника¹. Напротив двери, в ками-

1

¹ - нежвачное парнокопытное семейство свиней. Длина тела до 1'5м. Обитает в Африке.

не, бушевал настоящий Гадес¹: в его реве слышался метафизический вызов жаркому июлю Бермуд.

Каминная доска, на которой стояло несколько собачек, была частицей Круга. Как был частицей Круга и роскошный стол возле огненного ада. За столом, укутанная шотландским пледом в черную и зеленую клетку, сидела Мэри Мод Муллен. Она изучала доску Мура, лежащее перед ней в раскрытой папке. Разговаривая с Муром, она не поднимала глаз.

Мур стоял возле кресла (сесть ему не предложили) и делал вид, будто рассматривает собачек и лучину для растопки - и того, и другого здесь хватало.

Мур и к живым-то собакам был совершенно равнодушен, не говоря уже о фарфоровых. Но в гостиной Дуэньи, на секунду закрыв глаза, он ощутил клаустрофобию. Со всех сторон на него таращились не безобидные статуэтки, а чуждые существа, запертые в клетку Последним Землянином. Мур дал себе слово воздержаться от похвалы радужной стае гончих, очевидно, охотящихся на жадеитового оленя величиной с чиуауа². "Создать такую скульптурную группу, - подумал он, - мог только маньяк, или человек с неразвитым воображением, к тому же недолюбливающий собак".

Внимательно прочитав его прошение, миссис Муллен подняла бесцветные глаза и спросила:

- Как вам нравятся мои питомцы?

Сидя за столом, эта узколицая, морщинистая, курносая дама с огненно-рыжими волосами невинно взидала на посетителя.

Мур попытался воспроизвести мысли, с которыми он входил в ее студию. Но безуспешно - вопрос застал его врасплох. Тогда он решил, что наименее рискованным ответом будет объективный.

- Они весьма красочны, мэм.

Едва произнеся эти слова, он понял, что ошибся. Совсем недавно он готов был расхваливать статуэтки до небес.

Он улыбнулся.

- Их тут так много, просто голова кругом идет. Хорошо еще, что они не лают, не кусают, не линяют и еще кое-чего не делают.

- Мои маленькие разноцветные сучки и сукины сыночки! - Мэри Муллен тоже улыбнулась. - Они ничего не делают. Они - своего рода символы. Потому-то я их и собираю. - Она указала на кресло. - Садитесь. Располагайтесь поудобнее.

- Спасибо,

- Тут говорится, что вы совсем недавно вышли из счастливых безликих масс, чтобы достичь определенных высот в инженерном деле. Почему вы решили покинуть эти высоты?

- Я нуждался в деньгах и престиже, поскольку желающему вступить в Круг они не помешают.

1

2 - в греческой мифологии - бог подземного царства.

- мексиканская порода гладкошерстных карликовых собак.

- Так, так. Значит, деньги и престиж - не цель, а средство?

- Совершенно верно.

- В таком случае, почему вы хотите вступить в Круг?

К этому вопросу Мур подготовился еще месяц назад, но теперь ответ застрял в горле, и Мур дал ему там умереть. Он вдруг усомнился, что эти слова, рассчитанные на поклонницу Теннисона¹, придутся Дуэнье по сердцу.

- В ближайшее десятилетие мир изменится до неузнаваемости. Мне бы хотелось увидеть эти перемены молодыми глазами.

- В Кругу вы будете жить не столько для того, чтобы наблюдать, сколько для того, чтобы за вами наблюдали, - Мэри Муллен сделала пометку в досье. - Кроме того, если мы вас примем, вам, наверное, придется покрасить волосы.

- Да и черт с ними... О, простите - вырвалось.

- Ничего. - Она сделала еще одну пометку. - Ваша реакция вполне подходящая.

Она снова подняла голову.

- Почему вы так хотите увидеть будущее?

Ему стало не по себе. Казалось, Дуэнья видит его насквозь и знает, что он лжет.

- Обычное человеческое любопытство, - нерешительно ответил он. - Кроме того, профессиональный интерес. Поскольку я инженер...

- Вы не на семинаре, - перебила она. - Жизнь члена Круга отдана Балам, и у вас почти не останется времени на учебу. Через двадцать, даже через десять лет ваши научные познания снизятся до уровня детского сада. Новые формулы покажутся вам китайской грамотой. Вы умеете читать иероглифы?

Он отрицательно покачал головой.

- Допустим, я привела неудачное сравнение, - продолжала она. - Но как бы там ни было, если вы захотите нас покинуть, то сможете устроиться разве что чернорабочим. Правда, нищета вам грозить не будет, но если вы захотите работать по специальности, вам придется очень многое наверстывать, а это потребует больших усилий и денег.

Мур пожал плечами и поднял руки. Он уже обдумал эту проблему. "Лет через пятьдесят разбогатею и дам Кругу пинка, - сказал он себе. - А потом пройду ускоренный курс обучения и попробую устроиться консультантом по вопросам морского строительства."

- Мне вполне хватит знаний и опыта, чтобы оценивать события, пусть даже я не смогу в них участвовать, - сказал он.

- Вы считаете, что роль стороннего наблюдателя способна вас удовлетворить?

- Да, - солгал он.

¹

- Альфред Теннисон (1809-1892) - английский поэт.

- Сомневаюсь. - Она снова пронзила его взглядом. - Скажите, вы действительно влюблены в Леоту Мэйсон? Это она предложила вашу кандидатуру. Впрочем, это ее право.

- Не знаю, - задумчиво ответил он. - Два года тому назад мне казалось...

- Увлечение - это прекрасно. - перебила она. - Это повод для сплетен, а сплетни нам не помешают. Но любви я не потерял. Выбросьте эту блажь из головы. Не бывает ничего скучнее и пошлее любви между членами Круга. Она порождает не сплетни, а насмешки. Так увлечение или любовь?

- Увлечение, - решил он.

Дуэнья посмотрела на огонь, потом - на свои руки.

- Вам придется выработать буддистское отношение к окружающему миру, который будет меняться с каждым днем. Когда бы вы ни бросили на него взгляд, он покажется совершенно иным. Нереальным."

Он кивнул.

- Следовательно, чтобы сохранить душевное равновесие, вы должны внушить себе, что Круг - это центр Вселенной. Что бы ни говорило вам сердце, вы должны внимать не ему, а рассудку...

Он снова кивнул.

- ...И если будущее придется вам не по вкусу, вы не должны забывать, что назад пути нет. Подумайте об этом. И не просто подумайте - прочувствуйте.

Он прочувствовал.

Перо забегало по бумаге. Внезапно старческая рука задрожала. Выронив стило, Мэри Мод Муллен спрятала руку под пледом.

- Вы не столь респектабельны, как большинство кандидатов, - произнесла она излишне будничным тоном, - но сейчас нам недостает людей с широким спектром эмоций. Контраст необходим - он придает нашим Баллам глубину и живость. Просмотрите видеозаписи последних Балов.

- Уже просмотрел.

- И вы готовы отдать им всем сердцем?

- Что бы ни говорило мне сердце...

- Хорошо, мистер Мур, возвращайтесь к себе в номер и ждите ответа. Завтра вы его получите.

Мур встал. На языке вертелись десятки вопросов, но задавать их было поздно. "Решила отказать? - мелькнула в голове паническая мысль. - Возможно поэтому беседа оказалась столь короткой?"

И все же, последние слова старухи прозвучали ободряюще.

Ему казалось, будто все его поры превратились в свежие ссадины от когтей и зубов. Мур повернулся и покинул обитель хрупких собачек.

До вечера он плескался в гостиничном бассейне, а потом отправился в бар. В тот день он не обедал.

Наконец пришел посыльный с радостным известием. Посыльный также намекнул, что по обычаю Мур должен послать своему инквизитору скромный подарок.

Пьяный Мур мигом придумал, что пошлет старухе, и захохотал.

Получив собачку с острова Оаху (такой в ее коллекции еще не было), Мэри Мод Муллен грустно пожала плечами, и это движение едва не перешло в крупную дрожь. Через несколько секунд старуха все-таки задрожала, едва не выронив статуэтку. Торопливо поставив ее на каминную полку, она схватила со стола пузырек с таблетками.

Впоследствии эта статуэтка потрескалась от перепада температур.

Они танцевали. Море над куполом казалось вечнозеленозолотым небом. День был необычайно юн.

Измученные шестнадцатичасовым Балом танцоры цеплялись друг за друга. Ноги у них болели, спины сутулились. По широкому залу еще двигалось восемь пар, и усталые оркестранты подпитывали их самой медленной музыкой, на какую только были способны. Рассредоточившись по окоему мира, где небо сливалось с голубой плиткой пола, сидело около пятисот человек. Расстегнув пуговицы на одежде и раскрыв рты, они глазели на танцующих, подобно серебряному карасю, таращившемуся в зеленый сумрак с праздничного стола.

- Думаешь, будет дождь? - спросил Мур.

- Да.

- И я так думаю. Но довольно о погоде. Давай лучше о той неделе, которую ты провела на Луне.

Она улыбнулась.

- А чем тебя не устраивает старушка Земля?

Кто-то вскрикнул. Почти тотчас раздался звук пощечины.

- Никогда не был на Луне.

Казалось, Леоту это слегка развеселило.

- А я была. Но мне там не понравилось.

- Почему?

- Там холодно. За куполом пляшут безумные огни, и кругом - безжизненные черные скалы. - Она сделала гримаску. - Словно кладбище у конца времен...

- Ну, хорошо, - согласился Мур. - Не будем об этом.

- ...А под куполом тебя не оставляет чувство, будто ты - бестелесный дух...

- Все, все.

- Извини. - Она коснулась губами его шеи. Он прижался губами к ее лбу. Она улыбнулась. - Круг утратил лоск.

- Это не имеет значения. Нас уже не снимают.

Возле гигантского праздничного стола в форме морского конька зарыдала женщина. Музыканты заиграли громче. Небо пестрело люминесцентными огоньками морских звезд, которые плыли по наводящему лучу. Одна из звезд окропила Мура и Леоту соленой водой.

- Завтра улетаем?

- Да, - ответила она.

- Как насчет Испании? Сейчас там сезон созревания вишен. Праздник - Хуэгос Флоралес де ла Вендимья Херезана. Возможно, последний.

- Опять фейерверки, - вздохнула она. - Слишком шумно.

- Зато весело.

- Весело. - она скрывала губы. - Давай лучше махнем в Швейцарию. Притворимся, будто мы совсем старенькие и дряхлые. Или придумаем еще что-нибудь романтическое.

- Некрофилка! - Мур поскользнулся на влажном пятне и едва не упал.

- Лучше уединиться в горной Шотландии на берегу какого-нибудь лоха. У тебя будет твой любимый туман, а у меня - парное молоко и соусированный табак...

- Нет! - воскликнула она, перекрывая пьяную болтовню окружающих. - Лучше в Нью-Гэмпшир.

- А почему не Шотландия?

- Я еще ни разу не бывала в Нью-Гэмпшире.

- А я бывал, и мне там не понравилось. Точь-в-точь как на Луне, если судить по твоему описанию.

В этот миг мошь задела крылом пламя свечи. Раздался грохот.

В зеленых небесах медленно вытянулась холодная черная молния. Пошел мелкий дождь.

Пока Леота сбрасывала туфли, Мур схватил с пролетающего над его левым плечом подноса бокал и, осушив, поставил обратно.

- Похоже, здесь разбавляют напитки водой.

- Круту приходится экономить, - сказала она.

Мур заметил Юнгера. Тот смотрел на них, стоя на краю зала с бокалом в руке.

- Я вижу Юнгера.

- И я. Он еле на ногах держится.

- Мы тоже. - Мур рассмеялся.

Шевелюра толстого барда представляла собой снежный хаос; левый глаз заплыл огромным синяком. Что-то пробормотав, Юнгер выронил бокал и рухнул ничком. Никто не пришел к нему на помощь.

- Похоже, он опять слишком увлекся.

- Бедный Юнгер, - равнодушно произнесла Леота. - А ведь мы с ним давно знакомы.

Дождь лил не переставая, и танцоры казались марионетками в руках неопытных кукольников.

- Они летят! - закричал человек в красной мантии и простер руки к небу. - Снижаются!

Мур не узнал этого человека. Очевидно, он был не из Круга.

Все головы, способные соображать, разом запрокинулись навстречу каплям дождя. В безоблачной зелени быстро разрастались силуэты трех серебристых дирижаблей.

- Мы спасены!

Ансамбль, словно маятник посередине траектории, на мгновение замер и заиграл вновь: "Спокойной ночи, леди, спокойной ночи, леди..."

- Мы будем жить!

Леота сжала ладонь Мура.

- Мы весело летим куда глаза глядят... - пели голоса.

- Куда глаза глядят, - повторила Леота.

- Мы весело летим, - согласился Мур.

- ...Над синевой моря, под небом голубым...

Спустя круго-месяц после этого происшествия, едва не обернувшегося катастрофой для Круга (то есть, в год две тысячи девятнадцатый эпохи правления Повелителя и Президента Нашего Гамберта, через двенадцать лет после приснопамятного моретрясения) Мур и Леота стояли у стены Обители Сна на одном из островов Бермудского архипелага.

Светало.

- Кажется, я люблю тебя, - сказал он.

- Хорошо, что любовь не требует доказательств. - Леота прикурила от него зажигалки. - Я бы не поверила никаким доказательствам. Я вообще ничему не верю.

- Двадцать лет тому назад я встретил на Балу красивую женщину. Я танцевал с ней...

- Пять недель тому назад, - поправила она.

- ...и подумал: интересно, захочет ли она когда-нибудь выйти из Круга и снова стать человеком, и оставаться им до гробовой доски?

- Мне и самой нередко приходят в голову подобные мысли. Особенно когда мерзко на душе. Нет, Элвин, эта женщина не выйдет из Круга. Во всяком случае, до тех пор, пока не станет старой и некрасивой.

- То есть, никогда, - заключил он.

- Ты благороден. - Она выпустила к звездам струйку дыма и коснулась холодной стены. - Когда-нибудь ее перестанут замечать, а если кто и посмотрит, то лишь затем, чтобы сравнить ее с какой-нибудь красавицей далекого будущего. А может быть, это произойдет скоро, если в мире вдруг изменятся критерии красоты. Как только это случится, она переседет из экспресса в обычный пассажирский поезд.

- И на какой бы станции она ни вышла, ее будет окружать чужой мир, - подхватил Мур. - Похоже, он ежедневно меняется до неузнаваемости. Прошлой ночью... виноват, в прошлом году я встретил бывшего однокашника. Он называл меня "сынок", "мальчик", "малыш" - причем, не в шутку. Он основательно испортил мне аппетит:

- Знаешь ли ты, куда мы идем? - спросил Мур когда она повернулась к засыпающему саду. - Туда, откуда не возвращаются. В небытие. Пока мы спим, мир идет своей дорогой.

- Это помогает сберечь силы, - сказала она через несколько секунд. - Стимулирует. Вдохновляет. Я об отсутствии привязанностей. Все в мире тленно, кроме нас. Время и пространство не властны над нами, если у нас нет привязанностей.

- Ни к кому и ни к чему?

- Ни к кому и ни к чему.

- А тебе не кажется, что все это - великий розыгрыш?

- Ты о чем?

- О том, что с нами просходит. Представь, что все население планеты - мужчины, женщины, дети - год назад погибло при вторжении с Альфа Центавра. Все, кроме нас, замороженных. Предположим, инопланетяне распространили смертоносные бактерии...

- Я читала, в созвездии Центавра нет жизни.

- Хорошо, пусть они не с Центавра, а из другого созвездия. Предположим, все следы катастрофы уничтожены, и один из пришельцев показывает клешней на это здание. - Мур хлопнул ладонью по стене. - Он говорит: "Эге! Да тут остались живые, только они заморожены. Давайте-ка, ребята, спросим наших социологов, стоят ли эти земляне того, чтобы с ними возиться, или лучше снять крышки с холодильников, да и дело с концом?" Потом сюда входит социолог, любуется нашими ледяными саркофагами и говорит: "Эти олухи заслуживают только насмешек да нескольких строк пегитом в провинциальной газетенке. Пусть они и останутся в полном неведении. Пусть думают, что все идет по-прежнему. Вся их жизнь распланирована заранее, так что обмануть их труда не составит. Мы заполним танцевальные залы андроидами и будем удовлетворять все прихоти этих балбесов. Мы изучим их поведение в любой мыслимой ситуации, а когда закончим исследования, сломаем реле времени на морозильниках, - и пусть они спят до окончания века. Или снимем крышки, и они мигом протухнут."

На том они и порешили, и теперь мы, последние земляне, пляшем перед машинами нелюдей, изучающих нас по одним лишь им ведомым причинам.

- Ну что ж, - улыбнулась она. - Возможно, мы даже разок-другой сорвем аплодисменты, прежде чем протухнем.

Леота бросила окурочку и, поцеловав Мура, пожелала ему спокойной ночи. Затем они разошлись по своим "бункерам".

Спустя двенадцать недель Мур решил отдохнуть.

Каждого праздника он ожидал теперь чуть ли не с ужасом. Периоды бодрствования, на которые не выпадало Балов, Леота проводила вместе с ним. Последнее время она была мрачной и замкнутой - видимо, сожалела, что тратит на Мура свое драгоценное время. Поэтому он решил ненадолго расстаться с ней и увидеть что-нибудь реальное, совершить экскурсию по Земле две тысячи семьдесят восьмого года. Ведь ему, как ни крути, было за сто - давно пора оглядеться по сторонам.

"Богиня будет жить вечно", - утверждал заголовок выцветшей газетной вырезки на стене главного коридора Обителя Сна. В статье речь шла об окончательной победе врачей над атеросклерозом и полным исцелении одной из самых знаменитых его жертв. Мур подумал, что после собеседования ни разу не видел Дуэнью; впрочем, он и не искал встречи с нею.

Он достал из шкафа с повседневной одеждой костюм, переоделся, решительным шагом вышел из Обители Сна и, не встречая по пути ни одной живой души, направился к аэродрому.

Входя в кабину на краю летного поля, он еще не знал, куда полетит.

- Будьте любезны, назовите место назначения, - раздался голос из динамика.

- Э-э... Охуу. Лабораторный комплекс корпорации "Аква Майнинг". Если, конечно, там есть посадочная площадка.

- Посадочная площадка там есть. Но на последние пятьдесят шесть миль пути придется оформить заказной рейс.

- Оформите на весь путь в оба конца.

- Пожалуйста, вставьте вашу кредитную карточку.

Мур выполнил эту просьбу.

Через пять секунд карточка упала в его подставленную ладонь. Он опустил ее в карман.

- Когда я прибуду на место?

- В девять тридцать две, если вы отправитесь ракетопланом "Стрела-9" через шесть минут. У вас есть багаж?

- Нет.

- В таком случае, "Стрела-9" ждет вас на площадке A-11.

Мур подошел к ракетоплану класса "Стрела" с девяткой на борту. Маршрут полета был уже введен в программу бортового компьютера - на это ушли считанные миллисекунды. Робот-диспетчер разрешил бортовому компьютеру самостоятельно корректировать курс в случае необходимости.

Мур поднялся по трапу и сунул кредитную карточку в прорезь возле люка. Люк распахнулся; Мур вытщил карточку, вошел в салон, сел в кресло возле иллюминатора и застегнул страховочный ремень. Сразу после этого люк закрылся.

Через пять минут ремень автоматически расстегнулся и исчез в подлокотниках кресла - "Стрела" уже летела с постоянной скоростью.

- Может быть, сделать освещение более ярким? - спросил голос. - Или, наоборот, менее ярким?

- По мне, так в самый раз, - ответил Мур невидимке.

- Может быть, желаете поесть? Или выпить?

- От мартини не откажусь.

Послышался металлический щелчок, и в борту ракетоплана возле кресла Мура открылась крошечная ниша. В ней стоял заказанный бокал мартини.

Мур сделал глоток.

За иллюминатором виднелась плоскость ракетоплана в голубом ореоле.

- Не желаете ли еще чего-нибудь? - Пауза. - Например, прослушать научную статью на любую интересующую вас тему? - Или что-нибудь из художественной прозы? - Пауза. - Или поэзии? - Пауза. - Не угодно ли просмотреть каталог мод? - Пауза. - Или вы предпочитаете музыку?

- Поэзия? - переспросил Мур.

- Да, у меня большой выбор...
- Знавал я одного поэта, - припомнил он. - Есть у вас что-нибудь из Уэйна Юнгера?

- Уэйн Юнгер. Да, - ответил голос. - Есть сборники "Невостребованный рай", "Стальная плесень", "Стамеска в небе".

- Какой из них самый последний?

- "Стамеска в небе".

- Почитайте.

Голос начал со сведений, изложенных на титульном листе: год выхода книги, название издательства, копирайт и так далее. Протест Мура он отклонил, заявив, что таков закон, и процитировав соответствующую статью. Мур заказал вторую порцию мартини и стал ждать.

И вот наконец:

- "Наш зимний путь лежит сквозь вечер, а вдоль него горят кусты".

- Что? - переспросил Мур, не веря своим ушам.

- Это название первого стихотворения.

- А-а! Ну, читайте.

- "(Там, где всегда - вечнозеленая белизна...)

Кружит зима хлопья пепла

В башнях метели;

Есть силуэты, но контуров нет у них.

Тьма как сама безликость

Льется из провалов окон,

Сочится сквозь ветви надломленной сосны

Струится по коре поваленного клена.

Наверное, это квинтэссенция старения,

Отторгаемого Спящими,

В изобилии течет по зимней дороге.

А может быть, это сама Антижизнь

Учится писать картины мстью,

Учится вонзать сосульку в глаз горгульи.

И, говоря откровенно,

Никто не в силах победить себя.

Я вижу ваше рухнувшее небо, исчезнувших богов

Словно во сне, заполненном дымом

Древних статуй,

Сгорающих дотла.

(...и никогда - вечнобелая зелень.)"

Выдержав десятисекундную паузу, голос продолжал:

- Следующее стихотворение...

- Погодите! - перебил Мур. - Я ничегошеньки не понял. Нельзя ли как-нибудь прокомментировать?

- К сожалению, нет. Для этого необходимо более совершенное устройство, чем я.

- Повторите, когда и где была выпущена книга.

- В две тысячи шестнадцатом году, в Северо-Американском Союзе.
- Это действительно последний сборник Юнгера?
- Да. Он - член Круга, поэтому между публикациями его книг проходит по несколько десятилетий.
- Читайте дальше.

Машина снова принялась декламировать. Мур почти ничего не понимал, но образы, упрямо ассоциирующиеся со льдом, снегом, холодом и сном, действовали на воображение.

- Стоп! - остановил он машину. - А есть у вас что-нибудь из его ранних стихов, написанных еще до того, как его приняли в Круг?

- "Невостребованный рай". Сборник впервые опубликован в тысяча девятьсот восемьдесят первом, через два года после вступления автора в Круг. Но, согласно предисловию, большинство стихотворений написано до вступления.

- Читайте.

Мур сосредоточенно слушал. В ранних стихах Юнгера льда, снега и сна было немного. Совершив это незначительное открытие, Мур пожал плечами. Кресло тотчас изменило конфигурацию, приспособиваясь к его новой позе.

В конце концов он решил, что стихи ему не нравятся. Впрочем, он вообще был равнодушен к поэзии.

Машина декламировала стихотворение, которое называлось: "Приют бездомных собак".

- Сердце - это кладбище дворян,
Скрывшихся от глаз живодеpa.
Там любовь покрыта смертью, как глазурью,
И псы сползаются туда околесать..."

Мур улыбнулся, сообразив, где именно родились эти образы. Из стихов Юнгера "Приют бездомных собак" понравился ему больше всего.

- Довольно, - сказал он машине.

Он заказал легкий завтрак и за едой думал о Юнгере. Однажды они долго беседовали друг с другом. Когда это было?

В две тысячи семнадцатом? Да, в День Освобождения Труда, во Дворце Ленина.

Водка там текла рекой... И, словно кровь из рассеченных артерий инопланетных чудовищ, били вверх фонтаны сока - фиолетовые, оранжевые, зеленые, желтые, - подобно зонтикам раскрываясь под сводами дворца. Драгоценностей, сверкавших на гостях, хватило бы, чтобы уплатить выкуп за эмира. Устроитель Бала, премьер Корлов, похожий на гигантского заиндевелого Деда Мороза, был само гостеприимство. Стены танцевального зала были изготовлены из поляризованного монокристалла, и окружающий мир то вспыхивал, то гас. "Как реклама," - съязвил Юнгер, который сидел на вертящемся табурете, положив локти на стойку бара. Когда Мур приблизился, Юнгер повернул голову и уставился на него мутным взглядом совы-альбиноса.

- Кого я вижу! Это же сам Альбион Мур! - Он протянул руку. - Кво вадис¹, черт бы вас побрал?

- Водка с виноградным соком, - обратился Мур к ненужному бармену, стоявшему на посту возле миксера. Нажав две кнопки, бармен придвинул бокал к Муру по красному дереву стойки.

- За освобожденный труд, - произнес Мур, салютуя Юнгеру бокалом.

- За это и я выпью. - Поэт наклонился вперед и отстукал на клавиатуре миксера собственную комбинацию букв и цифр.

Бармен фыркнул. Мур и Юнгер чокнулись и выпили.

- Они... - палец Юнгера описал другу, - ...обвиняют нас, будто мы совершенно не интересуемся тем, что происходит вне Круга.

- Ну что ж, я нахожу это справедливым.

- Я тоже, но обвинение можно дополнить. Нам точно так же наплевать и друг на друга. Если честно, много ли у вас знакомых в Кругу?

- Могу по пальцам пересчитать.

- Я уж не спрашиваю, с кем из них вы на "ты".

- Что ж тут странного? Мы много путешествуем, к тому же, перед нами - вечность. А у вас много друзей?

- Одного я только что прикинул, - проворчал поэт и потянулся к миксеру. - А сейчас смеаю себе другого.

Мур не был расположен ни к веселью, ни к унынию. К какому из этих состояний может привести общение с Юнгером, он не знал, но после злополучного Бала в "Сундуке Дэви Джонса"² он жил будто в мыльном пузыре, и ему не хотелось, чтобы в его сторону направляли острые предметы.

- Никто вас не неволит, - холодно произнес он. - Если Круг вас не устраивает, уходите.

Юнгер погрозил ему пальцем.

- Ты плохой *tovarisch*. Забываешь, что иногда человеку необходимо поплакаться в жилетку бармену или собутыльнику. Впрочем, ты прав - сейчас не те времена. С тех пор, как появились никелированные "барматы", да будут прокляты их экзотические глаза и коктейли, смешанные "по науке", некому стало излить душу.

Заказав "бармату" три коктейля, он со стуком выстроил бокалы на блестящей темной поверхности стойки.

- Испробуй! Отпей из каждого! - предложил он. - Спорим, ты не отличишь их друг от друга без карты вин.

- На "барматы" вполне можно положиться, - возразил Мур.

- Положиться? Да, можно, черт бы их побрал, если ты имеешь в виду увеличение числа неврастеников. Лучше них с этой работой никто не справится. Знаешь, когда-то за кружкой пива человек мог выговориться... Твои надежные миксеры-автоматы лишили его этой возможности. А что

1

2 Куда идешь? (*лат.*).

- "сундук Дэви Джонса" - дно морское, могила моряков.

мы получили взамен? Клуб болтливых извращенцев, помешанных на переменах? О, видели бы нас завсегдатаи "Русалки" или "Кровожадного Льва"! - вскричал он с фальшивым гневом в голосе. - Все-таки, какими баловнями судьбы были Марло и его приятели!

Он печально вздохнул и заключил:

- Да, вышивка тоже не та, что прежде.

Международный язык его отрывки заставил бармена отвернуться, но Мур успел заметить брезгливую гримасу на его лице.

- Повторяю, - сказал Мур, - Если вам здесь не нравится, уходите. Почему бы вам не открыть собственный бар, без автоматов? Думаю, он бы пользовался успехом.

- Пошел ты... Не скажу, куда. - Поэт уставился в пустоту. - Впрочем, может быть, я так и сделаю. Открою бар с настоящими официантами...

Мур повернулся к нему спиной и стал смотреть на Леоту, танцующую с Корловым.

- Люди вступают в Круг по разным причинам, - бормотал Юнгер, - но главная из них - эксгибиционизм. Невозможно устоять перед призраком бессмертия, который манит тебя из-за кулис на сцену. С каждым годом людям все труднее привлекать к себе внимание. В науке это почти невозможно. В девятнадцатом и двадцатом веках удавалось прославиться отдельным ученым, а сейчас - только коллективам. Искусство настолько демократизировалось, что сошло на нет, а куда, спрашивается, исчезли его ценители? Я уж не говорю о простых зрителях...

- Так что нам остался только Круг, - продолжал он. - Взять хотя бы нашу Спящую Красавицу, которая отплясывает с Корловым...

- Что?!

- Извини, не хотел тебя разбудить. Я говорю, если бы мисс Мэйсон хотела привлечь к себе внимание, ей следовало бы заняться стриптизом. Вот она и вступила в Круг. Это даже лучше, чем быть кинозвездой, по крайней мере, не надо вкалывать...

- Стриптизом?

- Разновидность фольклора. Раздевание под музыку.

- А, припоминаю.

- Оно тоже давно в прошлом, - вздохнул Юнгер. - И, поскольку мне не может нравиться, как одеваются и раздеваются современные женщины, меня не оставляет чувство, будто со старым миром от нас ушло что-то светлое и хрупкое.

- Не правда ли, она очаровательна?

- Бесспорно.

Потом они гуляли по холодной ночной Москве. Муру не хотелось покидать теплый дворец, но он изрядно выпил и легко поддался на уговоры Юнгера. Кроме того, он опасался, что этот болтун, едва стоящий на ногах, провалится в канализационный люк, опоздает к отлету ракетоплана или вернется побитый.

Они брели по ярко освещенным проспектам и темным переулкам, пока не вышли на площадь, к огромному полуразвалившемуся монументу. Поэт сломал на ближайшем кусте веточку и метнул ее в стену.

- Бедняга, - пробормотал он.

- Кто?

- Парень, который там лежит.

- Кто он?

Юнгер свесил голову набок.

- Неужели не знаешь?

- Увы, мое образование оставляет желать лучшего, особенно в области истории. Древний период я мало-мальски...

Юнгер ткнул в сторону мавзолея большим пальцем.

- Здесь лежит благородный Макбет. Король, предательски убивший своего предшественника, благородного Дункана. И многих других. Сев на трон, он пообещал подданным, что будет милостив к ним. Но славянский темперамент - явление загадочное. Прославился он, основном, благодаря своим красивым речам, которые переводил поэт Пастернак. Но их давно уже никто не читает.

Юнгер снова вздохнул и уселся на ступеньку. Мур сел рядом. Он слишком замерз, чтобы обижаться на высокомерный тон подвыпившего поэта.

- В прошлом народы воевали между собой, - сказал Юнгер.

- Знаю, - кивнул Мур. От холода у него ныли пальцы. - Когда-то этот город был сожжен Наполеоном.

Юнгер поправил шляпу. Мур обвел взглядом горизонт, изломанный очертаниями причудливых зданий. Тут - ярко освещенная, строго конструктивная пирамида учреждения, устремленная в заоблачную высь (вот они, последние достижения плановой экономики); там - аквариум с черными зеркалами стен, который днем превратится в агентство с опытным, четко и слаженно действующим персоналом; а по ту сторону площади - ее юность, полностью воскрешенная сумраком: блестящие луковицы куполов, нацелившие острия перьев в небо, где среди звезд сверкают опознавательные огни летательных аппаратов.

Мур подул на пальцы и сунул руки в карманы.

- Да, народы воевали между собой, - повторил Юнгер. - Гремела канонада, лилась кровь, гибли люди. Но мы пережили эти времена, и вот наконец наступил долгожданный мир. Но заметили мы это далеко не сразу. Мы и сейчас не можем понять, как это удалось. Слишком уж долго, видимо, мы откладывали мир на "потом", забывая о нем, думая совсем о других вещах. Теперь нам не с кем сражаться - все победили, и все пожинают плоды победы. Благо, этих плодов хватает на всех. Их даже больше, чем достаточно, и каждый день появляются новые, все совершеннее, все изысканнее. Кажется, вещи поглощают умы своих создателей...

- Мы могли бы уйти в леса, - заметил Мур, жалея, что не надел костюм с термостатом на батарееке.

- Мы многое могли бы сделать, и, наверное, сделаем. А уйти в леса, по-моему, просто необходимо.

- Но прежде давай вернемся во Дворец, погреемся напоследок.

- Почему бы и нет?

Они встали со ступеньки и побрели обратно.

- И все-таки, зачем ты вступил в Круг? Чтобы умереть от ностальгии?

- Нет, сынок, - Поэт хлопнул Мура по плечу. - В поисках развлечений. Через час Мур продрог до костей.

- Гм, гм, - произнес голос. - Через несколько минут мы приземлимся на острове Оаху, на аэродроме лабораторного комплекса "Аква Майнинг".

Раздался щелчок, и на колени Мур упал страховочный ремень. Мур застегнулся и попросил:

- Прочтите еще раз последнее стихотворение из "Стамески".

"Трудящее, не будь нетерпеливым.

Пусть не сегодня, но завтра,

Пусть не сейчас, но потом.

Человек - это млекопитающее,

Которое создает монументы.

И не спрашивай меня, для чего."

Он вспомнил Луну, какой ее описывала Леота. Последние сорок четыре секунды путешествия, ушедшие на высадку, он люто ненавидел Юнгера, не зная толком, за что.

Стоя у трапа "Стрелы-9", он следил за приближением маленького человека в тропическом костюме, улыбающегося до ушей. Он машинально пожал протянутую руку.

- Очень рад, - сказал Тенг. - Здесь многое сохранилось с тех далеких дней. Сразу после звонка с Бермуд мы с коллегами собрались и стали думать, что бы вам показать. - Мур сделал вид, будто знает о звонке. - Ведь что ни говори, мало кому удастся побеседовать со своим работодателем из далекого прошлого.

Мур улыбнулся и пошел вместе с Тенгом к лабораторному комплексу.

- Да, я любопытен, - признал он. - Мне захотелось посмотреть, во что превратился комплекс. Скажите, сохранились ли мои офис и лаборатория?

- Разумеется, нет.

- А первая тандем-камера? А инжекторы с широкими патрубками?

- Заменены, конечно.

- Так, так. А большие старые насосы?

- Вместо них теперь новые, блестящие.

Мур повеселел. Спину грело солнце, которого он не видел несколько недель (лет), но еще приятней была прохлада в стенах лабораторного комплекса, создаваемая кондиционерами. Окружавшая его техника была компактна и в высшей степени функциональна, обладая, тем не менее, красотой, для которой Юнгер, наверное, сумел бы найти подходящие эпитеты. Мур шел мимо агрегатов, ведя ладонью по их гладким бокам, -

рассматривать каждый из них в отдельности у него не было времени. Он похлопывал ладонью по трубам и заглядывал в печи для обжига керамики. Когда Тенг спрашивал его мнения о действии того или иного механизма, он отмалчивался, делая вид, что разжигает трубку.

По подвесной дорожке они прошли через цех, похожий на замок, затем сквозь пустые резервуары, и углубились в коридор со стенами, усеянными множеством мерцающих лампочек. Иногда они встречали техника или инженера. Мур пожимал руки и сразу забывал имена.

Главный технолог был очарован молодостью Мура; ему даже в голову не приходило усомниться, что перед ним – настоящий инженер, знающий свое дело во всех тонкостях. В действительности предсказание Мэри Муллен о том, что профессия Мура рано или поздно выйдет за пределы его воображения, обещало вот-вот сбыться.

Наконец они вышли в тесный вестибюль, и там Мур не без удовольствия обнаружил свой портрет среди фотографий умерших и ушедших на пенсию предшественников Тенга.

- Как вы думаете, я мог бы сюда вернуться?

В глазах Тенга появилось изумление. Лицо Мура оставалось бесстрастным.

- Ну... я полагаю... кое-что... вы могли бы сделать, - промямлил Тенг.

Мур широко улыбнулся и перевел разговор в другое русло. Его позабавило сочувственное выражение на лице человека, который видел его впервые в жизни. Сочувственное и испуганное.

- Да, картина прогресса всегда вдохновляет, - задумчиво произнес Мур. - Причем, настолько, что хочется вернуться к прежней работе. К счастью, мне это ни к чему, я вполне обеспечен. И все же, видя, как разросся комплекс за годы твоего отсутствия, как далеко шагнула разработанная тобой технология, нельзя не испытывать ностальгии. Теперь тут столько зданий, что мне и за неделю их не обойти, и все они заполнены новейшим и надежнейшим оборудованием. Я просто в восторге. А вам нравится здесь работать?

- Да. - Тенг вздохнул. - Насколько вообще работа может нравиться. Скажите, вы летели сюда с намерением переночевать? У нас есть гостиница для сотрудников, там вас с радостью примут. - Он посмотрел на часы-луковицу, висящие у него на груди.

- Благодарю, но мне пора возвращаться. Дела, знаете ли. Я просто хотел укрепить свою веру в прогресс. Спасибо вам за экскурсию, и спасибо вашему веку.

На всем пути до Бермуд, в году две тысячи семьдесят восьмом от Р.Х., неумоимо потягивая мартини, Мур повторял про себя: цепь времен соединена...

- Все-таки решилась? - спросила Мэри Мод, осторожно выпрямляя спину под складками пледа.

- Да.

- Почему?
- Потому что я не хочу уничтожать то, что мне принадлежит. У меня и так почти ничего нет.

Дузня тихо фыркнула, будто эти слова рассмешили ее.

- Корабль идет по безлюдному морю к таинственному Востоку, - задумчиво произнесла она, обращаясь к любимой собачке, - но то и дело бросает якорь. Почему? Ты не знаешь, а? Чем это объясняется? Глупостью капитана? Или второго помощника? - Она поглаживала собачку, словно и впрямь ждала от нее ответа.

Собачка молчала.

- Или неукротимым желанием повернуть вспять? Возвратиться домой? Ненадолго повисла тишина. Затем:

- Я живу, переезжая из дома в дом. Эти дома зовутся часами. Каждый из них прекрасен, но не настолько, чтобы хотелось побывать в нем снова. Позволь, я угадаю слова, которые вертятся у тебя на языке. "Я не хочу замуж, и я не намерена покидать Круг. У меня будет ребенок..." Кстати, мальчик или девочка?

- Девочка.

- "У меня будет дочка. Я поселю ее в роскошном особняке, обеспечу ей славное будущее и успею вернуться к весеннему фестивалю." - Она всматривалась в поливу собачки, как факир в глубину хрустального шара. - Ну, что, хорошая я гадалка?

- Да.

- Думаешь, это удастся?

- Не вижу причин...

- Скажи, какая роль уготовлена ее гордому отцу? - попытывалась старуха. - Сочинять для нее сонеты или мастерить механические игрушки?

- Ни то, ни другое. Он вообще не узнает о ней. Он будет спать до весны, я - нет. И она не будет знать, кто он.

- Чем дальше в лес, тем больше дров.

- Это почему же?

- Потому что не пройдет и двух месяцев по календарю Круга, как она станет женщиной, и, возьму на себя смелость предсказать, красивой женщиной. Потому что у нее будут для этого деньги.

- Разумеется.

- И, поскольку ее родители - члены Круга, ее обязательно примут в Круг.

- Может быть, она этого не захочет.

- Исключено. Захочет, не сомневайся. Все хотят. Хирурги сделают ее красавицей, и я, возможно, сумею добиться ее приема вопреки моим собственным правилам. В Кругу она встретит много интересных людей: поэтов, инженеров, собственную мать...

- Нет! Я бы ее предупредила!

- Ага! Ответь-ка мне, что это: боязнь кровосмешения, вызванная неуверенностью в собственных чарах, или что-нибудь другое?

- Прощу тебя! Зачем ты говоришь эти ужасные слова?

- Затем, что ты, к сожалению, вышла из-под моего контроля. До сих пор ты была превосходным символом Круга, ныне же твои устремления далеки от тех, что свойственны олимпийским богам. Глядя на тебя, люди подумают так: "Боги - все равно что школьники. Несмотря на легион врачей, который их обслуживает, они бессильны перед физиологией". Принцесса, в глазах всего мира ты - моя дочь, ибо Круг это - я. Поэтому прими материнский совет. Уйди. Не настаивай на продлении контракта. Выйди замуж и проспи несколько месяцев. Весной твой срок истечет, а до тех пор ты поспишь с перерывами в "бункере". А мы тем временем позаботимся о романтической окраске твоего ухода. О ребенке не беспокойся: "холодный сон" ему не повредит. Подобные случаи уже были. Если не согласна, я по-матерински предостерегаю тебя: ты будешь исключена немедленно.

- Ты не посмеешь!

- Прочитай свой контракт.

- Но зачем?! Ведь никто бы не узнал.

Вспыхнули ацетиленовые горелки.

- Глупая куколка. Твое представление об окружающем мире фрагментарно и наивно. Если бы ты знала, насколько он изменился за последние шестьдесят лет. С той минуты, как кто-нибудь из нас открывает глаза у себя в "бункере", и до того мгновения, когда он, усталый, ложится спать после очередного Бала, за ним следят все средства массовой информации. Сейчас в арсенале охотников за жареными фактами гораздо больше шпионских устройств, чем на твоей голове - красивых волос. Мы не можем всю жизнь прятать твою дочь от журналистов. Не станем и пытаться. Даже в том случае, если ты решишься на аборт, у нас будет достаточно проблем с прессой, хотя наши служащие - не из тех, кого можно разговорить с помощью взятки или алкоголя. Итак, я жду твоего решения.

- Мне очень жаль.

- Мне тоже.

Молодая женщина встала и направилась к выходу. Возле двери ей показалось, будто она слышит поскуливание китайской собачки.

За аккуратной изгородью намеренно запущенного сада начиналась грунтовая дорожка. Она сбегала по склону холма, петляя, словно капризная река, местами исчезая в зарослях розы "Форсайт", ныряя в волны гинкго, над которыми реяли чайки. Надо было пройти по этой тропинке не менее тысячи футов, чтобы добраться до искусственных развалин, находившихся в двухстах футах ниже Обители Сна.

Развалины занимали добрый акр склона холма. В джунглях сирени, среди колоколов огромных ив виднелись потрескавшиеся фонтаны, полуосыпавшиеся бордюры, накренившиеся или вовсе поваленные колонны, безликие и безрукие статуи и относительно редкие груды обломков. Тропа постепенно расширялась и наконец исчезала там, где прибой Времени

стирал навесаемое руинами *temento mori*¹, и где брели мужчина и женщина из Круга. Руины, казалось, околдовывали, заставляя забыть о времени, и мужчина, обводя их взглядом, мог бы сказать, "Я старше, чем все это", а его спутница могла сказать в ответ: "Когда-нибудь мы снова придем сюда, и ничего этого уже не будет." Но она молчала, шагая вслед за ним по щебню, туда, где посреди высохшего фонтана ухмылялся варварски изувеченный Пан. Там начиналась другая тропа, не запланированная создателями сада и появившаяся совсем недавно, там желтела вытоптанная трава и густо рос шиповник. Мужчина и женщина приблизились к стене, отделившей развалины от берега, пробрались сквозь пролом, как коммандос, чтобы взять приступом полоску пляжа длиной в четверть мили. Здесь песок был не так чист, как на городских пляжах, где его раз в три дня заменяли свежим, зато тени здесь были удивительно резкими, а у воды лежали плоские камни, удобные для раздумий.

- А ты обленилась, - заметил он, сбрасывая туфли и зарывая пальцы ног в холодный песок. - Не захотела идти в обход.

- Да, я обленилась, - согласилась она.

Они разделись и направились к воде.

- Не толкайся!

- Вперед! Наперегонки до скал!

На этот раз он победил.

Они нежились на лоне Атлантики, как самые обычные купальщики любой эпохи.

- Кажется, я могла бы остаться здесь навсегда.

- Сейчас холодные ночи. К тому же, здесь часто бывают шторма. Запросто может унести в море.

- Если бы всегда было, как сейчас, - поправила ее она.

- "Verweile doch, du bist so schön"², - процитировал он. - Помнишь Фауста? Он проиграл. Проиграет и Спящий. Я тут как-то перечитывал Юнгера... Эй! В чем дело?

- Ни в чем.

- Девочка, что-то тут не так. Я же вижу.

- Какая тебе разница?

- Что значит - какая разница? Ну-ка, выкладывай!

Ее рука, словно мост, перекинулась через маленькое ущелье между каменными плитами и нашла его руку. Он перевернулся набок, с тревогой глядя на влажный атлас ее волос, смеженные веки, впалые пустыни щек и кроваво-красный оазис рта. Она сильнее сжала его руку.

- Давай останемся здесь навсегда, несмотря на холод и шторма.

- Ты хочешь сказать...

- Что мы можем сойти на этой остановке.

- Понятно. Но...

1

2 - здесь: мысль, напоминание о смерти.

"Остановись мгновенье, ты прекрасно" (нем.)

- Но тебе этого не хочется? Тебе нравится этот великий розыгрыш? Он отвернулся.

- Кажется, в ту ночь ты был прав.

- В какую ночь?

- Когда сказал, что нас дурачат. Что мы - последние люди на Земле, и пляшем перед пришельцами, которые наблюдают за нами по непостижимым для нас причинам. Кто мы, как не образы на экране осциллографа? Мне смертельно надоело быть предметом изучения.

Он не отрываясь глядел в море.

- Мне сейчас очень нравится в Кругу, - сказал он. - Поначалу я был к нему амбивалентен. Но несколько недель, то есть лет, тому назад я побывал на своем прежнем рабочем месте. Теперь там все иначе. Масштабнее. Совершеннее. И дело не в том, что там появились устройства, о которых пятьдесят-шестьдесят лет назад я даже мечтать не смел. Пока я там находился, меня не оставляло странное чувство... Я беседовал с малюткой Тенгом, главным технологом, который по части болтовни не уступит Юнгеру. Я не слушал его, а просто смотрел на все эти тандем-резервуары и узлы механизмов, и внезапно понял, что когда-нибудь в одном из этих корпусов, среди сумрака и блеска нержавеющей стали, из стекла, пластика и пляшущих электронов будет создано нечто. И это нечто будет таким прекрасным, что мне очень хотелось бы присутствовать при его рождении. Это было всего лишь предчувствие; я не назову его мистическим опытом или чем-нибудь в этом роде. Но если бы то мгновение осталось со мной навсегда... Как бы ни было, Круг - это билет на спектакль, который я мечтаю посмотреть.

- Милый, в сердце человека живут ожидание и воспоминания, но не мгновения...

- Может быть, ты и права. - Наклонясь над водой, Мур поцеловал кровь ее рта.

"Verweile doch...

...du bist so schön..."

...Они танцевали...

...На Балу, завершающем все Балы...

Заявление Леоты Мэйсон и Элвина Мура ошеломило Круг, собравшийся в канун Рождества. После роскошного обеда и обмена яркими и дорогими безделушками погасли огни. Гигантская новогодняя елка, венчающая прозрачный пентхауз, сияла в каждой растаявшей снежинке на стекле потолка, словно Галактика в миниатюре.

Все часы Лондона показывали девять вечера.

- В Рождество - свадьба, в канун Крещения - развод, - сказал кто-то во тьме.

- Что они будут делать, если их вызовут на "бис"? - шепотом спросил другой.

Кто-то захихикал, затем несколько голосов фальшиво и нестройно затянули рождественский гимн.

- Сегодня мы в центре внимания, - усмехнулся Мур.

- Когда мы с тобой танцевали в "Сундуке Дэви Джонса", они корчились и блевали на пол.

- Круг нынче не тот, что прежде, - заметил он. - Совсем не тот. Сколько появилось новых лиц? Сколько исчезло знакомых? Куда уходят наши люди?

- На кладбище слонов? - предположила она. - Кто знает.

- "Сердце - это кладбище дворняг,

Скрывшихся от глаз живодера.

Там любовь покрыта смертью, как глазурию,

И псы сползаются туда околевать..." - продекламировал Мур.

- Это Юнгер?

- Да. Почему-то вспомнилось.

- Лучше бы не вспоминалось. Мне не нравится.

- Извини.

- А где сам Юнгер? - спросил он, когда мрак рассеялся, и люди встали с кресел.

- Наверное, возле чаши с пуншем. Или под столом.

- Под стол ему вроде бы рановато. - Мур поежился. - Между прочим, что мы здесь делаем? Почему ты потребовала, чтобы мы прилетели на этот Бал?

- Потому что сейчас - сезон милосердия и любви...

- И веры, и надежды, - с усмешкой подхватил он. На сантименты потянуло? Хорошо, я тоже буду сентиментален. Ведь это так приятно.

Он поднес к губам ее руку.

- Прекрати.

- Хорошо.

Он поцеловал ее в губы. Рядом кто-то захохотал.

Она покраснела, но не отстранилась.

- Решила выставить меня на посмеище? - спросил он. - И себя? Учти, я не останюсь на полпути. Объясни, зачем мы явились сюда и на весь мир заявили о своем уходе? Мы могли бы просто исчезнуть. Проспали бы до весны, а затем...

- Нет. Я - женщина. Для меня Бал, последний в году и в жизни, - слишком большой соблазн. Мне хотелось надеть на палец твой подарок. Мне хотелось видеть их лица и знать, что в глубине души они нам завидуют. Нашей смелости и, быть может, нашему счастью.

- Ладно. Я нью за это. И за тебя. - Он поднял и осушил бокал. В павильоне отсутствовал камин, куда можно было бы его красиво бросить, поэтому Мур поставил его на стол.

- Потанцуем? Я слышу музыку.

- Подожди. Посиди спокойно, выпей еще.

Когда все часы Лондона пробили одиннадцать, Леота поинтересовалась, где Юнгер.

- Ушел, - ответила стройная девушка с фиолетовыми волосами. - Сразу после ужина. Наверное, несварение желудка. - Она пожала плечами. - А может, отправился на поиски "Глобуса".

Леота нахмурилась и взяла со стола бокал.

Потом они танцевали... Мур не видел павильона, по которому двигался в танце, не замечал сотен безликих теней... Для него они были персонажами прочитанной и закрытой книги. Сейчас для него существовали только танец и женщина, которую он держал в объятиях.

"Я добился, чего хотел, - подумал он, - и, как прежде, хочу большего. Но я преодолею себя".

Стены павильона были облицованы зеркалами. В них кружились сотни Элвинов Муров и Леот Мэйсон. Так они кружились вот уже семьдесят с лишним лет на всех Балах Круга: в "Небесном Приюте" среди тибетских снегов и в "Сундуке Дэви Джонса", на околоземной орбите и в плавучем дворце Канаяши, в пещерах Карлсбада и древнем дельфийском храме. Но этот рождественский Бал был для них последним. Спокойной ночи, леди, спокойной ночи, леди...

Леота молчала, прижимаясь к Муру, ее дыхание обручем охватывало его шею.

"Спокойной ночи, спокойной ночи, спокойной ночи," - слышал он собственный голос.

Они ушли в полночь, с первыми ударами колоколов. Садясь в такси, Мур сказал водителю, что они устали и вернутся пораньше.

Они объехали стратокрейсер и высадились возле "Стрелы", на которой прилетели сюда. Ступая на пушистое белое руно, покрывающее взлетно-посадочную площадку, они приблизились к кораблю и поднялись по трапу.

- Может быть, сделать освещение более ярким? Или, наоборот, менее ярким? - спросил голос, когда Лондон с его часами и знаменитым мостом исчез во мраке.

- Менее.

- Может быть, желаете поест? Или выпить?

- Нет.

- Не хотите ли еще чего-нибудь? - Пауза. - Например, прослушать научную статью на любую интересующую вас тему? - Пауза. - Или что-нибудь из художественной прозы? - Пауза. - Или из поэзии? - Пауза. - Не угодно ли просмотреть каталог мод? - Пауза. - Или вы предпочитаете музыку?

- Музыку, - выбрала Леота. - Легкую. Не такую, как ты любишь, Элвин.

Мур задремал. Минут через десять он услышал:

Наш хрупкий
Волшебный клинок
С огненной рукоятью
Рассекает мрак
Под крошечной меткой

Полярной звезды,
Обрезая заусенцы
Миниатюрной гесенны,
Разливая свет,
От которого не светлей.
Бусыны песенных строк,
Летающие на острей клинка,
Вылущиваются, выскакивают
И нанизываются на нитку
Идиотской темы.
Сквозь хаос,
Выпущенный на волю
И теснящий злосчастную логику,
Черные нотные знаки
Несутся наперегонки с огнем."

- Перестань, - пробормотал Мур. - Мы не просили читать.

- Я не читаю, - возразили ему. - Я сочиняю.

Мур повернулся на голос, и кресло мгновенно изменило конфигурацию. В нескольких рядах от него с подлокотника кресла в проход свешивались чьи-то ноги.

- Юнгер?

- Нет, Санта-Клаус. Ха-ха!

- Что ты здесь делаешь? Тоже решил вернуться пораньше?

- Ты сам ответил на свой вопрос.

Фыркнув, Мур уселся в прежнюю позу. Рядом с ним ровно дышала Леота. Ее кресло превратилось в кровать.

Мур смежил веки, но присутствие Юнгера не давало ему вернуться в приятную дремоту. Он услышал вздох и нетвердые шаги, но не открывал глаз, надеясь, что Юнгер упадет и уснет. Но поэт не упал.

Внезапно по салону раскатился торжественный и жуткий баритон:

- В больнице святого Иа-акова я детку свою отыскал. Холодная, милая, сла-авная лежала на длинном столе...

Мур ударил левой, целя в солнечное сплетение. Промахнуться было невозможно, но удар получился слишком замедленным. Юнгер успел поставить блок и с хохотом отступил.

Леота села и потрясла головой.

- Что ты здесь делаешь?

- Сочиняю, - ответил Юнгер. - Сам. - И добавил: - С Рождеством.

- Иди к черту! - буркнул Мур.

- Мистер Мур, я поздравляю вас с женитьбой!

- Спасибо.

- Позвольте поинтересоваться, почему я не был приглашен.

- Мы решили не праздновать.

- Леота, это правда? Старого товарища по оружию не пригласили на свадьбу только потому, что он недостаточно казист на ваш утонченный вкус?

Леота кивнула. Она уже окончательно проснулась.

Юнгер ударил себя по лбу.

- О! Я ранен в самое сердце!

- Почему бы тебе не убраться туда, откуда пришел? - вспыхнул Мур. - Спиртного там - море разливанное.

- Не могу же я присутствовать на рождественской мессе в состоянии алкогольного опьянения...

- Ты и на заупокойную мессу способен прийти в стельку пьяным.

- Это намек, что вам с Леотой хотелось бы побыть наедине? Я понял.

Он повернулся и побрел по проходу. Спустя некоторое время Мур услышал его храп.

- Надеюсь, больше мы его никогда не увидим, - жмуро произнесла Леота.

- Почему? Он же безобидный пьяница.

- Безобидный? Он нас ненавидит. Потому что, в отличие от него, мы счастливы.

- По-моему, он счастлив только в те минуты, когда ему тошно, - с улыбкой сказал Мур. - И когда падает температура. Юнгер любит "холодный сон", потому что он похож на кратковременную смерть. Однажды он сказал, что член Круга умирает много раз. Потому-то он и вступил в Круг.

Помолчав с минуту, Мур спросил:

- Ты говоришь, более длительный период сна не повредит?

- Да. Никакого риска.

Тем временем на одном из Бермудских островов Рождество выгнали в прихожую, потом - за порог. Дрожа, как продрогшая собака, стояло оно за дверью, ведущей в их мир. В мир Леоты, Мура и Юнгера.

А на борту "Стрелы", летящей против времени, Мур вспоминал далекий новогодний бал. Женщина, которую он полюбил на том балу, сидела рядом с ним. Он вспомнил другие праздники Круга и подумал, что мог бы пропустить их, ничего не потеряв. Он вспомнил "Аква Майнинг", где еще несколько месяцев тому назад работал главным технологом, и решил, что теперь эта профессия не для него. Цепь времен порвалась, и соединить ее он не может. Он вспомнил свою прежнюю квартиру, где не бывал с тех пор, как вступил в Круг, вспомнил близких ему людей, в том числе Диану Деметрикс, и подумал, что вне Круга у него не будет никого, кроме Леоты. Только Уэйн Юнгер неподвластен старению, ибо он - на службе у вечности. Но и он, возможно, решится выйти из Круга, откроет бар и соберет собственный Круг из отбросов общества.

Внезапно Мур ощутил невыразимую усталость и тоску. Он заказал призрачному слуге картины и протянул руку к нише, в которой появился бокал. Потягивая коктейль, он сидел и размышлял о мире, над которым летела его "Стрела".

Надо быть как все, решил он. Мур не знал современного мира - ни его законов, ни искусства, ни морали. Типичный представитель Круга, он реагировал, в основном, на цвет, движение, удовольствие и изысканную речь; его познания в науке безнадежно устарели. Он был богат, но всеми его финансами ведал Круг. Он располагал только универсальной кредитной карточкой, которая, правда, позволяла ему приобретать любые товары и услуги. Периодически он проверял свои счета и балансовые ведомости, убеждаясь, что о деньгах можно не беспокоиться. Но все же он не мог избавиться от тревоги, размышляя о своем возвращении в мир смертных. Наверное, они сочтут его занудой, ханжой, клоуном, каким он выглядел этим вечером. И самое страшное: теперь его человеческая сущность не будет скрыта лоском Круга.

Юнгер храпел. Леота дышала тихо и ровно. "Стрела" достигла Бермудского архипелага и опустилась на один из островов.

- Прогуляться не хочешь? - спросил Мур жену возле трапа.

- Извини, дорогой, я устала, - ответила она, глядя на Обитель Сна.

- А я еще не готов.

Леота повернулась к нему. Он поцеловал ее.

- Спокойной ночи, милая. До встречи в апреле.

- Апрель - самый жестокий месяц, - заметил Юнгер. - Пошли, инженер. Пройдемся до стоянки ракетомобилей.

Они пересекли взлетно-посадочную площадку и вышли на широкую дорогу, ведущую к гаражу.

Ночь была прозрачна, словно хрусталь, звезды сверкали, как елочная мишура, а орбитальный бакен - как золотой самородок на дне омута.

- Хорошая ночь для прогулки.

Мур что-то проворчал в ответ. Порыв ветра осыпал его щеку тлеющими крупичками табака. Поэт хлопнул его по плечу.

- Пошли в город, а? Это сразу за холмом. Дойдем пешком.

- Нет, - процедил сквозь зубы Мур.

Они двинулись дальше.

- Не хочется сегодня быть одному, - признался Юнгер возле гаража. - Такое чувство, будто я напилсь вытяжки из столетий и неожиданно обрел мудрость, которая никому не нужна... Я боюсь...

- Все, - перебил Мур. - Пора прощаться. Ты поезжай дальше, а мы сойдем здесь. Желаю приятно развлечься.

Они не пожали друг другу руки. Мур проводил поэта взглядом до гаража, повернулся и зашагал по подстриженному газону к саду.

Ориентироваться в зарослях было трудно, и вскоре Мур заблудился. Поплутав, он все же выбрался из чащи на поляну, залитую звездным светом, где высились руины, где тени двигались, когда менялось направление ветра.

Под ногами хрустела сухая трава. Мур уселся на поваленную колонну и раскурил трубку.

Вскоре от холода заныли пальцы, но Мур не двигался. Ему хотелось вмерзнуть в пейзаж, стать памятником самому себе. Он призывал дьявола,

предлагая ему душу в обмен на возможность вернуться с Леотой в родной Фриско и заняться прежним делом. У него, как у Юнгера, возникло ощущение, будто он постиг мудрость веков, которой невозможно найти применение. Наконец ледяной ветер согнал его с места. Мур перебрался к фонтану, под которым возвышался не то спящий, не то мертвый Пан. "«Холодный сон» богов, - подумал он. Когда-нибудь Пан проснется и заиграет на свирели, и лишь ветер среди высоких колонн будет вторить ему, да шаркающая поступь потревоженного робота-смотрителя. К тому времени люди позабудут мелодии праздников. В крови самых злобных и раздражительных из них врачи найдут вирус злости и раздражительности и создадут против него вакцину. И машина легкомыслия, лишенная эмоций, будет постоянно генерировать в сердцах людей, погруженных в сладкие сны, ощущение радости. И не найдется среди потомков Аполлона никого, кто сможет хотя бы повторить древний клич, разносившийся над водами Понта много рождественских ночей тому назад."

Мур подумал, что напрасно поспешил расстаться с Юнгером. Сейчас ему казалось, он видит мир глазами этого человека. Поэт явно боялся будущего. "Но все-таки, почему он не уходит из Круга? Может быть, получает мазохистское наслаждение, видя, как сбываются его ледяные пророчества?"

Страхнув с себя оцепенение, Мур направился к каменной ограде сада. Замерзшие пальцы ног болели, и он побежал трусцой.

Наконец он остановился. Перед ним лежал мир, похожий на ведро, заполненное водой. В воде отражались звезды. Мур стоял на ржавом краю ведра и глядел на каменные плиты, на которых они с Леотой загорали несколько дней (месяцев) тому назад. В тот раз он рассказывал ей о своих агрегатах. Он по-прежнему верил, что когда-нибудь его детища превратятся в огромные и прекрасные сосуды жизни. Но сейчас он, как и Юнгер, опасался, что к тому времени мир утратит что-то очень важное, и чудесные новые сосуды, увы, будут заполнены не до краев. Он убеждал себя, что Юнгер ошибается, что своенравный век вовсе не обязан осуществлять его вымороченные пророчества, и у Пана, когда он заиграет на свирели, кроме робота-смотрителя, найдутся и другие слушатели. Он изо всех сил старался в это поверить.

В океан упала звезда, и Мур посмотрел на часы. Было поздно. Он повернулся и направился к пролому в стене.

В клинике он встретил Джеймсона - высокого, тощего, с кудрями херувима и глазами полной его противоположности. Джеймсон зевал - он уже получил укол снотворного.

- А, Мур, - ухмыльнулся он, глядя, как Мур снимает пальто и фрак и закатывает рукав сорочки. - Решил провести медовый месяц на холодке?

В сухонькой руке врача щелкнул безыгольный инъектор. Мур потер гадящее предплечье.

- Допустим, - ответил он, смерив презрительным взглядом не совсем трезвого Джеймсона. - А тебе какое дело?

- Не пойму я тебя... Знаешь, если бы я женился на Леоте, то ни за какие коврижки не полез бы в "бункер". Разве что...

Из горла Мура вырвалось рычание. Он шагнул к Джеймсону. Тот попятился.

- Я пошутил! - воскликнул он. - Я не хотел...

Мур вздрогнул от боли - врач схватил его за то место на руке, куда был сделан укол.

- Ладно, - сказал Мур. - Спокойной ночи. Проспись хорошенько.

Он шагнул к двери. Врач разжал пальцы. Мур опустил рукав сорочки и снял с вешалки фрак и пальто.

- Совсем рехнулся! - крикнул ему вдогонку Джеймсон.

Идти в "бункер" Муру не хотелось. Если бы не встреча с Джеймсоном, он провел бы в клинике полчаса, ожидая, пока подействует укол.

Он прошел по широким коридорам к лифту, поднялся на этаж, где находились "бункеры". Возле двери в свой "бункер" он остановился в нерешительности. Здесь ему предстояло проспать три с половиной месяца. На этот раз ему не казалось, что он уснет всего лишь на полчаса.

Он набил трубку. Решено: он выкурит ее в комнате жены, ледяной богини. После укола следовало воздержаться от никотина, но Мур, как и все его знакомые курильщики, редко выполнял эту рекомендацию врача.

Мур пошел дальше по коридору и услышал частый стук. Он затих, едва Мур свернул за угол, затем возобновился. Через секунду снова наступила тишина.

Мур остановился возле двери в "бункер" Леоты. Сжимая в зубах чубук трубки, достал авторучку, зачеркнул на табличке фамилию "Мэйсон" и написал: "Мур". Дописывая последнюю букву, снова услышал стук.

Он доносился из комнаты Леоты.

Мур отворил дверь, шагнул вперед и застыл как вкопанный. В комнате спиной к нему стоял мужчина с киянкой в поднятой руке. Мур услышал его бормотание:

- ...Розмарином прекрасное ее осыпьте тело... Унесите ее в наряде подвенечном в церковь...

Мур стрелой метнулся к мужчине, схватил его за руку и вырвал киянку. Потом изо всех сил ударил его кулаком в челюсть. Юнгер ударился об стену и сполз на пол.

- Леота! - сказал Мур. - Леота...

Перед ним в заиндевевшем саркофаге лежала белая статуя паросского мрамора. Крышка саркофага была поднята. Тело молодой женщины успело приобрести твердость камня, и на груди, пробитой колышком, не выступило крови. Только трещины и сколы, как на камне.

- Нет! - прошептал Мур.

Колышек был изготовлен из очень твердой синтетической древесины кокоболо, или из квебрахо, или из лигнум-вита. Он не сломался...

- Нет! - повторил Мур.

Ее лицо в облаке волос цвета алюминия было безмятежным. На безымянном пальце Мур увидел кольцо - его свадебный подарок.

В углу слышалось бормотанье.

- Юнгер,- еле слышно произнес Мур,- зачем... ты... это сделал?

- Вампир,- невинно ответил поэт.- ...Завлекает мужчин на свой "Летучий голландец" и вскакивает из них кровь... Она - это будущее. Богиня с виду, а душа - как безжизненная пустыня...- Он уныло забубнил:- "Счастливей та, что рано умерла... Отрите ваши слезы... Розмарином..." Она хотела оставить меня висющим в пустоте... А я не мог спрыгнуть с карусели, и у меня не было обручального кольца... Но никому не дано потерять того, что потерял я..."...И как велит обычай, унесите ее в наряде подвенечном в церковь..." Я думал, она вернется ко мне, когда устанет от тебя.

Мур ударил его киянкой по голове. Затем еще и еще. Потом перестал считать - в ту минуту его память не удерживала числа больше трех.

Потом он вышел из комнаты с киянкой в руке и побежал по коридорам мимо дверей, похожих на незрячие глаза, по ступенькам давно нехоженной лестницы...

Выбегая из парадной Обители Сна, он услышал, как кто-то зовет его по имени. Но не остановился, даже когда выбился из сил, лишь перешел на шаг. Рука онемела, в боку кололо, легкие горели. Он взобрался на холм, постоял на вершине и спустился по другому склону.

Улицы Бального Города - дорогостоящего курорта, опекаемого Кругом, - были безлюдны, но окна светились, а за ними блестели елочные игрушки и мишура. Откуда-то доносились пение и смех. Услышав их, Мур еще острее ощутил одиночество. Ему казалось, что это не он сам, а его душа, покинувшая тело, бредет по ночным улицам. "Наверное, это действует снотворное," - подумал он.

Ноги заплетались, веки словно налились свинцом. Мур с трудом преодолевал соблазн рухнуть в ближайший сутроб и уснуть. Заметив неподалеку церковь, он свернул к ней. Людей внутри не оказалось, но в церкви все же было теплей, чем на улице. Он приблизился к алтарю, на котором горело множество свечей, и, прислонясь к спинке церковной скамьи, долго рассматривал икону, изображающую сцену в хлеву: младенца, его мать и отца, ангелов и любопытный скот. Потом из его горла вырвалось клокотание, и он запустил в икону киянкой. Ругаясь и плача, он прошел шагов десять вдоль стены и сполз на пол, царапая ногтями штукатурку.

Его нашли в ногах у распятого Христа.

По пробуждении Мур обнаружил, что со времен его молодости судопроизводство значительно ускорилось. Этого требовали обстоятельства: население Земли так выросло, что судьям, рассматривая они каждое дело с прежней тщательностью, пришлось бы трудиться круглые сутки.

Обвиняемый предстал перед судом в десять вечера, через два часа после пробуждения. Слушание длилось менее четверти часа. От защиты

Мур отказался. Присяжные единогласно признали его виновным, и судья, не отрывая глаз от стопки бумаг, лежащей перед ним на столе, вынес смертный приговор.

Мур покинул зал суда и вернулся в камеру, где его ждал последний ужин. Впрочем, ел он или нет, он не запомнил. Процесс ошеломил его. Перед этим у него побывал адвокат Крута, выслушал его со скучающим видом и, упомянув какое-то "символическое наказание", посоветовал отказаться от защиты и признать за собой вину. Взяв с него расписку об отказе, адвокат ушел, и Мур до самого суда не разговаривал ни с кем, кроме своих тюремщиков. И вот теперь его осудили на смерть за расправу над убийцей его жены! Его разум отказывался осознать справедливость этого приговора. И все же, машинально пережевывая пищу, Мур не испытывал страха перед близкой гибелью. Он просто не мог в это поверить.

Через час его отвели в тесную камеру без окна, с единственным глазком из толстого стекла в металлической двери. Он уселся на скамью, и тюремщики в серой униформе вышли, заперев дверь.

Вскоре он услышал шипение и почуял незнакомый запах, а еще через несколько секунд он катался по полу, заходясь от кашля. Мур кричал, представляя Леоту, неподвижно лежащую в "бункере", а в мозгу у него звучал глумливый голос Юнгера: "В больнице святого Иа-акова я детку свою отыскал. Красивая, милая, сла-авная лежала на длинном столе..."

"Неужели он еще тогда замыслил убийство? - вяло подумал Мур. - Не случайся он хотел, чтобы я остался с ним. Боялся, что лопнет нарыв в подсознании..."

Мур понял, что никогда не узнает правды. Огонь из легких пробрался в череп и принялся пожирать мозг.

Придя в сознание, он не шевелился, измотанный до предела. Он лежал на койке под льняным покрывалом.

- ... Пусть это послужит вам уроком, - звучал голос в головных телефонах.

Мур открыл глаза. Судя по всему, он находился в клинике на одном из этажей Обителя Сна. Возле койки сидел Франц Эндрюс, адвокат, посоветовавший ему не отпираться на суде.

Мур вяло помотал головой, стряхивая наушники.

- Как самочувствие? - спросил Эндрюс.

- Великолепное. Хотите предложить партию в теннис?

Адвокат улыбнулся одними глазами.

- Я вижу, символическая кара сняла бремя с вашей души.

- О! Эти слова объяснили мне все, - произнес Мур с кривой улыбкой. - Но все-таки, я не понимаю, зачем вообще нужна была какая-то кара? Ведь этот рифмоплет убил мою жену.

- Он заплатит за это сполна, - пообещал Эндрюс.

Мур повернулся набок и взгляделся в невыразительное лицо собеседника. Коротко остриженные волосы Эндрюса были тронуты сединой, умные глаза смотрели не мигая.

- Что вы сказали? Нельзя ли повторить?

- Пожалуйста. За свое преступление Юнгер заплатит сполна.

- Так он жив?

- Жив-здоров и находится в двух этажах над вами. Но для казни он еще слабоват. Скоро он окончательно поправится, и тогда...

- Он жив! - повторил Мур. - Жив! Так за что же вы меня наказали, черт бы вас побрал?!

- Как это - за что? Вы же убили человека! - раздраженно ответил Эндрюс. - Тот факт, что врач успел его оживить, вовсе не снимает с вас вины. Убийство совершено. Именно для таких случаев и существует символическая кара. В следующий раз вы как следует подумаете, прежде чем схватите молоток.

Мур попытался подняться. Не получилось.

- Ну-ну, не торопитесь. Вам надо провести в постели еще несколько дней. Вас ведь только вчера оживили.

Мур хихикнул. Потом засмеялся. Потом захохотал. Наконец, он вскрикнул и умолк.

- Теперь вам легче?

- Легче, - прохрипел Мур. - Какая кара ждет Юнгера?

- Газовая камера. То же, что перенесли вы, если будет доказана его невинность в момент...

- Тоже символически? Или совсем?

- Разумеется, символически.

Из того, что произошло потом, Мур запомнил только крик врача, чьего присутствия он прежде не замечал, щелчок безыгольного инъектора и резкую боль в плече.

Проснувшись, он почувствовал себя окрепшим. В стену перед ним упирался узкий солнечный луч. Возле койки в прежней позе сидел Эндрюс.

Мур молчал, выжидающе глядя на адвоката.

- Мне сообщили, что вы плохо ориентируетесь в ситуации, - заговорил адвокат. - Я думал, вы знаете, что такое символическая кара. Вынужден просить у вас прощения. Видите ли, подобные случаи крайне редки, в моей практике это первый. Я полагаю, вам известны обстоятельства неумышленного убийства вашей жены мистером Юнгером...

- Неумышленного?! О, черт! Это случилось на моих глазах! Он вбил кол ей в сердце! - У Мура сорвался голос.

- Все не так просто. Видите ли, этот случай не имеет прецедента. Вопрос стоял так: либо Юнгеру будет вынесен приговор сейчас, с учетом сегодняшних обстоятельств, либо он пролежит в "бункере" до операции, после которой причиненный им вред получит окончательную оценку. Мистер Юнгер дал добровольное согласие на второй вариант, и, следовательно...

но, вопрос снят. Он будет спать до тех пор, пока хирургическая техника не усовершенствуется настолько...

- Какая еще техника? - Впервые после Рождества мозг Мура пробудился полностью. Он понял, что сейчас услышит.

Эндрюс поерзал на стуле.

- Видите ли, у мистера Юнгера... э-э... своеобразное, я бы сказал, поэтическое представление о том, где у человека сердце. Это чистая случайность, что он задел левый желудочек. Но врачи утверждают, что это поправимо. Плохо другое: будучи направлено под углом, острое колышка задело позвоночник. Два позвонка разбиты, еще несколько треснули, поврежден спинной мозг.

Мур снова впал в прострацию. Конечно, Леота не умерла. Но она и не жива. Она спит "холодным сном". Искорка жизни будет теплиться в ней до самого пробуждения. Тогда, и только тогда, она умрет. Если...

- ... осложняется ее беременностью и тем, что для разогрева тела до температуры, при которой возможна операция, необходимо время... - говорил Эндрюс.

- Когда ее будут оперировать?

- Сейчас этого нельзя сказать наверняка. Видите ли, методика еще не проверена на практике. Уже сейчас врачи способны устранить по одному все негативные факторы, но в совокупности и в предельно сжатый срок... Надо исцелить сердце, позвоночник, спасти ребенка, причем, с помощью экспериментальной техники...

- Когда? - настаивал Мур.

Эндрюс пожал плечами.

- Врачи этого пока не говорят. Может, через месяц, а может, через несколько лет. Пока ваша жена в "бункере", ей ничего не грозит...

Мур не слишком вежливо попросил адвоката уйти.

На другой день он встал с кровати, несмотря на головокружение, и сказал врачу, что не ляжет, пока не повидает Юнгера.

- Но ведь он в тюрьме, - возразил врач.

- Неправда! Адвокат сказал, что он здесь.

Через полчаса Муру разрешили посетить Юнгера. Его сопровождали Эндрюс и два санитара.

- Бойтесь, что символическое наказание не удержит меня от убийства? - ухмыльнулся Мур.

Эндрюс промолчал.

- Не бойтесь. Я слишком слаб. К тому же, у меня нет молотка.

Эндрюс постучал в дверь, и они вошли.

Юнгер в белом тюрбане из бинтов восседал на подушках. На стеганом покрывале перед ним лежала закрытая книга. Он смотрел за окно, в сад.

- Доброе утро, сукин ты сын.

Юнгер обернулся.

- Прошу.

Мур вложил в приветствие всю злобу, накопившуюся в душе, и теперь не знал, что еще сказать. Он уселся на стул возле кровати, достал трубку и, вспомнив, что не захватил табак, принялся ковырять в чашечке ногтем. Эндрюс и санитары делали вид, будто не смотрят на него.

Мур сунул в рот пустую трубку и поднял глаза.

- Мне очень жаль, - сказал Юнгер. - Ты способен в это поверить?

- Нет.

- Она - это будущее. Я вбил в ее сердце кол, но все же она не мертва. Врачи говорят, она выздоровеет. Она будет красивей, чем прежде. - Он вздрогнул и потупился.

- Если для тебя это послужит утешением, знай, - продолжал он, - что я страдаю и буду страдать всю жизнь. Нет на свете гавани для моего "Летучего голландца". Я буду плыть на нем, пока не умру среди чужих людей. - Жалко улыбаясь, он посмотрел на Мура. - Ее спасут! Она будет спать, пока врачи не подготовятся к операции. Потом вы соединитесь навеки, а я... я буду скитаться. И уже никогда не окажусь на твоём пути. Желаю счастья. И не прошу прощенья.

Мур встал.

- Сейчас нам не о чем говорить. Но когда-нибудь мы вернемся к этой теме.

Возвращаясь в свою палату, он подумал, что так ничего и не высказал Юнгеру.

- Перед Кругом стоит этический вопрос, и отвечать на него придется мне, - сказала Мэри Мод. - К сожалению, он поставлен правительственными юристами, поэтому, в отличие от многих других этических вопросов, от него нельзя уклониться.

- Он касается Мура и Юнгера? - спросил Эндрюс.

- Не только. Он касается всего Круга, хотя возник в результате этого конфликта.

Она указала на журнал, лежащий перед ней на столе. Эндрюс кивнул.

- "Вот, агнец Божий", - прочитала она заголовок редакционной статьи, рассматривая фотографию члена Круга, распростертого на полу в церкви.

- Нас обвиняют, будто мы плодим психопатов всех мастей, вплоть до некрофилов. Тут есть еще один снимок. Здесь, на третьей странице.

- Я видел.

- От нас требуют гарантий, что впредь член Круга, покидая стены Обители навсегда, не утратит свойственной ему фривольности и не впадет в глупую патетику.

- Но ведь это случилось впервые.

- Разумеется. - Она улыбнулась. - Обычно нашим бывшим питомцам хватает такта потерпеть несколько недель, прежде чем их поведение становится антиобщественным. Все они отличаются полной неприспособностью к окружающему миру. На первых порах она не так дает себя знать благодаря их богатству. Но этот случай, - она снова показала на журнал, -

позволил недоброжелателям упрекнуть нас, что мы либо выбираем не тех людей, либо недостаточно хорошо проверяем состояние их здоровья, прежде чем расстаться с ними. И то, и другое - нелепо. Первое - потому что собеседования провожу я, а второе - потому что нельзя ожидать от человека, сброшенного с небес на землю, что он сохранит свое обаяние и душевное равновесие. Это невозможно, как бы его не натаскивали.

- Но Юнгер и Мур были вполне нормальны и никогда не сводили между собой тесного знакомства. Правда, после того, как их эпоха ушла в историю, они встречались немного чаще, и оба были очень чувствительны к переменам. Но это проблема всего Круга.

Эндрюс промолчал.

- Я пытаюсь подвести тебя к мысли, что этот инцидент - обычная ссора на почве ревности. Я не могла его предвидеть, поскольку любовь женщины непредсказуема. Переменчивый век тут ни при чем. Или я не права?

Эндрюс не ответил.

- Следовательно, проблемы как таковой не существует, - продолжала Дуэнья. - Мы не выгоняем за порог наших домочадцев. Мы просто переселяем в будущее здоровых, одаренных, обладающих вкусом людей нескольких поколений. Единственная наша ошибка в том, что мы не учли извечной проблемы любовного треугольника. Между двумя мужчинами, увлеченными красивой женщиной, всегда возникает антагонизм. Ты согласен?

- Он верил, что умирает на самом деле, - сказал Эндрюс. - У меня не выходит из головы, что он не имел никакого представления о Всемирном Кодексе.

- Это пустяки, - отмахнулась Мэри Мод. - Ведь он жив.

- Видели бы вы его лицо, когда его привезли в клинику.

- Лица меня не интересуют. Слишком много я их повидала на своем веку. Давай лучше подумаем, как решить эту проблему к вышнему удовольствию правительства...

- Мир так быстро меняется, что скоро мне самому придется к нему приспособливаться. Этот бедняга...

- Некоторые вещи остаются неизменными, - возразила Мэри Мод. - Но я догадываюсь, к чему ты клонишь. Очень умно. Мы найдем группу независимых психологов. Они проведут исследования, придут к выводу, что наши люди недостаточно приспособляемы, и порекомендуют нам один день в году отвести психотерапии. Никаких Балов: каждый отдыхает сам по себе. Днем - прогулки, легкие физические упражнения, общение с простыми людьми, необременительные для психики развлечения. Вечером - скромный ужин и танцы. Они полезны - снимают напряжение. Думаю, такой вариант устроит все заинтересованные стороны, - закончила она с улыбкой.

- Наверное, вы правы.

- Разумеется, права. Наши психологи испишут тысячи страниц, ты добавишь к ним две-три сотни собственных, суммируешь данные исследований и, вместе со своей резолюцией, представишь отчет совету попечителей.

Он кивнул.

- В любое время. Это моя работа.

Когда он ушел, Мэри Мод натянула черную перчатку и положила в камин полено. Настоящие дрова с каждым годом дорожали, но она не доверяла современным отопительным устройствам.

За три дня Мур оправился настолько, что врач разрешил ему лечь в "бункер". "Боже, - подумал он, когда снотворное погасило его чувства, - какие еще муки ждут меня после пробуждения?"

Впрочем, одно Мур знал наверняка: даже если он проснется в Судный День, его банковские счета будут в полном порядке.

Пока он спал, мир шел своей дорогой...

НА ПУТИ К НЕПОЗНАННОМУ

Известно, что *homo sapiens* ненасытен от природы. Мало ему места на девяти квадратных метрах жилплощади, тесно в очередях за недорогой гуманитарной снедью, негде развернуться в просторных салонах муниципального транспорта... Постылю изо дня в день мерять торопливым шагом торные пути в общественные учреждения и обратно, а в рабочее время - проделывать несложные манипуляции, имитируя бурную деятельность. Известно также, что тело человека вовсе не против существующего положения вещей, тело - консерватор, оно противится всякому сбою биологических часов с обыденного ритма, всякому нарушению раз и навсегда установленного Обществом распорядка жизнедеятельности каждого своего винтика-члена. И протестует ноющей болью в мышцах да внезапной апатией, для лечения которой придумано множество средств, и наиболее простое - утонченный конформизм. С душой обстоит иначе. Душа человека обладает загадочным свойством время от времени выпускать в себя болезнь, именуемую романтическим термином "сплин". В подобные минуты (часы, дни, месяцы?) окружающий мир в глазах такого больного медленно, но верно меняет окраску. Все явственней становятся заметны серые тона, которых на самом деле ужас сколько в нашей повседневной жизни, более того, в цветовой гамме будней они назначены играть главенствующую роль. Но, оказывается, разглядеть их можно лишь пристальным, сосредоточенным оком - не тем, каким мы смотрим на дешевые помидоры или литровую бутылку слезе подобного "Рояля"... Одержимый сплином в краткие моменты приступов готов послать все подальше и - либо на недельку махнуть в Дагомыс, либо на худой конец смотаться за город, либо... Число этих

"либо" можно множить до бесконечности. Вывод один: человеку не сидится на месте. Хочется хотя бы попытаться что-то предпринять, сломать надоевший до колик жизненный ритм, ускорить (или замедлить) ход биологических часов. Изменить себя, а если не получится, то в крайнем случае попытаться изменить мир. Чаще подобные приступы иссякают к началу разработки неких глобальных проектов, и это - большое счастье для мира, поскольку изменить себя дано, увы, не каждому, а вот способностью изменять окружающее пространство обладают все, кому не лень - плоды налицо. "Лучше уж читать фантастику", - заметит иной ревнитель чистоты биосферы и нравов, и будет тысячу раз прав, в частности потому, что в унылой толкотне и серости будней особенно бросаются в глаза яркие обложки с импортными монстрами и полуголыми красавицами инопланетного происхождения. Есть серьезное мнение, что увлеченность (в особо опасных случаях - одержимость) масс фантастикой избавляет мир от необходимости терпеть легионы новых Лысенко, Кашпировских и иже с ними... Дай-то Бог. Очень, знаете, не хочется данное светлое мнение оспаривать.

Кстати говоря, фантастика как жанр литературы произрастает из тех же корней. Чистейший продукт человеческой рефлексии. Ибо одно дело - от неспособности изменить себя начать строить планы касательно, скажем, поворота северных рек (хотя кому они мешают? - текли бы себе и текли...), и совсем другое - от той же неспособности попробовать повернуть указанные реки вначале в собственном воображении, а затем - на бумаге, что гораздо проще и экономичней. Или отправить себя в образе героя-супермена в Центр Галактики, как сделал однажды Гордон Диксон. Или накачать галлюциногенами, как Филип Киндред Дик. Или - как Железны - погрузиться в "холодный сон", сиречь анабиоз в тиши морозильной камеры. И вдоволь пофилософствовать о бренности сущего. Заманчиво? А главное - безопасно для соседей.

Прочим же смертным, коль скоро не имеют они возможности (или времени) проделывать означенные фокусы, порекомендовать приобщаться к оным посредством внимательного чтения. Сопереживая и соприсутствуя. Блуждая по гибельным подвалам и лабиринтам, созерцая иноземные ландшафты и топча свинцовыми башмаками бронированный паркет межзвездных кораблей -

доверчиво следуя за прихотливой мыслью автора. Чтобы, перевернув последнюю страницу, с гордостью заявить: "Я тоже ТАМ побывал". Пусть это "ТАМ" - за миллион световых лет... Главное - поверить самому.

Фантастика шаг за шагом - этап за этапом - повторяет (если не сказать, копирует) каждую веку долгого пути Осознания Человеком Себя. Куда данный путь ведет - никто не знает. Фантастика - в том числе, хоть и пытается (для того она, собственно говоря, и предназначена) наметить некоторые тенденции. А поскольку всякий активно работающий мозгами фантаст есть Человеком именно в том смысле, в каком данный термин следует понимать и поскольку проблему Осознания Себя он старается решить с позиций собственных взглядов, то тенденций получится столько, сколько на белом свете по-настоящему активно мыслящих фантастов. То есть, сравнительно немного. И достаточно, чтобы, сложив тенденции подобающим образом, получить на выходе систему.

Границы фантастики неизмеримо шире тех убогих "рубежей", в которые пытались затолкать ее многие отечественные и некоторые западные горе-систематизаторы. По существу, фантастика - это совокупность мировоззрений. Имеет она определенное родство с философией, несмотря на то, что идеи свои предпочитает излагать в занимательной форме (и это, пожалуй, единственное различие). И так же, как на ристалищах философских течений, на аренах фантастики сталкивается множество направлений и ответвлений, ломаются копыя и ребра, словом - пыль стоит столбом. Главными субъектами противостояния по-прежнему остаются два извечных недруга - Материализм и Идеализм.

Кое-кто склонен утверждать, что именно Материализм дал жизнь любимому многими жанру. Точнее, Материализм-отец и мать-Литература произвели на свет это странное дитя - фанта-

стику. Якобы, веками изнывавшая под тяжестью богословских догм, мысль человеческая воспрянула и воспарила, презрев законы гравитации - и понеслась, свободная, в необозримые дали. Дескать, убедившись, что на соседних планетах не подстерегают его ни козлоподобные черти с полным боекомплектom сковород и жаровен, ни суровые, исполненные очей архангелы, сносящие голову всякому дерзнувшему приблизиться к Непознанному, - дескать, убедившись в этом, человек расхрабрился и возомнил себя единственным исследователем и покорителем Вселенной. Освобожденная мысль вырвалась в бескрайние просторы - и, возлюбивши обретенную свободу, до сих пор витает незнамо где... Данное утверждение, впрочем, не лишнее оснований, смущает узостью подхода. Ибо оно - это утверждение - правомерно лишь в пределах видимого и осязаемого пространства, иными словами - объективной реальности. Ибо склонность человека к периодическому изменению собственных координат в пространстве, характеризуемая как извечная тяга к перемене мест (смотаться ли в Дагомыс, сесть ли в звездолет и улететь к черту на рога - конечный пункт играет здесь второстепенную роль), есть лишь одна сторона медали Познания. Как мир материальный есть лишь одна сторона медали Мироздания. Подна- тужившись и набравшись храбрости, можно сказать, что устремления в пространство, отраженные в неисчислимом множестве фантастических произведений, являются лишь одним из ответвлений пути Познания, а именно - этапом юности. От записей воображаемых путешествий в Лемурию, минуя "Из пушки на Луну" Жюль Верна, до небезызвестной "Туманности Андромеды" и далее, до самых окраин Вселенной, которых, как известно, пока что не обнаружено. В те времена когда на географических картах обоих полушарий белых пятен было в достатке, бесстрашные фантасты рыскали по непролазным джунглям и каменистым плато, постреливая хищных динозавров и обращая в истинную веру собакоголовых каннибалов. Усилиями приверженцев изменения мира в натуральном, так сказать, масштабе, время белых пятен миновало - и мнения разделились. Одна часть путешественников по бумаге напридумывала внушительный парк перпетуум мобиле и гоняла себе туда-сюда сквозь эры и столетия, в то время как другая устремилась в безвоздушное пространство, где до сих пор хватает места для фантазии. Если последовать остроумному при-

меру братьев Стругацких, создавших в "Понедельнике..." мир будущего, населенный героями фантастических опусов, и воплотить в жизнь все написанное о межзвездных путешествиях, то в Галактике было бы просто не протолкнуться. В этом случае, усевшись в воображаемый корабль и вылетев за пределы земной атмосферы, мы рисковали бы тотчас оказаться обстрелянными из лазерных пушек, проглоченными заживо со всей оснасткой каким-нибудь монстрообразным Звездным Странником, засосанными в хищное облако, брошенными в нуль-пространство, оглашаемое унылым воем фиолетовых (и чрезвычайно злобных) нуль-паскудников... И не получили бы ни единого мало-мальски реального шанса вернуться целыми и невредимыми назад, в родные пенаты...

Справедливый вопрос: что могут иметь общего с Путем Познания подобные кровавые картины? Ответ: ничего. Подобные картины - это побочный эффект, так сказать, дорожная пыль, без которой, известно, не обойтись. Вообще, все эти бесконечные космические оперы, коммерчески-спекулятивные сериалы, день ото дня пополняющие новыми колоритными персонажами бесстирий Звездной Экспансии человечества, есть лишь продукт дробления фантастики, которая во многом благодаря им низведена общественным мнением до уровня бульварного чтива. Брэбери, Кларк, Азимов, Саймак и им подобные выброшены туда же под действием центробежной силы. Даже несмотря на то, что если и было что-то сказано путного в данной области литературно-познавательных экспериментов, то сказано было именно этими людьми. Первое и, пожалуй, последнее слово. Эра научной фантастики, плоть от плоти детища тогда еще юного общества технократов, давным-давно перевалила рубеж зрелости, а сегодня неуверенной старческой походкой ковыляет к закономерной смерти. Налицо вырождение жанра - факт очевидный для любого разумного человека. "Волк" Гордона Диксона - типичный тому пример. Здесь уже и за версту не пахнет техникой. Отсутствуют подробнейшие описания технических устройств и приспособлений общества будущего. В лучшем случае - упоминание вскользь, как бы дежурный реверанс в направлении мэтров science fiction, в свое золотое время упоенно обсасывавших каждую заклепку выхлопного сопла звездолета и любовно отводивших под технически-лирические отступления добрую треть рабочего

пространства своих и без того длиннейших романов (к слову говоря, порядочно грешили этим мэтры нашей отечественной фантастики - ох, уж эти писатели-инженеры!). Вспомним, что роман написан в шестидесятые годы, когда читательская аудитория Запада, во-первых, уже досыта наелась технических деликатесов фантастики под самыми разнообразными соусами, - а во-вторых, уже испытывала плоды всамделишной НТР на собственной шкуре. Диксон не мог не учесть этих важных факторов, а посему резонно сделал ставку на сюжет. И удивительное дело! - если отбросить и без того весьма условный и жиденький инопланетный антураж, глазам нашим предстанет типичный роман-фельетон - из тех, что в великом множестве наплодил достойнейший Дюма-отец. Изящный кивок в сторону маститого француза - и, пожалуй, Диксон смог бы с тем же апломбом выдать сакраментальную фразу: "Фантастика - гвоздь, на котором я повесил своего "Волка". Действительно, несмотря на ряд программных аксессуаров, символизирующих принадлежность данного опуса жанру научной фантастики, фантастика как таковая здесь оттесняется на задний план. И сидит себе смиренненько в уголку. В то время как сюжет (или фабулу, что применительно к безыскусно-хроникальному строению "Волка" одно и то же) без особых затрат энергии можно взять и затолкать в любые декорации - от эпохи Столетней Войны до эпохи Второй Мировой. Подобную вещь вполне могли написать как Эжен Сю, так и Юлиан Семенов. Расчет очевиден: конструируя "Волка" по проекту авантюрного романа, причем романа традиционного, с лихо закрученной интригой, обобщениями и разоблачениями, честолюбцем-умницей-героем, ведущим игру по одному ему известному сценарию (вспомним бессмертных Шико и Монте-Кристо), автор явно метил в десятку, полагая, что подобный проект гарантирует если не признание, то во всяком случае коммерческий успех. В сущности, прицел оказался точным, учитывая, что широкая публика охотнее берет бульварщину, нежели трактаты для высоколобых. Очевиден и финансовый успех, что же касается признания... Законы и каноны авантюрного романа весьма и весьма суровы. И первейшее требование, предъявляемое самим жанром к сочинителю - мастерство. Только мастерство и безукоризненная точность в воплощении замысла (сколь бы хитрым и заумным он ни показался автору на первый взгляд) способны

обеспечить творцу пожизненное (да и посмертное) место в славном пантеоне мировых литератур. Мастерство, которого Диксону, увы, не хватило. С первой до последней страницы на читателя сплошным потоком валится ворох банальностей, штампов, избитых приемов, давным-давно надоевших всем, всеми кому не лень использованных сюжетных коллизий. Типы героев романа имеют столь древнее происхождение, что даже назвать их традиционными язык не повернется. Насколько мне известно, публика времен Эсхила - и та уже не находила их оригинальными... Скованное, какое-то хромое изложение. В довершение к прочему - притянутая за уши развязка. Создается впечатление, что Диксон (самое обидное, весьма талантливый фантаст) добывал материалы для романа, роясь на свалке устарелого и давно вышедшего из моды литературного хлама. Конечно, о вкусах не спорят, и многим "Волк" безусловно придется по душе (хотя бы отсутствием претензий на шедевр высокого класса), однако на мой субъективный (и тоже без претензий на значительность) взгляд - писать в соавторстве у Диксона получается гораздо лучше...

Как было сказано, в течениях и направлениях фантастической литературы (и литературы вообще), словно в зеркале, отражаются извечные стремления человека. Стремление раздвинуть границы видимого мира, заглянуть за горизонт и где-нибудь там, в необозримой дали, найти покойный уголок для страждущей души... Истоптана, изъезжена земля, исполосовано выхлопами реактивных самолетов небо, просверлен остриями ракетносителей межзвездный вакуум - покоя нет как нет. Юность миновала, настает пора зрелости. Поняв ошибочность избранного некогда пути, человек отворачивается от техники. И все больше внимания уделяет себе, своему внутреннему миру. И - странно, загадочно, как-то даже страшновато... - открывает в самом себе бездонные глубины. Подобная альтернатива кажется поначалу абсурдом. Но все чаще и чаще случаи, когда, казалось бы, безнадежные поиски гармонии увенчиваются относительным успехом (или его иллюзией). И - шаг за шагом - человек робко и осторожно начинает путешествие в Себя. Информация о пройденных этапах скудна и по возможности замаскирована. Во-пер-

вых, природная застенчивость не позволяет исследователям внутренних миров говорить о подобных вещах в открытую. А во-вторых, чем большее количество шагов отмерено на этом Пути, тем сильнее исследователь осознает бесполезность слов... Тем крепче влюбляется в ее сиятельство Аллегорию и ближе сходится с его высочеством Символом.

Термин "новая волна американской фантастики" услышан нами сравнительно недавно. Сказано, что фантасты, причисляемые к кругу авторов данной "волны", "пытаются соединить в своих произведениях занимательность легкого жанра с психологичностью классических литератур". Сие весьма научное, я бы даже сказал, по-научному мудреное определение по сути своей - заведомо ложно. Потому что ни Дик, ни Желязны, ни какой-нибудь там Брайен Олдис ничего не пытаются (и никогда не пытались) в своем творчестве соединить. Потому что "новая волна" - не гибрид старых волн и течений. "Новая волна", говоря образным языком, минует привычный, до блеска отшлифованный прибоем, местами обомшелый берег и движется дальше, к новым берегам, к острым кромкам неизведанных каменистых утесов. Двигается в направлении, в котором доселе рисковали двигаться разве что святые и юродивые. И, быть может, юные поклонники ЛСД. "Новая волна" означает принципиально иной подход рефлексирующего человека к излюбленному объекту наблюдений и исследований - к самому себе. Подход с позиции фантастики. В данном случае фантастика выступает уже не в качестве самоцели, как было ранее, а в качестве некоего хитроумного прибора, посредством которого писатель проводит всевозможные абсурдные эксперименты с человеческим племенем.

Проза Филипа Дика - это крепчайший настой психоделического безумия. В его писания погружаешься, точно в бездонную черную яму. Обыденность, столь презираемая неутомимыми искателями истины, обыденность, которую Дик с размаху швыряет в лицо читателю, эта самая обыденность, а потом и весь окружающий мир, несмотря на всякие там модуляторы настроения, электронных психиатров и прочие штучки-дрючки, насквозь пропитанный той же тоскливой обыденностью, рушатся как карточ-

ные домики. Рассыпаются в прах. И странице эдак на пятидесятой читателя начинают одолевать серьезные сомнения: а действительно ли та, казалось бы, самая реальная действительность, в которой ты, читатель, трясаясь в трамвае по дороге с работы, листаешь книгу Дика? Может быть, все это - галлюцинация? может быть, реальны лишь плоды твоего воображения, а сам ты и все, тебя окружающее, включая трамвай - нонсенс, которого не существует в природе? Или где-то рядом (не исключено даже, что внутри тебя) находится некий параллельный, столь же правдоподобный мир, где существуешь ты и не существует книги Дика. Или наоборот. Или такой вариант: из всей кажущейся реальности реальна лишь одна книга, все остальное - вторично... И постепенно приходишь к мысли: а почему бы и нет? Во всяком случае, в данный момент ты - всего лишь игрушка, марионетка на ниточках, которой словно бы нехотя забавляется этот мрачный бородатый тип... Этот падший гений, ненавидевший действительность (которая принесла ему отнюдь не обыденную скорбь многих утрат и разочарований) больше самого себя и разрушавший ее подобно Шиве множество раз, раз от раза смелее и изощреннее, роман от романа... Бунтарь, в "Вере наших отцов" скатившийся до ереси... "Ты БОГ!" - заявляет молодой и перспективный партийный деятель товарищ Чьень своему Абсолютному Благодетелю, кровожадному чудищу, основываясь лишь на убеждении в безнаказанности злобного монстра. Верит ли в безнаказанность зла сам Дик - непонятно. Хотя... Не зря же персонаж, представший нашим очам в образе Вождя, слишком уж явно кое-кого напоминает... "Как только вы его встретите, вы узнаете по его лицу, что он кавказец". Гамарджуба, Иосиф Виссарионыч! Давишенько, геноцвале, не виделись! Кстати, подобные (по существу ни о чем не говорящие) аналогии и ассоциации толкают наших сегодняшних литературоведов к странным, мягко говоря, заключениям. "Через творчество Филипа Дика красной нитью проходит протест против тоталитарной системы..." Старый и накатанный путь - как рельсы для трамвая. Нынче модно навешивать на всякую оригинально мыслящую личность бирочку пламенного борца с тоталитаризмом. Однако в случае с Диком подобный диагноз (опять же мягко говоря) не слишком уместен. Дик - прежде всего борец с самим собой, со своим вторым и третьим и четвертым "я", раздиравшими (и разодравшими-таки)

этого могучего и в то же время слабого, этого парадоксального человека. Тоталитаризм у Дика - такая же фикция, как все остальное, как весь мир, как наше проклятое бытие...

А что станет с человеком, если его внезапно превратить в бога? Или, к примеру, в одного из богов? Слушайте, слушайте! Может быть, вы считаете, что он предпочтет случайно обретенному превосходству ответственность за тех, кто остался у подножия Олимпа? Употребит полученную власть во благо меньшим? будет милостив к падшим, ко блуждающим во тьме и беспощаден к себе и всем сидящим рядом с ним на озаренной солнечным светом вершине?

Ничего подобного.

В худшем случае он превратится в сатану.

В наиболее благоприятном - сбежит с небес обратно на грешную Землю, придя к выводу, что богом становиться пока рано.

Третий и самый распространенный вариант - сравнительно быстрая деградация, превращение в жалкую пародию на небожителя, праздное сидение дни напролет в бассейнах с шампанским, замыкание в своем убогом заоблачном мирке, нравственная гибель среди роскоши... "Ну что ж... Возможно, мы даже разок другой сорвем аплодисменты, прежде чем потухнем..." ("Кладбище слонов").

Если Филипа Дика можно без натяжки окрестить великим Разрушителем, то Желязны, безусловно, не менее великий Ниспровергатель. Шива и Будда. Если Дик выставляет напоказ беспомощность любого маленького человека под гнетом - системы ли, общественного ли эго, то наиболее яркой отличительной особенностью человека толпы у Желязны является ничтожество. По убеждению основоположника "новой волны", личность заслуживает именоваться личностью только в том случае, если обладает способностью к жертве, под которой может подразумеваться что угодно - собственное благополучие и долголетие, любимый человек, жизнь. Предав во власть очищающего огня то или другое, либо все вместе, в зависимости от ситуации и решимости упомянутой личности, предав во имя не-

коей смутной и на первый взгляд сомнительной идеи, личность совершенно случайно обнаруживает если не саму гармонию, то по крайней мере ясно видимый путь к ней... Пожертвовать личным бессмертием ради смертных - ради тех, кого великосветское собрание избранных давно величает скотами... Послать к дьяволу все "холодные сны" на свете. "Пока мы спим, мир идет своей дорогой". Уничтожить свое превосходство, дабы остаток жизни играть на равных со всеми... Путь бодхисаттвы.

Это не случайно. И Дик, и Желязны творили, подвергаясь мощным дуновениям восточных ветров. И буддизм, и учение дао... Ныне "разорвалась завеса храма", и в наши города и веси также несется поток, подобный урагану, хотя для многих он до сих пор - только лишь красивая экзотика. В противоположность нам, на Востоке давным-давно догадались, в какой стороне искать целебные травы для душевной лихорадки. И "новая волна" явилась на свет во многом благодаря нашествию на Запад философов-миссионеров Китая и Японии. В причудливом смешении культур родилось необычное, кого-то пугающее, кое-кого возмущающее (ну да без этого не обойтись!), однако, несомненно, подающее большие надежды дитя. Желязны и Дик лишь проторили начальные метры (или ярды) нового, вероятно, бесконечно долгого пути. Куда ведет он? К сожалению, этот вопрос - особая тема для беседы.

С. Шикин

ОБ АВТОРАХ

ДИКСОН, Гордон Р. (Gordon R. Dickson). Род. в 1923 г. в Канаде. С 13 лет живет в США. В 1946 г. окончил университет Миннесоты по специальности английская литература. Публиковаться начал в 1950 г. Первый роман "Пришелец с Артура" вышел в 1956 г. В основном Диксон известен как автор длинных и захватывающих "космических опер". Наиболее популярен его грандиозный незаконченный цикл "Чайльд" - "Дорсай", который по замыслу автора будет охватывать историю человечества с XIII по XXIII века и состоять из двенадцати романов и множества рассказов. Речь в сериале идет о развитии человечества и переходе его на новую ступень развития. Другая излюбленная тема автора - проблема взаимоотношений человека и компьютера, которой посвящен ряд рассказов.

Диксон неоднократный лауреат литературных премий по фантастике. Он получил премии Хьюго (1965 г. повесть "Солдат, не задавай вопросов", 1981 г. повесть "Потерянный Дорсай", рассказ "Капюшон и посох") и Небьюла (1966 г. рассказ "Назови его повелителем").

Диксон охотно пишет в соавторстве. У него есть произведения, написанные совместно с Г. Гаррисоном, Беном Бова, К. Лаумером, Р. Сильвербергом, но основной его соавтор - П. Андерсон. К самым известным их совместным работам относится цикл "Хока".

Дик, Филип К. (Philip K. Dick). Род. в 1923 г., ум. в 1982. Один из лидеров американской "Новой волны" в фантастике. Почти всю жизнь прожил в Калифорнии. Первый рассказ опубликовал в 1952 г., первый роман "Солнечная лотерея" - в 1955 г. Большинство его романов посвящены альтернативным вариантам настоящего и будущего и поражают читателя мрачностью и ирреальностью. Дик одним из первых стал использовать в фантастике темы наркотиков, психических заболеваний и связанных с ними эффектов. Не зря он считается мастером "разрушения реальности". На творчестве автора так же сильно сказалось его увлечение восточной философией - буддизмом и даосизмом.

Его роман "Человек в Высоком Замке" о жизни Америки 60-х в мире, где во II-й мировой войне победили Германия и Япония, в 1963 г. получил премию Хьюго.

ЖЕЛАЗНЫ Роджер (Roger Zelazny). Род. в 1937г. Является одним из создателей "новой волны" в американской фантастике. Закончил Колумбийский университет, имеет степень магистра по мифам народов мира.

Первый рассказ опубликовал в 1962г. Первая его повесть "Создатель снов" в 1966г. получает премию Небьюла.

В своем творчестве Желязны успешно применяет обширные познания в области мифологии, древней истории, философии, перерабатывает и переосмысливает легенды, мифы, летописи и сам создает целые миры со своими историей, религией, культурой. Наибольшей популярностью пользуется его сказочный сериал "Эмбер".

Три произведения Желязны награждены премией Небьюла, роман "Этот бессмертный" в 1966г. получает премию Хьюго. Стоит также упомянуть роман "Остров мертвых", в 1972г. получивший французскую литературную премию Аполло.

На сегодняшний день Желязны - автор более двадцати пяти книг и множества статей по фантастике.

Содержание

Гордон Диксон ВОЛК	5
<i>пер. С. Поцелуева</i>	
Филип Дик ЧТО СКАЗАЛИ МЕРТВЕЦЫ	106
<i>пер. Г. Корчагина</i>	
Филип Дик ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК	148
<i>пер. С. Соловьева</i>	
Филип Дик ВЕРА НАШИХ ОТЦОВ	173
<i>пер. В. Жураховского</i>	
Роджер Желязны ПРОБУЖДЕНИЕ РУМОКО	198
<i>пер. Г. Корчагина</i>	
Роджер Желязны КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ	244
<i>пер. Г. Корчагина</i>	
С. Шикин На пути к непознанному	289

ISBN 5-88308-004-9

Подписано в печать 18.06.92. Формат 60 × 88 1/16.

Бумага офсетная/книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс".

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Уч. изд. л. 19,6. Тираж 50 000 экз.

Заказ № 447.

Цена договорная.

Издательство «Оверлайт»

196158, Санкт-Петербург, Московское шоссе, 14

Государственная типография № 4 г. Санкт-Петербурга
Министерства печати и информации Российской Федера-
ции. 191126, г. Санкт-Петербург. Социалистическая ул., 14.

Оверлайт-САН — это дизайнерские услуги

**Оверлайт-САН — это изготовление полиграфической
продукции от визитки до плаката**

Оверлайт-САН — это качественно и недорого

**Оверлайт-САН — это восходящее солнце отечественной
полиграфии**

*Фирма располагает мощной полиграфической базой,
оснащенной импортным оборудованием и красителями,
обеспечивающими качество на уровне мировых
стандартов.*

Для нас не существует невозможного!

АО "Оверлайт-САН" тел.: 178-27-62
факс: 178-27-32

